

Пекка Невалайнен

ИЗГОИ

*Российские беженцы
в Финляндии 1917–1939*

Пекка Невалайнен

ИЗГОИ

*Российские беженцы
в Финляндии (1917–1939)*

*Сокращенный
авторизованный
перевод с финского
Майю Ленпя*

Журнал • Нева

Санкт-Петербург

2003

*Издание осуществлено при поддержке
Института Финляндии в Санкт-Петербурге*

Невалайнен П.

- Н40** Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Пер. с финск. Майю Леппя. — СПб.: Издательство «Журнал „Нева”», 2003. — 368 с., ил.

Автор книги — видный финский ученый, доцент университета Йоэнсуу (Финляндия). Известен прежде всего своими многочисленными работами по истории Ингерманландии и ингерманландских финнов, а также карельского народа.

Настоящее исследование является первым обобщающим трудом, в котором на обширном архивном и ином документальном материале изображена сложная, противоречивая и малоизученная история российской эмиграции в Финляндии в период между мировыми войнами. Работа Пекки Невалайнена существенным образом дополняет наши представления о «зарубежной России» прошлого столетия.

Книга адресована специалистам по отечественной и зарубежной истории, а также широкому кругу читателей.

Перевод осуществлен по изданию:

Nevalainen, Pekka. Vyskoi kuin Luoja kerjäläistä.

Venäjän pakolaiset Suomessa 1917–1939.

Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999.

Оглавление

К читателю	5
Вместо предисловия	7
Исход российских беженцев в Финляндию	13
Век скитальцев	13
Все началось с русских	15
Соплеменники бегут от военных действий.	21
Эмиграция более позднего времени	29
Вижу многих, бредущих по миру	34
Разношерстный состав российских беженцев	37
Княжеские отпрыски в товарищах по скитаниям	37
«Царь» Кирилл и кронштадтские матросы	38
Простолюдины-соплеменники.	41
Три ветви эмиграции	44
На чаше весов: возвращаться или нет	45
Ворота закрываются	56
На восток или на запад	58
В упряжке официальной иммиграционной политики	61
Сквозь огонь, воду и медные трубы	61
20-е годы — время стабилизации	79
Неспокойные 30-е годы	85
Длинные тени жесткой политики.	93
«...Бывший российский подданный, ныне ничей и безродный»	97
Оковы беженца	97
Тернистый путь к финляндскому гражданству	100
Под надзором.	105
Несбывшиеся ожидания	111
В борьбе с нищетой и бедностью	117
Тяжкие первые годы	117
Шагреновая кожа государственной поддержки	125
На попечении ведомств	131
Большой подряд при обустройстве беженцев	141

Тяжкий труд	145
Дорога на ощупь.	145
В борьбе за кусок хлеба	158
Российские беженцы на рынке труда.	165
Ученье свет, а неученье тьма	170
Для «Новой России»	170
«...Желаем воспитать работников-националов на благо Карелии и Ингерманландии»	171
Просвещение беженцев за государственный счет	175
Русские школы в сине-белой Финляндии	191
Школьное образование для беженцев	195
Не хлебом единым	198
Ко Господу воззвал я в скорби моей.	198
Под защитой церковного купола	200
Духовное призрение для беженцев-соплеменников	204
По миру или по пути, указанному церковью?.	214
За родину	218
Наследники старой России	218
Люди из сумерек	230
Организационная работа беженцев в Финляндии	246
Продвигая дела эмигрантские	246
«У беженцев, особенно у руссся, заметна оживленная жизнь их объединений».	253
Финские племенные организации и беженцы.	260
Споры и раздоры	272
Россия, Ингрия и Восточная Карелия в Финляндии	281
Вклад эмигрантской культуры	281
Севильский цирюльник и городошники	294
Иностранцы в Финляндии — опыт выживания	305
Беженцы и общественное мнение:	
хорошие, плохие и омерзительные	305
Финны, беженцы и серые будни	314
На рубеже двух миров	322
В жерновах жизненных обстоятельств	339
Приложения	349
Источники	353
Основная исследовательская литература	358
Источники иллюстраций	361
Именной указатель	363

К ЧИТАТЕЛЮ

В 1990-х гг. Общество Финской Литературы издало три общих работы по Ингерманландии, Карелии и Эстонии. Первой осенью 1991 г. увидела свет «Inkeri. Historia, kansa, kulttuuri», для которой помимо прочего я написал обзор о положении ингерманландских беженцев в Финляндии в 1920–1930-х гг. После издания книги потомки ингерманландских беженцев связывались со мной, чтобы получить дополнительную информацию.

В первой половине 1990-х гг. я принимал участие в издании, посвященном истории карельского народа. Судьбам восточно-карельских беженцев в Финляндии было уделено лишь несколько строк текста. Многочисленные вопросы вновь свидетельствовали о том, что о беженцах следовало бы написать более обстоятельно. И когда позднее одну из статей я посвятил жизни в Финляндии ингерманландских и восточно-карельских беженцев, т.е. беженцев-соплеменников, то стало очевидным, что история русских эмигрантов также нуждается в понятном и доступном изложении.

Опубликованная Обществом Финской Литературы трилогия о родственных народах является междисциплинарной серией, написанной специалистами разных областей знания. Настоящая работа по своему характеру во многом может быть сравнима с этими тремя изданиями. И хотя ее автором является историк, в ней затронуты все наиболее существенные стороны повседневной жизни беженцев.

Это была экспедиция в «другую Финляндию», в значительной мере уже подзабытую. Благодаря тысячам беженцев Финляндия в 1920-1930-х гг. стала поликультурным и многонациональным государством такого масштаба, который после затхлой атмосферы послевоенных лет вновь заявил о себе только в 1990-е гг.

Завершив эту работу, хочу со словами благодарности обратиться к многочисленным лицам, оказавшим мне свою помощь. Петрозаводские и петербургские коллеги расширили мои представления об отношении русских к массовой эмиграции из послереволюционной России,

а также помогли сориентироваться в потоке новейших исследований. В издательской среде решающее влияние на успешную реализацию всего проекта оказал директор издательства Матти Суурпяя. Он без колебаний продвигал вперед работу, которая по некоторым своим параметрам отличалась от наиболее традиционных изданий Общества Финской Литературы. Редактор издательства Пяйви Валлисаари с присущей ей умением отредактировала текст и из сумбурной рукописи сделала книгу.

Моя работа над исследованием проходила в должности научного сотрудника существовавшей в свое время гуманитарной комиссии Финской Академии, а позднее на хлеб насущный я зарабатывал в университете Йоэнсуу. В промежутках была более срочная работа, и беженцы пребывали где-то на заднем плане. И если данное предприятие на последнем этапе все же было доведено до конца, то слова благодарности следует адресовать Фонду поддержки карельской культуры.

В Йоэнсуу 1.3.1999., в день, когда 78 лет назад
начался Кронштадтский мятеж.

Пекка Невалайнен

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

По прошествии нескольких наглухо задраенных десятилетий число иностранцев в Финляндии с конца 1980-х гг. стало возрастать. За неполное десятилетие их количество утроилось. Наибольшее внимание общества было обращено на беженцев, репатриантов финского происхождения, прибывших из районов бывшего Советского Союза, а также на рост русского населения.

Финляндия не впервые сталкивается с подобной проблемой. Из-за русских революций и военных действий вблизи от наших границ Финляндия уже в первые годы независимости испытала на себе вторжение беженцев с востока.

Как писали газеты того времени, «граждане всех стран» тысячами бежали через Финляндию на свою родину от разразившейся в России бури. В этом потоке смешались все — работники дипломатических миссий со своим опломбированным багажом, похожие на тени и с трудом передвигавшиеся военнопленные, смуглые дрессировщики из цирка Чинизелли.

Помимо этого в Финляндию пришло много собственно российских беженцев: русские, обрусевшие инородцы, соплеменники — ингерманландцы и восточные карелы. Поток беженцев стал нарастать в 1918 г., и последняя крупная волна хлынула из Восточной Карелии в 1922 г. Но на этом дело не закончилось. На протяжении всех 1920-х гг. через восточную границу в страну то и дело проникали беглецы, катаклизмы Советского Союза 1930-х гг. вновь толкнули людей на запад.

В Финляндии в начале 1920-х гг. находилось более 33 тысяч беженцев. Тысячи из них вернулись на свою родину, часть русских устремилась в страны центральной и восточной Европы. В самой же Финляндии в середине 1930-х гг. на постоянной основе проживало свыше 14 000 человек, не обладавших гражданскими правами.

Вопрос о «старых» беженцах излагался ранее или слишком в общем виде, или в крайне узких хронологических рамках; при этом

характеристика ограничивалась какой-то узкой группой и постановкой проблемы. В данном случае ставится цель представить судьбы разрозненной российской эмиграции в Финляндии в широком панорамном изложении и на продолжительном отрезке времени.

По поводу того, как Финляндия и финны приняли беженцев и занимались их проблемами, существуют самые различные мнения. Можно встретить суждения о том, что Финляндия решала их проблемы прохладно, но корректно и даже безупречно, с другой стороны говорилось о выпавших на долю русских испытаниях, особенно в первые годы эмиграции. Сами беженцы сетовали в свое время на ограничения, которые распространялись на иностранцев и сковывали таким образом им жизнь.

Никакой продуманной политики по отношению к беженцам в Финляндии не существовало. Когда начался огромный наплыв населения, Финляндия делала лишь первые шаги по пути собственной независимости, и если у какой-то части официальных лиц и имелись некие намерения свести поток инородцев к минимуму, то добиться этого было просто-напросто невозможно. Для наиболее активных периодов эмиграции были характерны споры чиновников и постоянно менявшиеся инструкции. Но на том этапе, когда ситуация успокоилась и практическая сторона дела обрела устойчивость, рассмотрение проблем беженцев передали в самые разные учреждения, где они были обречены на долгое прохождение в крайне запутанной и плохо скоординированной системе управленческого механизма.

Поскольку власть предержавшие исходили из того, что в Финляндии на постоянное проживание останется некое эмигрантское меньшинство, то для решения вопросов обустройства и обучения были разработаны широкие организационные меры. В стране, где и у собственного народа имелось множество проблем, они, несомненно, носили прогрессивный характер. Судя по всему, подзабылось одно обстоятельство: когда в последнее время аналогичные меры стали применяться по отношению к репатриантам и новым беженцам, то учреждение, отвечавшее за подобную работу среди российских эмигрантов первой волны, было закрыто только в конце 1950-х гг., а последние пункты помощи — в 1970-х гг.

Ужесточение позиций по отношению к беженцам и инородцам в целом, даже с использованием принудительных мер, стало характерно для Финляндии 1990-х гг. Но какова была ситуация между мировыми войнами? Атмосфера того времени была пропитана подозрением и

откровенной ненавистью к «рюсся». С другой стороны, некоторые инстанции не жалели газетных полос и собственных голосовых связок для внедрения в общественное сознание идей племенного родства. В повседневной жизни перед беженцами возникали самые разнообразные проблемы. Иммигранты сталкивались с ненавистью, имели место случаи физического насилия, но встречалось и сочувствие, и русские, в конце концов, находили свое место в жизни. Причины, которые лежали в основе негативного отношения к беженцам и способствовали их раздуванию, во многом были теми же самыми, что в 1990-е гг.

Шла ли речь о русских эмигрантах или беженцах-соплеменниках, в обоих случаях эмиграция означала материальные потери и утрату духовных связей, разрыв с привычным окружением, с культурой, традициями и нравами, в атмосфере которых протекала прежняя жизнь. Все 1920-е гг. для беженцев были связаны с ощущением временного характера происходивших событий, долгие годы жила надежда на то, что колесница времени повернет обратно и можно будет вернуться домой. Процесс оседания людей в новой стране (во второй половине 1990-х гг. стал даже предлагаться термин «интеграция») протекал по-разному: диапазон вариантов колебался от слияния с основной массой населения до сохранения своей обособленности, а в некоторых случаях имело место даже полное отчуждение.

Те способы, с помощью которых наши соплеменники добывали хлеб свой насущный и обустроивали свою жизнь, не отличались разнообразием — это был тяжелый физический труд. Жизненный путь русских эмигрантов, напротив, складывался более разнообразно: от трагических судеб (министр на сборе лесных шишек и графиня за вязкой гигиенических подушечек) до небывалого успеха в предпринимательстве и искусстве.

И хотя беженцы-соплеменники селились по всей Финляндии, можно все же говорить о их концентрации в восточных и северных общинах страны, где формировались сколы старой России, Ингерманландии и Восточной Карелии. Для сохранения собственного идентитета, ради поддержания взаимных связей и традиций, передаваемых последующим поколениям, проводилась большая работа.

Наибольшую активность проявляли русские эмигранты, которые стремились к взаимным контактам, как из-за желания сохранить русские духовные ценности, так и в силу чуждого им культурного и языкового окружения. В Финляндии существовали оазисы русского культурного мира со своими социальными институтами в виде школ, домов

престарелых, различных организаций и клубов, хотя большинство населения даже не имело сколько-нибудь полного представления об этой стороне дела. Примечательно, что русские оказывали большое влияние на те сферы финской культурной жизни, в первую очередь — балет и музыка, где язык не являлся преградой общению.

Эта книга была издана в Финляндии на финском языке в 1999 г. И хотя после ее появления по данной проблеме были опубликованы некоторые исследования и воспоминания, она по-прежнему является единственной обобщающей работой о судьбах гетерогенной по своему составу российской эмиграции в Финляндии. Надеюсь, что данная книга прояснит и расширит наши представления о забытых и преданных почти полному забвению событиях далекого прошлого.

Издание книги на русском языке в России стало возможным благодаря неумолимым усилиям директора Института Финляндии в Санкт-Петербурге Ярмо Ниронена. Я благодарен за предоставленную моему исследованию честь пополнить список тех финских книг, которые Институт издает на русском языке. Выражаю искреннюю благодарность Майю Леппя, который выполнил перевод на русский язык с большой тщательностью. В настоящем издании отсутствуют сноски. С ними, как и с полным списком использованной литературы, можно ознакомиться в финской версии исследования.

Июнь 2002 г.
Пекка Невалайнен

ИЗГОИ

ИСХОД РОССИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ В ФИНЛЯНДИЮ

Век скитальцев

Серые толпы людей с узелками за спиной стали во втором десятилетии XX века знакомым, слишком знакомым явлением в Европе. Беженцы в условиях войн и произвола существовали и раньше, но лишь потрясения двадцатого столетия вытолкнули огромные массы населения на дорогу скитаний.

Заметные подвижки начались уже в 1912–1913 гг. в связи с войной на Балканах, тогда сотни тысяч людей вынуждены были оставить свои дома. Затем первая мировая война и ее последствия породили грандиозные перемещения населения в лице беженцев и переселенцев. В результате крушения империй и перекройки границ эту судьбу в Европе испытало по некоторым данным около 9,5 млн. человек.

В этот поток было вовлечено и население бурлившей Российской империи. Эмиграция в зарубежье началась в условиях разброда, порожденного большевистской революцией в октябре 1917 г. Сначала люди устремились в только что отделившиеся от России и ставшие независимыми государства Прибалтики, в Польшу и в Финляндию. Многие предпочитали не выезжать за границы бывшей империи, надеясь вскоре дожидаться крушения большевиков.

Огромные масштабы эмиграция приобрела несколько позднее, когда осенью 1918 г. начался красный террор против контрреволюционеров и в разных местах вспыхнули сражения гражданской войны.

В последующие два-три года тысячи людей разбежались в разные стороны от ужасов войны и всеобщего бедствия. Вплоть до весны 1919 г. основными направлениями являлись Украина и район Черноморского побережья, где силы союзных государств оказывали поддержку контрреволюционерам. Одесса стала своеобразной отдушиной, через которую поддерживалась связь с внешним миром. По воспоминаниям Ильи Эренбурга московские адвокаты, питерские писатели... босоногие бездомные бежали из города в город.

С отступлением белых армий начался исход больших масс населения, поскольку помимо военных в эмиграцию устремились поддерживавшие контрреволюцию лица и жители тех территорий, на которых разворачивались военные действия. В это же время была организована отправка воинских частей за границу, первая из которых состоялась весной 1919 г., когда из Одессы ушли французские войска. Самая крупная эвакуация пришлось на позднюю осень 1920 г.: остатки войск генерала Врангеля и гражданское население вывезли из Крыма в Турцию.

Исход из Советской России продолжался многие годы, он состоял из нескольких этапов и шел по различным направлениям. Хотя основная масса людей устремилась на запад и юг, значительное число эмигрантов двинулось также в восточном направлении. К концу 1922 г. в Китае насчитывалось уже около 200 000 россиян, из которых подавляющая часть находилась в Харбине и Шанхае.

Эмиграция, правда, в меньших масштабах, продолжалась и после того, как утихла канонада гражданской войны. Страшный голод начала 1920-х гг. привел в движение население окраинных территорий. Лица, подпадавшие под определение эмигранта, уезжали из Советского Союза легальным путем вплоть до 1926 г. Неудобных, например, интеллигенцию, выдворяли.

В начале 1920-х гг. российские беженцы, кочуя из страны в страну в поисках пристанища, находились в постоянном движении. Сначала несколько сотен тысяч человек скопилось в Германии, которая стала центром эмиграции, а Берлин — их «столицей». Ожидая крушения большевизма и возвращения на родину, люди хотели быть по возможности ближе к дому.

Но по мере того, как эти надежды постепенно угасали, многие перебирались из окраинных государств в центр Европы; в связи с ухудшением экономического положения Германии оттуда стали уходить целыми толпами. От нищеты из Турции бежали по преимуществу на Балканы. Теперь Франция становится средоточием эмиграции, а Париж ее эпицентром. В поисках своего счастья тысячи людей покидали европейский материк. Они устремились в Австралию, Соединенные Штаты и страны Латинской Америки.

Но подавляющая часть российских беженцев осела все же в центральной Европе. В начале 1930-х гг. к числу стран, принявших наибольшее количество эмигрантов, относились Франция, Германия, Китай, Польша, Югославия и Болгария.

Начиная с осени 1917 г. потрясения в России обрекли на изгнание более миллиона человек. Именно россияне образовали один из наиболее крупных эмигрантских потоков новейшего времени, волны которого достигали берегов самых отдаленных континентов.

Все началось с русских

«Харооши марооши!»

Хотя Финляндия находилась в стороне от сражений первой мировой войны и основных эмигрантских потоков, исход беженцев из Советской России своим краем коснулся и финской территории. На начальном этапе эмиграции явственно просматривались связи, существовавшие ранее между Великим княжеством и Россией. Русские находились в Финляндии и прежде, поэтому многие эмигранты имели в стране какую-либо «зацепку».

Первые русские поселенцы появились в т.н. Старой Финляндии, т.е. в юго-восточной части страны, присоединенной к России в XVIII в. Когда же Финляндия оказалась под короной российской империи, новые русские пришельцы осели на постоянное жительство, прежде всего в Выборгской губернии и в Хельсинки. Это были по преимуществу торговцы, предприниматели, ремесленники. Помимо этой, мирской, сформировалась и духовная диаспора из лиц, связанных с деятельностью православной церкви.

Из числа приехавших российских семей, ставших известными в мире коммерции и промышленности, можно назвать, к примеру, фамилии Фазер, Киселефф, Сергеефф, Синебрюхофф, Вавулин и Волкофф. Представители этих кругов уже в период автономии приняли финляндское подданство и укрепляли свои позиции внутри финского, по сути шведоязычного, высшего сословия, сохраняя при этом владение русским языком.

Помимо осевших на постоянное жительство россиян в самых разных районах Финляндии можно было встретить выходцев из России, находившихся в стране непродолжительное время. Были чиновники, из которых часть окончательно осталась в княжестве, были разъездные негодяи — «харооши марооши», получившие прозвище от голосистых торговцев мороженым, были рабочие, жандармы, тысячи военных и лица, проводившие время на водах,

Отдельную прослойку составляли русские, отдыхавшие на Карельском перешейке, который являлся своеобразной «передней» Петер-

бурга. Во второй половине XIX в. пребывание здесь в летние месяцы приобрело невиданный ранее размах. Накануне первой мировой войны на перешейке находилось до 100 000 отдыхающих, как правило, петербуржцев. К тому же в отдельных его районах в руки русских перешло немало земли и недвижимости.

Но за пределами перешейка и нескольких городов княжества финны все же редко имели дело с русскими. Военные, отдыхающие, корабейники и ставшие ненавистными в годы угнетения жандармы создали обобщенный образ «рюсся».

Осевших на постоянное жительство русских было немного, и они концентрировались в Хельсинки, Выборге и в некоторых местах Карельского перешейка. Число получивших финляндское подданство русских в начале XX в. не превышало 6000 человек. В 1910 г. в семи наиболее крупных городах Финляндии постоянно проживало около 12 000 подданных России. Особую группу составляли обосновавшиеся в разных районах страны восточно-карельские торговцы.

В сравнении с остальными окраинными территориями Российской империи в Финляндии находилось наименьшее количество русскоязычного населения. Законодательство Великого княжества ограничивало возможности российских подданных, поскольку они считались иностранцами. В период проведения политики унификации (административно-государственных систем в начале XX в. — *Пер.*), именуемой в Финляндии периодом угнетения, центральная власть стремилась покончить с «обособленностью» окраины от остальной империи. Весной 1912 г. вступил в силу закон об уравнивании в правах, который предоставил подданным России одинаковые права с гражданами Финляндии. Финские официальные лица, как известно, «поперли против рожна».

Финляндию часто называли «красным тылом революции». Причина в том, что в годы царской власти многие российские политические деятели получали в Финляндии убежище, люди и товары перемещались по ее территории в самых разных направлениях. Наиболее известными и канонизированными являются неоднократные тайные поездки по стране В. И. Ленина.

Иммиграция, начавшаяся в Финляндию из-за революций в России, была по сути дела продолжением предыдущего процесса. Но теперь ситуация, полностью изменившись, приобрела даже гротескные черты. Ранее убежище искали преследуемые царизмом революционеры, сейчас — теснимые произволом властей и большевиками лица, среди которых были замечены ключевые фигуры старого режима.

Белогады и буржуи

Влияние первой мировой войны проявилось в Финляндии помимо прочего и в начавшейся миграции русских гражданских лиц. Недостаток продовольствия привел их в район дачных застроек на Карельском перешейке, где легче было раздобыть пропитание. По этой же причине в страну приехали семьи и родственники расположенных в Финляндии русских войск. Кроме них в поисках мирной жизни несколько тысяч человек прибыло из Прибалтики и Польши.

Вызванный революционными потрясениями демографический прессинг начался в Финляндии почти незаметно. Многие русские семьи, ожидая прояснения ситуации, с окончанием летнего сезона остались осенью 1917 г. на Карельском перешейке, тогда как мужчины продолжали ездить на работу в Петроград. В конце года после большевистской революции на дачах уже появились лица, которые бежали от «красной бури». Это были первые ласточки начавшегося из России исхода; в этом смысле эмиграция стала просматриваться на Карельском перешейке очень рано.

Развернувшийся в Советской России поздним летом 1918 г. красный террор сразу же отразился на количестве устремившихся в Финляндию людей. В газетах постоянно печатались сообщения о переходах границы, о переплывавших реку Раяйоки беженцах, из которых некоторые даже тонули.

Среди прибывавших легальным путем большинство в 1918 г. составляли финны и иностранцы, проезжавшие транзитом. Многие русские, получив визы, также использовали Финляндию лишь как транзитный коридор.

Невозможно точно определить, какое количество русских в то время въехало в Финляндию, поскольку сама она переживала серьезные неурядицы. Согласно некоторым оценкам в конце 1918 г. в стране находилось в общей сложности около 3000 русских, которые бежали еще после февральской революции 1917 г.

Эмигрантский корпус формировался не только за счет лиц, перешедших границу. К числу беженцев следует отнести и российских подданных, проживавших в Финляндии еще со времен ее автономии. На рубеже 1918–1919 гг. в стране находились самые разные граждане России: стремившиеся получить вид на жительство, собственно беженцы, а также уже обосновавшиеся в Финляндии — всего около 15 000 человек.

Прибытие русских эмигрантов в 1919 г. вызвало в Финляндии шум и критику. Политика официальных властей в отношении беженцев

ужесточилась, но почти все меры остановились на полпути. Только формировавшийся административный аппарат был не в состоянии сосредоточить в своих руках все нити управления.

Несмотря на то, что ворота пытались держать запертыми, в 1919 г. русские вновь проникли в Финляндию; осенью усилился поток нелегалов. Но русские прибывали и легальным путем через Хельсинки, Турку и западную границу. Летом их количество возросло настолько, что министерство внутренних дел обратилось к министерству иностранных дел с рекомендацией ограничить проникновение в страну через западные рубежи Финляндии.

В конце 1919 г. количество русских эмигрантов в Финляндии по некоторым оценкам достигло почти 5000 человек. За год рост составил две тысячи беженцев.

К 1919–1920 гг. уже оформились те правила, по которым на протяжении некоторого времени стали рассматривать вопросы, связанные с приездом в Финляндию русского населения. Цель заключалась в том, чтобы удерживать этот поток на возможно низком уровне. Легальный въезд разрешался лишь после тщательного изучения дела.

Подход же к эмигрантам-нелегалам, начиная с 1918 г., отличался перманентным непостоянством: диапазон решений колебался от приема всех без исключения до организованного выдворения из страны. Сомнения и неуверенность характеризовали практическую работу на протяжении многих лет.

Нелегальное проникновение шло в основном через Карельский перешеек, где люди использовали железную дорогу Петроград — Валкеасаари, и на последнем отрезке пути перебирались в Финляндию через реку Раяйоки. Сухопутную границу переходили и в других местах Карельского перешейка, а также в Приграничной Карелии. К тому же сотни людей пробирались в Финляндию морем, на лодках или по льду.

Многие стремились к спасению, рассчитывая только на свои силы, но с ужесточением пограничного контроля беженцы все в большей мере вынуждены были пользоваться услугами контрабандистов и иных «знатоков границы». Существовали «дороги жизни», которые за большие деньги прямо вели из Петрограда в Финляндию.

Напряжение, тяготы, надежды и страхи, связанные с тайным бегством из страны, описаны в многочисленных воспоминаниях. Основания для страхов существовали постоянно, вплоть до последнего момента, поскольку выдворенные из Финляндии беженцы подвергались в Советской России аресту и даже казни.

«Я встретил некую даму, которая с ребенком на руках, прячась днем в кустарниках, шла восемь суток и, в конце концов, добралась до цели, но одна — девочка умерла в пути от переохлаждения. Летом прибыл мужчина с женой, переплывший ночью залив, одежда свернута в узелок на спине. Привезли людей, которые часами прятались в соломе, другие приплыли на лодках. Знакомый офицер пришел пешком из Казани, в кармане на всю дорогу — всего двадцать пять рублей».

Так описывал барон Н. Е. Врангель эти бесчисленные судьбы и пути, которые вели тысячи русских в Финляндию.

Эхо Кронштадта

Поток прибывавших в одиночку русских беженцев пытались остановить с тем же успехом, что и водопад с помощью запруды: «рюсся» прорывались в Финляндию порой неуправляемыми, огромными массами. Полыхавшая в Советской России гражданская война, которая уже в 1919 г. выплеснула в Финляндию тысячи соплеменников, вызвала пару массовых исходов также и русского населения.

Развал армии Северного правительства, оперировавшей в Мурманском и Архангельском регионах, почувствовали в Финляндии в начале 1920 г. Остатки войск под командованием генерала Скобельцына в Восточной Карелии отступали к Поросозеру и Реболам, которые были захвачены финнами. В марте 1920 г. в районе Поросозера между ними и большевистскими частями, преследовавшими отступавшие войска, произошли сражения.

В Финляндии опасались, что эти столкновения могут перерасти в открытую войну. Контакты министра иностранных дел Рудольфа Холсти с Кремлем привели к договоренности, согласно которой большевики воздерживались от вторжения в захваченные Финляндией районы, а финны интернируют части Скобельцына.

В связи с этим в марте 1920 г. в Финляндии оказалось еще около 1100 беженцев из Ребол и Поросозера. Их разместили сначала в Пиелисъярви и Суоярви, после чего они были интернированы. С этой целью в Финляндии впервые был создан «концлагерь», который стал располагаться в военных казармах Хеннола близ Лахти, где после войны 1918 г. находился лагерь для красных военнопленных.

Судьбы находившихся в Хеннола и переведенных оттуда осенью 1920 г. в Хямеенлинна беженцев впоследствии сложились по-разному. Лишь 200 человек осталось в Финляндии. Это были русские, семьи которых жили в стране, а также восточные карелы, находившиеся в

интернированных войсках. Восточных карелов перевезли в приграничные районы с расчетом отправить домой, но в тех условиях туда никто не спешил, и им разрешили остаться в Финляндии.

Осенью 1920 г. большая часть солдат Скобельцына отправилась во французский иностранный легион, некоторые завербовались в армию Сербии. Около пятисот поляков и прибалтийцев вернулись домой, несколько десятков русских по их собственному желанию возвратились в Советскую Россию.

Второй крупный наплыв русских явился следствием вспыхнувшего в конце февраля 1921 г. Кронштадтского мятежа. Нищета и хаос, вызванные военным коммунизмом, привели поздней осенью 1920 г. к всеобщей забастовке в Петрограде, которую раздавили катком арестов и расстрелов.

Кровавая расправа над забастовщиками и всеобщее недовольство привели к мятежу расположенных в Кронштадте частей, требовавших проведения свободных выборов и прекращения большевистской диктатуры. Красная армия, сконцентрировав значительные силы, приступила к подавлению мятежников, неся при этом большие потери.

Эхо кронштадтских событий вызвало разнообразные толки среди официальных лиц Финляндии. Что происходит, сочтены ли дни советского правительства? Сразу же возникли опасения, связанные с возможным исходом беженцев в Финляндию.

Так, собственно, и случилось. С подавлением мятежа в середине марта 1921 г. тысячи офицеров и матросов, спасаясь, бежали в Финляндию. Финские пограничники и полиция вместе с военными вынуждены были за два дня подготовиться к приему беженцев в районе Терийоки, а также к организации последующих мероприятий. Беженцев не собирались возвращать обратно, да это было и невозможно сделать, не прибегая к силе оружия. В министерстве иностранных дел мятежники рассматривались как «несомненные беженцы», которые нуждаются в убежище.

В Финляндию и в Терийоки за несколько дней сумели перебраться около 6000 человек. Сотни окончательно обессилевших и погибших под огнем людей остались лежать на двадцатикилометровом пути, пролежавшем по тонкому, покрытому шугой и водой льду Финского залива.

Восставшие были наиболее крупной «одномоментной» группой русских эмигрантов, которая когда либо бежала в Финляндию. К тому времени это было самое массовое вторжение беженцев.

Кронштадтцев поселяли в изолированных лагерях, которые на скорую руку сооружались в помещениях старых казарм. За неделю с лишним их сумели разместить, главным образом, в Ино близ Уусикиркко, на острове Туркинсаари в Выборгском заливе и вблизи Терийоки. Из Терийоки их вскоре перевели в Туккала, неподалеку от Миккели. К лету 1921 г. действующим остался только лагерь на Туркинсаари, где находилось около 2300 беженцев. Часть мужчин к тому времени уже вернулась на родину, некоторые были трудоустроены в Финляндии.

К концу весны 1921 г. количество русских эмигрантов в Финляндии достигло своего максимума в 15300–19000 человек. Разброс в цифрах зависел от методики подсчета: считались ли беженцами те лица, которые проживали в Финляндии еще до революций 1917 г. По данным министерства внутренних дел таковых насчитывалось 4000–5000 человек.

Впервые с проблемой беженцев в Финляндии столкнулись, таким образом, на российском направлении. И хотя этот поток пытались ограничить, следует признать, что дырявая граница и массовый исход кронштадтцев делали эти усилия неэффективными. Несмотря на предпринимаемые меры, в Финляндию прибыло такое количество русских, что они составили около половины всех беженцев.

Благодаря близости Петербурга и приемлемым путям сообщения Финляндия еще на протяжении ряда лет являлась транзитной территорией для огромного числа людей. Это были эмигранты, жившие в Советской России иностранцы и десятки тысяч военнопленных, которые двигались как на восток, так и на запад.

Соплеменники бегут от военных действий

Из лесной глуши Беломорья и с олонецких равнин в Финляндию

Особую картину представляли беженцы из приграничных территорий, из Ингерманландии и Восточной Карелии. Тысячи людей, гонимых военными действиями, несколькими волнами переходили в Финляндию. Бежавшее от войны население невозможно было остановить, да к этому, собственно говоря, и не стремились.

Опираясь на Германию, Финляндия в 1918 г. пыталась присоединить к себе Восточную Карелию и Петсамо не только путем дипломатических усилий, но и с помощью вооруженной силы. Уже в марте

1918 г. в Беломорскую Карелию вторглись два добровольческих отряда, один из которых сразу же застрял на границе, а второй — после овладения в летние месяцы районом Ухты, вынужден был в октябре отступить на территорию Финляндии. Захватническая политика Финляндии в Восточной Карелии споткнулась помимо прочего о препятствия, связанные с позицией великих держав.

Грандиозные планы дали весьма скромный результат. В конце 1918 г. финнами была захвачена лишь приграничная Ребольская волость, неподалеку от Пиелисьярви. Присоединение Ребол к Финляндии в значительной степени произошло по экономическим причинам, в связи с надеждами местного населения получить продовольственное зерно.

События в Беломорской Карелии привели к бегству в Финляндию. Отступление финских частей осенью 1918 г. сопровождалось появлением к западу от государственной границы населения, которое сотрудничало с захватчиками. Уход был вызван опасениями мести, и на то были основания, поскольку при расследовании событий в Беломорской Карелии выносились и смертные приговоры. Но количество беженцев пока было невелико. Подсчитано, что в конце 1918 г. в Финляндии насчитывалось около 70 карелов, ушедших из Беломорья.

С конца 1917 г. советская система постепенно укрепляла свои позиции в Восточной Карелии, начиная с ее южных районов. В Олонце новая власть заявила о себе принудительными изъятиями продовольствия, трудовыми мобилизациями и призывом мужского населения в Красную армию.

Голод привел в Олонце к брожению среди местных жителей, выступления которых были подавлены красноармейскими штыками. Началось бегство: первые олонечки беженцы появились в Финляндии в конце 1918 г. К марту 1919 г. в Приграничную Карелию из приграничных сел, обходя заставы, ушло свыше 200 олончан.

Участие финнов в войне за независимость Эстонии в начале 1919 г. вновь сделало актуальным вопрос о силовом присоединении к Финляндии тех территорий, на которых проживали родственные народы. После некоторых колебаний регент Финляндии К. Г. Э. Маннергейм согласился, наконец, на Олонечкий поход, рассчитывая этим самым добиться внутривосточной поддержки своим планам по захвату Петрограда. Он и его ближайшее окружение считали решение этой задачи главным условием свержения большевиков. По политическим соображениям наступление добровольческих сил следовало осуществить под прикрытием спонтанного народного восстания в Олонце.

Во второй половине апреля 1919 г. корпус, насчитывавший поначалу одну тысячу человек, и выросший впоследствии втрое, перешел границу. На первых порах операция развивалась успешно, поскольку войска достигли окрестностей Петрозаводска. Но на южном фронте пришлось начать отступление; в начале июля превосходство большевиков вынудило все отряды повернуть в обратную сторону. К сентябрю части были уже на территории Финляндии, но деревню Погранкондуши на олонецкой земле остатки экспедиционного корпуса держали под своим контролем вплоть до марта 1920 г.

Настроение самих олончан отличалось равнодушием, и народное восстание не вспыхнуло. К экспедиционному корпусу, вызывавшему к себе неоднозначное отношение из-за его руководства, примкнуло свыше тысячи местных жителей. Единственное достижение было связано с присоединением к Финляндии приграничной волости Поросозера, которое произошло одновременно с олонецким походом, но являлось результатом отдельной операции. Для захвата Поросозера правительство направило вооруженные силы в сентябре месяце.

Как нападение на Беломорскую Карелию, так и военные действия в Олонце привели к появлению беженцев, и теперь речь шла уже не о десятках людей. Олончане объявились в Приграничной Карелии во время самого похода. С отступлением финских войск в Финляндию перешло и то население, которое сотрудничало с ними или те, которые опасались преследования. Исход продолжался вплоть до 1920 г. В конце 1919 г. в Финляндии в общей сложности насчитывалось до 1600 беженцев из Восточной Карелии.

Во время первых походов в Восточную Карелию финский топор нашел на камень. Помимо всякого рода трудностей неожиданно обнаружилось, что местное население не столь расположено к присоединению своих родных мест к Великой Финляндии, как того ожидали. Столь же равнодушным, с другой стороны, было и его отношение к большевикам, которые пользовались поддержкой, главным образом, русских промышленных рабочих, проживавших в этом крае.

Все это сказалось и на характере самой эмиграции. Она не стала массовой, в путь отправлялись лишь те, кто действительно имел основание опасаться красных. Многие восточные карелы после переезда в Финляндию вообще не замечали особых перемен по сравнению со своими предыдущими «ходками», поскольку границу неоднократно переходили в обоих направлениях в зависимости от развития ситуации.

Людской поток из Ингерманландии

Наряду с Восточной Карелией Ингерманландия явилась второй приграничной территорией, волнения в которой сказались на Финляндии, в частности, в виде потока беженцев.

После февральской революции 1917 г. молодые ингерманландцы, руководители умеренно левой ориентации, задумались о введении культурного и экономического самоуправления для своей территории в виде союза финских общин Ингерманландии. В период Временного правительства существовала возможность провести эти реформы в жизнь; школьную систему, к примеру, быстро перевели на финский язык.

Но после большевистского переворота активность ингерманландцев, квалифицированная как буржуазный сепаратизм, стала подавляться. В Ингерманландии, в непосредственной близости от Петрограда, хватку новой власти ощутили очень быстро.

Это заставило ингерманландцев — в их числе и руководителей национального движения — эмигрировать в Финляндию и Эстонию. В конце 1918 г. в Финляндии их насчитывалось около 300 человек. В тот момент из прибывших в Финляндию соплеменников ингерманландцы составляли большинство.

Уход из Ингерманландии продолжался на протяжении всей весны 1919 г., но с наступлением лета народ повалил через границу, будто на свадьбу в Кану Галилейскую.

В мае, в связи с Олонецким походом, советское правительство объявило питерский регион на военном положении, что означало усиленный призыв мужчин в Красную армию и аресты наиболее видных «врагов народа». За границей, в деревнях т.н. «треугольника Кирьясало», которые находились под контролем ингерманландцев, а также в приграничных финляндских общинах в июле 1919 г. насчитывалось уже свыше 2000 ингерманландских беженцев.

Люди спасались не только от красного террора, но бежали и от ужасов войны. В мае 1919 г. по Ингерманландии продвигались многонациональные части под командованием генерала П. В. Родзянко, которые безуспешно пытались пробиться к Петрограду.

В конце июля сами ингерманландцы силами Северо-Ингерманландского полка, насчитывавшего боо человек, начали движение от финской границы в сторону Петрограда. У этого, вскоре потерпевшего поражение, военного предприятия не было никаких иных последствий, кроме как новой волны эмиграции.

В Финляндию разом прибыло около 3000 ингерманландцев, бежавших от войны и мести красных. Опустели целые деревни, некоторые пришельцы распухли от голода, некоторые пришли босиком, неся все свое имущество в узелке за плечами. Это был первый крупный (но не последний) массированный наплыв беженцев, пережитый Финляндией.

Осенью 1919 г. Ингерманландия еще дважды оказывалась ареной сражений. В начале октября северо-западная армия под командованием генерала Н. Н. Юденича начала наступление на Петроград из Нарвы. В конце месяца находившиеся вблизи финской границы части ингерманландцев предприняли несколько выступлений. Сами ингерманландцы считали, что ведут освободительную борьбу, хотя по сути дела их усилия сводились лишь к поддержке северо-западной армии.

Результат был столь же неблагоприятен, как и в предыдущих сражениях. Северо-западная армия развалилась на подступах к Петрограду и в беспорядке отступила в Эстонию. Застрявший в двадцати километрах от финской границы Северо-Ингерманландский полк за несколько дней был отброшен на территорию Финляндии.

Сражения в Ингерманландии вновь породили потоки беженцев. Помимо ингерманландских солдат вместе с отступавшей северо-западной армией в Эстонию ушли и гражданские лица. В конце 1919 г. в Эстонии насчитывалось около 3500 ингерманландцев.

Из Северной Ингерманландии, где велись военные действия, люди стали перебираться в Финляндию уже в октябре месяце, но поток продолжался и после прекращения сражений — вплоть до конца ноября. Это объяснялось тем, что большевики сожгли приграничные деревни и, создавая погранзону, приступили к переселению местных жителей вглубь территории. Считается, что в конце 1919 г. количество ингерманландских беженцев вместе с солдатами достигало в Финляндии и Кирьясало 8200 человек.

Число ингерманландцев в общей массе беженцев-соплеменников в 1920 г. практически не выросло. В конце года, когда Финляндия по условиям Тартуского мира отдала маленький треугольник Кирьясало Советской России, его жители перешли через государственную границу на запад. Помимо этого в Финляндию тайными тропами непосредственно из Ингерманландии и легальным путем из Эстонии в 1920 г. перебралось около 200 человек. Таким образом, в начале 1921 г. в Финляндии насчитывалось не более 8400 ингерманландских беженцев.

Первые массовые вторжения беженцев Финляндия испытала на себе в связи с событиями в Ингерманландии. И хотя положение в стране

было весьма плачевным, финны пытались принять и разместить в восточных районах Карельского перешейка тысячи людей, не прибегая пока к их перемещению или к строительству лагерей.

Бегство из Трудовой Коммуны

То относительное равновесие, которое существовало в начале 1920 г. в северных районах Восточной Карелии, рухнуло. Уходя, западные союзники передали свой фронт белогвардейским войскам, которые потерпели теперь полное поражение.

Красные стали заполнять вакуум и укреплять свои позиции вокруг Беломорской Карелии. Временное правительство Беломорской Карелии, являвшееся представительным органом беломорских карелов, создало летом 1920 г. свою армию, однако воспрепятствовать продвижению большевиков не удалось. Временное правительство бежало в Финляндию, а «добровольческая освободительная армия» беломорских карелов в борьбе с красными перешла к проведению партизанских по своему характеру операций.

Летом 1920 г. была провозглашена Карельская Трудовая Коммуна, что дало основание Советской России заявить о том, что принцип самоуправления для восточных карелов, которого добивались финны на мирных переговорах в Тарту, уже реализован на практике.

На деле же в северных районах Восточной Карелии советская система была не более, чем декларацией. Уже первые шаги по строительству Коммуны отразились на эмиграционных процессах. Осенью 1920 г. из Беломорской Карелии в Финляндию стали переходить бежавшие от большевиков мужчины, поскольку они принимали участие в «контрреволюционном» управлении или в военных формированиях. Помимо этого на основе договоренностей, достигнутых в Тарту, остатки армии Временного правительства Беломорской Карелии в октябре 1920 г. отошли к Куусамо.

В начале 1921 г. в Финляндии находилось уже свыше 1200 беломорских карелов, подавляющая часть которых осела в Куусамо и в Кухмониemi. Более тысячи человек из этого числа составляли мужчины, их семьи в основном остались по ту сторону границы.

В Олонце советская система, напротив, укрепляла свои позиции. Это было видно по характеру эмиграции: в течение лета 1920 г. в Приграничную Карелию перешло население, которое опасалось чисток. Поздней осенью опять-таки Тартуский мир погнал сотни людей на запад.

Особую статью составляли беженцы из Ребольской и Поросозерской волостей, оккупированных Финляндией. Начиная с осени 1920 г. их жители стали уходить в Финляндию, и этот процесс усилился весной следующего года, когда названные районы по условиям Тартуского договора были возвращены Советской России. Но массового исхода все же не было, число перешедших — около 500 человек — оказалось меньше, чем ожидалось в Финляндии. В этом факте отразилась простая истина: оккупационный период для местных жителей был далеко не безоблачным, среди них имелись «пассажиры, ехавшие во встречном направлении», в том числе и в сторону большевиков.

Весной 1921 г. число беженцев из Олонецкой губернии достигало в Финляндии почти 3500 человек. Эти данные превышают те цифры, которые обычно фигурировали в предыдущих исследованиях.

В это время в Финляндии находилось в общей сложности до 13 000 беженцев-соплеменников, из которых восточные карелы насчитывали около 4600 человек. Но эти показатели постоянно, почти ежедневно, менялись. Люди возвращались обратно в родные места, тогда как новые уходили на запад. Процесс эмиграции находился еще в состоянии глубокого брожения.

Отголоски лесной партизанской войны: самый крупный исход беженцев

Осенью 1921 г. Эдвард Гюллинг, председатель исполнительного комитета Карельской Трудовой Коммуны, с горечью признал, что карелов не удалось вовлечь в советскую систему власти. Самоуправление оказалось фикцией, поскольку властные атрибуты находились в руках русских. Восточной Карелией управляли как обычной русской губернией, и у Петрозаводска не было способа воздействовать на Беломорскую Карелию.

Это обстоятельство и порожденная военным коммунизмом нищета лежали в основе того сопротивления беломорских карелов, которое подогревалось жившими в Финляндии выходцами из Восточной Карелии, беженцами и финскими активистами. Пороховая бочка в виде народного восстания взорвалась в конце 1921 г.

Созданная из отдельных отрядов, возникших в разных районах Беломорской Карелии, Освободительная армия Карелии, которая выросла до 3000 штыков, начала свои операции в конце октября 1921 г. К «лесным партизанам» присоединились финские добровольцы и сотни беженцев, прибывших из Финляндии.

В период своих наибольших успехов освободительная армия контролировала подавляющую часть Беломорской Карелии и северные волости Олонецкой губернии. Но действовавшие разрозненно лесные партизаны вынуждены были все же отступить после того, как Москва сконцентрировала против них значительные вооруженные силы. Первые партизанские части отошли в Финляндию в начале 1922 г. из Пороозера, последние — из Беломорской Карелии в конце апреля месяца.

Хаос в Восточной Карелии сильнейшим образом сказался на Финляндии. Беженцы появились в Пиелисьярви в первые январские дни 1922 г., а вскоре они прибыли и в Кухмониemi.

С отступавшими воинскими отрядами через границу устремились настоящие людские потоки. Начиная с февраля в приграничных районах от Куусамо до Пиелисьярви скопились бесчисленные караваны беженцев со своей скотиной и лошадьми. По дорогам передвигалась еще невиданная в Финляндии огромная лавина людей. К концу февраля 1922 г. в страну из Восточной Карелии пришло свыше 11200 человек.

После этого поток пошел на убыль, и через границу перебирались лишь отдельные лица. В этой массе можно было встретить карелов, которые уходили в эмиграцию по нескольку раз. В основном это были мужчины, которые, придя в Финляндию, затем возвращались в родные места для участия в военных операциях.

Целый ряд обстоятельств толкал население из родных мест к переселению. Многие бежали от советской системы и голода, от мести большевиков. Казавшееся безысходным положение — грохот сражений и пылавшие дома — вынуждало к уходу. К тому же отряды лесных партизан стремились очистить районы военных действий от местных жителей.

Складывается впечатление, что этот поток увлекал с собой людей и против их желания. Начавшееся вскоре возвращение в Восточную Карелию свидетельствовало о том, что в основе бегства лежали самые разнообразные причины: финские органы, занимавшиеся приемом беженцев, считали некоторую часть беженцев политически неблагонадежной. К тому же полиция безопасности Финляндии (Сыскная полиция) обнаружила целую цепочку восточных карелов, которые передавали за границу и в посольство Советской России сведения о своих братьях по общей судьбе.

Исход, вызванный партизанской войной, привел к самому крупному за все времена наплыву беженцев в Финляндию. В начале весны 1922 г.

в стране насчитывалось около 33500 российских эмигрантов, из которых 15000 были русскими и 18500 — соплеменниками.

События в Ингерманландии и Восточной Карелии не принесли ожидаемого результата, поскольку обе эти территории остались под контролем советской власти. Но эти события, толкнув тысячи людей на эмиграцию, сказались на их судьбах. Из-за хаоса по ту сторону границы на Финляндию свалилась проблема с обустройством беженцев, количество которых выросло вдвое. При этом ситуация постепенно менялась и в другом плане: если на начальном этапе большинство всех эмигрантов составляли русские, то со временем около половины беженцев стало приходиться на ингерманландцев и восточных карелов.

Во время большого исхода 1918–1922 гг. имел место как постоянный людской поток, так и разовые «выбросы» населения. В 1918 г. начался приезд русских, который оставался весьма внушительным на протяжении двух последующих лет. В 1919 г. в количественном отношении стали преобладать соплеменники: олончане и, прежде всего, ингерманландцы. В 1920 г. самой заметной была восточно-карельская эмиграция, а в следующем году последовало самое крупное к тому моменту вторжение беженцев — массовое бегство участников кронштадтского мятежа. В начале 1922 г. самым масштабным и в то же время последним единовременным исходом беженцев в Финляндию стало население Восточной Карелии.

Эмиграция более позднего времени

*Продолжающийся,
но иссыхающий ручей эмиграции в 1920-х гг.*

Эмиграция не закончилась с событиями, имевшими место в начале 1922 г. Одновременно с возвращением беженцев в родные места с востока шли новые люди, правда, в меньшем числе по сравнению с предыдущим периодом.

Большинство въезжавших в Финляндию в первой половине 1920-х гг. легальным путем лиц составляли финляндские подданные. Начавшаяся в 1919 г. и проводившаяся с перерывами их массовая эвакуация завершилась к весне 1923 г. Довольно много приехало еще в следующем году, после этого поток стал ослабевать. За 1918–1924 гг. только через Карельский перешеек въехало не менее 15000 финлянд-

ских граждан. Одиночки продолжали прибывать в Финляндию вплоть до конца 1930-х гг.

Количество перебивавшихся в Финляндию нелегалов уменьшалось на протяжении всех 1920-х гг., но никогда не иссякало. Для перехода через границу в районе Терийоки русские организовали т. н. «Лавку Бунакова», которая по слухам в середине 1920-х гг. брала по 15000 марок (в нынешних ценах — 21000 марок) с человека за его переброрску через границу.

Среди новых беженцев, прибывавших в Финляндию в середине 1920-х гг., большинство составляли восточные карелы. В этом факте отразилась та чистка, которую предприняла советская власть в Восточной Карелии после вспыхнувшего там народного восстания. Оттуда бежали лица, которых обвиняли в контрреволюционной деятельности или положение которых становилось невыносимым. Нередки были случаи, когда уже находившиеся в Финляндии беженцы возвращались за своими семьями, чтобы увести их на запад.

В середине 1920-х гг. приток беженцев был невелик, ежегодно около пятидесяти человек. Сказалась стабилизация в Советском Союзе и результаты новой экономической политики.

В 1923–1928 гг. с востока в Финляндию нелегально перешло, согласно зафиксированным в чиновничьих отчетах сведениям, 650 беженцев. Большинство — 330 человек — составляли восточные карелы. В этих списках отсутствуют финские подданные, поскольку их не считали эмигрантами.

Зачастую думают, что эмиграция в Финляндию закончилась в 1922 г. Но по сути дела на протяжении всех 1920-х гг. Финляндия являлась страной, принимавшей у себя беженцев. Лишь в самом конце десятилетия этот поток полностью иссяк.

Беженцы «сталинских чисток»

В конце 1920-х гг. ситуация вновь стала развиваться в неблагоприятном направлении. Потрясения, вызванные принудительной коллективизацией и чистками населения в Советском Союзе, немедленно отозвались на восточной границе увеличением числа беженцев.

Расходившиеся волны арестов стали заметны в Советском Союзе уже осенью 1929 г. Из лагерей, расположенных в Восточной Карелии и в районе Мурманска, бежало в Финляндию свыше 30 заключенных, по большей части русских. Они появлялись и в последующие годы.

В связи с начавшейся коллективизацией и с ликвидацией кулачества Ингерманландия оказалась в центре событий. В заселенных финнами районах было решено провести полную коллективизацию, которая планировалась в тот момент на относительно ограниченной территории страны. Срочно, к концу февраля 1930 г., были составлены планы по выселению ингерманландских «кулаков». Первые группы вывозились на Кольский полуостров и в Среднюю Азию. Распоряжения по проведению коллективизации, в некоторых случаях не столь суровые, были подготовлены и для Восточной Карелии.

Не удивительно, что из Ингерманландии и из Олонецких краев народ стал бежать в Финляндию. События в Ингерманландии сказались и на том, что проживавшие там и сохранившие финляндское подданство лица в спешном порядке стали уходить на запад.

Среди них было много потомков перебравшихся в конце XIX столетия в Ингерманландию финских крестьян, которые никогда ранее не бывали в Финляндии. Зачастую приезжие не имели ни кола, ни двора, некоторые находили поддержку со стороны своих родственников. Наибольший размах этот переезд имел в 1930 г.; к началу 1934 г. количество прибывших из Ингерманландии легальным путем финляндских подданных составило около 300 человек.

Наиболее оживленным временем этого процесса стали 1931–1934 гг. Самое крупное вторжение имело место в 1933 г.: тогда в страну перешло около 270 человек, из которых примерно половину составляли ингерманландцы. Вообще из общего числа всех беженцев этих лет на их долю приходилось около 50%, на втором месте были восточные карелы. Перебирались также русские и представители десятков иных национальностей. Эта группа была весьма пестрой. В ней находились лица, бежавшие из лагерей, скрывавшиеся от чисток кавказцы и украинцы, якуты, а также поляки и прибалты.

«... Сюда бежали от плохих условий труда и жизни, чтобы избежать ссылки, той судьбы, которая выпала на долю ингерманландцев, бежали те, которые не приняли коллективное хозяйство». Именно здесь лежали те причины, которые заставили соплеменников — в том числе и восточных карелов — пуститься в дорогу. Среди ингерманландцев находились уже сосланные в Хибины лица, которые прибрели сюда через лесные урочища.

Большинство беженцев переходило во время оттепели и распутицы, когда не оставалось явных следов. Переходы совершались вплоть до поздней осени, поскольку можно было воспользоваться замерзшими

болотами. Некоторые приходили и зимой — на лыжах или бредя в глубоком снегу.

В начале 1930-х гг. восточная граница Финляндии кишела нелегальными нарушителями. Большая часть ингерманландцев переходила ее на Карельском перешейке, это же можно сказать и о русских. Десятки ингерманландцев бежали из западной Ингерманландии морем. Восточные карелы переходили границу на широком фронте от Салми до Куолаярви, некоторые плыли через Ладогу. Лица, бежавшие из лагерей, переходили границу, как правило, в Северной Финляндии, в районе Петсамо, очень редко — на более южных участках.

Подавляющая часть беженцев находилась в трудоспособном возрасте, но в периоды массового исхода прибывали целыми семьями. Переход в Финляндию был все же настолько труден, что у детей и стариков было мало шансов выдержать его испытания. Свидетельством этому является описание, оставленное ингерманландцем, который бежал летом 1931 г. через Раяйоки: «Благополучно достигли берега реки, как вдруг с обеих сторон стали слышны выстрелы и пули стали свистеть около уха. Не было времени искать подходящего брода, рванули наобум и нашли спасение на финской стороне».

В Приграничную Карелию и Северную Финляндию беженцы добивались, преодолев огромные расстояния по лесным чащобам, разбив в кровь ноги, они были изъедены комарами и падали от истощения. Известно, что некоторые из бежавших заключенных теряли ориентацию и погибали в лесу.

Ингерманландский и восточно-карельский вопрос, равно как и судьбы прибывших оттуда беженцев, были отмечены в Финляндии конца 1920-х гг. печатью достаточно глубокого равнодушия. Лишь поборники национальной идеи, казалось, находили силы для поддержания огня в тлеющем очаге. Но в начале 1930-х гг. все вернулось на круги своя, во всяком случае — на то время, пока за кордоном огромная кувалда делала свое дело.

За железным занавесом

К середине 1930-х гг. поток беженцев с восточного направления начал спадать, несмотря на то, что положение в Советском Союзе становилось все более мрачным. Количество прибывших людей в 1935 г. было заметно меньше, чем ранее, и эта тенденция продолжала сохраняться. К концу десятилетия число беженцев в ежегодном исчислении не превышало двух десятков.

Главная причина, по мнению официальных лиц погранслужбы, заключалась в том, что переход границы из-за усилившейся охраны со стороны Советского Союза стал намного сложнее. Начиная с 1935 г. приграничные районы Северной Ингерманландии были очищены от ингерманландского населения, равно как был очищен от неблагонадежных жителей пограничный пояс и в Восточной Карелии. Граница на Карельском перешейке к концу 1930-х гг. оказалась запертой для контрабандистов, но через обширные лесные дебри Северного Приладожья кое-кто еще умудрялся пробираться в Финляндию.

На сокращение числа беженцев-соплеменников повлияло и то обстоятельство, что кулаки и прочие «враги народа» к этому времени уже были выдворены с близлежащих к границе районов. Последняя большая чистка, которая обрушилась и на финское население, началась ранней осенью 1937 г.

Наряду с ликвидацией в конце 1930-х гг. «национализма нацменьшинств» ужесточилась политика Советского Союза и в отношении иностранцев. Начиная с 1937 г. официальные власти отказываются проделывать разрешения на пребывание в стране многим финским гражданам, которые проживали в Советском Союзе по своим паспортам. По сути дела это была депортация, проведенная официальным путем. Особенно крупный подобный отъезд имел место в 1938 г.; в органы по приему и обустройству беженцев обратилось почти 650 граждан Финляндии.

Следует все же отметить, что подавляющую часть лиц, нелегально перешедших границу на протяжении 1930-х гг., составляли финляндские подданные. Движение наблюдалось в обоих направлениях.

В связи с экономическим кризисом в Финляндии и по политическим причинам в Советский Союз в начале 1930-х гг. бежало 12000–15000 финнов. Огромное число неудавшихся беженцев было перехвачено на их пути к восточной границе. Часть лиц, разочаровавшихся в реалиях Советского Союза, сумела тайными тропами вернуться в Финляндию. Наиболее оживленное «бегство в обратном направлении» пришлось на начало 1930-х гг., но именно на это же время приходился пик исхода из Финляндии. В начале 1930-х гг. Советский Союз сразу же или после допросов передавал финских беженцев обратно. Начиная с 1933 г. советские и финские официальные лица вели переговоры о выдаче перебежчиков, благодаря чему небольшая группа финнов смогла вернуться на родину официальным путем.

Возвращение перебежчиков продолжалось и в тот период, когда число беженцев практически сошло на нет. Поток финских беженцев

закончился только в 1939 г. Сколько перебежчиков вернулось обратно в Финляндию, сказать сложно. Исследователь Ауво Костияйнен полагает, что количество лиц, вернувшихся как нелегально, так и законным путем, составляет не менее 2500 человек.

Серьезные потрясения в Центральной Европе вызвали в середине 1930-х гг. новую волну эмиграции. Этот процесс захватил своим краем и Финляндию. Первые беженцы из стран Прибалтики и Германии появились в начале десятилетия, но они, однако, считались путешественниками и в стране не задерживались. В середине 1930-х гг. выросло число эстонцев, этот поток заметно увеличился к концу десятилетия в связи с тем, что Австрия оказалась под властью Германии.

Финляндия сознательно осталась за пределами новой волны эмиграции. В начале 1940-х гг. в стране насчитывалось около 300 беженцев из Центральной Европы и Латвии. Кроме этого некоторое количество транзитников проезжало через Финляндию в третьи страны.

Суть всей эмигрантской проблемы Финляндии 1930-х гг. по-прежнему составляли беженцы с востока. За десятилетний период, начиная с конца 1920-х гг., в Финляндию перебралось около 1100 человек, которые бежали от Молоха советской системы. Среди них наибольшую группу составляли ингерманландцы — около 500 человек.

Официальные лица Финляндии опасались массового вторжения эмигрантов, но эти ожидания не оправдались. Возведенный железный занавес затруднял переход границы, и лишь малая часть подвергшегося преследованиям населения Ингерманландии и Восточной Карелии стремилась найти убежище на западе. Большинство перебравшихся в Финляндию соплеменников было родом из приграничных районов или имело здесь родственников.

Ситуация в некотором роде повторилась в начале 1990-х гг., с крушением Советского Союза. В это время также опасались вторжения в Финляндии людей, бегущих от голода и неустроенности. И если имел место рост легального переезда в страну, то неуправляемый поток беженцев, к которому готовились официальные лица на границе, все же не состоялся.

Вижу многих, бредущих по миру

Точных сведений о количестве русских эмигрантов, которые разбрелись по всему миру, никогда установить не удавалось. Запутан-

ность проблемы характеризует гигантская вилка в оценках этих показателей: от 1.020.000 до 2.935.000 человек. Самые высокие оценки позднее были признаны завышенными. Согласно нынешним взглядам количество беженцев немногим превышало один миллион человек.

Во всяком случае, число эмигрантов достигло своего пика в начале 1920-х гг. После этого положение стабилизировалось; показатели более не росли и начали постепенно снижаться. Смертность в эмигрантской среде превышала рождаемость, было много холостяков, и небольшая часть беженцев вернулась на родину. К тому же люди «затерялись» в связи с получением гражданства в стране проживания.

В Финляндии, как и в остальных странах, сведения о беженцах поначалу были весьма неточными. Тысячи людей уже уехали из страны, тогда как показатели в начале 1922 г. достигли своего максимума — 33500 человек. После этого количество эмигрантов стало быстро идти на убыль и в середине 1920-х гг. снизилось до 20000 человек.

Даже в тот момент, когда ситуация стабилизировалась, ни одно финляндское ведомство не обладало точной информацией о количестве эмигрантов. Статистика об иностранцах, которая стала издаваться с 1930 г., страдала в этом отношении неполнотой сведений.

С середины 1920-х гг. количество беженцев не сокращалось. Среди соплеменников было немало многодетных семей, новое поколение подрастало быстрее, чем умирали старики. Из-за границы прибывало новое пополнение.

Лишь во второй половине 1930-х гг. начался обратный процесс. Особенно заметным был уход из жизни старшего поколения русских эмигрантов. Существенен тот факт, что многие получили финляндское гражданство и выпали из официальных эмигрантских списков. Во всяком случае, еще накануне Зимней войны в стране, по сути на правах иностранцев, проживало свыше 13000 эмигрантов, не имевших гражданства. Можно предположить, что за период 1917–1939 гг. в Финляндию перебралось не менее 44 000 беженцев из России, которые временно оставались в стране, или оседали на постоянное жительство. Транзит и отсутствие ясности в том, кого из легальных эмигрантов считать беженцем, затрудняют проведение точной оценки. Но тенденцию эти данные все же указывают.

Российские беженцы в Финляндии

Год/кол-во	ингерманландцы	восточные карелы	русские	остальные	всего
1917–1922	8500	16500	16000	1000	42000
1923–1928	140	330	140	40	650
1929–1934	410	240	190	90	930
1935–1939	70	50	30	10	160
ИТОГО	около 9100	17100	16400	1200	44000

По сравнению со странами Центральной Европы и Балканскими государствами количество эмигрантов в Финляндии было невелико. И все же в малонаселенной стране пришельцы были заметны, их присутствие ощущалось: в 1922 г. эмигранты составляли около одного процента всего населения Финляндии. В то время их удельный вес вырос до показателей, которые были характерны и для других окраинных государств, тогда как в остальных странах Северной Европы беженцев из России насчитывалось совсем немного.

Когда в конце 1980-х гг. в Финляндии началось обсуждение проблем иммиграции, казалось, все забыли, что стране уже приходилось сталкиваться с ними ранее. В 1996 г. в Финляндии находилось около 14000 беженцев — 0,27% всего населения — так что ситуация была не более, чем бледной тенью в сравнении с положением, существовавшим в межвоенный период. Во всяком случае, истина заключается в том, что Финляндия в 1920-х гг. приняла значительно больше беженцев, чем в любой предыдущий или последующий период своей истории.

РАЗНОШЕРСТНЫЙ СОСТАВ РОССИЙСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Княжеские отпрыски в товарищах по скитаниям

Русскую эмиграцию зачастую представляли в виде рафинированного высшего слоя империи и состоятельных личностей. Говорилось о князьях, графинях и генералах при орденах, служивших привратниками в отелях. В начальный период эмиграции представители высшего света во всем мире безошибочно узнавали по их поведению, как будто жили они последний день, прожигая деньги на водах и в игорных домах. В начале 1920-х гг. Германия выделялась именно тем, что среди устремившихся туда эмигрантов количество «обычных» беженцев было невелико.

«Адвокаты и врачи, художники и писатели, банкиры и купцы, офицеры и казаки, политики и предприниматели, крестьяне и домовладельцы — все сословия российского населения были представлены...», так великий князь Александр Михайлович охарактеризовал российских беженцев лишь одного из районов Парижа.

Крушение империи вытолкнуло в большой мир представителей всех общественных классов. К эмиграции привели самые разные причины. В силу этого беженцы не составляли какой-то цельной группы: диапазон колебался от великих князей и министров до одесских биндюжников и питерских девиц легкого поведения.

По политическим мотивам в эмиграцию уходили дворяне, чиновники и политики. Бежали влиятельные фигуры финансового мира и промышленности, представители свободных профессий. Экономические факторы толкнули в путь предпринимателей, землевладельцев, а голод начала 1920-х гг. также и земледельцев.

Военные поначалу были представлены преимущественно офицерами со своими семьями, чиновниками военных ведомств и кадровым составом. Позднее, с окончанием гражданской войны, среди уезжавших за границу находились лица из всех слоев общества. Именно по причине крушения белых армий среди беженцев оказались предста-

вители народных низов в лице солдат и мирных жителей, которые бежали от войны.

Считается, что большинство в российской эмиграции составляли выходцы из среднего класса. В своей совокупности они были более образованны, чем в среднем население империи. Но и в данном случае разброс был достаточно велик: Россия потеряла значительную часть своей интеллигенции, однако на другом фланге находились и совершенно безграмотные люди. В основном это были солдаты белых армий и представители национальных меньшинств.

По своей национальной принадлежности эмигранты также были неоднородны, хотя большинство, конечно же, составляли русские. В числе более или менее обрусевших беженцев преобладали потомки некогда перебравшихся в Россию прибалтов, поляков и немцев. Гражданская война толкнула на путь эмиграции украинцев, представителей народов Кавказа и казаков. Национальная ненависть и погромы заставили двинуться из России и Украины также евреев.

На подмостках мира эмигранты представили как бы срез и небольшую модель российского общества. Эмигрантское сообщество было таким же бурливым, иерархическим и шумным, как и население старой России. Цементирующая сила отсутствовала, консолидирующим фактором являлось прошлое империи.

Во всем мире всех беженцев из России считали русскими, что, естественно, было далеко не так. В подобном случае «русским» мог оказаться магометанин, который не знал ни одного русского слова и отношение которого к официальным структурам империи было сродни желанию всапать, прячась где-нибудь в кустах, русскому чиновнику из берданки.

«Царь» Кирилл и кронштадтские матросы

В Финляндии были того мнения, что все русские эмигранты, за исключением кронштадтцев, являются представителями высшего света. Такие представления можно было вынести из публичной жизни самой эмиграции, а также, например, из существующих воспоминаний.

Действительно, в Финляндию приехало много эмигрантов, которые занимали в прежней России видное положение. Прибыли дворяне самых благородных кровей, интеллигенция, политики и чиновники, воротилы финансового мира и крупные предприниматели, высокопо-

ставленные офицеры. Через границу бежали прежние министры Владимир Сухомлинов и Александр Трепов.

Но на постоянное жительство в Финляндии осталось мало представителей высшего света и интеллигенции. Многие из них изначально отправлялись в центральную и западную Европу, некоторым было отказано в пребывании на территории Финляндии и им пришлось продолжить свой путь. Кое-кто из эмигрантского круга оставался в Финляндии на год-два, но затем покинул ее в 1920-х гг. Крупные центры континентальной Европы притягивали к себе более широкими горизонтами.

Можно упомянуть, что кузен Николая II великий князь Кирилл Владимирович прибыл в Финляндию еще весной 1917 г. и пробыл в стране почти три года. Со временем часть эмигрантов стала рассматривать перебравшегося во Францию великого князя в качестве нового русского царя и он сам некоторое время пытался играть эту роль. В стране обосновались и Владимир Бекман и Николай Герард, которые в начале столетия были финляндскими генерал-губернаторами и теперь проводили свои старческие дни на пенсии, предоставленные государством.

В конце 1921 г. русские сами предполагали, что половина находившихся в Финляндии эмигрантов принадлежит к интеллигенции. В этом подсчете не учтены кронштадтские беженцы, значительная часть которых уже вернулись в Советскую Россию.

Преобладание выходцев из среднего и высшего слоев общества объясняется отчасти тем, что среди эмигрантов находилось много лиц, связанных ранее с Финляндией. Это могли быть летние дачи, недвижимость или место работы, и подобная публика отнюдь не представляла наиболее глубинные слои населения. Тех же, кто бежал в Финляндию из близлежащих районов и не имел в ней каких-либо «зацепок», менее всего можно было отнести к среднему классу.

Кронштадтские беженцы резко отличались от остальных эмигрантов. Большинство кронштадтцев состояло из сельских жителей и рабочих, это были обычные люди, призванные в армию.

Сыскная полиция в начале 1930-х гг. полагала, что превращение эмигрантской колонии в «среднюю» по своему социальному составу объяснялось как отъездом из Финляндии, так и естественной убылью населения. Значительная часть находившихся тогда в стране беженцев состояла из торговцев, военных или жила на окладе, диапазон прежних занятий и профессий был, действительно, разнообразным. Среди

русских эмигрантов были также рабочие. За исключением кронштадтцев среди них имелось много таких, которые жили в Финляндии еще в период ее автономии. На Карельском перешейке к тому же обосновались лица, ранее работавшие на землях русских владельцев, служивших на летних дачах прислугой или дворниками.

Эмигранты, называвшие себя русскими, на деле были представителями самых разных национальностей. Большинство состояло из великороссов, родовые корни которых были разбросаны по всей России. Будучи северной столицей, Питер притягивал к себе жителей со всех концов государства.

Действительно, беженцы из Петрограда были представлены самыми разными национальностями. Среди них находились обрусевшие или проживавшие в тесном контакте с русскими прибалты, балтийские немцы, евреи, поляки, немцы и др. Часть из них осталась на постоянное жительство в Финляндии, но многие проехали через нее транзитом. Помимо них были и те, кто, обладая российским подданством, проживал в Финляндии во времена ее автономии и таким путем оказался в числе беженцев.

Незначительную часть беженцев составляли представители национальных меньшинств империи — казаки, украинцы и белорусы. Они появились в Финляндии с отступавшими частями белой армии, после Кронштадтского мятежа, а также в начале 1930-х гг. в связи с новой волной эмиграции. Официальным путем на протяжении всех 1920-х гг. приезжали татары, у которых здесь имелись родственники.

К «русским» эмигрантам причислялись и те, в большей или меньшей степени, обрусевшие лица, корни которых находились в Финляндии, но которые обзавелись российским подданством. Многие из них относились к образованному кругу финляндских шведов и некогда осевшему в Финляндии шведскому дворянству, отпрыски которого на протяжении поколений служили в России на административных постах и в армии. Некоторые из них владели шведским языком, но далеко зашедшее обрусение сделало их и по языку и по образу мыслей русскими.

Но полностью обрусевших финнов в общей массе прибывших из Советской России беженцев было все же немного. Там, где наблюдалась их концентрация, сформировались свои землячества, сохранившие и свой язык, и национальное своеобразие.

Как и в остальном мире, эмигранты в Финляндии были весьма многоликой группой. Интеллигенция и высшие офицеры (в 1920-х гг.

среди них находилось свыше десятка генералов) красовались, как правило, в первых рядах эмигрантского сообщества, но на его заднем плане находилась многочисленная, неслышная и зачастую незаметная масса. Из всех прибывших в Финляндию беженцев «русские» были наименее гомогенным образованием. Это отразилось и в том, в какой мере им удалось приспособиться к новым условиям: диапазон был широк — от бедности до полного житейского успеха.

Если сравнить между собой всех российских беженцев в Финляндии, то именно среди «русских» было наибольшее количество интеллигентных и получивших прекрасное образование людей. Это не могло не сказаться на той оживленной русскоязычной политической и культурной жизни, которая имела место в Финляндии.

Простолюдины — соплеменники

Беженцев, прибывших в 1920–1930-е гг. из Ингерманландии и Восточной Карелии, рассматривали как некое единое целое. В их судьбах было много общих черт. И в этническом и в языковом положении они, в отличие от русских эмигрантов, являлись более сплоченной группой. Но, тем не менее, беженцы-соплеменники не были абсолютно однородной массой. Они состояли из двух потоков, каждый из которых в свою очередь подразделялся на более мелкие группы.

Большинство беженцев из Ингерманландии были ингерманландскими финнами лютеранского происхождения — потомками крестьян, перебравшихся из Финляндии в Ингерманландию в основном в XVII в. В их составе находились также православные ижоры из западной Ингерманландии, которые, правда, полностью обрусели. Свою группу беженцев составляли жившие в Ингерманландии финляндские подданные и их потомки, оказавшиеся там относительно поздно. Надо отметить, что в сельских районах Ингерманландии различия между названными группами носили ярко выраженный характер, и их взаимное общение практически отсутствовало.

Около 90% ингерманландских беженцев были выходцами из Северной Ингерманландии, расположенной к северу от Невы. Но и среди них большинство вышло из Лемпала, Вуоле, Миккулайнен, Валкеасари, т.е. из тех мест, которые в 1919 г. стали ареной сражений в непосредственной близости от границы. Именно отсюда более всего бежали и в 1930-х гг. Однако ингерманландские активисты, ушедшие в эми-

грацию по политическим причинам, равно как и от мобилизации в Красную армию, были родом из различных районов Ингерманландии. Осевшие в Финляндии ингерманландцы вышли из относительно небольшого региона. Это отчасти объясняется тем, что из западной и центральной Ингерманландии бежали в основном в Эстонию.

Восточно-карельские беженцы уходили из более обширного района. Большинство было родом из Беломорской Карелии, меньшая часть — из Олонецких краев. Исход восточно-карельских беженцев шел также с приграничных территорий, но был совершенно не характерен для тех мест, где совместно проживали карелы и русские. Самые крупные районы исхода имели старые связи с Финляндией, разностороннюю торговлю и т.д., на их территории действовали сформированные из соплеменников отряды и административные органы, руководимые из Финляндии. В Беломорской Карелии уходили в основном из Ухты и Вокнаволока, а в Олонецкой губернии из Ребол и Ругозера, а также расположенного южнее Сямозера.

Было очевидно, что беженцы из Беломорской Карелии и Олонца вряд ли могли сформировать некую общую группу, как полагали в Финляндии. Длинные расстояния и естественные преграды сводили взаимные контакты к минимуму. Язык беломорских карелов (живших на севере) и южных карелов (олончан с их ливвиковским диалектом) также существенно различался. Среди пришельцев из глухих карельских районов Беломорской Карелии было очень мало обрусевших карелов, тогда как среди олончан таковых было значительно больше.

В отличие от русских беженцы из национальных районов были по своему социальному положению практически однородны. Это происходило из условий жизни в Ингерманландии и Восточной Карелии, откуда в своей основной массе эти беженцы были родом, здесь отсутствовала промышленность, производственные предприятия располагались восточнее. В Петрограде и Ингерманландии имелись промышленные заведения, но ингерманландцы еще не вступили под своды производственных цехов. В 1926 г. 95% ингерманландцев получали свое пропитание за счет занятий сельским хозяйством.

Беженцы-соплеменники по большей части — до 80–90% — кормились сельским хозяйством и подсобными промыслами. Среди ингерманландцев имелось какое-то количество ремесленников. Образованные ингерманландцы, которых в принципе было немного, составляли в общей массе беженцев все же заметную группу. Подобная картина наблюдалась и среди восточных карелов, т.к. в эмиграцию уходило

немало торговцев и представителей местной власти. Но восточно-карельская интеллигенция была представлена единицами. Промышленных рабочих в общей массе беженцев практически не было.

Большинство ушедших из Ингерманландии и Беломорской Карелии лиц прибыло в Финляндию во время военных действий. Имел место массовый, тотальный исход, увлекший женщин, детей и пожилых людей. Общины отправляли в Финляндию немощных стариков и доморощенных изобретателей вечных двигателей. Но за рамками этого массового исхода, среди лиц сознательно эмигрировавших на запад по политическим мотивам, имелось немало представителей своего «высшего сословия», образованных людей и торговцев.

Скромное число промышленных рабочих в общей массе беженцев отражает политический выбор населения. Немногочисленные сторонники большевиков в Ингерманландии и Восточной Карелии относились, как правило, к рабочим.

В общем, если многие русские эмигранты имели прекрасное образование, то у беженцев из числа соплеменников оно ограничивалось, как правило, элементарной школьной подготовкой. Значительная часть населения и того не имела: в начале 1930-х гг. полностью безграмотные составляли более половины всех лиц старше пятнадцатилетнего возраста.

Занятия сельским хозяйством и низкий образовательный уровень, можно сказать, застолбили жизненный путь ингерманландцев и восточных карелов в Финляндии. Их судьба оказалась связанной с тяжелым физическим трудом. Те разнообразные возможности, которые открывались перед русскими эмигрантами, у соплеменников отсутствовали. С другой стороны, они избежали того глубокого общественного краха, который выпал на долю русских эмигрантов.

ТРИ ВЕТВИ ЭМИГРАЦИИ

Российские беженцы в Финляндии состояли из столь большого числа различных групп, что у них полностью отсутствовало стремление к действиям в рамках общего фронта. Эмигранты и соплеменники практически не имели общих точек соприкосновения в сфере публичной деятельности.

Отчетливо выделявшееся из основной массы финского населения русское меньшинство оказалось раздробленным, и в 1920–1930-х гг. оно было еще не способным выступать сплоченной группой. И по своему общественному положению, и по своим политическим взглядам эмигранты дробились на всевозможные кружки, в связи с чем между ними и давно проживавшими в Финляндии русскими пролегла некая преграда. Последние держали дистанцию от зачастую небогатых политиканствующих беженцев, считая их идейные цели для себя чуждыми. Даже в 1980-е гг. пожилые люди не забывали отличать пришельцев от «исконных» русских в Финляндии.

Пропасть между русскими и остальными беженцами определялась языковыми различиями, равно как и политическими причинами. Наиболее заметными среди эмигрантов в Финляндии были монархические группы, исповедывавшие ценности старой империи, их программные цели вообще не принимали во внимание интересы национальных меньшинств России. Даже украинцы, которые в качестве славянских родственников были к русским ближе других, жаловались на это обстоятельство.

В повседневной жизни пути русских эмигрантов и беженцев-соплеменников пересекались в местах их общего проживания и совместной работы. Прежде всего, это было характерно для Выборга и Карельского перешейка в целом, а также для Приграничной Карелии. То же самое имело место у ингерманландцев и восточных карелов в районе перешейка. Но никакого «официального» сотрудничества между соплеменниками не было, оно началось только с конца 1920-х гг., когда они уже прошли долгий путь всевозможных и бесчисленных испытаний.

Совершенно невозможно каким-то определенным образом квалифицировать и определить характер российской эмиграции в целом. Многих объединяли их прежние связи с Финляндией: русских — пребывание в ней на отдыхе или работе, соплеменников — проживание в непосредственной близости от границы, что позволяло им знакомиться со страной.

Не сформировался и общий для российских беженцев, разделенных на различные группировки, идентитет. Они в этом смысле представляли эмигрантов трех разных срезов — «русских», ингерманландцев и восточных карелов. Но развитие шло в одном направлении — вживание в финские условия, к интеграции или даже полному слиянию с коренным населением страны. Но и этот процесс в зависимости от национальности беженцев, от получения ими гражданских прав и обустройства на бытовом уровне протекал разным темпом.

На чаше весов: возвращаться или нет

Обратно домой

«Пока же они ожидали, что в скором времени поменяются с Ленинскими местами, и у них развилось то, что на языке эмигрантов 1918–1923 гг. называлось „психологией нераспакованных чемоданов“. Они жили одним днем, занимали друг у друга деньги и обещали своим домовладельцам и бакалейщикам, что с их счетами все будет улажено, как только „Россия вновь станет Россией“». Так описывал великий князь Александр Михайлович настроения эмигрантов в первые годы их пребывания в Париже.

Хаос, охвативший Советскую Россию, на протяжении многих лет питал в мире уверенность в скором крушении большевиков. Но 1921 г. стал в развитии советского государства и в политике западных стран вехой, обозначившей новое направление. Послабления в экономике, возвращение в известной мере к практике дореволюционного периода в сочетании с жесткой политической линией позволили Советской России начать трудный подъем с колен.

Беженцы из России долгое время надеялись на возвращение в родные места. Как правило, оно связывалось с полным или частичным крушением советской системы. Сначала ожидали, что она рухнет в течение нескольких недель, затем — месяцев и лет.

На протяжении всей первой половины 1920-х гг. в эмигрантских кругах шли разговоры о том, когда и какая из стран нападет на Совет-

скую Россию. Ленина хоронили практически еженедельно и предрекали внутренний развал советской системы. Даже в 1926 г. некоторые были настолько уверены в войне между Великобританией и Советским Союзом и в возвращении домой, что в Хельсинки, к примеру, велась торговля оставшейся в Советском Союзе недвижимостью, и пачки рублевых ассигнаций то и дело меняли своих хозяев.

Надежды на крушение советской власти долгие годы жили и среди тех беженцев — соплеменников, которые не могли вернуться домой, пока там правили большевики. В ожидании того, как будут развиваться события, национальные организации соплеменников стали обращаться к официальным лицам Финляндии и в международные институты с единственной целью: принудить Советский Союз к выполнению обещаний о предоставлении самоуправления (в Ингерманландии и Карелии. — *Пер.*), данных при заключении Тартуского мирного договора.

Но по мере того, как обстановка на родине приходила в норму, часть российских беженцев была готова вернуться даже «под советскую власть». Среди эмигрантов имелись и такие политические группировки, которые до известной степени принимали изменения, проводившиеся большевиками.

Настроения в пользу признания советской власти и возвращения домой стали обнаруживаться уже в 1920 г. Наиболее известным их выразителем стала группа интеллигенции, публиковавшая с осени 1921 г. свои взгляды в журнале «Смена вех». Однако это направление вскоре раскололось, к тому же большинство эмигрантов относилось к самой идее резко отрицательно. Но мысль о возвращении все же продолжала жить; позднее в Париже даже существовала руководимая советским посольством организация, склонявшая — в первую очередь молодежь и интеллигенцию — к возвращению на родину. Но на практике оно в 1930-х гг. было делом редким и далеко непростым.

Ряды эмигрантов в Финляндии расколола увидевшая свет в начале 1921 г. газета «Путь», которая выступала в защиту Советской России, призывала людей вернуться и оказать ей помощь. Газета перестала выходить в начале 1922 г., но мысль о возвращении под власть большевиков продолжала жить в умах некоторых эмигрантов. На протяжении нескольких лет шли разговоры о помиловании, которое могло бы гарантировать безопасность этого шага.

Сакари Пялси рассказывал летом 1922 г. о встреченных им восточно-карельских беженцах, о том, как они, подобно перелетным птицам, с беспокойством ожидали наступления лета и скольких из них все

больше и больше тянули к себе родные места. Мужчины объясняли, что если хочешь пережить зиму, то самое время идти на сенокос. Когда речь заходила о безопасности, они замечали, что такие переходы они совершали и ранее, да и теперь не собирались лезть на рожон. И группами, и поодиночке отправлялись домой.

Свидетельство Пялси ясно говорило о причинах, которые толкали людей в обратный путь и тянули в родные места. Для сотен, и даже тысяч восточных карелов, точно так же, как год назад для ингерманландцев, мысли о доме и оставленном за границей хозяйстве значили несравненно больше, чем страх перед господствовавшей там системой. Готовы были попытать свое счастье, в первую очередь, те, кто бежал от молоха войны.

В дорогу толкали и такие причины, как тоска по дому и желание соединиться с оставшимися в Советской России родственниками. Унижения беженцев и отчасти негативный опыт общения с финнами, особенно враждебность к ним со стороны рабочих, также влияли на решение отправиться в обратный путь.

Возвращение в родные места, где правили большевики, многим далось трудно. Как свидетельствуют очевидцы, через границу шло много сомневающихся, находившихся в крайнем напряжении людей. На настроения и решения людей, переживавших острую душевную драму, пытались оказывать влияние различные национальные «племенные» организации и их лидеры.

В начале 1921 г. ингерманландцев призывали подождать пока не будет гарантий их возвращению. И когда эти советы не дали результата, их представительный орган — Комиссия по делам Северной Ингерманландии, состоявшая из беженцев, приступила все же к оказанию правовой помощи тем лицам, которые решили уйти домой. Такое двойственное положение сохранялось и на протяжении последующих лет. Комиссия и собрания беженцев с сомнением относились к самой идее возвращения, но если кто-либо, несмотря на предупреждения, все же решал вернуться, ему оказывалась поддержка.

«Это просто удивительно», сокрушались некоторые долгое время жившие в Финляндии восточные карелы, когда поздней весной 1922 г. началось возвращение домой беломорских карелов. «Беженцы! Не загоняйте себя в пасть смерти!» вторили им финские друзья соплеменников.

Все то время, пока продолжалось возвращение восточных карелов в родные места, недостатка в отговорах не было. Помилование —

ложь, получишь пулю в лоб. Особенно резко против возвращения выступала «Карельская зарубежная комиссия», которая пыталась продвигать вопрос о самоуправлении восточных карелов на международной арене. В 1923 г. Комиссия даже выступила с предложением, согласно которому Финляндия должна была запретить возвращение людей. На представительном собрании доверенных лиц из Восточной Карелии и карельских беженцев, которое состоялось через пару лет, вновь приняли решение о полном запрете на возвращение в родные места.

Обсуждение вопросов о возвращении и об отношении к большевикам будоражило и раскалывало ряды «обычных» беженцев на протяжении многих лет. Те лица, которые ненавидели большевиков как заразу и понимали, что им путь обратно заказан, нередко называли людей, запрашивавших советское подданство и право на возвращение, «красными». Это кажется вполне правдоподобным, если учесть в какой передраге на протяжении нескольких лет находились восточные карелы.

Вопрос о возвращении российских беженцев домой периодически пережевывался на страницах газет. В изданиях правых партий и Аграрного союза людей отговаривали ехать в Ингерманландию и Восточную Карелию, в страну ужасов. Финские официальные лица обвинялись в том, что беженцев не информируют об отсутствии гарантий безопасности, а пропуск людей через границу квалифицировался как безответственное решение. Наиболее жесткой в своих оценках являлась газета активистов «Суунта», называвшая репатриантов отбросами. Возвращавшиеся кронштадтцы могли быть обрутаны правой пресой «самыми негодными элементами», хорошие работники — де оставались в Финляндии. С другой стороны, удивлялись тому, почему Финляндия до сих пор не освободилась от русских.

Крайние левые, для которых свет шел с востока, в своей прессе вообще отрицали возможность какого либо наказания возвращающемуся населению. Они восхищались огромным количеством людей, направлявшихся домой; говорилось, что они поняли обман, которому подверглись со стороны буржуев. В повседневной жизни коммунисты советовали и даже (с применением кулаков) принуждали беженцев-соплеменников, которых они считали белыми, убираться за границу.

Было видно, как в ходе общественного обсуждения вопрос о возвращении беженцев зачастую использовался в различных политических интересах. Человеческие судьбы, к сожалению, на деле никого не

интересовали; обнаружилось, что и данную проблему стремились использовать только для развертывания собственной пропаганды. Возможность возвращения домой, а тысячи действительно отправились в обратный путь, будоражила беженцев-соплеменников на протяжении длительного времени. Лишь мрачные события начала 1930-х гг. в Советском Союзе поставили крест на этих надеждах. У людей, которые многие годы стояли перед выбором — возвращаться в родные края и в неизвестное будущее или предпочесть скромные, но гарантированные условия жизни в Финляндии — теперь не было иного выбора, кроме последнего варианта.

«Наблюдается возросшее желание вернуться в Россию»

Трудные переговоры о возвращении

В первые годы исхода, когда все перемешалось, люди постоянно переходили восточную границу в обоих направлениях. С Карельского перешейка русских отправляли в Советскую Россию, когда насильно, когда добровольно.

В более северных районах возвращение восточных карелов в родные места происходило как легальным путем, так и тайными тропами. В начале 1920 г. пограничные коменданты получили указание свободно пропускать беженцев через пункты перехода в Олонек и в Беломорскую Карелию. Так и случилось: в мае из Салми одновременно отправилось 240 олончан, которые на согне подвод везли товары и жизненные припасы. Одни направлялись в Финляндию, другие шли им навстречу.

Репатриация стала предметом официального обсуждения на мирных переговорах между Финляндией и Советской Россией в 1920 г. В параграфе 35 Тартуского мирного договора было записано, что подданные обоих государств имеют право свободного возвращения на свою родину. В приложении к договору, в котором ингерманландцам и восточным карелам обещали самоуправление, репатриантам гарантировали амнистию и обещали предпринять меры по их обустройству.

Запросы олонечких беженцев о их возможном возвращении стали поступать в адрес официальных лиц Восточной Карелии с декабря 1920 г., делегация беломорских карелов отправилась за границу с этими же целями весной 1921 г. Стало очевидным, что возвращение приветствовалось, но для этого следовало признать Трудовую коммуну. В то же время лицам, державшим в руках оружие, а также чиновникам царского времени гарантии не предоставлялись, и их возвращение не рекомендовалось.

Официальная линия Финляндии по вопросу о репатриации российских беженцев в начале 1921 г. отличалась ясностью: в Хельсинки считали, что мирный договор открывал перед ними гарантированный путь на родину. Министр внутренних дел Хейкки Ритавуори рассчитывал на столь масштабную репатриацию пришлого населения, которая освободила бы Финляндию от дальнейших забот по его обустройству.

Поздним летом позиция финнов была доведена до сведения международной конференции по беженцам, состоявшейся в Женеве. Стремление вернуть беженцев обосновывалось как наличием нежелательных элементов среди русских эмигрантов, так и бременем по их содержанию.

В начале 1921 г. финские официальные лица разработали и утвердили меры, реализация которых должна была обеспечить возвращение беженцев в родные места. Люди могли уходить из страны со своими вещами через пограничные переходы на основании разрешений, выдаваемых пограничной стражей, но права вернуться обратно у них уже не было. Процедуры стремились сделать максимально упрощенными, в них учитывались пожелания людей, захотевших вернуться на родину.

Когда обнаружилось, что возвращения домой ждали также многочисленные кронштадтцы, пограничная стража в мае 1921 г. получила распоряжение пропускать и их через границу. Это решение было покрыто налетом загадочности, поскольку в отношении кронштадтцев Советская Россия никаких гарантий о помиловании не давала.

Согласно плану Советская Россия не имела никакой иной обязанности, кроме той, чтобы быть только принимающей стороной. Ранее беженцы не имели каких-либо проблем при возвращении на родину, но на исходе весны 1921 г., когда уже целые толпы по несколько сот человек пытались вернуться домой, эта попытка успеха не имела. На Карельском перешейке некоторых ингерманландцев заворачивали обратно в Финляндию.

Министерство иностранных дел пыталось летом 1921 г. ускорить процесс возвращения ингерманландцев путем переговоров с советским посольством в Хельсинки. Когда они не дали результата, посольство Финляндии в Москве оставило ноту. В итоге выяснилось, что Советская Россия хотела бы регулировать этот процесс и, просеивая списки, принимать далеко не всех. С этой целью в Выборг был отправлен русский эвакуационный комитет, который должен был занимать-

ся делами как ингерманландских, так и русских репатриантов. Это решение само по себе было вполне понятно.

Комитет по делам эвакуации прибыл в Выборг, но прошло, по крайней мере, два месяца, прежде чем он приступил к работе. Возвращение ингерманландцев осенью 1921 г. затормозилось полностью, поскольку советское посольство заявило, что никто не будет принят обратно без разрешения комитета. Он составил списки ингерманландцев и русских, но репатриация не начиналась; работники эвакуационного комитета ссылались то на одни, то на другие причины. В начале 1922 г. комитет по эвакуации покинул Финляндию. За все время работы этого органа ни один беженец не был возвращен в Советскую Россию.

В начале 1922 г. этими делами стало заниматься посольство Советской России. На протяжении нескольких месяцев никаких сдвигов не наблюдалось, поскольку отношения между Финляндией и Советской Россией обострились из-за лесной партизанской войны.

Когда репатриация возобновилась, пожелавшие вернуться лица должны были ходатайствовать о получении советского гражданства и заполнить подробные анкеты. Многие ингерманландцы получили благоприятное заключение, однако, русским эмигрантам зачастую не везло. Их просто не хотели принимать обратно. Кронштадтцев по-прежнему передавали на реке Раяйоки «неофициально», без разрешения советского посольства.

Новая проблема возникла в начале 1922 г. в связи с возвращением домой восточных карелов, на которых гарантии Тартуского договора не распространялись. Вновь повторилась прошлогодняя ситуация. Когда восточные карелы потянулись в родные края, министерство внутренних дел в мае 1922 г. направило погранстраже распоряжение о их пропуске через границу, под их личную ответственность.

Тем не менее, начиная с весны 1922 г. проблема возвращения восточных карелов стала предметом обсуждения финскими и российскими официальными лицами. Но никакого взаимопонимания по вопросу об организации всего дела и об отношении к репатриантам достигнуто не было.

Проблема возвращения беженцев была не только делом Финляндии и Советской России, ее пытались решить и на международном уровне. Соответствующий план в 1922–1923 гг. был разработан Комиссаром Лиги Наций по делам беженцев Фритьюфом Хансеном.

Но все, однако, рухнуло из-за выдвинутых советской стороной условий и отрицательной позиции самих эмигрантов. Находившиеся в

Греции и Болгарии казаки заключили с Советской Россией особое соглашение об условиях репатриации, но из большинства других стран беженцы возвращались на свой страх и риск.

В начале 1920-х гг. в Советской России объявили о помиловании «злоумышленников», одно из них — данное в конце 1921 г. — можно было расценить как относившееся и к кронштадтским беженцам, которые находились в Финляндии. Но лишь в ноябре 1922 г. советское правительство приняло специальное решение об их амнистии. Согласно ему рядовые, и только они, могли без последствий вернуться на родину. Застопорившееся было возвращение домой вновь оживилось в 1923 г.

Участникам восточно-карельского восстания Советский Союз объявил помилование только в конце 1923 г. Оно продлевалось вплоть до начала 1926 г. Репатриантам гарантировался бесплатный проезд, возвращение собственности и безопасность, но эти условия не распространялись на руководителей лесной партизанской войны.

В отношении ингерманландцев советское правительство весной 1923 г. дало новые указания, согласно которым местные органы советской власти вместе с представителями комиссариата по иностранным делам и ОГПУ могли предоставлять отдельным лицам помилование, а также право на возвращение в Россию.

Репатриация всех беженцев теперь производилась на основании заявлений, подаваемых в советское посольство. Но желания вернуться в родные края у восточных карелов оказалось меньше, чем ожидалось; это проявилось хотя бы в том, что советская власть периодически продлевала сроки амнистии.

Людей беспокоил вопрос о их безопасности. Организации соплеменников, начиная с 1921 г., не переставали требовать от официальных лиц Финляндии того, чтобы были оговорены гарантии возвращавшимся людям. Летом 1923 г. министр иностранных дел Ю. Х. Веннола признал, что Финляндия не могла брать на себя такие гарантии. В ходе переговоров с русскими от них не было получено однозначного и ясного заверения. Каждый принимал решение о возвращении под свою личную ответственность.

В связи с заявлением Веннола советский посол оставил ноту протеста. Посольство Советского Союза и советская пресса не уставали повторять, что официальные лица Финляндии затрудняют репатриацию беженцев на родину. Неудовольствие советских руководителей

вызывали также организации беженцев-соплеменников и их газеты. Указывалось — и, в принципе, совершенно справедливо, что они сеют неверие в амнистию, рассказывая, например, об арестах по ту сторону границы. Эти сведения квалифицировались как явная ложь.

Тем не менее, вплоть до 1925 г. возвращение соплеменников продолжалось неким рутинным образом, без каких-либо серьезных переговоров между Финляндией и Советским Союзом. Со второй половины двадцатых годов оно стало носить эпизодический характер.

Ситуация в самой Финляндии приобретала исключительный характер в том смысле, что тысячи беженцев действительно возвращались на свою родину. В случае с соплеменниками положение оказалось сложнее, чем ожидалось: отсутствовала гарантия их безопасности, хромала организация дела. На переговорах сказывалось отсутствие взаимного доверия, которое было характерно для дипломатии Финляндии и советского государства в начале 1920-х гг.

Показательно, что тысячи восточных карелов и кронштадтцев устремились на восток еще до объявления амнистии. С другой стороны, большое число беженцев испытывало столь непреодолимый страх, что оставалось на месте, невзирая ни на какие посулы. Министерство внутренних дел постоянно выражало недовольство тем, что вопрос о возвращении беженцев нельзя было перевести в режим «свободного выезда». И хотя на практике желание избавиться от проблемы все же имело место, тем не менее, людей в неизвестность силой не выталкивали, они могли при желании остаться в Финляндии.

С трудом и мучениями в «сумеречно-багряную страну»

В первые дни февраля 1921 г. из Суомуссалми в сторону границы двинулось несколько подвод ухтинцев, направлявшихся к домашним очагам. Это были первые беженцы, которые после Тартуского мира официальным путем возвращались в Советскую Россию. В начале марта вновь, на этот раз из Салми, в родные места отправилось свыше 70 олончан.

Возвращение беломорских карелов на этой стадии было еще незначительным. Беженцы провели немало собраний, на которых дорога домой считалась крайне опасной. Олончане же с их узелками, напротив, двигались на восток активнее; в Петрозаводске полагали, что за 1921 г. по официальным каналам вернулось около тысячи человек.

Первые ингерманландцы, около 20 человек, переправились через границу в районе Рауту Раасули в середине апреля 1921 г. В мае, когда на Раяйоки Советской России передали одетых в лохмотья 30 мужчин, началось также возвращение кронштадтских беженцев.

В мае стало ясно, что репатриация ингерманландцев будет связана с преодолением серьезных трудностей. Советские официальные лица завернули из Раасули обратно в Финляндию большую группу людей, уже перешедших границу, и посоветовали им проследовать через Раяйоки. Аналогичный казус произошел и с кронштадтцами. Финляндские пограничники взволновались, когда около 570 человек вновь очутилось на финской территории около Липпола в Кивеннапа. Их также направили для перехода в Раяйоки.

Организация перехода свидетельствовала о том, сколь велика была неразбериха в Советской России. У находившихся на границе официальных лиц, из которых многие были бежавшими из Финляндии красными финнами, кажется, совершенно отсутствовали какие-то единые инструкции. Некоторых ингерманландцев пропускали не только через переход Раяйоки, но и в других местах, иных же отправляли обратно в Финляндию. Репатриантам приходилось ждать неделями в какой-нибудь приграничной деревушке, пока кто-либо на советской стороне соблаговолит рассмотреть документы. Но и этот зыбкий путь прервался в начале сентября 1921 г., когда в конечном итоге стало ясно, что только одни финские разрешения дороги домой не гарантируют.

Несмотря на сложности, все же около 2000 ингерманландцев в 1921 г. вернулось в Советскую Россию. Из них около 300 человек, уставших от ожидания, ушло тайными тропами без ведома финской погранстражи.

Хотя начало не заладилось, в 1921 г. возвращение кронштадтцев уже переросло во внушительный поток; они составляли большинство в общей массе репатриантов. К концу года на восток ушло более 3100 человек, и все — «неофициально»! Многие из рядовых матросов, очевидно, полагали, что оказались в Финляндии в силу сложившихся военных обстоятельств, и не опасались последствий.

В середине 1922 г. сотни ингерманландцев ринулись в посольство Советской России, чтобы оставить прошения о предоставлении им советского гражданства и права на отъезд домой. На этот шаг их толкнули сведения о том, что уже возвратившимся вернули их земельные наделы, или им были предоставлены участки для ведения хозяйства.

Вновь возобновившееся весной 1922 г. возвращение на родину осуществлялось через реку Раяйоки, на этот раз посемейно, а не группами. Бумажная война продолжалась месяцами, советское посольство требовало за предоставленные документы сотни марок. Летом границу вновь стали переходить нелегально: у людей не было таких денег на паспорт и разрешение на въезд, а некоторые просто устали от ожидания.

Восточных карелов, в отличие от ингерманландцев, Советская Россия — по сути дел Трудовая коммуна — открыто призывала вернуться в родные места. Поздней весной 1922 г. среди них распространили обращение, в котором обещали: «Знайте, что в Карелии вам не грозит наказание, если вернетесь в свои деревни. Ни один волос не упадет с вашей головы. Никто не накажет вас за вашу ошибку». Позднее беженцам посылались письма из советского посольства, а его представители ездили на встречи с ними.

Многие восточные карелы отправились в обратный путь сломя голову. Среди репатриантов циркулировал слух, что Финляндия не допустила бы их возвращения, если бы существовала опасность. Первая большая группа, насчитывавшая около 30 подвод, начала в середине мая 1922 г. свой шумный переход из района Каяни к Суомуссалми и оттуда за границу. Огромная масса людей — всего около 4200 беломорских и олонечских карелов — вернулись в течение 1922 г. в Восточную Карелию. В ряде случаев приводились значительно приуменьшенные данные.

Летом 1923 г., когда в Советском Союзе были разработаны новые инструкции о возвращении ингерманландцев, их путь на родину стал менее трудным. Помимо Раяйоки пункты перехода открылись в Раасули и близ Метсяпиртти в Таппари. Пропуск вновь осуществлялся группами, и в нескольких случаях через границу переходила огромная масса людей, насчитывавшая более сотни человек, которые шли со своей поклажей и скотиной.

Восточные карелы возвращались через различные пункты перехода. На севере ими были Раате в Суомуссалми, Сиикаярви в Куусамо и Кививаара в Пиелисьярви. Южнее — район Леппяниemi в Суоярви и Манссила в Салми. Небольшая группа прошла через Раяйоки. Беженцы шли непрерывным потоком на протяжении всего 1925 года, правда, маленькими группами или семьями.

Для тех восточных карелов, кто согласился на помилование, последнее стало известным разочарованием. Беженцы зачастую должны были проявлять крайнюю настойчивость в общении с официальными лицами советского посольства, занимавшимися вопросами амнистии. С другой

стороны, не все желающие смогли вернуться на родину, поскольку в Советской Карелии не желали видеть тех, кого априори считали неблагожелательным элементом для существовавшей системы.

Ворота закрываются

Летом 1925 г. стало казаться, что возвращение ингерманландцев вновь стало испытывать затруднения. Одна из групп беженцев, стремившаяся попасть домой, вынуждена была ожидать в приграничных деревнях Метсяпиртти почти три месяца, прежде чем ее пропустили через границу. Официальные советские лица никак не объясняли причину этой задержки.

Амнистия для восточных карелов закончилась в начале 1926 г. Посол Советского Союза в Хельсинки Иван Лоренц сообщил министру иностранных дел Э. Н. Сетяля, что отныне беженцы будут приравнены к иностранцам, и поэтому на них не будет распространяться помилование и право на возврат собственности.

В Москве послу Антти Хакцелю разъяснили, что прием беженцев-соплеменников прекращается, поскольку их некуда размещать. Их дома и угодья пришли в упадок, или перешли в другие руки. Прощения отдельных лиц будут по-прежнему рассматриваться.

И хотя процесс пошел на убыль, желающие все еще находились. Большинство из них составляли люди, которые не сумели в Финляндии встать на ноги.

Изменившаяся с 1926 г. ситуация выразилась также и в том, что рассмотрение прошений замедлилось. Даже в благоприятных случаях решение надо было ждать как минимум полгода, многие к тому же получали отказ. Некоторые пытались перейти границу на свой страх и риск, но Советский Союз возвращал их обратно в Финляндию.

В связи, приостановкой репатриации в министерстве иностранных дел в ноябре 1926 г. состоялось совещание, в котором наряду с официальными лицами приняли участие представители эмигрантских организаций. Выяснилось, что возобновление финляндско-советских переговоров по вопросам возвращения беженцев было невозможным. У беженцев могла зародиться неоправданная вера в способность Финляндии гарантировать их безопасность по ту сторону границы. Но такие возможности у нее отсутствовали. Однако посол

Хакцель не исключал того, что репатриация может быть продолжена. Для этого «советам» надо было предоставить список желающих вернуться, и убедить советские официальные круги принять этих людей.

Из этого, однако, ничего не получилось. В середине лета 1927 г. министерство внутренних дел предложило министерству иностранных дел обдумать вопрос о возможности переговоров с Советским Союзом по вопросу возвращения тех соплеменников, которые желали вернуться в родные места. Министерство внутренних дел обосновывало свою инициативу значительным количеством лиц, требовавших обустройства.

Эта проблема вызвала недолгое оживленное обсуждение, и в некоторых газетах говорилось о том, что цель заключалась в насильственной переброске людей на восток. Но шум был безосновательным. В министерстве иностранных дел полагали, что время для начала подобных переговоров было неблагоприятным.

В конце 1920-х гг. к вопросу о репатриантах на уровне двусторонних отношений более не возвращались. Вскоре, однако, ситуация кардинальным образом переменилась, поскольку в Финляндию вновь устремился новый поток беженцев.

Во второй половине 1920-х гг. соплеменники уходили на восток лишь в отдельных случаях. Последние ингерманландцы отправились в родные места осенью 1928 г., а восточные карелы в начале следующего года. Начиная с 1927 г. восточные карелы могли переходить границу только в районе Раяйоки.

«Племенные» организации и их лидеры заявляли о прекращении процесса, поскольку люди боялись уходить на родину, где господствовал произвол и беззаконие. В этом была своя правда, но того не хотели или не могли признать, что возвращение людей в родные места закончилось не из-за отсутствия желающих, а от отрицательной позиции, занятой Советским Союзом.

Что ждало людей в «стране багряных сумерек», куда они, преодолевая большие трудности, время от времени стремились? Испытания, выпавшие на долю репатриантов, особенно в первые годы, были крайне суровыми. Практически все ушедшие летом 1921 г. с разрешения погранстражи Финляндии ингерманландские мужчины были послезергнуты допросам, а некоторых, участвовавших в военных действиях, приговорили к тюремному заключению за бандитизм. В Восточной

Карелии аналогичные случаи по отношению к самовольно вернувшимся лицам имели место в 1922 г.; тех, кого на допросах признали «активными контрреволюционерами», казнили в Петрозаводске. Некоторые из возвратившихся кронштадтцев пропали в лагерях, но в Финляндию проникали сведения о том, что многие избежали какого-либо наказания.

На основании более поздней амнистии подавляющую часть репатриантов оставили в покое, хотя допросы не исключались. Ситуация упрощалась тем, что опасавшиеся последствий лица не смели более и думать об обратной дороге домой. Начиная с 1923 г. возвращение в родные места стало не столь опасным делом, о чем постоянно твердили друзья племенного единства, хотя и здесь имелись свои подводные камни.

Возвращение не было напрасным, поскольку людям в основном вернули их домашние наделы или предоставили землю для обработки. Многих ожидал изнурительный труд, т.к. в ходе сражений сгорели целые деревни, а земельные участки успели придти в негодность.

Репатрианты находились под негласным наблюдением, особенно в приграничных деревнях. Трения возникали не только с красными эмигрантами из Финляндии, но и со своим, местным населением. И как твердили племенные организации, счет за пребывание в Финляндии пришел позднее. Когда началась коллективизация и чистки, удар как в Ингерманландии, так и в Восточной Карелии был нанесен прежде всего по вернувшимся беженцам. Их обвиняли в поддержании связей с Финляндией, шпионаже, принадлежности к повстанческим организациям и в сопротивлении коллективизации. Среди лиц, бежавших в Финляндию в начале 1930-х гг., наверняка были люди, которые ранее уже побывали в ней в качестве беженцев и затем вернулись на родину.

На восток или на запад

Невозможно точно установить число российских беженцев, которые выехали из Финляндии на запад, или вернулись домой. В первые годы ни у кого не было ясного представления о количестве русских, продолжавших свой путь в третьи страны, равно как и о соплеменниках, неоднократно пересекавших восточную границу в обоих направлениях.

Выехавшие из Финляндии
русские беженцы (1921–1929 гг.)

год/количество	ингерманландцы	восточные карелы	русские	всего
1921	2000	1000	5000	ок. 8000
1922–1923	2400	4900	5000	ок. 12300
1924–1925	1100	2000	900	ок. 4000
1926–1927	60	300	400	ок. 760
1928–1929	20	10	10	ок. 40
ИТОГО	ок. 5600	ок. 8200	ок. 11300	ок. 25000

На основании данных о количестве выехавших с 1921 г. из Финляндии лиц можно составить характеристики основных направлений реэмиграции. Организации беженцев, а также структуры, занимавшиеся их обустройством, представляли сведения, в которых учитывались также люди, уходившие из страны нелегальным путем. Некоторые данные имеются в официальных отчетах.

Начиная с 1921 г. из Финляндии выехало не менее 25000 российских беженцев. Соплеменники, за редким исключением, направлялись обратно в родные места. Относительные показатели свидетельствуют, что ингерманландцы возвращались домой активнее, нежели восточные карелы, хотя языковые и национальные факторы давали основание предполагать обратное.

Из возвратившихся на родину русских наиболее цельную группу составили кронштадтцы. К началу 1924 г. таковых насчитывалось около 5100 человек. Лишь малая часть кронштадтцев осталась в конечном итоге в Финляндии.

Возвращение на восток собственно эмигрантов было явлением весьма редким, их насчитывалось всего несколько сот человек. Большинство лиц, по негласным данным, возвращалось из-за собственной неустроенности в Финляндии, или в силу своих левых взглядов.

Большая часть эмигрантов уезжала из Финляндии в Центральную Европу. Поначалу они направлялись в Германию, позднее Югославию, Францию, Чехословакию, некоторые отправлялись даже за Атлантику. С 1925 г. почти все уезжали в какие-либо третьи страны, в Советский Союз — практически никто. Миграция русских продолжалась дольше, чем беженцев-соплеменников. Русские покидали Финляндию даже в первой половине 1930-х гг.

По официальным данным за 1921–1931 гг. свыше 181 400 российских беженцев вернулось на родину. Подавляющая их часть возвратилась в начале 1920-х гг. Как бы не подсчитывались эти общие сведения, количество реэмигрантов составляло мизерную часть тех лиц, которые бежали из России.

Процесс возвращения российских беженцев из Финляндии растянулся на длительное время. И хотя в это поначалу не верили, в стране на постоянное жительство осталось несколько тысяч человек, которым предстояло найти свое место в обществе. Из Финляндии, в отличие от большинства других стран, принявших беженцев, на свою родину вернулось все же значительное количество людей.

В УПРЯЖКЕ ОФИЦИАЛЬНОЙ ЭМИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Сквозь огонь, воду и медные трубы

Ощупью. Год 1918

К моменту обретения Финляндией независимости в ней находилось немало солдат русской армии. И хотя на рубеже 1917–1918 гг. большевики уже стали выводить воинские части в Россию, в начале 1918 г., когда в Финляндии вспыхнула война, русские войска все еще насчитывали 73000 человек.

Белые объявили, что они ведут освободительную войну как против русских и большевиков, так и против красных финнов, которые опирались на штыки «рюсся». В самом начале войны русские части были разоружены и интернированы. Офицерам «генерал Маннергейм», тем не менее, гарантировал безопасность под свое честное слово. Неизвестно, как сложилась судьба всех русских офицеров. Многие из них поступили на службу в белые армии других стран, а находившиеся в Финляндии «офицеры-рюсся», служившие ранее в царской армии, даже в 1920-е гг. представляли для официальных кругов страны политически неблагонадежный элемент, подлежащий негласной слежке.

Хотя русские войска в целом держались в стороне от финляндских событий, некоторые военные принимали участие в сражениях 1918 г. на стороне красных. Можно лишь догадываться, сколь сурова была судьба по отношению к русским в той обстановке, когда финны уничтожали друг друга. Оказавшихся в плену солдат казнили, а в конце войны в Выборге и в Кююрёля были убиты гражданские лица. В связи с событиями 1918 г. в Финляндии количество убитых, умерших и пропавших без вести русских могло составить около 3000 человек.

По мирному договору, заключенному между Германией и Советской Россией в марте 1918 г., последняя должна была вывести свои войска из Финляндии. Через месяц, когда прибыли немцы, русские части (кроме добровольческих отрядов) находились только на

Карельском перешейке. Возвращение интернированных солдат Советской России завершилось лишь в начале осени.

Война еще не закончилась, а уже обнаружились намерения полностью очистить Финляндию от всех русских. В апреле 1918 г. сенат в Хельсинки — на основании немецкой инициативы — постановил, что следует незамедлительно выслать из страны всех российских подданных и жителей Прибалтийских провинций. Подоплека крылась в трудном продовольственном положении, а также в опасениях, связанных с тем, что русские могут стать опасным политическим фактором.

Наиболее энергично к реализации этого постановления приступил глава губернии Уусимаа Бруно Яландер, который объявил, что русские могут оставаться в Хельсинки только по его личному разрешению. Оно давалось в исключительных случаях; отели и дома приезжих очищались с помощью полицейских дубинок, людей насильно сажали на пароходы.

Это вызвало критику не только среди русских, но и в кругах благосклонно относившихся к ним финнов. Сенат смягчил постановление о высылке поправкой, согласно которой высылались русские военные и приравненные к ним лица. Во всяком случае, в течение лета 1918 г. из Финляндии выдворили 20000 человек, большинство которых было из губернии Уусимаа. В какой-то мере возвращение русских в Советскую Россию продолжалось и позднее: в сентябре — декабре 1918 г. через пункт в Раяйоки их перешло 490 человек.

Выдворяя из страны, что само по себе вызывало горечь и ожесточение, действовали спонтанно, о каких-то правах человека не могло быть и речи. Поиск какой-то линии, связанной с условиями пребывания русских в Финляндии, начался в мае 1918 г., когда специально для этого в Выборгской губернии был создан эвакуационный комитет. Именно здесь, наряду со столичным районом, находилось наибольшее количество русских. В заключении комитета, возглавлявшегося губернатором Антти Хакцеллем, отмечалось, что в Выборгской губернии могли оставаться лишь те иностранцы, которым будут выданы специальные разрешения.

Еще не успели приступить к делу, как поток беженцев из Советской России стал быстро нарастать. Обнаружилось, сколь несовершенной являлась административная система Финляндии. Процесс принятия решений не был централизован, отсутствие нужных законов относительно беженцев приводило к тому, что судьба тех или иных вопросов зависела от позиции и мнения отдельных чиновников. Это привносило буквально во все элемент нестабильности.

Но нормы, которые касались беженцев, все же рождались. Сенат в Ваасе в апреле 1918 г. одобрил правила о допуске в страну иностранцев: помимо действующего паспорта приезжавший должен был иметь разрешение на въезд в Финляндию.

Граница на Карельском перешейке, где поток беженцев был наиболее оживленным, летом 1918 г. охранялась армией. Специально для этой цели осенью сформировали Терийокский пограничный батальон. Весной вблизи Терийоки был создан военно-административный район, который позднее охватил всю территорию Карельского перешейка и стал пограничной зоной между Финляндией и Россией. Управлял ею пограничный комендант, обладавший чрезвычайными полномочиями.

Летом 1918 г. в ведавший иностранными делами отдел сената стали поступать прошения от лиц, стремившихся выехать из Советской России, о предоставлении им права на въезд в Финляндию. Эти дела, главным образом, рассматривал бывший министр статс-секретарь Карл Энкель, который сам в свое время тайными тропами бежал из Питера в Финляндию.

В середине лета 1918 г. из-за опасений эпидемий граница на Карельском перешейке была закрыта, ее переход мог осуществляться только по мосту через Раййоки, и то время от времени. Такое состояние продолжалось недолго. Лиц, пытавшихся проникнуть нелегальными путями в Финляндию, оказалось так много, что погранкомендант капитан К. Н. Рантакари в сентябре заявил о своем единоличном решении пропускать их в страну. Сенат поддержал это решение, и границу открыли. Беженцев допрашивали в комендатуре, наиболее подозрительные личности отправлялись обратно. Было ясно, что люди могли проникать в Финляндию, минуя пограничную охрану.

Оживление в приграничье привело к тому, что летом 1918 г. в Куоккала был организован подведомственный лечебному управлению карантин, в котором прибывавшим лицам предстояло провести две недели. В конце года это заведение перевели в Терийоки, а поздней осенью 1921 г. в Келломяки.

Расположенный среди русских дач и особняков в Куоккала карантин изображался неприглядным и удручающим заведением. «Там дают пять салак и кусок хлеба на завтрак, а на обед свекольный бульон. У кого много денег, тот мог купить у крутившихся неподалеку лиц какое-то лакомство по немислимым ценам». Некоторые из прибывавших, если они до этого проходили врачебный досмотр, освобождались

комендантом от изоляции. Это породило известное беспокойство и отдел сената, ведавший внутренними делами, в конце 1918 г. сам стал наблюдать за карантином.

Доброжелательное отношение к беженцам персонифицировалось, прежде всего, в таких фигурах, как сенатор Отто Стенруут, являвшийся руководителем внешнеполитического ведомства, Карл Энкель и находившийся на границе К. Н. Рантакари. Стенруут обосновывал необходимость приема беженцев не только гуманными, но и политическими соображениями. Позитивная политика по отношению к беженцам, по его мнению, укрепляла независимый статус Финляндии и ее стремление к нейтралитету, освобождала от германской зависимости. Пограничный комендант Рантакари, известный в прошлом как журналист и ориентированный на старофинскую партию, признавал, что не мог выталкивать людей обратно в объятия смерти, поскольку этот шаг «на протяжении целых поколений принес бы нам ненависть всего цивилизованного мира».

Появление новых русских в Финляндии породило откровенное противодействие. Наиболее резко реагировали в военных и активистских кругах, исповедывавших «ненависть в руссью». Неустойчивость ситуации проявилась в том, что пропитанный духом русофобии и отвечавший за безопасность III отдел генерального штаба осенью 1918 г., во время зарубежной поездки сенатора Стенруута, захватил в свои руки решение вопросов о предоставлении въездных виз. Результат сказался незамедлительно: легальный въезд русских в Финляндию прекратился как по мановению руки.

В октябре 1918 г. здравый смысл все же восторжествовал, поскольку сенат после дискуссий вернул визовые функции комиссии по иностранным делам. Приезд прибывавших легальным путем беженцев возобновился и усиливался раз от разу.

В 1918 г. в Финляндию хлынуло такое количество беженцев, что ситуация приобрела, если даже принимать во внимание только одни проблемы обустройства, угрожающий характер. Выход заключался в том, чтобы эмигранты продолжили свой путь на запад. В октябре 1918 г. сенат побуждал губернаторов к тому, чтобы все те российские подданные, пребывание которых было нежелательным, сразу же возвращались домой, или продолжили свой путь за границу.

Судьбы русских во второй половине 1918 г. были окутаны покровом неизвестности. Уследить за их передвижениями было невозможно, так что они разъезжали относительно свободно, и помимо Карель-

ского перешейка концентрировались также в столичном регионе. Противоречивым и неясным было также положение с правом на пребывание в стране. Часть эмигрантов находилась в Финляндии «втемную», у остальных имелись разрешения погранкоменданта, местной полиции или губернатора.

В Выборгской губернии иностранцы должны были оставить прошения на право проживания эвакуационному комитету, который принимал по нему соответствующее решение. Иностранцы представляли собою весьма неоднородную группу, и поэтому их «просеивание» было сложным; заключения комитета, однако, носили скорее разрешительный характер.

Аналогичный комитет для губернии Уусимаа был образован в конце 1918 г. Политика этого комитета, возглавлявшегося губернатором Яландером, напротив, отличалась резкостью: ставилась задача выдворить из страны всех эмигрантов, приехавших в Финляндию с начала 1919 г. Из ранее прибывших лиц право на пребывание в Хельсинки получали лишь те, кому оно было необходимо для ведения экономической деятельности, остальным предстояло отправиться во внутренние районы страны.

Год 1918, сам по себе тяжелый и неоднозначный для Финляндии, был столь же сложным в решении проблем эмиграции. Характерны были колебания из стороны в сторону. От попыток полностью очистить страну от русских и вообще избавиться от иностранцев шарахались — отчасти по гуманным соображениям, отчасти по внешнеполитическим причинам — к откровенно бесконтрольному приему инородцев.

Проблемы беженцев, казалось, напоминали воду в решете. Способы решения вопроса находились в зачаточном состоянии, различные чиновники спотыкались друг о друга. Ситуация совершенно не подлежала какому-либо контролю — не было даже известно, сколько же беженцев находилось в Финляндии.

Изгоняли подобно змее в расселины

Недовольство, вызванное потоком эмигрантов, явным образом заявило о себе в начале 1919 г. Благожелательная позиция правительства и руководства пограничной охраной подверглась жесткой критике в форме двух депутатских запросов, которые были сделаны аграриями Сантери Алкио и Микко Луопаярви. Социал-демократы также не упустили случая затронуть вопрос о беженцах в своих двух запросах. К этому добавилась оживленная дискуссия в прессе.

Во всем этом просматривалось несколько уровней проблемы. Стали очевидными политические страхи и опасения. В эмигрантах видели не только большевиков, но и реакционеров, «пожирателей Финляндии», деятельность которых была опасна для независимости страны. Проблема эмигрантов стала к тому же средством выкручивания рук по вопросам, имевшим отношение к сфере внутренней политики. Находившиеся в оппозиции аграрии обвиняли правительство в братании с «пожирателями Финляндии». Социал-демократы усматривали в Олонекском походе весны 1919 г. опасную поддержку планам русских белогвардейцев.

Предметами особой критики были также обстоятельства, производившие наиболее гнетущее впечатление. Раздражение возникало по поводу обилия русских в гостиницах и в общественном транспорте; полагали, что они объедают переживающую экономические трудности страну. Всплыли воспоминания о годах угнетения, когда «рюсся» вели себя вызывающим образом.

Правительства устояли перед парламентскими запросами. Премьер-министр Лаури Ингман признал сложность ситуации, но подчеркнул, что среди беженцев действительно имеются лица, находящиеся в отчаянном положении и чувство сострадания обязывает оказать им помощь. Одновременно он заметил о росте благожелательного отношения в зарубежных странах к независимому статусу Финляндии. Ингман не сомневался, что большевики представляют несравненно большую угрозу, нежели российские белогвардейцы.

Публичный шум заставил ужесточить меры по отношению к русским, но правительство еще до этого приступило к выработке соответствующих рекомендаций. В начале 1919 г., дабы облегчить сложное продовольственное положение, приступили к очистке Выборгской и столичной губерний от русских и практически от всех иностранцев,

В связи с этими действиями властей возникли трудности внутреннего порядка, поскольку другие губернии не желали принимать у себя русских. Попытки возобновить высылку повторились еще поздней весной и осенью, но без особого успеха. Хотя русские постоянно выезжали то за границу, то в Советскую Россию. За период с января по май 1919 г. через пункт перехода в Раййоки на восток ушло 300 русских.

Ужесточились также требования по допуску русских в страну. Предоставление виз сократилось и количество легально въехавших лиц в

1919 г. по сравнению с предыдущим периодом резко пошло на убыль. Во второй половине года на протяжении нескольких месяцев в Финляндии не появилось ни одного русского, который бы приехал в страну легальным путем.

Равным образом в начале 1919 г. сократился поток нелегально проникавших в Финляндию эмигрантов. Попавший под огонь газетной критики пограничный комендант Рантакари подал в отставку и после него эту должность некоторое время занимал известный активист капитан Кай Доннер. Он был безжалостен к пришельцам, не имевшим специального разрешения. Всех задержанных до единого отправили обратно.

После Доннера пограничным комендантом стал подполковник Лаури Сарин, который, будучи в прошлом офицером царской армии, относился к русским более терпимо, чем его предшественник. Подозрительных отправляли обратно, но все больше нелегалов-беженцев пропускали в Финляндию.

И хотя количество русских постоянно стремились сократить, общее число беженцев парадоксальным образом непрерывно возрастало. Начинался внушительный приток соплеменников.

Поначалу ингерманландцев на границе заворачивали обратно, но в начале марта 1919 г. Государственный совет распорядился о пропуске их в Финляндию. Единственное условие заключалось в том, чтобы они не формировали свои собственные вооруженные части. В связи с Олонеким походом в Приграничную Карелию стало прибывать все большее количество олончан, которые в той хаотичной обстановке могли совершенно свободно переходить в Финляндию. Беженцы—соплеменники находились в стране месяцами, и ни у кого, за исключением их «племенных» организаций, оказывавших им помощь, не было ни малейшего представления ни о их количестве, ни о месте пребывания.

Таким образом, уже в начале стало очевидно, что существовала разница между беженцами и беженцами. Формировался некий «обычай страны», согласно которому соплеменники пользовались известной благосклонностью, по крайней мере, в сравнении с русскими.

В бурный 1919 г., когда правительство менялось одно за другим, шел непрерывный поиск той линии, которую следовало проводить по отношению к русским. В кабинете Каарло Кастрена, сформированном в апреле месяце, существовало два подхода к эмигрантской проблеме. Когда западные государства признали независимость Финляндии, можно было считать, что эмигранты более не представляют

какой-либо угрозы. К этой же мысли склоняли и планы некоторых министров принять участие в походе на Петроград вместе с русскими белогвардейцами. С другой стороны, высказывались соображения о недопустимости каких-либо поблажек русским. Этой позиции придерживался, прежде всего, ставший министром по социальным делам Сантери Алкио. Послаблений не наступило.

Избрание К. Ю. Столберга президентом в конце июля 1919 г. предопределило развитие по пути стабилизации во внутренней политике и проведение осторожного внешнеполитического курса на востоке. В результате, линия нового центристского правительства Ю. Х. Веннола по отношению к России отличалась сдержанностью, что сказалось и на обхождении с выходцами из России. Оно по-прежнему отличалось строгостью, и внутри правительства, в отличие от предыдущих лет, более не было расхождений по вопросу о том, какую позицию занимать по отношению к эмигрантам.

Первое финское постановление об иностранцах вступило в силу в начале августа 1919 г. В нем были закреплены многие уже применявшиеся на практике нормы. Как правило, въезжавшее в страну лицо должно было иметь паспорт и визу. Полиция имела право завернуть обратно тех, кто таковыми документами не обладал, но при особых обстоятельствах вопрос передавался на рассмотрение министерства иностранных дел.

Стали более ясными основания, дававшие право на пребывание в стране. Проживание сроком более двух месяцев предполагало получение разового разрешения на полгода, которое надо было запрашивать у губернатора. Такие разрешения были ограничены рамками одной губернии, при переезде в другую губернию предстояло снова начинать ходатайство. Высылка из страны относилась к юрисдикции губернатора.

В положении русских эмигрантов существенным являлось то обстоятельство, что законодательство об иностранцах было к ним приложимо не во всех своих частях. По этому поводу в ходе подготовки данного законопроекта летом 1919 г. в правительстве велись острые, но безрезультатные дискуссии. Многие беженцы не имели паспортов, и в то же время считалось невозможным автоматически заворачивать обратно с границы тех, кто попадал под действие этого постановления.

Постепенно наблюдение за иностранцами начало налаживаться. Начиная с лета 1918 г. всем лицам для передвижения по стране требо-

валось иметь специальное разрешение полиции. Российские подданные с 1919 г. должны были к тому же получать дозволение губернатора. Осенью 1919 г. дошла очередь и до беженцев-соплеменников, которые до сих пор находились вне контроля. Ленсманы обязывались выписывать для них удостоверения личности. Выезд за пределы ленсманского округа также предполагал разрешение губернатора; другими словами, соплеменники подпадали под категорию иностранцев.

Летом 1919 г. в наблюдении за иностранцами произошло изменение, которое стало иметь большое значение. Отныне губернаторы при выдаче разрешений должны были получить заключение службы безопасности, которой стала учрежденная в августе и находившаяся в ведении министерства внутренних дел Сыскная полиция. Для выяснения ситуации она потребовала от чиновников немедленно предоставить ей списки иностранцев, получивших разрешение на пребывание в стране.

Эмиграционная политика «Столберговской Финляндии», в которой отражалась исходившая от русских белогвардейцев угроза, была обнародована поздней осенью 1919 г. В связи с обсуждением проблем русской эмиграции правительство разработало новый план, предусматривавший резкое сокращение русских в стране. Неблагонадежных и годных к военной службе эмигрантов надлежало высылать главным образом на подконтрольную Северо-западному правительству территорию, на фронт или непосредственно в Советскую Россию. Планы по выдворению подобных лиц из Финляндии обсуждались уже долгое время.

В конце 1919 г. министерство внутренних дел все же рекомендовало губернаторам временно прекратить высылку, поскольку белые, кажется, имели возможность захватить Петроград, и у эмигрантов в силу этого открывались перспективы вернуться на свою родину. Этого не произошло; также никого не успели выслать на северный российский фронт до его крушения. Планы по сокращению числа русских в Финляндии провалились.

Стало очевидно, что рука правительства не дотянулась до военных, находившихся на границе. И хотя министерство внутренних дел требовало ужесточить пропуск людей в страну, возраставшее количество нелегальных переходов через границу только ослабляло усилия властей. В конце 1919 г. пограничный комендант Сарин объявил, что всех оказавшихся в опасности в Советской России беженцев следовало принять. Лишь после допросов в комендатуре принималось решение о

том, кто из нелегалов может подавать прошение о визе, а кого надлежало отправлять обратно.

Проблема заключалась в том, что у Финляндии в 1919 г. отсутствовало собственное представительство в Советской России. Даже в тех случаях, когда заранее выдавался вид на жительство, это происходило через находившегося в Финляндии посредника, и у приезжающих при себе визы не было. Администрация коменданта получила перечень выданных виз, но они по-прежнему испрашивались в министерстве иностранных дел.

Вообще 1919 год был примечательным в истории эмиграционной политики Финляндии. Укоренились некоторые принципы, которыми впоследствии руководствовались на протяжении длительного времени. Русских, считавшихся в политическом плане опасными для общества и его обременявшими, изгоняли подобно змеей в расселины. Стремилась содействовать приезду финнов из Советской России, прием беженцев-соплеменников рассматривался неким национальным долгом.

Губернаторам была делегирована значительная власть в решении инородческих вопросов. Одновременно упрочилась пестрая, зачастую видоизменявшаяся от губернии к губернии практика. По-прежнему отсутствовал центральный орган, куда бы сходились нити управления, по этим делам продолжали суетиться лишь министерства иностранных и внутренних дел.

Следует отметить, что, несмотря на проявления ненависти к «русся», обнаруживалось также и расположение к русским. Наиболее благосклонную позицию занимал губернатор Выборгской губернии Антти Хакцелль и пограничный комендант Лаури Сарин, а непримиримую, напротив, Сантери Алкио и губернатор Уусимаа Бруно Яландер. По этой причине занимаемая им должность находилась под постоянной угрозой.

Попытки очистить Финляндию от «русся» в 1919 г. преследовали неудачи. И все же численность российских подданных в Хельсинки и в целом в губернии Уусимаа пытались сократить. Во второй половине 1919 г. в столичном регионе их насчитывалось 1400–1500 человек, тогда как в начале года — 2800 человек. Нежелательных русских sporadически на протяжении всего времени «отсылали» в Советскую Россию.

Многие эмигранты изначально прибывали только для того, чтобы проследовать далее. Приобретенный опыт в Финляндии и отчуждение

привели к тому, что сотни намеревавшихся остаться в стране русских также решили перебраться в третьи страны.

«На коленях просили милости...»

Проникновение беженцев тайными тропами было не единственной проблемой, с которой в постоянно меняющихся условиях приходилось бороться пограничной страже Карельского перешейка. Оживленная контрабанда и нелегальный переход границы привели в начале 1920 г. к жестким ответным мерам. Государственный совет объявил в феврале о закрытии границы на Карельском перешейке. Нелегально перебиравшиеся в Финляндию лица должны останавливаться любой ценой, вплоть до применения оружия! Помимо этого пограничный пояс предстояло очистить от постоянных жителей на глубину до полукилометра.

Как и ранее, закрытие границы оказалось непростым делом. Ситуация с беженцами-нелегалами нашла отражение в письме погранкоменданта, в котором он запрашивал министерство иностранных дел, кого и откуда можно было пропускать в страну. Ко всему прочему проблему создавали в свое время эмигрировавшие в Россию красные финны, которые теперь стремились вернуться на родину.

Закрытие границы не привело, однако, к тому, что кто-то из беженцев был остановлен ружейными выстрелами. Вместо этого пограничники заворачивали многочисленных русских нелегалов обратно. В газетах появились материалы о попавших в беду людях, на коленях моливших о милости и даже пытавшихся покончить с жизнью. В марте министерство иностранных дел отдало все же распоряжение, согласно которому пробравшиеся на финскую сторону лица не должны были немедленно отправляться обратно.

На некоторое время пограничный комендант Сарин стал объектом бурной публичной критики за расположение к «русся», за безответственный пропуск через границу русских и злоупотребление служебным положением. Поговаривали о том, и Сыскная полиция не исключала такой возможности, что русским удавалось оставаться в Финляндии благодаря взяткам.

Поздней осенью 1920 г. подполковника Сарина все-таки освободили от должности. На его место пришел — сначала временно, а затем и на постоянной основе — егерский подполковник Эрик Хейнрикс, командовавший до этого полком губернии Кякисалми, который нес воинскую охрану границы на Карельском перешейке.

Критике за легковесное отношение к «рюсся» и за сосредоточение русских в Выборгской губернии был подвергнут также ее губернатор Антти Хакцелль. В июне 1920 г. он посчитал за благо подать в отставку. На его место был назначен депутат от аграрного союза Лаури К. Реландер, являвшийся председателем парламента.

Эти кадровые перестановки свидетельствовали об ужесточении линии по отношению к русским как в приграничной зоне, так и в Выборгской губернии, в которой их насчитывалось свыше 9000 человек. Предпринимавшиеся ранее попытки ограничить их численность желаемого результата не принесли.

Подполковник Хейнрикс приступил к совершенствованию пограничного контроля. Это проявилось в начавшемся сотрудничестве с главой Выборгской губернии; от министерств внутренних и иностранных дел он добился ясности относительно конкретных мер, применявшихся к перебежчикам. Хейнрикс пытался также очистить погранполосу.

Губернатор Реландер публично обнародовал свои взгляды: «Вряд ли с точки зрения безопасности страны приемлемо такое положение, когда именно в ту губернию, которая должна стать защитным бастионом между востоком и западом, географическое положение которой наиболее уязвимо, именно в ту губернию направляется на расселение тот нескончаемый поток беженцев, который ныне хлещет через границу». Губернатор подтвердил, что его главной задачей является сокращение числа русских в Выборгской губернии. Новым пришельцам билет на проживание будет выдаваться только в исключительных случаях.

Летом 1920 г. началось. Пограничный комендант и губернатор приказали группе беженцев, состоявшей в основном из русских, но были там и финны, покинуть погранзону. Лиц, в которых подозревали большевиков, с помощью пограничников выдворили в Советскую Россию. Этим же летом губернатор определил тех русских, которые ни под каким видом не могли находиться в Выборге, и которые под предлогом жилищного кризиса должны были выехать за пределы губернии.

За несколько месяцев из Выборгской губернии выехало около 570 русских. Часть устремилась за границу, часть в Советскую Россию, часть в иные районы Финляндии. Отказников за государственный счет переправляли в концентрационные лагеря Хеннола и Хямеенлинна.

В отношении беженцев-соплеменников узда, напротив, становилась менее строгой. Летом 1920 г. министерство внутренних дел распоря-

дилось предоставлять им обычные билеты на проживание, действовавшие в рамках губернии. Особенность заключалась в том, что решающим свидетельством о благонадежности теперь считалось то, которое выдавалось «племенной» организацией, а не Сыскной полицией.

Русские с самого начала жаловались на обхождение с ними как в самой Финляндии, так и за границей. Закрытие границы и чистки на Карельском перешейке лишь усилили эти сетования. Люди направляли жалобы в эмигрантские организации центральной Европы и в Международный Красный Крест. Согласно самым невероятным слухам в приграничных лесах находили сотни замерзших до смерти людей, выдворенных из Финляндии.

Слухи слухами, но на границе, безусловно, творилось что-то подозрительное. Известны случаи, когда финские пограничники отнимали ценности у прибывавших, избивали их и выталкивали обратно. По крайней мере, в связи с ограблением одна русская женщина была убита. Тем не менее, эмигранты проникали в страну, используя подкуп, а разведчики генерального штаба проводили людей в обход пограничных постов.

Жалобы на нечеловеческое обхождение с беженцами приходили в адрес финских властей также из различных иностранных посольств. По некоторым фактам министерство иностранных дел в начале 1921 г. вынуждено было давать объяснения Международному Красному Кресту.

Все это привело к тому, что летом 1920 г. Государственный совет учредил комитет по планированию политики в отношении иностранцев и беженцев. В составленном осенью 1920 г. заявлении комитета жалобы на плохое обхождение с эмигрантами расценивались по большей части как чепуха, как политическая пропаганда великороссов. Подчеркивалось, что беженцев надо «просеивать», ибо среди них имелись неблагонадежные лица. К тому же следовало помнить об ограничениях, связанных с плохим состоянием системы обслуживания беженцев. Комитет полагал, что жесткая политика совершенно верна, и она не требовала изменений.

На практике, тем не менее, имелось множество недостатков. На границе сразу же были вынуждены нарушить постановление Государственного совета о ее превращении в непроходимую преграду, поскольку автоматический разворот беженцев обратно был невозможен. К тому же положение об иностранцах оказалось столь устаревшим и столь запутанным, что придерживаться его положений было весьма непросто.

Комитет отказался от централизации дел по иностранцам и беженцам. Выдачу разрешений на пребывание и передвижение собирались передать в Сыскную полицию или на рассмотрение министерства внутренних дел. Предоставление виз намеревались по-прежнему сохранить за министерством иностранных дел. Цель заключалась в том, чтобы по возможности максимальное количество людей запрашивало бы визы в третьи страны и проезжало Финляндию транзитом.

Предложения комитета претворить в жизнь не удалось. Сложный механизм продолжал крутиться с перебоями, на границе сохранялась запутанная ситуация. Летом 1920 г. подполковник Хейнрикс признал, что закрытие границы не получилось. Согласованные действия официальных лиц остались на бумаге, контрабанду малыми силами протвратить не сумели.

Относительно беженцев Хейнрикс немногим позднее сообщил министру иностранных дел Рудольфу Холсти: необходимо активизировать предоставление въездных виз с тем, чтобы сократить нерадостную процедуру «разворота» людей на границе. По компетентному мнению погранохраны вопрос о том, кого из нелегалов можно оставить в стране в ожидании визы является недостаточно проработанным, так что требовалось более тесное сотрудничество с Сыскной полицией.

И хотя закрытие границы уменьшило в 1926 г. число пытавшихся проникнуть в Финляндию русских нелегалов, возвести непроходимую стену все же не удалось. К тому же все более стало сказываться влияние промысла, связанного с тайным переводом людей через границу. На ней по-прежнему наблюдалось оживление, поскольку Финляндию, особенно в осенний период времени, пересекали многочисленные транзитники, направлявшиеся в свои родные места. Жизнь русских в Финляндии по-прежнему еще не устоялась. Помимо выселения из Выборгской губернии многие офицерские семьи, а также лица, находившиеся под подозрением по политическим мотивам и проживавшие в разных районах страны, принуждались к перемене места жительства.

*«...в Финляндии — ей на помеху — остались
тысячи русса и иных беженцев»*

Заклученный осенью 1920 г. мирный договор между Финляндией и Советской Россией не смог остановить потока беженцев. Наступивший мирный период постепенно стабилизировал правила, по которым стало регулироваться легальное передвижение людей между странами,

но беспокойная обстановка в советах по-прежнему толкала людей к уходу нелегальными путями на запад.

Кронштадтский мятеж, вспыхнувший весной 1921 г., отразился на Финляндии не только массовым появлением военных, но и возросшим количеством нелегалов, стремившихся перейти через границу. Пограничный комендант Хейнрикс своим распоряжением предоставил некоторым из них возможность остаться в стране в ожидании визы.

Для эмиграционной политики Финляндии первой половины 1921 г. было характерно стремление содействовать возвращению людей на родину. В Северной Финляндии, в частности, пограничники стали отправлять беломорских карелов обратно.

Поздней осенью 1921 г., когда ситуация в Восточной Карелии обернулась войной, через границу были пропущены финские добровольцы и беженцы, направлявшиеся для участия в лесной партизанской войне, хотя Финляндия в этом конфликте и не принимала участия. В связи с событиями за восточной границей социал-демократы подали парламентский запрос о нейтралитете страны.

Когда вспыхнуло народное восстание в Восточной Карелии, пограничная охрана северной Финляндии большого притока беженцев из-за рубежа не ожидала. Поступившие указания разрешали пропускать их в Финляндию, но при условии разоружения. Лесная партизанская война резко обострила финляндско-советские отношения, и по мере того, как наплыв людей все нарастал, распоряжения министра внутренних дел Хейкки Ритавуори становились все более жесткими. Беженцев следовало разоружать и следить за тем, чтобы они не оставались в непосредственной близости от границы, она должна была быть закрыта также для лиц, стремившихся уйти на восток. И в то же время на последовавшие позднее требования советского правительства о выдаче руководителей восточных карелов Финляндия ответила отказом.

В прокарельски настроенных и активистских кругах политика Ритавуори вызвала недовольство. Отчасти по этой причине в феврале 1922 г. один из фанатиков застрелил министра, ранив себя при этом в ногу. В приграничных волостях в обстановке общей суматохи эти распоряжения к тому же в полной мере выполнять не спешили.

В официальной политике 1922 г. явился вехой, свидетельствовавшей о наступлении некоей стабилизации в вопросе о беженцах. По-прежнему стремились содействовать возвращению людей (на этот раз восточных карелов) на родину, и в то же время признавалось, что

«...наша страна попала в неприятное положение, оказавшись неспособной освободиться от тысяч беженцев...».

В начале 1921 г. Финляндия открыла свое посольство в Москве, и позднее в этом же году было основано его отделение в Петрограде, ставшее позднее генеральным консульством. Это облегчило получение документов для легального въезда в страну.

Визы для русских по-прежнему выдавались сдержанно, с большей готовностью они предоставлялись для транзита. Эффективной оказалась практика, когда министерство иностранных дел запрашивало мнение губернаторов о том, намереваются ли они выдавать вид на жительство претендующим на это лицам.

На протяжении двух-трех лет проблема состояла в том, что советские власти отказывались выдавать паспорта или тянули время. Из гуманитарных соображений министерство иностранных дел Финляндии выдавало разрешения на въезд и таким лицам, у которых паспорта отсутствовали. О подобных решениях извещалась финская погранохрана, но, как правило, «беспаспортным» приходилось переходить границу все же нелегально.

На Карельском перешейке, где пересечение границы носило самый оживленный характер, ее охрана в конце 1922 г. была передана в руки пограничного отдела, подчиненного министерству внутренних дел. Практика в отношении нелегалов начала стабилизироваться; их все чаще стали передавать в руки Сыскной полиции для допросов. Для выяснения обстоятельств, связанных с возвращавшимися финляндскими подданными, весной 1922 г. в Келломяки начала работу специальная комиссия центральной полиции.

Среди чиновников по-прежнему не было единства относительно той линии, которой следует придерживаться по вопросу о допуске в Финляндию. В конце 1922 г. Выборгский губернатор Реландер и комендант пограничной охраны Ило Шрёдер высказались за ужесточение требований при решении дел эмигрантов. Трения вызывали прежде всего беспаспортные, неизвестно откуда взявшиеся странники, которым министерство иностранных дел предоставило право на въезд в Финляндию.

Министерство не видело основания для изменения правил, поскольку сложное положение в Советском Союзе продолжало сохраняться. И в то же время лица, действительно прибывавшие в Финляндию без разрешения, по мнению министерств иностранных и внутренних дел, должны были, как правило, отправляться обратно. Лишь «в совершенно исключительных» случаях их можно было принять.

Хотя пребывание беженцев в Финляндии стало понемногу приходить в норму, в начале 1920-х гг. все еще имело место их перемещение из одной местности в другую. Людей по-прежнему выдворяли из страны. Начиная с 1921 г. русские стали рассматриваться как лица, подпадающие под действие положений об иностранцах.

В первое время пугалом эмигрантов являлся губернатор Бруно Яландер, но он с весны 1920 г. и до лета 1923 г. практически без перерыва занимал должность военного министра и министра обороны. В то время, когда полицмейстер Илмари Хелениус исполнял обязанности губернатора, количество российских подданных в губернии Уусимаа практически не изменилось. Русские постоянно стремились в Хельсинки, но разрешения выдавались по-прежнему лишь на основании весьма обоснованных причин.

Положение русских в Выборгской губернии по-прежнему было неустойчивым. Летом 1922 г. губернатор Реландер грозился выслать всех иностранцев, которые к назначенному сроку останутся в Выборге без специального на то разрешения. Но даже тех русских, которые легально проживали в городе, насильно переселяли во внутренние районы страны, для выдворения из пограничной зоны какого-либо основания не требовалось. Тех же, кто отказывался подчиниться приказам о переселении, или кого не желали принимать в других районах Финляндии, отправляли в изоляционные лагеря. Еще осенью 1922 г. Реландер, дабы облегчить жилищный кризис, предписал 33 русским семьям покинуть Выборг.

Перемещения или их попытки коснулись не только русских, но и соплеменников. В конце лета 1921 г. по приказу выборгского губернатора значительную часть обосновавшихся на островах Финского залива ингерманландцев, обвиненных в контрабанде, переселили на материк.

Вопрос об отселении восточных карелов подальше от границы ставился неоднократно. По заключенному летом 1922 г. пограничному соглашению между Финляндией и Советской Россией финны брали на себя обязательство очистить пограничную зону от руководителей лесной партизанской войны и ее вооруженных участников. Семейные и занятые на производстве лица могли, тем не менее, остаться на месте. Но на практике решение о выселении осталось невыполненным. По прошествии нескольких лет советские члены комиссии, занимавшиеся инспекцией границы, обвиняли финнов в том, что в пограничной зоне по-прежнему проживали восточные карелы, которым по соглашению пребывание здесь было запрещено.

В 1923 г. выборгский губернатор предложил, чтобы лидеры восточно-карельского населения сами бы приступили к очистке пограничных деревень Приграничной Карелии от жителей, экономическое положение которых не препятствует их переселению. Даже в следующем году губернатор провинции Оулу торопил пограничную охрану и полицию скорее очистить погранзону, но те беженцы, которые к тому моменту уже «вырастили свое хлебное дерево», переселяться никуда не желали.

Определенная категория беженцев — и в первую очередь русские — в начале 1920-х гг. испытала на себе наихудшие повороты судьбы: их выдворяли из страны. Так, в первые семь месяцев 1922 г. из Выборгской губернии изгнали 82 иностранца, считавшихся опасными для безопасности страны, среди них подавляющую часть составляли русские.

Основанием зачастую служило заключение Сыскной полиции о вредоносной политической деятельности — равно как красных, так и белых — сомнительном прошлом или неладах с законом. Каких-то особых обоснований для этого не требовалось.

Высылавшиеся по политическим мотивам офицеры и интеллигенция, как правило, получали визы и уезжали в третьи страны. Но были и такие, кто не мог получить разрешения на въезд ни в одну из стран, или кого — в силу его криминального прошлого — сразу же отправляли на родину.

В Финляндии надеялись, что высылки в Советскую Россию приобретут постоянный характер после заключения Тартуского мира и установления дипломатических отношений. Но эти ожидания не сбылись. Советское посольство предоставляло российское гражданство и разрешение на въезд далеко не всем лицам, которых намеревались выслать из Финляндии, и если таковое дозволение давалось, то на это требовался не один месяц.

Осенью 1922 г. советское посольство оставило финляндскому министерству иностранных дел ноту, в которой финны обвинялись в том, что они тайным образом перебрасывают людей за восточную границу. Этот способ применялся выборгским губернатором Реландером при благословении министерства внутренних дел. В последнем полагали, что с прекращением высылки Финляндии придется взять на содержание всех нежелательных лиц, которым отказано в получении виз другими странами.

Где-то вплоть до 1922 г. ситуация с эмигрантами в Финляндии находилась в постоянном брожении. Все еще прибывали большие группы

людей, но многие также уезжали из страны. Важно отметить, что на министерском уровне утвердилось мнение о возможности постоянно-го проживания в Финляндии значительной группы инородцев.

Однако, несмотря на это и на происходившую стабилизацию, хватка, тем не менее, не ослабевала. Количество нелегально проникавших в Финляндию лиц стремились сдерживать, а уже находившихся в стране беженцев, прежде всего русских, по-прежнему продолжали просеивать.

20-е годы — время стабилизации

Строительство каркаса

международной организации по работе с беженцами

Когда после Первой мировой войны эмиграционные проблемы приобрели животрепещущий характер, у стран Европы и Америки отсутствовали какие-либо отработанные способы обустройства беженцев, равно как и опыт международного сотрудничества в этой области. Организации по оказанию помощи и собственные объединения беженцев с этой задачей справиться были не в состоянии.

Трудности всплыли в Лиге Наций, которая осенью 1921 г. назначила Фритьофа Нансена верховным комиссаром по делам беженцев. Норвежский исследователь и политик ранее отличился тем, что организовал по поручению Лиги Наций обмен военнопленными между Россией и другими странами. Задачи верховного комиссара и его аппарата заключались в создании системы по выдаче паспортов беженцам, их трудоустройстве, подыскании для них мест проживания, а также координации деятельности по оказанию помощи.

Делами беженцев занималась также входившая в Лигу Наций на правах самостоятельной структуры «Международная рабочая организация» (International Labour Organisation, ILO), которая пыталась предоставить рабочие места. По мере того, как вопросы занятости на фоне уменьшавшихся иных проблем приобретали все более острый характер, основная нагрузка Лиги Наций в работе с беженцами легла с 1925 г. на плечи Рабочей организации (ИЛО). Несмотря на существование аппарата верховного комиссара, в ее рамках была создана своя служба по работе с беженцами.

Деятельность Рабочей организации пришла в упадок в конце десятилетия и со смертью Фритьофа Нансена в 1930 г. возникла необходимость ее реанимации. Тогда была основан новый «Нансеновский

международный комитет по делам беженцев» (Nansen International Office).

Финляндия принимала участие в работе Лиги Наций по делам беженцев с начала 1920-х гг. На конференции посылали представителя, первый раз это произошло осенью 1921 г. Правительство также назначило специального чиновника для связи с верховным комиссариатом. Помимо этого представителем Нансена, а позднее Рабочей организации в Финляндии являлся полковник Виктор Швиндт, который также входил в центральное правление финляндского Красного Креста. С его смертью эту миссию с 1929 г. выполнял майор Микаэл Грипенберг.

С середины 1920-х гг. участие Финляндии в работе по делам беженцев, ограниченное лишь проведением проверок, было все же незначительным. Собственную ситуацию с беженцами она считала достаточно стабильной.

Несмотря на успехи, осуществлявшаяся в рамках Лиги Наций забота о беженцах страдала все же от недостатка финансов, споров и разочарований. Наиболее значительным достижением верховного комиссариата было создание международной паспортной системы для беженцев, не имевших гражданства. В отношении русских статус этих нансеновских паспортов признали свыше 50 государств, в том числе и Финляндия.

Начиная с осени 1922 г. в подготовке этих документов, прозванных Женевскими паспортами, участвовала и Центральная сыскная полиция Финляндии. Позднее нансеновские паспорта распространили и на другие категории беженцев, но Финляндия считала их недостаточными.

Вопрос об убежище и о праве на него активно обсуждался в мире на протяжении первой половины 1920-х гг., но какого-то общего подхода выработать не удалось. Некоторое время ушло на шлифовку понятия «беженец». Согласно выработанному Лигой Наций в 1926 г. определению, «российский беженец» — это человек русский по национальности, который не пользовался защитой советского правительства и не имел гражданства другой страны.

В финляндском законодательстве право на убежище вообще не упоминалось на протяжении всех 1920-х гг. Само понятие носилось в воздухе: на деле защита беженцам по соображениям гуманности и с учетом сложившихся обстоятельств предоставлялась — если, конечно, предоставлялась. Понятия «убежище» отсутствовало как в международном, так и в отечественном законодательстве, но общий подход

заклучался в том, что политические причины не являются основанием для выдачи человека по требованию страны, откуда он выехал.

Тем не менее, разворот на границе и выдворение из страны имели место, и некоторые положения понятия «убежище» были зафиксированы даже в тексте соглашения. В подписанном летом 1922 г. между Финляндией и Советской Россией документе, который касался возвращения граждан обеих стран на свою родину, финны заявили о том, что оставляют за собой право выдворять нежелательных лиц, подданных иностранных государств.

Ранее, летом 1922 г. в Финляндии было утверждено понятие «российский беженец», которое, правда, предназначалось только для официальных лиц, занимавшихся их обустройством. Согласно ему беженцами являлись те иностранцы — подданные России и иных стран — которые спасались из нее бегством, а также покинувшие Россию граждане Финляндии. Юридическое положение беженцев, их превращение в лиц без собственного государства (поскольку Советская Россия лишила их гражданства), стали причиной головной боли на многие годы.

В эмигрантских делах с середины 1920-х гг. как в Финляндии, так и в остальном мире наступил период относительного спокойствия. Большие людские потоки остались в прошлом, власти были заняты созданием механизма для обеспечения людей, ставших жертвами исхода более раннего периода.

*«...постановляем этим о въезде
и пребывании иностранцев в Финляндии»*

По мере того, как финляндская политика по делам беженцев в 1920-х гг. обретала все большую ясность, появилась возможность отказать от практики постоянно менявшихся особых распоряжений и перейти к более стабильным методам работы. В работе с людьми стали руководствоваться главным образом параграфами постановлений, касавшихся иностранцев.

В начале 1924 г. вступило в силу новое положение об иностранцах, которое во многом напоминало соответствующее решение 1919 г. Следует отметить, что законодательная машина не могла не знать о практических трудностях в этой работе. В новом документе были прописаны правила, которые до этого применялись по принципу «как Бог на душу положит».

Теперь отмечалось, что губернатор в случае крайней необходимости имел право заставить иностранца сменить место жительства в

пределах губернии. Такие эпизоды частенько имели место и ранее. Но распоряжение о переезде из одной губернии в другую отныне могло дать только министерство внутренних дел.

Билет на право пребывания, срок действия которого ограничивался одним годом, по-прежнему выдавал губернатор, он же мог его изъять. Право иностранцев на защиту было подкреплено параграфами, согласно которым на решения губернатора по вопросам пребывания можно было жаловаться в министерство внутренних дел.

В конце 1926 г. было издано еще одно постановление об иностранцах. Губернатор более не мог отказать в просьбе на предоставление билета, дававшего право на проживание, при отрицательных заключениях губернатора окончательное решение оставалось за министерством внутренних дел. Но губернатор имел право аннулировать действие такового билета. Для беженцев важнейшим новшеством было то, что в тексте постановления впервые упоминалось разрешение на их трудоустройство.

Легальный въезд иностранцев становился менее трудным; власти реагировали на возросшие масштабы миграции. Финляндия договорилась со многими странами о безвизовом режиме. В отношении лиц, прибывавших из Советского Союза, практика осталась прежней, разрешение на въезд по-прежнему выдавало министерство иностранных дел.

Стабилизация положения в Советском Союзе привела к тому, что пассажирское сообщение между странами стало делом обычным. Кроме лиц, стремившихся на протяжении 1920-х гг. проехать транзитом в третьи страны, сотни русских пытались легальным путем попасть именно в Финляндию. Они находились здесь для того, чтобы продать свою собственность, а в некоторых случаях приезжали даже на отдых.

Но перед теми русскими, которые намеревались остаться в Финляндии на постоянное жительство, как правило, вставала стена. Счастье улыбалось лишь тем, у кого имелись убедительные аргументы — собственность или родственники. Разобщенные семьи объединялись, но в целом доминировало стремление удерживать количество русских в стране в жестких рамках.

Проникновение беженцев нелегальным путем продолжалось на протяжении всех 1920-х гг. По сравнению с сумасшедшим временем начала десятилетия приток во второй половине 1920-х гг. был незначительным, и ситуация на границе находилась под контролем.

Закон, что дышло...

Некоторые «доморощенные обычаи», которые вопреки нормам официальных решений применялись к беженцам в результате утвердившейся практики, продолжали жить еще некоторое время. Официальные лица низового звена объясняли это обстоятельство тем, что применение весьма запутанных требований было слишком сложным делом, особенно если иметь в виду незначительное количество «настоящих иностранцев».

При допуске в страну прибывавших из Советского Союза беженцев-нелегалов не всегда руководствовались параграфами соответствующих постановлений об иностранцах. В Выборгской губернии укоренилась практика, согласно которой Сыскная полиция передала решение о пропуске в страну на рассмотрение губернатора. Эта система действовала на протяжении всех 1920-х гг. Ставший в 1925 г. губернатором Арво Маннер признал в конце десятилетия, что подобные решения он принимал единолично, и практически никогда не передавал их на рассмотрение в министерство иностранных дел. Маннер признал, что эта практика была не совсем законной, но он считал ее «приемлемой» и оперативной. Тем более, что у министерства отсутствовали ясные представления о том, кого пропускать в страну, а кого нет.

Тех нарушителей границы, которых в ходе допросов сразу же признавали нежелательными, местные отделения Сыскной полиции, руководствуясь лишь собственными соображениями, отправляли обратно. Эта практика имела место на всем протяжении восточной границы, а в Кайнуу она носила регулярный характер в течение всех 1920-х гг.

Выдворение из страны на восток было далеко не простой операцией. Согласно официальным требованиям пограничники должны были передавать возвращенца советским представителям на границе и оформлять процедуру документально. Но последние не проявляли желания принимать этих людей и во всяком случае подписывать какие-либо бумаги.

В силу этого возврат зачастую проходил «неофициально», без участия советских представителей. Служащие Сыскной или местной полиции с помощью пограничников отводили выдворяемое лицо на определенный участок границы, где его попросту перебрасывали на другую сторону.

Эта «неофициальная» практика выдворения людей из Финляндии в Советский Союз сохранилась и впредь. Судя по всему, большинство

высылавшихся на восток лиц перебрасывалось на протяжении нескольких лет втемную.

Далеко не все были согласны возвращаться. И хотя имеются упоминания о приостановлении принудительного выдворения из страны, поскольку власти не хотели применять насилие, можно лишь догадываться какие методы использовались для того, чтобы освободиться от нежелательных лиц. С другой стороны, и советские власти вышвыривали финнов на их прежнюю родину, равно как и высылавшихся из страны иностранцев.

С неофициальным выдворением связано множество всяческих нарушений и осечек. Уже в начале 1920-х гг. обнаружили, что втайне переброшенные через границу беженцы вновь нелегально перебирались в Финляндию. Начиная с середины десятилетия советские власти также выталкивали их обратно.

Далеко не единичными были случаи, когда одни и те же лица становились жертвами грубой игры, в ходе которой их неоднократно перебрасывали через границу в обоих направлениях. Некоторых перебрасывали из страны в страну по три-четыре раза. Рекорд в этом смысле, видимо, принадлежал русскому глухонемому, которого пограничный наряд встретил в 1938 г. по дороге в Куоккала, на Карельском перешейке. Обнаружилось, что мужчина перешел в Финляндию нелегально, будучи переброшенным советскими солдатами, которые «...грозились его убить, если он еще раз появится в Советской России. Волкова уже с 1931 года постоянно перебрасывали взад-вперед через границу, из Финляндии в последний раз — 8.4.1938 г.». И не далее, как через месяц этого человека вновь по приказу Выборгского губернатора тайным образом перебросили в Советский Союз!

Укоренившиеся на границе сомнительные методы работы провоцировали самый настоящий произвол. Наиболее грубые случаи имели место в Салми, где местные полицейские заворачивали с границы и «выдворяли» проживавших в данном районе беженцев буквально силой.

Видимо ставшие достоянием гласности события в Салми и возросшее количество лиц, нелегально перешедших границу, побудили центральные ведомства в 1929 г. приступить к выяснению законности применявшихся методов, в частности, воспрепятствованию въезду в страну. Результатом проведенных совещаний стало решение о том, что беженцы во всех случаях подпадают под действие постановлений об иностранцах. В конце года начальник Сысской полиции убеждал своих подчиненных, что судьбы беженцев более не должны оставаться в

руках губернаторов, что все эти дела надо передать министерству иностранных дел.

Следует подчеркнуть, что с наступлением стабилизации развороты с границы и высылки затрагивали только незначительную часть беженцев. Их причинами являлись постоянное нарушение законов, политические интриги, шпионаж и «непристойная жизнь».

Масштабы перебросок определить весьма сложно. Неофициальные переброски через восточную границу осуществлялись втайне, и они нигде не фиксировались. Позднее чиновники сами приходили в удивление, обнаружив, что тот или иной человек был выдворен.

Также следует помнить, что большинство из пробравшихся в 1923–1928 гг. в Финляндию беженцев-нелегалов все же осталось в стране. Из всего количества прибывших около 20% были на границе повернуты обратно и это было документально зафиксировано. По большей части назад отсылались русские и ингерманландцы, в каждой группе примерно по 30%. Цифры все же занижены, поскольку неизвестное число лиц отправлялось обратно столь стремительно, что их просто-напросто нигде не учитывали.

Для обосновавшихся в Финляндии беженцев 1920-е гг. были временем перехода к более стабильным и менее тяжким условиям жизни, что отразилось как в их юридическом положении, так и в отношении к ним со стороны официальных лиц. Рутинная обрела определенные формы, их перестали перебрасывать с места на место, не надо было менять место жительства, разрешения на пребывание систематически продлевались. Чиновники местного уровня относились к беженцам-соплеменникам весьма и весьма благосклонно.

Но обхождение с новыми пришельцами на границе и способы их выдворения были все же далеки от требований закона. В конце десятилетия практику и нормы установлений попытались привести в соответствие, но эта попытка осталась благим намерением.

Неспокойные 30-е годы

Законодательство под прессом бурного времени

Уже осенью 1929 г. дипломатические представители Финляндии в Советском Союзе обратили внимание на события в Ингерманландии. Озабоченность вызывали принудительные и всякие иные меры, которые были направлены против проживавших в этом регионе финлянд-

ских граждан. Посольство в Москве в январе 1930 г. вошло по этому поводу в контакт с народным комиссариатом иностранных дел Советского Союза, но без какого-либо результата. Межгосударственное соглашение, на основе которого можно было бы гарантировать права граждан, отсутствовало.

В министерстве иностранных дел были уверены в том, что грозная обстановка могла стать причиной массового бегства из Ингерманландии в Финляндию. В начале 1930 г. в полной тайне были осуществлены первоочередные приготовления для приема прибывающих лиц, равно как и меры по их временному обустройству на Карельском перешейке. Приготовления можно сравнить с тем, что делалось в начале 1920-х гг. в отношении прибывавших из Советской России финляндских граждан. На совещаниях поначалу говорилось об «ингерманландцах», но затем уточнили, что вопрос идет только о гражданах Финляндии, возвращающихся в страну на законном основании.

События в Ингерманландии вызвали в Финляндии беспокойство, которое побудило финляндские власти весной 1931 г. выразить по этому поводу свою позицию также публичным образом. Советскому Союзу оставили ноту. Посольство в Москве получило указание заявить, что Финляндия готова принять всех высланных или высылаемых из Ингерманландии «финских» крестьян. Но правительство очень быстро отказалось от этой экономически несостоятельной, непродуманной идеи.

Приготовления к приему можно было отложить в сторону. И хотя финляндские граждане, действительно, прибывали из Ингерманландии, ожидавшегося наплыва, все же не было. На это повлияли многие обстоятельства: значительная часть людей лишилась в Советском Союзе финляндского гражданства, продажа собственности была затруднительна, да и в целом выезд из страны был сопряжен со сложностями.

Весной 1930 г. в Финляндии было принято новое положение об иностранцах, которое внесло некоторые изменения в нормы, регулировавшие отношения с уже проживавшими в стране лицами. Билет на пребывание был заменен видом на жительство, и при возобновлении старого, заканчивающегося разрешения на пребывание, теперь следовало вновь запрашивать дозволение на трудоустройство, несмотря на то, что таковое уже было выдано ранее. Лицам, искавшим политического убежища, разрешение на работу выдавалось на ограниченный срок.

В положении впервые упоминалось право на убежище. Отмечалось, что если нелегально прибывший иностранец ищет убежища, или если воспрепятствование его въезду в страну причинит ему непоправимый ущерб, то в этом случае дело передавалось на рассмотрение министерства иностранных дел. В остальных случаях полиция по-прежнему поворачивала нелегалов обратно. Возникавшие отныне в таких случаях конфликты фиксировались теперь на законодательном уровне.

Когда в начале лета 1933 г. было издано очередное постановление об иностранцах, новая волна бежавших в Финляндию из Советского Союза лиц достигла своего апогея. Возраставшая напряженность в центральной Европе также стала сказываться на границе. Правда, еще не в виде беженцев, а в облике лиц «перекати-поле», чьи житейские дела во всех отношениях пошли под откос.

Все это сказалось на том, что в постановлении 1933 г. преграды на пути легально въезжавших иностранцев возросли. С границы могли завернуть обратно, если возникали подозрения относительно способов добывания средств к существованию, шлагбаум возникал также перед теми, кто был признан в совершении преступлений или представлял угрозу для безопасности государства. Последнее обстоятельство упоминалось впервые. Распоряжения министерства иностранных дел (весна 1934 г.) о предоставлении виз в свою очередь свидетельствовали об ужесточившемся просеивании.

Согласно положению губернатор имел право выдворить из страны законно проживающего иностранца на основании тех же причин, которые применялись на границе в отношении нежелательных лиц. Но в случаях с нелегально находившимися в Финляндии людьми решения все же были регламентированы. Учитывались личные обстоятельства, экономическое положение выдворяемого, семейные условия и общее время пребывания в стране. Право иностранцев на убежище в такой форме было подчеркнуто впервые.

Основные права «старых» беженцев, уже находившихся в стране, изменились ненамного. Существенное изменение заключалось в том, что разрешение на пребывание можно было продлевать сразу на три года, вместо одного по старому закону.

Становившееся все более беспокойным время сказалось на финляндском законодательстве первой половины 1930 гг. об иностранцах. Понятие об убежище было взято на вооружение, но с другой стороны, в еще большей мере, нежели ранее, приготовились отражать проникновение в страну нежелательных лиц.

*«...грустно, что прибывающие
из-за границы соплеменники оказались
столь неблагонадежным элементом»*

Тревожные события начала 1930-х гг. сказались на местном уровне стремлением органов по наблюдению за беженцами еще более ужесточить свою позицию. Вновь обнаружилось, сколь трудным было согласование буквы закона и практической работы.

Возраставший поток беженцев вызывал среди пограничников и сотрудников Сысской полиции озабоченность хотя бы по той причине, что допросы лиц и их последующее обустройство требовали огромного труда. Центральную полицию тревожило то обстоятельство, что из общей массы сомнительных личностей трудно было выявить шпионов. Ведомство в 1930 г. просило министра внутренних дел выделить ставку для специального сотрудника, который будет заниматься делами беженцев, но в этой просьбе, сославшись на отсутствие средств, было отказано.

Большинство восточных беженцев проникало в Финляндию, но требования об ужесточении мер постоянно возрастали. «Вряд ли имеется возможность принимать новых беженцев целыми группами», полагал начальник Сысской полиции Эско Риекки, имея ввиду сомнительное прошлое и безработицу среди иммигрантов. Поскольку предложения о расширении и совершенствовании аппарата постоянно отвергались, Риекки в конце 1930 г. предложил министерству внутренних дел ввести «автоматическое возвращение» беженцев, согласно которому пограничная охрана могла бы заворачивать сомнительные лица обратно без всяких проволочек. Это касалось только русских, тогда как в отношении соплеменников предусматривалось более детальное изучение дела прямо на месте.

В равной мере ужесточилось наблюдение и за иностранцами. Осенью 1930 г. в министерстве внутренних дел состоялось совещание сотрудников соответствующих органов, на котором центральная Сысская полиция особенно подчеркивала тот факт, что из-за усилившегося шпионажа и иной сомнительной деятельности пребывание беженцев в пограничной зоне следует ограничить. Новое расселение беженцев в ней недопустимо, а самых неблагонадежных из числа уже проживающих предстоит выселить в другие места; в местных отделениях центральной полиции были составлены списки на выселение, насчитывавшие несколько десятков фамилий.

Но идти против жизни — дело сложное. Новых беженцев по-прежнему вынуждены были селить в пограничной зоне, поскольку

здесь у них были родственники, и имелась возможность прокормить себя. Прежние высылки провалились по аналогичной причине. Однако между Государственной полицией и губернским правлением Лапландии было достигнуто соглашение, по которому разрешение на проживание беженцев в Петсамо, где темные делишки обтяпывались как в старом Монтенегро, более не возобновлялось.

Сложности были реальными — помимо лиц, оказавшихся в беде, «беженцами» были всякие проходимцы, которым, по мнению центральной полиции, все же удавалось проникать сквозь препоны. Признавалось, что в общей массе находились «откровенные рюсся и иной подобный элемент», принимать которых не было никаких оснований.

Отмечалось трудное положение беженцев-соплеменников, но находившиеся среди них сомнительные личности накладывали подозрительный отпечаток на всю диаспору. «Имели место случаи, когда переданный в Россию местным отделением сомнительный беженец, который во время его конвоирования к границе грозился покончить жизнь самоубийством, молил и стоял на коленях, был, как свидетельствуют полученные позднее из России данные, заслан в Финляндию ГПУ, и это обстоятельство делает несостоятельными обвинения Сыскной полиции в применении ею бесчеловечных методов», заявил начальник Сортавальского отделения полиции Юрьё Карес в связи с отказом пропустить через границу олончан. В отношении сомнительных беломорских карелов начальник Кемского отделения Харри Бромс заявил, «...что подобных «соплеменников» без сожаления надо выдворять обратно».

На протяжении многих лет между Сортавальским отделением полиции и Салминским погранотрядом по этим делам существовали разногласия. Пограничники в начале 1930-х гг. ворчали по поводу того, что центральная полиция негласно «выбрасывала» людей обратно в Советский Союз, и это приводило к неприятностям для самих пограничников, когда советская сторона реагировала на эти факты. Позднее договорились о процедуре, согласно которой пограничная застава в Салми передавала возвращаемых лиц русским коллегам по представлению центральной полиции. Но и эта мера не обошлась без брюзжания, поскольку пограничники иногда сомневались в необходимости такой передачи.

Работа с прибывавшими тайными тропами беженцами не стала более действенной и ясной даже после вступления в силу положения 1933 г., ибо прописанные в нем строгие меры касались только легально

въезжавших лиц. Обмен мнениями среди официальных лиц по вопросу об отношении к беженцам продолжался вплоть до 1934 г.

Еще летом 1933 г. Эско Риекки повторил свое предложение о немедленном повороте с границы нежелательных беженцев силами погранстражи. По мнению Риекки, министры иностранных и внутренних дел Антти Хакцель и Ю. В. Пухакка, а также начальник погранстражи полковник Ярнстрём относились все же к насильственному возвращению с сомнением, независимо от того, кто осуществлял эту процедуру.

Особенно раздражало это дело министерство иностранных дел. В министерстве полагали, что Сыскная полиция разворачивает людей с границы на основании слишком легких аргументов и слишком часто вопреки позиции министерства. Но наибольшую озабоченность вызывала возможная негативная реакция общественного мнения в случае обнародования этих фактов. По этой же причине центральную полицию критиковал и финляндский представитель международного Нансеновского комитета.

Немедленный разворот людей на границе применяться не стал. Многие пограничные заставы и Штаб погранвойск отвергали эту идею. Опасались, что она может привести к инцидентам с Советским Союзом, а также ссылались на отсутствие у пограничников необходимых полномочий.

Решая в начале 1930-х гг. вопрос о пропуске восточных беженцев в Финляндию, следовали, несмотря ни на что, законодательству об иностранцах. Сыскная полиция допрашивала прибывших, и лица, допущенные в Финляндию, препровождались в полицейский участок для последующей работы с ними.

Поначалу центральная полиция возвращала подавляющую часть подозрительных людей по своему усмотрению, но впоследствии все чаще стали передавать решение вопроса на рассмотрение министерства иностранных дел. На первых порах министерство было склонным давать разрешения на пребывание в стране, однако в период резкого увеличения числа беженцев выносились также решения и о выдворении из Финляндии.

Обстановка на восточной границе стала приходить в норму в середине 1930-х гг., когда людской поток сократился. Но отношение к беженцам не стало благосклоннее, если не сказать обратного.

Несмотря на всякие слухи, большинство прибывших из Советского Союза лиц получило все же возможность остаться в Финляндии. За

1929–1939 гг. въезд в страну был запрещен в 190 официально зарегистрированных случаях. Запреты касались прежде всего русских, из которых подобную участь испытал каждый третий. Сложность с подсчетами заключается в том, что в начале 1930-х гг., во время наибольшего наплыва беженцев, их поворачивали обратно «втемную».

Вообще отказ от приема людей, бежавших от кровавой советской мясорубки, не был редкостью и в остальных странах. Беженцев не без сомнения принимали — если вообще принимали — в Латвии, Польше, Румынии и Эстонии. Последняя уже в начале 1930-х гг. придерживалась жесткой линии, поскольку почти все ингерманландцы были отправлены обратно. Это вызвало осуждение у финских поборников национальной идеи, и они подумывали о переселении ингерманландских беженцев из Эстонии в Финляндию.

Общественное мнение в первой половине 1930-х гг., за исключением левого крыла в рабочем движении, выступало за прием беженцев-соплеменников. Полиция безопасности, однако, твердо стояла на своих «отказных» позициях, и шум по поводу соплеменников на нее никакого влияния не оказывал. Другие официальные лица, тем не менее, удивлялись тому, что предлагаемые Сыскной полицией жесткие меры так и не были претворены в жизнь. Будни с их шпионскими страстями свидетельствовали, однако, все же о том, что линия центральной полиции не сводилась лишь к мании преследования, как об этом можно было бы предположить.

Тень Гитлера и надвигавшейся войны

В связи с известными событиями центральная Европа в первой половине 1930-х гг. оказалась в водовороте эмигрантского потока, брызги которого долетали и до других регионов мира. Ничего подобного не наблюдалось со времен российских революций.

Проблема нарастала столь стремительно и приобрела столь угрожающий характер, что Лига Наций основала в 1933 г. должность верховного комиссара, занимавшегося беженцами из Германии, а также создала подведомственный ему аппарат. Задача заключалась в организации помощи беженцам и подыскании для них стран-убежищ. Помимо этого некоторые государства провели конференции, на которых обсуждалась сложившаяся трудная ситуация.

По инициативе США летом 1938 г. была организована конференция, наиболее заметным результатом которой стало учреждение межправительственного комитета по делам беженцев и придававшегося

ему аппарата. Задача комитета сводилась к подысканию стран, готовых принять людей, а также возможностей для переговоров с Германией о проведении централизованной эмиграции. В достижении последней цели потерпели полную неудачу.

В приеме беженцев из центральной Европы можно было заметить два подхода. Организации и некоторые частные лица относились к ним в целом благосклонно, правительства же, напротив, как правило, сдержанно. Получение разрешения на въезд во многие страны было делом далеко негарантированным, и бесчисленное множество беженцев перебрасывали с одной границы на другую. Опасались, что приезжие осложнят ситуацию на рынке труда, озабоченность вызывали затраты на обустройство беженцев и боялись роста антиеврейских настроений.

События в центральной Европе мало сказались на Финляндии, число беженцев-транзитников было невелико. В принятом весной 1938 г. новом постановлении об иностранцах посчитали нецелесообразным кардинально менять правила, касавшиеся въезда в страну.

Обязанности, связанные с пребыванием и отъездом иностранцев из страны — теперь это именовалось «препровождением» — из рук губернаторов были переданы губернским правлениям. Не обошлось без ужесточения. Экономическое состояние, семейное положение и продолжительность нахождения в стране более не являлись препятствием для препровождения. Ужесточилось и предоставление права на трудоустройство: это разрешение необходимо было исхлопотать еще до приезда в страну.

Государственную полицию (Сыскная полиция была переименована в конце 1937 г.), которая на самом деле уже являлась основным надзорным органом над иностранцами, теперь ко всему прочему обязали проверять паспорта. Хотя ранее в бумагах было записано, что заключение о предоставлении права на проживание Государственная полиция давала наряду с министерством иностранных дел.

Беженцев из центральной Европы к границам Финляндии толкнул аншлюс Австрии в марте 1938 г. Эмиграционная волна, таким образом, достигла северных уголков достаточно поздно. Вновь, как и ранее, обнаружилось противоречие между практикой и законодательством и полное бессилие его разрешить.

Евреи из Австрии прибыли в Финляндию легальным путем сразу же весной 1938 г. Поскольку многие государства не проявляли желания принимать их, можно было ожидать прибытия еще нескольких

сотен людей. Сначала беженцев впускали в страну довольно легко. Но в августе 1938 г. по представлению министерства иностранных дел правительство издало постановление об ужесточении требований. У приезжавших требовали визы, и рассмотрение вопросов о предоставлении права на въезд передали в ведение министерства.

Последствия сказались немедленно. Уже через несколько дней из Хельсинкского порта было повернуто судно с 50 австрийскими евреями, которые оказались нежелательными персонами. После осени 1938 г. лишь немногие попали в Финляндию, как правило, те, кто дал гарантии о возвращении домой или о переезде в третьи страны.

Новая эмиграционная волна вызвала активную публичную дискуссию, в которой слышались голоса как «за», так и «против», причем последние составляли большинство. Как дома, так и за границей отрицательная позиция финских властей аргументировалась тем, что в Финляндии уже находились беженцы из России, забота о которых составляла первоочередную обязанность после осени 1938 г. Но на деле эта проблема уже не имела прежнего значения. К тому же совершенно обходился молчанием тот факт, что Финляндия постоянно отсылала часть стремившихся сюда беженцев обратно в Советский Союз.

В финской ситуации с беженцами новая страница была перевернута в самом конце 1930-х гг. Наибольшую проблему теперь составляли люди, прибывавшие не с востока, а из центральной Европы. Однако двери перед ними быстро захлопнулись. Отказы имели место повсюду, но в Финляндии ясно продемонстрировали, что желали остаться в стороне от трагических событий, сотрясавших Европу. Теперь, как и ранее в случае с беженцами из России, обнаружилось, что помимо действительных и реальных факторов на ситуацию оказывали влияние идеи, недоверие и вымыслы.

Длинные тени жесткой политики

Угроза войны привела в конце 1930-х гг. к проведению долговременной и жесткой политики по отношению к иностранцам, как в финляндском законодательстве, так и на практике. Это проявилось в ужесточении допуска в страну, сказалось на проживавших в стране иностранцах, а опосредованно и на беженцах, на которых обрушились чрезвычайные меры.

Государственный совет получил в сентябре 1939 г. полномочия издавать распоряжения, выходявшие за рамки законодательства по иностранцам. Отменялась свободная выдача виз. Немногим позднее у иностранцев, за исключением подданных северных стран, были отобраны права на пребывание в стране и на трудоустройство, их надлежало запрашивать заново. Началась централизация административных структур, занимавшихся делами иностранцев. В ноябре 1939 г. государственный совет передал полномочия губернских правлений в руки министерства внутренних дел.

Помимо этого принялись за личные свободы людей. В октябре 1939 г. начались превентивные задержания, которые были направлены, в первую очередь, против лиц, ранее обвинявшихся в государственных преступлениях и измене родине. В конце ноября было издано постановление, которое на основе чрезвычайного закона ограничивало личную свободу граждан. Людей стали отправлять в тюремные изоляторы, как иностранцев, так и лиц без гражданства.

Во время Зимней войны в них было посажено в общей сложности 199 человек. Задержанных насчитывалось несколько сотен человек. Доля помещенных в изоляторы бывших подданных России и советских граждан была внушительна, поскольку в конце войны их насчитывалось уже около 80 человек, т.е. 40% от общего количества заключенных.

С окончанием Зимней войны и с наступлением Московского мира атмосфера в Финляндии была напряженно-подозрительной, и это не могло не сказаться на беженцах. Государственная полиция особенно внимательно следила за русскими, эвакуированными с Карельского перешейка, опасаясь, что часть из них по своим взглядам склонялась к коммунистам. К тому же было замечено, что советское посольство стало устанавливать связи с эмигрантами. В конце 1940 г. государственная полиция приступила к домашним обыскам и допросам, которым были подвергнуты около 50 русских, проживавших в столичном регионе. Ажиотаж в значительной мере оказался безосновательным, поскольку к началу 1941 г. государственная полиция посчитала необходимым как можно быстрее упрятать в кутузку всего полдесятка людей.

В начале 1941 г. был предпринят шаг, который повел далее по пути чрезвычайщины. Президент Ристо Рюти поручил начальнику Государственной полиции вести и принимать самостоятельные решения по подавляющей части дел, касавшихся наблюдения за иностранцами. В

этой сфере над вице-судьей Арно Антони, назначенным в феврале начальником Государственной полиции, стоял лишь министр внутренних дел.

В июне 1941 г., на пороге войны-продолжения, вновь была затронута свобода многих беженцев. Государственная полиция опубликовала список бывших российских подданных и советских граждан, которых следовало заключить в изоляторы. Список насчитывал 110 человек, из них практически все были русскими.

С началом войны превентивные аресты возобновились с использованием прежних аргументов, и в течение двух месяцев около полутысячи человек было задержано. Позднее часть была освобождена, часть была мобилизована в армию. В мае 1942 г. в заключении еще насчитывалось 24 российских беженца и советских граждан. Помимо этого часть эмигрантов должна была выехать из столичного региона в провинцию.

Мрачную страницу составляет высылка иностранцев на оккупированные Германией территории. В 1942 г. Германии были переданы 76 иностранцев, главным образом эстонцев и евреев. В их числе в лапы гестапо попало 30 советских граждан и подданных прежней России, которые обвинялись в преступлениях и шпионаже. Совершенно очевидно, что Арно Антони желал выслать всех беженцев, приехавших из центральной Европы, в Германию. Их оставалось еще около 150 человек.

Начало 1941 г. явилось поворотным пунктом в обращении с беженцами из стран центральной Европы, в первую очередь это коснулось евреев. С этого времени отношение к ним стало более жестким. С ними могло случиться все, что угодно, и ни закон, ни постановления не имели здесь никакого значения.

В течение войны-продолжения Финляндия испытала невиданный ранее наплыв людей из-за границы: в ходе перемещения населения прибывали ингерманландцы, эстонцы, восточные карелы и представители иных национальностей. В этом потоке «старый» вопрос о российских беженцах отошел на задний план.

В начале 1942 г. было принято новое положение об иностранцах, которое по своему содержанию ненамного отличалось от предыдущих. Ни с одной страной более не существовало соглашения о безвизовом режиме, разрешения на въезд практически всегда рассматривались только в министерстве иностранных дел.

В положении существовала запись о праве на убежище, решение о предоставлении которого выносилось министерством иностранных

дел. Но все остальные дела по иностранцам были сконцентрированы в министерстве внутренних дел. Предоставление убежища свелось к минимуму, поскольку теперь отменили право пересмотра принятого чиновником решения.

Все те мрачные события и издержки в обращении с эстонскими беженцами, которые уже в то время породили немалый шум, принесли мрачную славу практике, применявшейся Финляндией в годы войны. Время было трудным и жесткие меры представлялись обоснованными, но в действиях Государственной полиции, превратившейся в единственный орган по наблюдению за иностранцами, усматривался произвол и неоправданность, особенно в отношении евреев.

Существенным представляется то обстоятельство, что сформировавшаяся в конце 1930-х гг. и в военный период жесткая линия по отношению к иностранцам сохранилась и с наступлением мирного времени. Вплоть до 1958 г., до принятия нового положения об иностранцах, эта политика руководствовалась установлениями 1942 г.

Укоренившиеся в чрезвычайных условиях ограничения, массивное наблюдение и связанный с методами работы дух подозрений некоторое время накладывали отпечаток на отношение к иностранцам и беженцам в послевоенной Финляндии. Начиная с первых лет независимости, в отношении к беженцам наблюдались непоследовательность, неоднократные шараханья от абсолютного неприятия до непродолжительной по времени терпимости. После окончания войны-продолжения линия отличалась ясностью. Но особенность этого курса заключалась в том, что Финляндия на протяжении 30 лет практически была закрыта для новых беженцев.

«...БЫВШИЙ РОССИЙСКИЙ ПОДДАННЫЙ, НЫНЕ НИЧЕЙ И БЕЗРОДНЫЙ»

Оковы беженца

«Т о неопределенное правовое положение, в котором здесь находятся карелы и ингерманландцы — „граждане без всякого гражданства“, препятствует улучшению экономического положения беженцев и с течением времени загоняет их в нищету». «Во всех других странах знают, что пребывание и забота о прибывших из России беженцах организованы в них эффективнее и лучше, чем в Финляндии».

Относящиеся к концу 1920-х гг. высказывания свидетельствуют о том недовольстве, с которым на протяжении десятка лет в Финляндии жили беженцы, числившиеся на положении «иностранцев». Будучи лицами без гражданства, они испытывали ограничения, которые сказывались и на обычной, повседневной жизни.

Так называемые «билеты на право пребывания», являвшиеся основанием для нахождения в стране, в 1920-х гг. стали причиной споров и бумажной войны. Сначала разрешение надо было обновлять через каждые полгода, затем через год. Непривыкшие к финской бюрократии беженцы-соплеменники (а среди них находились люди, не умевшие ни читать, ни писать) и совершенно не владевшие финским языком эмигранты считали все эти процедуры слишком сложными, порой просто ужасными. Даже выкуп билета становился для малообеспеченных людей непосильным делом, и они вынуждены были добывать в своих организациях свидетельства о своей финансовой несостоятельности.

В каждодневной жизни наибольшие неудобства были связаны с ограничениями на передвижение. И хотя чрезвычайные меры первых лет постепенно уходили в прошлое, для переезда на постоянное жительство в другую губернию требовалось новое разрешение губернатора. Начиная с 1924 г. билет на право пребывания, если в нем имелась разрешительная запись, предоставил возможность свободного переме-

щения. Но русским людям губернаторы зачастую отказывали, и вновь надо было испрашивать дозволение на поездку у полиции. В тех же случаях, когда людям приходилось разъезжать для того, чтобы заработать себе на жизнь, эти правила воспринимались как неподдающиеся нормальному объяснению, и даже как намеренное противодействие.

Наконец в 1930 г. практика работы с беженцами претерпела значительные послабления. Лицам уже проживавшим в Финляндии билеты на пребывание стали выдаваться сразу на три года и к тому же бесплатно. Разрешение не ограничивалось рамками губернии, переезд становился свободным, и права на передвижение были такими же, как и у остальных граждан Финляндии.

Поиск средств существования для многих беженцев составлял постоянную, многолетнюю проблему и финское законодательство было небезгрешно в том, что эти трудности имели место. С самого начала беженцы жаловались на то, что их налогообложение, приравненное к налогообложению иностранцев, было более суровым, чем обычно; в нем нельзя было производить никаких послаблений. Существенным подспорьем могло бы стать уменьшение налога на детей, поскольку семьи, как правило, были многодетными. Подсчитано, что в первой половине 1930-х гг. малообеспеченная финская семья из трех человек имела такое количество льгот, что оставшийся доход уже не облагался налогом, тогда как такая же семья беженца платила со своего дохода полную сумму налогов.

Возможности беженцев найти себе дополнительный доход были ограничены и другими обстоятельствами. Приобретение недвижимости могло состояться, и то не всегда, только с разрешения властей. Для занятия какой-либо экономической деятельностью нужно было разрешение губернатора, и его получение в 1920-х гг. было далеко не гарантировано.

Положение о праве иностранцев на работу появилось лишь в постановлении 1926 г., которое требовало ежегодного обновления такого разрешения в министерстве по социальным делам. Но беженцам, находившимся в стране на основании права об убежище, разрешение на работу давалось на неограниченный срок, и оно не было ограничено профессией или территориально. Начиная с 1930 г. они к тому же получили бесплатное разрешение заниматься предпринимательством.

Но это были единственные послабления для беженцев по вопросу о средствах существования. Изменений в раздражавшем людей налогообложении не произошло.

Беженцы, имевшие статус «иностранцев», были лишены многих основных прав в общественной жизни, которые финляндское государство было обязано гарантировать своим гражданам. Во многих случаях местные власти отказывали беженцам в получении образования или медицинской помощи на том основании, что их считали иностранцами, хотя они годами жили в данной местности и регулярно платили налоги. В национальные организации беженцев-соплеменников стекалось столько жалоб, что там приступили к планированию изменений.

К исходу 1932 г. ситуация уже казалась ясной. Министерства и центральные ведомства дали свои рекомендации, которые должны были гарантировать права беженцев. Отчуждение уменьшилось, но не прекратилось. Рекомендации можно было оставить без внимания, а ясных изменений в законодательстве и четких указаний со стороны лиц, занимавшихся беженцами, как правило, не было.

Оказавшиеся без гражданства российские беженцы практически во всех странах столкнулись с теми же ограничениями, что и в Финляндии. Отношение к ним менялось в зависимости от конкретной страны, помимо этого с течением времени происходили изменения и в самом законодательстве.

Но беженцы из России практически всюду должны были иметь разрешение на пребывание в стране или свидетельство личности. Правда, их передвижение и пребывание в пограничной зоне во многих государствах, как и в Финляндии, было ограничено. Для трудоустройства требовались специальное разрешение на труд или регистрация, а для врачей и юристов зачастую также гражданство страны пребывания и документ о профессиональной компетенции. Возможности для получения пособий по безработице или пенсий, как правило, были ничтожными.

Наилучшим образом эмигранты без гражданства чувствовали себя в странах центральной Европы, где они пользовались теми же правами, что и коренные жители этих государств. Так обстояло дело, в частности, в Югославии и Чехословакии. Однако, как правило, эмигранты все же испытывали на себе ограничения. И хотя последние отчасти носили формальный характер, они, тем не менее, сковывали экономические возможности беженцев. Распространение диктаторских режимов и страхи, связанные с новой волной эмиграции из стран центральной Европы, сказались в 1930-х гг. также на отношении к российским эмигрантам: требования, предъявляемые к ним, ужесточились.

В свете законодательных норм ситуация с российскими беженцами в Финляндии отвечала некоему среднему международному уровню.

Явственнее всего ограничения ощущались в экономической сфере, что было характерно и для других стран. Положение беженцев-соплеменников смягчалось тем, что официальные лица относились к ним не так строго, как к собственно эмигрантам и иностранцам в целом. Отсутствие координированного и централизованного контроля за иностранцами привело в конце 1930-х гг. к известному люфту между требованиями закона и реальной практикой.

Тернистый путь к финляндскому гражданству

После обретения Финляндией независимости перед постоянно проживавшими в ней иностранцами, из которых подавляющую часть составляли российские подданные, во весь рост встала проблема получения гражданских прав. Совершенно особую группу составляли евреи, которые лишь с начала 1918 г. вообще смогли ходатайствовать о гражданстве. В период автономии подобное право у них отсутствовало.

Предоставление гражданских прав было далеко не очевидным делом, и они давались далеко не всем ходатаям. В 1918–1919 гг. финляндское гражданство было дано 1225 семьям, из которых более половины составляли российские подданные. Эти люди утвердили себя в сфере предпринимательства, представляли интеллигенцию или были связаны с Финляндией иными узами. В начале 1920 г. в Финляндии вступило в силу положение о предоставлении гражданства, первое по счету за годы независимости. Его стали применять и по отношению к беженцам.

Российские беженцы поначалу не проявляли большого энтузиазма по получению гражданства той страны, в которой они проживали. Решающей причиной была мысль о скором возвращении домой, в связи с чем новое подданство было бы лишь помехой. Играла роль и сама идея: родине, русским корням следовало хранить верность. Лидеры беженцев из числа соплеменников также подчеркивали эти моменты, и прямо-таки стирали в порошок тех, кто намеревался просить финляндское гражданство.

Советское правительство в 1921–1931 гг. выпустило ряд законов и постановлений, на основе которых практически у всех российских беженцев были отняты прежние гражданские права. Правда, два постановления от 1921 г. давали возможность запросить советское подданство в течение определенного временного промежутка, но лишь

малая часть эмигрантов решилась на этот шаг. Весной 1925 г. в Финляндии насчитывался 1541 гражданин Советского Союза.

Во второй половине 1920-х гг. стало очевидным, что часть беженцев смирилась со своим положением и начала подумывать о финляндском гражданстве. Но обнаружилось, что власти не были готовы раскрыть для них свои объятия. Гражданские права предоставлялись на основе заявления на имя президента Финляндии, которое передавалось на рассмотрение государственного совета. Условиями положительного решения являлись непрерывное пятилетнее пребывание в стране, незапятнанная репутация и к тому же способность обеспечить себя средствами существования. Срок непрерывного пребывания в стране мог быть сокращен, если заявитель уже ранее являлся финляндским подданным или же имелись иные «весомые» причины.

Ходатайство предполагало массу всяких свидетельств от разных инстанций, в частности от муниципального совета той местности, где проживал заявитель. Показательным являлось мнение Сыскной полиции о политической благонадежности и об иных требованиях, даже о степени владения финским языком и склонностью заявителя к алкоголю.

К концу 1930 г. гражданские права в Финляндии были предоставлены почти 5000 совершеннолетним иностранцам. Из них около 3000 человек являлись бывшими подданными России, жившими в стране поколениями, но для которых приобретение нового гражданства только начиналось.

Имела место явная избирательность. Интеллигенция и беженцы, владевшие специальностью, могли рассчитывать на гражданство, но для «обычных» простолюдинов эти права находились за семью замками. Обретение гражданства, как правило, терпело крушение из-за слабого экономического положения заявителя, а в случае с русскими также из-за их политической неблагонадежности.

В 1930-е гг. беженцы активнее, нежели ранее, стали стремиться получить финляндское подданство, и все большему числу людей это удавалось. Причина, которая подбодрила малосостоятельные семьи, заключалась в изменении закона, согласно которому с начала 1934 г. не требовалось выкупать достаточно дорогой документ о гражданстве, можно было ограничиться более дешевым официальным свидетельством.

Прокарельские и проингерманландские «племенные» организации по-прежнему считали условия предоставления гражданства непомерно суровыми. В начале 1930-х гг. они оставили государственному совету

свои предложения по облегчению процедуры для соплеменников, а Патриотический Народный союз сделал по этому делу специальный запрос в парламенте страны. В то время эти предложения последствий не имели.

Новое законодательство о гражданстве какое-то время обсуждалось, и в начале 1940-х гг. оно уже находилось на финишной прямой. Сложности в положении беженцев были хорошо известны и взвешивались меры, направленные на их облегчение. Вступивший в силу летом 1941 г. новый закон о гражданстве действительно принес послабления беженцам-соплеменникам, хотя конституционная комиссия стремилась именно эту часть законопроекта разбавить и выстроить всех беженцев по одному ранжиру. Все родившиеся в Финляндии беженцы-соплеменники моложе 21 года получали гражданские права автоматически; эти права получали также дети от браков, в которых мать являлась финляндской подданной, а отец не имел гражданства. Следует особо отметить, что именно таким образом женщина-иностранка, выходя замуж за финна, получала наиболее короткий путь для обретения гражданских прав.

Динамика получения гражданства российскими подданными, а с конца 1920-х гг. преимущественно беженцами, выглядела следующим образом:

Получение гражданских прав Финляндии
бывшими подданными России в 1918–1943 гг.

Годы	восточные карелы	ингерманландцы	русские	всего	ИТОГ*
1918–1923	166	40	1584	1790	3026
1924–1930	200	263	762	1225	1848
1931–1935	570	350	902	1822	3595
1936–1940	1074	613	1082	2769	3980
1941–1943	185	385	589	1159	1699
1918–1943	2195	1651	4919	8765	14148

Обретение гражданства российскими подданными было наиболее оживленным во второй половине 1930-х гг. Они на протяжении более

* Все иностранцы, получившие гражданские права в Финляндии.

⇒ *Бывший российский подданный, ныне ничей и безродный* ⇐

десятка лет являлись наиболее представительной группой (около 70%), которой были предоставлены такие права.

Когда в 1930-х гг. началось массовое предоставление гражданства «обычным» беженцам, многие восточные карелы работали в магазинах, на транспорте или были промышленными рабочими. Ингерманландцы по преимуществу пополнили ряды рабочего класса, русские представляли разнородную группу, от торговцев до людей свободных профессий.

Стало заметно, как беженцы-соплеменники были поставлены в особые условия. Они составляли как минимум половину всех российских подданных, получивших финляндское гражданство, хотя вторую половину составляли помимо собственно эмигрантов те русские, которые проживали в Финляндии еще во времена ее автономии.

Эмигранты натыкались на всевозможные препоны. Если ходатай был в возрасте или имел большую семью, то получить положительное заключение от местного общинного совета было сложно, поскольку его не желали брать на содержание общины. Правда, аналогичная причина являлась камнем преткновения и для беженцев-соплеменников. Затруднить получение гражданства для эмигрантов могло плохое знание финского языка.

Препятствием для русских зачастую являлось сомнение в их политической благонадежности, хотя остальные условия не являлись помехой для получения гражданства. Еще в конце 1930-х гг. в заключениях общинных советов Карельского перешейка причиной отказа можно было видеть указание на то, что имярек 20 лет тому назад являлся активным «пожирателем Финляндии». Сыскная полиция систематически отклоняла прошения политически активных лиц, и у русских офицеров в начале 1930-х гг. не было никакой возможности приобрести гражданство. В центральной полиции о них говорилось следующее: «Замечено, что принесенная русскими эмигрантами присяга на верность и повиновение Финляндии не научила их мыслить и действовать в патриотическом духе...».

Еще в конце 1947 г. в Финляндии насчитывалось свыше 6100 бывших подданных России. Предоставление гражданства активно продолжалось до конца десятилетия, но затем темп постепенно замедлился. Согласно официальной статистике гражданские права в 1931–1955 гг. получили свыше 8400 бывших российских подданных, считая и несовершеннолетних детей. За все годы независимости к тому времени это число составило около 11 500 человек.

Дорога к финляндскому гражданству могла быть каменистой и долгой, и тысячи беженцев никогда не смогли пройти ее до конца. Даже в начале 1990-х гг. некоторые беженцы проживали в стране по нансеновским паспортам.

По международным меркам политика Финляндии в отношении беженцев не выглядела чрезмерно строгой, если не сказать обратного. В европейских странах вообще отсутствовала практика автоматического предоставления гражданства, равно как и в некоторых государствах Латинской Америки; получение его зависело от меняющихся требований времени.

Общее условие сводилось к тому, чтобы был достигнут определенный временной рубеж проживания в стране, как правило, в пять лет. В Бельгии он составлял десять, в Германии даже 20 лет. В законодательстве Франции и многих других стран Европы имелись лазейки, которые в особых случаях позволяли получить гражданские права достаточно быстро. Заметная профессиональная деятельность, брак с подданной страны проживания, служба в армии или достижения в учебе — это были те ключи, с помощью которых открывались нужные двери.

Обретение гражданства для русских протекало легче в восточных странах центральной Европы и на Балканах, где они к концу 1930-х гг. уже составляли заметную группу среди подданных страны проживания. В этом сказывалось стремление властей интегрировать приезжих в остальное население и использовать эмигрантскую интеллигенцию и профессионалов для развития собственного общества.

К примеру, во Франции, ведущем эмигрантском центре Европы, к 1940 г. гражданство получили 18000 беженцев из России. К ним прибавились родившиеся в стране дети, которые также получили гражданство.

Из европейских стран труднее всего было получить гражданские права в Германии, где уже во времена Веймарской республики использовалось очень мелкое сито. С приходом к власти национал-социалистов предоставление гражданства практически закончилось.

Все это означало одно: подавляющая часть российской эмиграции первой волны скиталась по миру годами, а то и до конца своих дней, не имея гражданства, с нансеновскими паспортами. Приобретение его в стране пребывания совсем не означало манны небесной, но в целом приносило облегчение.

Трудное положение тысяч людей было связано с тем, что они были лишены преимуществ, связанных с обладанием гражданством, они

⇒ *Бывший российский подданный, ныне ничей и безродный* ⇒

были лишены защиты и возможности интеграции в общество. Проволочки с предоставлением гражданства проистекали по той причине, что по отношению к своему народу у властей имелись определенные обязательства, тогда как инородцев можно было оставить в стороне.

Под надзором

Свистопляска, которую поначалу пришлось пережить эмигрантам в Финляндии, объяснялась наряду с прочим следующей существенной причиной — страхом перед их политическими и опасными для страны интригами. Для выяснения того, что в их среде действительно имеются лица, враждебно настроенные к независимости Финляндии, тайная полиция была не нужна. Мнения совершенно открыто высказывались как в Финляндии, так и за границей.

Неудивительно, что у официальной власти сразу же возникла необходимость установления систематического контроля за русскими. Ведавшему надзором III отделу генерального штаба в числе других задач было поручено вести за ними наблюдение, равно как и за всеми иностранцами. Согласно распоряжению сената (октябрь 1918 г.), до вынесения окончательного решения о выдаче визы требовалось получить заключение отдела о благонадежности ходатая и о целесообразности его пребывания в стране. Отдел, к примеру, рапортовал о переговорах между «белыми русья» и стремившимися в Петроград финнами. Все, однако, осталось на уровне спорадических наблюдений и сбора циркулировавших слухов.

В целом же деятельность III отдела характеризовалась такой степенью хаотичности, что реорганизация всего механизма стала весьма актуальной задачей. Первым шагом становления контрразведки явилась передача в первой половине 1919 г. функций надзора паспортному отделу генерального штаба, находившемуся под началом министерства внутренних дел страны. Решающее изменение произошло в августе того же года, когда была создана особая, поначалу на временных основаниях, Сыскная полиция, специально для ведения политического сыска. Военная разведка осталась в ведении генерального штаба.

Главная задача Центральной сыскной полиции заключалась в наблюдении и пресечении опасной для независимости и общественно-го строя Финляндии деятельности. Это означало, что на определенном

отрезке времени острие было направлено против коммунистов и «угрозы с востока».

Паспортному отделу в качестве наследства также досталось наблюдение за иностранцами. Центральная полиция стала в этом деле играть определяющую роль, поскольку результаты ее работы с людьми непосредственным образом влияли на решение о допуске или выдворении из страны. Все остальные официальные лица также должны были испрашивать заключение отдела по делам иностранцев и представлению гражданских прав.

Начальный путь Сыскной полиции был тернист и труден. На формирование дееспособного коллектива, проходившего не без ошибок, ушли годы. Методы работы постепенно входили в свою колею, в циркулярах приходилось постоянно подчеркивать, что во время допросов недопустимы меры насилия.

На протяжении нескольких лет отдел осуществлял наблюдение за беженцами без продуманной системы. Материал накапливался, но собирали много слухов, заключения часто строились на догадках. Осенью 1921 г. руководитель Осси Холмстрём призвал своих подчиненных усилить наблюдение за русскими. Личное отношение Холмстрёма к эмигрантам было чем угодно, но только не деловым, и новая страница в истории полиции безопасности началась лишь с 1923 г., когда во главе ее стал студент Эско Риекки.

Система наблюдения за иностранцами, начиная с конца 1924 г., укрепила свою структуру. В центральной полиции был учрежден информационный отдел, задача которого заключалась в организации политической разведки. Начальником отдела являлся Ялмари Синиваара, который имел русские корни (изначально Юрий Сикорский).

Поскольку Сыскная полиция с ее правопреемниками была полицейской политической, то и в слежке за беженцами она сосредоточилась на политической деятельности. Беженцы посеребрили не одну голову у сотрудников центральной полиции. Признавалось, что на них, принимая во внимание их общее количество, было затрачено непропорционально много труда.

В 1920-х гг. предметом заботы являлись контрреволюционные эмигрантские группировки, которые со своими мечтами о великой России представлялись опасными для Финляндии. Помимо собственных наблюдения Сыскная полиция с конца 1920-х гг. стремилась предотвращать такую деятельность эмигрантов, которая могла что-либо сотворить на территории Советского Союза. Начальник Риекки

подчеркивал серьезность и важность этой работы, поскольку всякого рода перепалки за кордоном негативно сказывались на внешнеполитическом положении Финляндии. К тому же заботила возможность провокаций со стороны советской разведки. Политиканствующих эмигрантов забирали на допросы, проводились домашние обыски, организации запрещались.

Но наиболее тяжелым бременем для службы безопасности было проникновение советской разведки в эмигрантские организации, участие некоторых беженцев в шпионаже и угроза распространения идей коммунизма в их среде. Эти проблемы всплыли на поверхность в начале 1920-х гг., и с ними велась бесперывная борьба.

Методы, которые применялись для наблюдения за беженцами, были точно такими же, как и в другой аналогичной работе. Среди русских во многом опирались на оплачиваемых информаторов из их же среды — «шпикиов», и то только по языковым причинам, ибо редкий работник полиции безопасности владел русским языком. Основанная на этом принципе работа не отличалась надежностью, случались провалы.

В замкнутом эмигрантском сообществе было далеко непросто работать «шпикиом финляндской охраны», и тем более пользоваться уважением. Работа в военной разведке была почетна, тогда как помощники полиции безопасности были никем иным, как «чекистами». Получил же некто из них — капитан Пушкарев, один из наиболее долговременных информаторов центральной полиции, за свою деятельность «в физиономию».

Наблюдение за беженцами-соплеменниками было не столь систематическим, как за эмигрантами. Информация собиралась, в основном, для выявления коммунистической деятельности на рабочих местах и в приграничных районах. В разное время оплачиваемыми «шпикиами» были ингерманландцы и восточные карелы. В связи с расширением разведывательной деятельности в начале 1930-х гг. Сыскная полиция стремилась усилить наблюдение и за беженцами-соплеменниками; пытались вести наблюдение за только что появившимися в стране новыми беженцами.

Помимо этого для активизации сбора информации центральная полиция приступила к осторожному сотрудничеству с некоторыми влиятельными лицами из числа беженцев. На практике это означало получение наводок от капитана Юкки (Юхо) Тирранена (ингерманландца по происхождению), который, являясь руководителем отдела

государственного центра по оказанию помощи беженцам, имел свои связи и возможности. Предложения о сотрудничестве, поступившие от некоторых восточно-карельских лидеров, напротив, были отвергнуты, дабы не влезать во взаимные распри среди беженцев.

Разрозненная информация стекалась из различных источников. «Добрые люди» сделали, наверное, сотни сообщений о беженцах, которых считали все же подозрительными личностями. В некоторых случаях попадали в цель, во многих — нет. Подозрения могли основываться хотя бы на том, что некто «...много разъезжает, насколько известно — не работает, хорошо одет и чувствуетея, что имеет доходы».

Сотрудничество с государственной полицией прибалтийских и некоторых центрально-европейских стран помогло составить представление о международной деятельности эмигрантских организаций и об их связях с Финляндией. Информация собиралась также путем перлюстрации почтовых отправлений и прослушивания телефонных разговоров, а также от официальных лиц, и особенно от полицейских органов местного уровня.

Разведка генерального штаба со своей стороны также вела наблюдение за беженцами, но после нескольких лет сотрудничества отношения между военной разведкой и Сыскной полицией ухудшились. Верблюжий хребет надломился в конце 1920-х гг., когда центральная полиция разоблачила генеральный штаб в оказании помощи эмигрантским террористам, действовавшим за границей. Противоречия выражались в причинении различных неприятностей, в виде доносов и обвинений соперников, а также в преследовании сотрудников.

Запутанную головоломку о деятельности русских решал в Сыскной полиции начальник отдела Ялмари Синиваара. Зная русский язык от рождения и благодаря хорошо налаженным связям с эмигрантскими кругами, Синиваара смог создать в общих чертах — памятуя при этом казавшуюся почти безнадежной сферу его интересов — представление о русском сообществе. Проблему составляли лишь праздный образ жизни и связанные с этим неурядицы в личной жизни.

Наблюдение за беженцами-соплеменниками в полиции безопасности наряду с другими вел референт Каарло Стендаль. Он знал ингерманландскую ситуацию еще с 1918 г., когда был в Питере. Эско Риеки, болезненно реагировавший на проколы своих подчиненных, полностью доверял мнению Стендаля. Его козырем при решении дел о беженцах было абсолютное владение русским языком.

Проблемы беженцев из центральной Европы, прибывших в конце 1930-х г., находились в ведении замначальника Бруно С. Аалтонена. Он также считался умеренным по своим взглядам сотрудником. При рассмотрении дел бежавших от нацистов и диктаторских режимов беженцев было далеко не безразличным то обстоятельство, что Аалтонен являлся одним из редких в Государственной полиции работников, принадлежавших к социал-демократам.

В силу самого характера своей деятельности полиция безопасности являлась той инстанцией, которая относилась к беженцам наиболее подозрительно, если не сказать резко отрицательно. Отношение к русским в Сысской полиции в первые годы было исключительно негативным. Имели место и презрение, и необоснованные выводы, даже в докладных записках об эмигрантах писалось: «...препоясав свои чресла для предстоящих странствий, создав над головой нимб политического эмигранта, с самоваром в одной руке и балалайкой в другой, они двинулись в Европу, разнося по ней свой запах и свой колорит...».

Отношение к беженцам-соплеменникам в 1920-х гг. было более благосклонным, чем к русским. Но в начале 1930-х гг., в связи с обнаруженными фактами шпионажа среди вновь прибывших беженцев, оно становится более жестким. Оценки стали носить обобщенный характер: «...в среде беломорских карелов, как и вообще во всем их окружении, имеется многочисленный подозрительный элемент, который... является помехой как для полиции, так и для местных органов попечительства».

Своеобразным являлось положение выборгского отделения Сысской полиции. В городе активно действовало эмигрантское землячество, но местное отделение в 1930-х гг. не видело за деревьями леса.

Участовавший в крайне правом движении начальник выборгского отделения со временем совершенно потерял голову от дел, связанных с русскими. «Выбросить рюсся хотя бы из Выборгской губернии!... Это совершенно неподъемная задача пасти стадо, состоящее из нескольких тысяч голов, которое обитает в стране на основе разрешений; к тому же здесь может еще обосноваться большая группа ублюдков из таких русских и российских евреев, которые или по своему происхождению являются финляндскими гражданами, или получают позднее гражданские права Финляндии».

Рапорты начальника выборгского отделения и его послания другим официальным лицам, начиная с середины 1930-х гг., были подвергнуты цензуре главного отдела центральной полиции. Было признано, что

центральное ведомство систематически становилось предметом насмешек из-за этого местного отделения, да и губернатор Выборгской губернии уже не придавал никакого значения сообщениям, отсылаемым из Выборга. Неудивительно, что начальник выборгского отделения в конце 1940 г. оказался на некоторое время в психической лечебнице.

В среде политиканствующих эмигрантов Сыскная полиция считалась страшилищем. «Охранку» боялись и ненавидели, и для лиц, оказавшихся в ее лапах, это обстоятельство не было чем-то удивительным. Жившие в мире собственных заблуждений лидеры эмигрантов утверждали, что центральная полиция благоволит большевикам и даже сотрудничает с советской разведкой...

Когда центральная полиция в 1930-х гг. стала заворачивать с границы подозрительных беженцев-соплеменников, в их среде и в среде поборников племенной идеи забеспокоились. Стали говорить о том, что почти всех выбросили обратно, полиция «преследует невинных беженцев». Лидеры обращались к самому Эско Риекки, но безрезультатно. Хватка, напротив, ужесточалась, чтобы у активистов племенной идеи не возникло и представления о том, что советские события за кордоном могли оказывать какое-то влияние.

По сообщениям центральной полиции отношение Академического Карельского общества в полиции безопасности было весьма своеобразным. Некоторые фанатично настроенные лидеры общества считали в 1930-х гг. это ведомство большевистским и его руководство, включая и самого Риекки, «настоящим г...ом». Это мнение складывалось под влиянием как слухов о завернутых с границы беженцах, так и свидетельств того, что центральная полиция наряду с коммунистами начала следить за крайне правыми.

Проводившаяся полицией безопасности слежка за отдельными личностями по преимуществу сосредотачивалась на деятелях крайней политической ориентации. По сравнению с нею наблюдение за иностранцами было менее систематическим. В Хельсинки велась картотека иностранцев, охватывавшая всю территорию страны, у местных отделений были свои картотеки и списки. Их содержание составляли обычные сведения о прибытии в страну, о праве на пребывание, прошения о гражданстве. Отдельные, именные, папки формировались о лицах, принимавших участие в политической деятельности, или иным образом себя проявивших.

Подавляющая часть беженцев не имела дела с полицией безопасности, и у нее не было подробных сведений об «обычных» людях. Но

ть берберовского черного плаща скользила за ними по пятам при рассмотрении вопросов о предоставлении гражданских прав и выяснении связанных с этим обстоятельств.

Можно сказать, что Сыскная полиция и Государственная полиция безопасности (Валпо) со второй половины 1920-х гг. вели наблюдение за беженцами достаточно компетентно, а по сравнению с предыдущим периодом и будущим военным временем даже весьма сдержанно. Отношение к политиканствующим эмигрантам и сомнительным беженцам-соплеменникам было сложным, но исходило из того, что они составляли лишь малую толику от общей массы. Начальники отделений в Сортавала и в Выборге чертыхались «...в Хельсинки сидят нерасторопные копуши...», имея ввиду проводившуюся в отношении русских политику, но в верховном ведомстве методы Риекки аллергии не вызывали.

Тесное знакомство с жизнью эмигрантских землячеств в конце 1920-х гг. было достигнуто в результате непосредственной слежки за их деятельностью. В следующий раз это повторилось в условиях произвола военных лет и после несуразностей красной Государственной полиции, когда в середине 1950-х гг. полиция безопасности стала отвечать своему предназначению.

Несбывшиеся ожидания

В Финляндии не было своего законодательства об иностранцах, отношение к ним строилось на основе международных норм. Тремя китами в работе с ними являлись разрешения на въезд, на пребывание в стране, а позднее и на трудоустройство. Право на убежище в законодательстве впервые упоминается только в 1930 г., но и тогда без должной конкретизации.

В работе с беженцами по-прежнему наблюдалась неразбериха. Отсутствовало ведомство, которое бы концентрировало все относившиеся к ним дела и направляло работу остальных чиновников.

В решении вопросов, касавшихся въезда и пребывания в стране, центральными учреждениями являлись министерства иностранных и внутренних дел; министерство по социальным делам занималось проблемами трудоустройства, а также образования и попечения, пока деятельность в этих сферах не перешла в нормальное русло. В повседневной жизни губернаторы, как и полиция безопасности, имели

огромную власть при выдаче всякого рода разрешений. Полицейские местного уровня были той инстанцией, которая непосредственно следила за беженцами, и с помощью которой отслеживался найм на работу.

За централизованное снабжение и попечительство отвечал подотчетный министерству внутренних дел Государственный центр по оказанию помощи беженцам, но в связи с развалом этой работы в 1930-х гг. реальные полномочия все более переходили в руки общин. К тому же некоторые органы беженцев получили полуофициальный статус в качестве блюстителей собственных интересов.

Поначалу лишь некоторые из применявшихся к беженцам законодательных норм об иностранцах казались сложными и непригодными для реализации в повседневной жизни. Как уже говорилось ранее, в конце 1920 г. комитет, занимавшийся разработкой политики по отношению к иностранцам и беженцам, предложил централизацию этой деятельности, но успеха не достиг.

Эти же проблемы затронул в 1923 г. комитет, подготавливавший реформу Сыскной полиции. Признавалось, что ни один из комитетов не мог обладать точными сведениями о беженцах и тем более об эмигрантах. Общий подход исходил из стремления усилить слежку (иностранцы в принципе воспринимались, как неблагонадежный элемент и их надо было держать в узде), а не из осознания того, какие трудности приносила людям сложная и запутанная бюрократическая машина.

Комитет хотел, чтобы проверка паспортов на границе, наблюдение за иностранцами и решение вопросов о пребывании беженцев в стране были сосредоточены в руках государственной полиции. Но и это предложение не имело непосредственных результатов, поскольку попытка реформирования полиции безопасности провалилась.

В Финляндии отсутствовала последовательная политика в отношении беженцев, если не считать общего стремления держать число вновь прибывающих в определенных границах. Но и данное стремление не было окончательно закреплено необходимыми решениями. В связи с начавшейся централизацией усилий это произошло только в конце 1930-х гг., когда решили активизировать наблюдение и закрыть наглухо границу. Различия в подходах, существовавшие между разными ведомствами, сохранялись, как уже было сказано выше, на протяжении всех 1920–1930-х гг.

Интересно отметить, что при рассмотрении вопросов, связанных с беженцами и репатриантами в 1990-х гг., всплывали те же самые

проблемы, что и в 1920–1930-е гг. Механизм не был централизован: ведомство по делам иностранцев находилось под опекой шести министерств. Важнейшими инстанциями являлись отдел по делам иностранцев при министерстве внутренних дел (бывший центр по делам иностранцев), в ведении которого была выдача всевозможных разрешений и рассмотрение ходатайств о предоставлении убежища, а также канцелярия по делам беженцев при министерстве здравоохранения и социальной политики. Она отвечала за прием инородцев, а также за связи с соответствующими учреждениями на уровне губерний и общин.

Некоей инстанцией, в рамках которой было возможно сотрудничество различных сторон, занимавшихся проблемами беженцев и переселенцев, являлась совещательная комиссия при министерстве труда. В 1995 г. министерство внутренних дел создало специальную комиссию, которая должна была выработать для правительства программу по вопросам, связанным с политикой в отношении иностранцев и беженцев.

В том, что политика Финляндии по вопросам иностранцев и беженцев подверглась критике, не последнюю роль сыграли такие причины, как разногласия внутри децентрализованного механизма управления, отсутствие координации и вытекающие отсюда сбои в практической деятельности. Различные линии поведения, которые достигли наибольшей остроты в отношениях между министерством внутренних дел и министерством здравоохранения и социальной политики, обнаружили себя именно по делам о беженцах. Считалось, что министерство внутренних дел прежде всего озабочено вопросами безопасности и поэтому придерживалось более строгого подхода, тогда как инстанции, связанные с министерством здравоохранения и социальной политики, исходили из принципов гуманности и проводили более мягкую линию. Причины столкновений «полиции» и «попечительства» искали в различных мировоззрениях и сферах ответственности, а также в соперничестве министерств за собственное влияние во властной иерархии.

Планы по реорганизации управления по делам иностранцев обсуждались на протяжении всех 1990-х гг. Весной 1997 г. функции комиссии по делам беженцев при министерстве здравоохранения и социальной политике были переданы министерству труда. После этого центральными инстанциями в этой области стали министерство иностранных дел, министерство внутренних дел и министерство труда. Комиссия по проблемам беженцев и репатриантов в своей записке,

составленной в конце 1996 г., подчеркивала необходимость усиления сотрудничества между различными официальными структурами.

Допуск в страну, связанная с этим визовая политика и развороты беженцев на границе, предоставление вида на жительство и выдворение являлись в свое время наиболее острыми проблемами той политической линии, которая проводилась по отношению к россиянам. Сходные проблемы были узким местом иммиграционных дел также и в 1990-е гг.; особенно это касалось вопросов о предоставлении убежища и депортации из страны.

Искавшие убежища лица объявились в Финляндии в начале 1990-х гг., но по прошествии нескольких лет их количество резко сократилось. В 1993 г. в закон об иностранцах было внесено изменение, которое ужесточило требования по предоставлению убежища. Наиболее общей причиной выдворения из страны являлся отказ от предоставления убежища, а к концу десятилетия также и обвинения иностранцев в нарушении законов. Комиссия по репатриации и беженцам предложила в числе прочего ускорить работу по рассмотрению заявлений о предоставлении разрешений на пребывание в стране, придать ей более эффективный характер, передать изучение личных дел самих заявителей из рук полиции во внешнеполитическое ведомство, расширить апелляционные рамки по делам, относящимся к иностранцам, и сосредоточить их в административных судах.

И, тем не менее, можно утверждать, что обращение с беженцами и отношение к тем, кто уже обосновался в стране, было в 1920–1930-х гг., за исключением начального и конечного этапа этого периода, весьма благосклонным. Практика и законодательство как бы не шли рука об руку. Проведение в жизнь слежки и тех ограничений, которые были предусмотрены законодательными нормами, оказалось для многих официальных лиц делом весьма затруднительным.

На беженцев-соплеменников смотрели сквозь пальцы. Поскольку на протяжении ряда лет их пребывание в стране рассматривалось как временное, и возвращение в родные места продолжалось, то местная полиция и губернаторы не особенно обременяли себя этими заботами.

Сотни беженцев-соплеменников жили и передвигались по Финляндии в 1920-х гг. без всякого вида на жительство, имея в кармане «ленсманский паспорт» — простое удостоверение личности. Применительно к прибывшим в начале 1922 г. восточным карелам это произошло отчасти из-за оплошности чиновников. Министерство внутренних дел обязало ленсманов срочно выписать беженцам удостоверения личности,

⇒ *Бывший российский подданный, ныне ничей и безродный* ⇐

но о необходимости иметь вид на жительство официально вспомнили только весной 1930 г.! Десятки восточных карелов вели без всякого дозволения разносную торговлю, группами разъезжали по местностям, устраиваясь на работу, причем у властей не было о них никаких сведений. Люди, видимо, даже не знали, что надо было иметь какой-то билет, разрешавший пребывание в стране, а если и знали, то не спешили им обзавестись, поскольку «собака еще не тявкнула».

В случае с русскими выдача разрешений носила более строгий характер. Но, несмотря на это, они все же обитали в сельской местности на Карельском перешейке и в Приграничной Карелии с просроченными видами на жительство, не обращая внимания на существовавшие ограничения по передвижению.

После вступления в силу положения об иностранцах 1926 г. Сысая полиция потребовала от полицейских служащих озаботиться тем, чтобы пребывание в стране беженцев-соплеменников носило законный характер. Центр по оказанию помощи беженцам и их собственные организации обратили к тому же внимание на трудности, с которыми им пришлось столкнуться при оказании поддержки тем людям, чьи дела пошли из рук вон плохо, и личности которых даже не удалось установить с полной достоверностью. Министерство внутренних дел послало, наконец, в 1930 г. губернаторам циркуляр, в котором говорилось о важности учета беженцев и наведения порядка при выдаче всяческих разрешений.

К середине 1930-х гг. положение в основном стабилизировалось. Подавляющая часть беженцев жила, имея вид на жительство и разрешение на работу; облегчения, введенные при обновлении разрешений, придали людям смелости, и они стали чаще их испрашивать, в свою очередь подталкивание сверху выводило местных чиновников из состояния спячки.

И все же по-прежнему было заметно, что механизм работал не так, как следовало, и что требования законодательства об иностранцах были слишком запутанными для их реализации в практической жизни. Обновление разрешений на жительство постоянно хромало. И когда, к примеру, ленсман Суомуссалми осенью 1936 г. произвел в своем округе «душевую» перепись всех беломорских карелов, выяснилось, что в отдаленных лесных деревушках обнаружили беженцы, не имевшие вида на жительство, и о которых официальные лица ничего не знали, и которые даже не были зафиксированы в церковных книгах. Они жили в стране почти 15 лет «втемную»!

После второй мировой войны общество приучили к тому, что небольшое число иностранцев и строгая политика по отношению к ним является отличительной чертой финской политики. Объяснения искали в окраинном положении страны, в ее историческом прошлом, в позиции официальных лиц усматривали рецидивы бюрократии царского времени.

Но истина заключалась в том, что на протяжении первых двадцати лет власти Финляндии вынуждены были справляться с огромной массой дел, имевших отношение к беженцам. В спокойные периоды 1920–1930-х гг. возникла ситуация, когда тексты постановлений и обычная жизнь не всегда шли рука об руку. В сложном механизме управления возникали трения, которые проявляли себя как в сомнительных акциях, так и в известных послаблениях. Когда в 1980-х гг. проблема беженцев вновь стала актуальной, на передний край выступили прежние многочисленные проблемы, связанные с процедурами и административными решениями, ответы на которые искали еще в «старые» годы эмиграции.

В БОРЬБЕ С НИЩЕТОЙ И БЕДНОСТЬЮ

Тяжкие первые годы

Американская помощь оказалась кстати

Независимая Финляндия начинала свой путь в трудных экономических условиях. Мировая война, русские революции и собственная война 1918 г. прервали зарубежные торговые связи, в результате чего страну, зависящую от импорта зерна, поразила продовольственный кризис. Пришлось перейти на нормированное снабжение товарами и продуктами питания, которое в первые годы было очень жестким. В восточной и северной Финляндии положение в 1919 г. было столь же безрадостным. Грызли мякину и хлеб с примесью сосновой коры, рассказывали о случаях голодной смерти.

С появлением первых беженцев в стране отсутствовала какая-бы то ни была система по их обустройству. В этом, собственно, и не было необходимости, т.к. русские жили за счет своей собственности или личного кошелька. В начале 1919 г. даже в парламенте горячились по поводу того, как это говорящие на своем тарабарском языке «рюсся» с помощью имевшихся у них денег уводили из-под носа финнов продукты питания.

Но с наплывом эмигрантов и в их среде стали появляться люди, нуждавшиеся в помощи. Свойственная для царской России благотворительность приобрела большое значение. С давнего времени в Финляндии существовали русские филантропические организации, такие как Русское благотворительное общество в Финляндии, Финляндское отделение Российского Красного Креста и другие, менее значительные объединения. Появились и новые союзы, которые, помимо прочего, занимались также и благотворительностью. Важнейшими из них являлись «Особый комитет по русским делам в Финляндии» и «Русская колония в Финляндии», находившаяся в Хельсинки. На Карельском перешейке эмигранты учредили ряд местных подкомитетов.

Но в общем все носило крайне беспорядочный характер, и помощь оказывалась спорадически. И когда многие продовольственные комиссии стали к тому же отказываться или уклоняться от предоставления «русся» пакетов с продовольствием, положение многих русских стало весьма стесненным.

Беженцев-соплеменников было еще немного, и их обустройство пока не составляло серьезной проблемы. Находившийся в ведении министерства иностранных дел Восточно-карельский комитет создал поздней осенью 1918 г. в Куусамо и Каяни попечительские комиссии, которые выдавали беломорским карелам продовольствие, выделенное для распространения по другую сторону границы.

Но обеспечение олонецких беженцев представляло организовать особо, поскольку в общинах Приграничной Карелии для них не нашлось ничего, кроме мороженого картофеля. Весной 1919 г. Выборгский губернатор учредил в Сортавале комиссию по обустройству беженцев и выделил для ее нужд незначительную сумму денег. После Олонецкого похода беженцам оказывалась помощь на крохи от тех займов, которые правительство предоставило для осуществления военного предприятия, а после того, как закончились и эти деньги — на средства государства. К началу 1921 г. забота о беженцах находилась уже в ведении четырех различных ведомств.

К середине лета 1919 г. в приграничных районах Карельского перешейка собралось уже такое количество ингерманландцев, что следовало срочно предпринять какие-то меры для обеспечения их питанием. Самые обездоленные ходили по домам в поисках подаяния, запасов продовольственных комиссий не хватало даже для выдачи муки, положенной по «хлебным карточкам». Правительство выделило небольшие деньги, и в августе 1919 г. в Рауту приступили к организации «Комитета помощи ингерманландцам», который находился в подчинении министерства внутренних дел.

В начале 1919 г. продовольственное положение Финляндии благодаря импорту начало улучшаться. Следует отметить, что «продовольственный диктатор» Герберг Гувер обещал Финляндии «помощь Америки», которая стала поступать после ликвидации торговой блокады и с возобновлением пароходного сообщения. Эта помощь оказывалась в рамках поддержки западных союзников и изувеченной войной Европы. Соединенные Штаты осуществляли снабжение через «Американскую администрацию помощи». Предоставление продовольствия во многом было связано с политическими расчетами.

В годы первой мировой войны «Американский Красный Крест», исходя из гуманитарных соображений, оказывал помощь гражданскому населению в различных странах Европы. С окончанием войны ареал и формы его деятельности расширились за счет восточноевропейских государств и помощи большому числу военнопленных. В Финляндии его работа началась летом 1919 г., когда приступили к распределению одежды и обуви.

Беженцы в Финляндии также пользовались американской помощью, хотя путь к ее получению был непрост. Летом 1919 г. Герберт Гувер от имени АРА направил в Выборг внушительный объем продовольствия, предназначавшегося для населения Петрограда, который предстояло освободить от большевиков. Это произошло по личной инициативе Гувера и по просьбе эмигрантских организаций, в распоряжение которых — а по сути, в руки генерала Юденича — американцы передали свои запасы в августе 1919 г.

Именно по распоряжению Юденича осенью 1919 г. из выборгских складов была предоставлена первая продовольственная помощь ингерманландцам. В это же время «Финляндское отделение российского Красного Креста» начало распределение продуктов из этих запасов для русских эмигрантов.

Ситуация изменилась на рубеже 1919–1920 гг. Завоевание Петрограда становилось делом призрачным, и находившееся в Выборге продовольствие могло не дойти до своей первоначальной цели. Российский Красный Крест в Париже расплатился за товары не полностью, так что Американский Красный Крест получил от правительства США разрешение взять под свое управление часть этих запасов. Американцы стали делить это продовольствие не только между русскими, но и среди беженцев-соплеменников, а также среди нуждавшихся финнов. Помимо этого Американский Красный Крест обещал доставить морским путем в Финляндию одежду и медикаменты.

Поначалу американцев в Финляндии было немного, так что практическая работа легла на плечи Российского Красного Креста. Распределителями продовольствия были доверенные лица беженцев или те организации, которые занимались распределением помощи, получаемой от финского государства.

Рассчитывали, что все будут удовлетворены, но этого не случилось. С самого начала было видно, что многочисленных сторонников «племенной идеи» интересовала не столько получаемая людьми помощь, сколько тот факт, что ее распределением руководили русские. Распро-

странялись невероятные слухи о том, как это продовольствие использовалось в интересах великорусской пропаганды. Сотрудничество финских официальных лиц и Российского Красного Креста было сложным уже в силу взаимного недоверия.

Политиканство в деятельности Российского Красного Креста было несомненным, хотя по этому поводу распространялась и явная чепуха. Американцы не считали нужным подгонять финнов или следить за ними, но тревожные сигналы были вызваны свидетельствами о причастности русских к экономическим злоупотреблениям. За предоставленное продовольствие требовали плату, предназначенный для реализации товар попадал в руки перекупщиков и спекулянтов. Несомненна аналогия тому, что имело место при распределении гуманитарной помощи в России в начале 1990-х гг.

Осенью 1920 г. Американский Красный Крест прекратил сотрудничество с русскими. Вяло руководивший этой работой американский майор был заменен новым человеком, и из Соединенных Штатов прибыло дополнительное число сотрудников для наблюдения за работой.

К лету 1921 г. эта деятельность стабилизировалась. Под руководством капитана Ф. Д. Гопкинса американцы распределили помощь среди 32500 человек, из которых 22000 являлись беженцами, а остальные были финнами. Вагоны с продовольствием и одеждой были направлены в 60 распределительных пунктов, которые были разбросаны по всей стране — от Куусамо до Салми, и от Рауту до Хельсинки. Для сравнения можно указать, что общинная система призрения бедных обслуживала 92000 человек. Так что американская помощь даже при этом сопоставлении имела внушительный размах.

Несмотря на то, что страна испытывала экономические трудности, Финляндия быстро приступила к оказанию помощи беженцам-соплеменникам. В какой-то мере можно было рассчитывать на бюджетные деньги, выделенные восточно-карельским комиссиям, но государственная власть взяла на себя также регулирование различных финансовых потоков, предназначенных для этой цели. Проблема состояла в недостатке товаров широкого потребления, сложности наблюдались с предоставлением жилья. В оказании помощи беженцам свою лепту внесли благотворительные и иные гражданские организации, которые собирали деньги и одежду.

В трудной ситуации американская помощь была как дар небесный. Именно продукты питания составляли ее основу: пшеничная мука, бобы, свинина и консервированное молоко. В 1920 г. почти всем

беженцам смогли обеспечить продовольственные пакеты, многим также и одежду. Для многих людей их начальный путь без «гувера», как называли эту помощь в народе, оказался бы омрачен испытаниями на грани физического выживания по причине жестокого голода.

От «гувера» к тощему ломтику хлеба

В первой половине 1921 г. организация помощи беженцам претерпела изменения. Дававший сбои механизм начали отлаживать, к тому же распределение продуктов питания из рук американцев перешло к финнам.

Первые изменения коснулись ингерманландцев. В деятельности возглавлявшегося депутатом парламента И. П. Кокко «Ингерманландского комитета по оказанию помощи» обнаружились факты произвола и злоупотреблений, которые привели к полицейскому дознанию. Организация была закрыта в январе 1921 г., в связи с чем министерство внутренних дел распорядилось основать вместо нее Новый Ингерманландский комитет по оказанию помощи в Рауту, финансируемый из государственных средств.

Оказание помощи восточным карелам также требовало внутренних изменений, поскольку финансируемые министерством иностранных дел учреждения изначально не были предназначены для подобной деятельности. В марте 1921 г. вся эта работа была подчинена министерству внутренних дел страны. Для олончан в Сортавале был основан Комитет по оказанию помощи олонецким беженцам, для беломорских карелов создана Комиссия по оказанию помощи беженцам Беломорской Карелии, находившаяся в Каяни.

В апреле 1921 г. вся работа по оказанию помощи беженцам подверглась сильнейшему удару. Американский Красный Крест прекратил свою деятельность в Европе и свернул ее в Финляндии. Но организация решила оставить свои запасы в стране на том условии, что финны продолжают распределение. Оставалось еще огромное количество всевозможных товаров: пшеничной муки более тысячи тонн, консервированного молока около 370.000 банок и пр. Общая стоимость продуктов оценивалась в 16 млн. марок (по современному курсу свыше 23 млн. марок).

Для продолжения работы министерство внутренних дел создало в Выборге орган, который получил название «Комиссия по продовольственным запасам Американского Красного Креста». Ее председателем стал инспектор по делам призрения бедных Иоханнес Хагельберг,

помимо него имелось еще четыре члена этой комиссии и восемь ее сотрудников.

Работа велась по отработанной ранее схеме, но у финнов не было даже намерения продолжать выделение помощи в прежнем размере. Уезжая, американцы полагали, что оставшихся запасов хватит на два с половиной месяца. Но в министерстве внутренних дел решили, что их выделение следует растянуть на максимально долгий срок. Сразу же в мае 1921 г. число претендентов на получение помощи было резко сокращено, к тому же размеры продовольственных пакетов в течение лета уменьшили настолько, что теперь они составляли мизерную часть прежнего объема.

При изучении доставшейся после американцев ситуации выяснилось, что они вели дело достаточно вольно, не мелочась. В выборгских складских магазинах товар воровали даже их сотрудники. К тому же обнаружилось, что в Хельсинки и Выборге продукты открыто выдавались даже тем русским, которые в них определенно не нуждались — владельцам домов и лицам, имевшим работу. В пунктах раздачи, где клиентами в основном были русские, вообще происходили весьма удивительные вещи.

Более жесткое распределение помощи привело к ухудшению ситуации среди беженцев и к росту озабоченности. Обнаружилось, что наиболее озлобленными оказались благополучные русские, которым перестали выдавать пакеты. Выборгский распределительный пункт был полон криков и скандалов, финские сотрудники подвергались ругани и угрозам, инстанции были завалены жалобами.

Обман и надувательство, без сомнения, имели место в сотнях случаях. И все же чувствовалось, что отношение финнов к русским при распределении помощи характеризовалось жесткостью. Паек скорее урезали у «рюсся», чем у беженца-соплеменника.

В течение лета 1921 г. число лиц, получавших помощь, было резко сокращено; финские «общинные бедняки» были вообще вычеркнуты из списков. Предложения министерств о полном прекращении или сведении к минимуму заботы о беженцах, по крайней мере, в тот момент казались невыполнимыми. С приближением зимы и уменьшением фронта сезонных работ потребность в помощи вновь стала возрастать.

Как только оказание помощи беженцам оказалось в руках финских властей, наступили трудные времена. Задача заключалась в том, чтобы к исходу лета 1922 г. покончить с деятельностью, которая носила,

по мнению властей, временный и спорадический характер. Но развитие событий пошло в ином направлении.

Сквозь чистилище

Когда в начале 1922 г. начался массовый исход из Восточной Карелии, в Финляндии стало не до смеха. Положение дела с обустройством беженцев было плохим как никогда ранее.

В разгар зимних морозов восточные карелы прибывали в лесные деревушки, где практически отсутствовали возможности организовать пропитание и размещение тысяч людей. Многие в поисках лучшей доли потащились дальше от границы за десятки, порой за сотни километров, в Оулу и Сортавала.

Нищета, царившая за границей, бросалась в глаза. Ленсман Палтамо точно выразил свои впечатления от увиденного: «Жалкими выглядят эти одетые в лохмотья людские тени. Голод, болезни, нагота и безысходность, вот вкратце то, чем обладают эти несчастные». Помимо того, что люди были голодны, огромное их число страдало педикулезом из-за ввезшейся черной грязи и обморожений, вызванных плохой экипировкой. Работавшая в Хюрюнсалми диакониса писала: «По меньшей мере два месяца они были в одном и том же нижнем белье, ужасная чесотка — можно сказать поголовно, особенно у мужчин — и паразитов столько, что сыпались с головы».

Власть действовала быстро. Правительство предоставило некоторую сумму денег для помощи восточным карелам губернатору Оулуской губернии, который учредил в Оулу Комиссию по оказанию помощи беженцам Восточной Карелии. Председателем ее стал доктор Вальтер И. Снельман. Ситуация потребовала к тому же создания местных комитетов, подчиненных общему руководству; им стал образованный в марте 1922 г. Государственный центр по оказанию помощи беженцам.

Невиданный наплыв восточных карелов послал прощальный привет планам экономии. В 1922 г. правительство вынуждено было выделить на предоставление помощи беженцам рекордную за все времена сумму в 25 млн. марок (по современному курсу свыше 37 млн. марок)!

На протяжении месяцев эта поддержка восточных карелов вынуждена была осуществляться силами местных властей, гражданских организаций и частных лиц. На начальном этапе важной формой являлись общепинляндские сборы пожертвований, проводимые разными организациями: собирались продукты питания, одежда и зерно.

Вклад этих сторон в оказании первоочередной помощи, а позднее и в предоставлении рабочих мест, оставался весьма внушительным. Организации, которые вели эту работу, помимо прочих являлись: Академическое карельское общество, Дуодецим, Центр по оказанию помощи Восточной Карелии, Финское отделение: Международная помощь детям, Христианская помощь Восточной Карелии и Центральный союз сельскохозяйственных обществ Финляндии. Обилие участников и непрофессионализм чиновников внесли в эту деятельность немалый разброд.

Весной 1922 г. практически все прибывшие восточные карелы получили какую-то помощь. Всего она была распределена среди 23200 человек, из которых свыше 11200 являлись восточными карелами.

Нехватка жилья, равно как и большое число детей и слабых здоровьем людей, привели к тому, что для восточных карелов пришлось открыть приемные и детские дома. Таковые имелись в Каяни, Кухмо-ниemi, Лиексе, Нурмесе, Оулу и Сортавале. Близ Йюенсуу некоторое время находился лагерь Хойтиайнен. Беженцев, в первую очередь русских, сгоняли также в концлагерь, расположенный на острове Туркинсаари, близ Выборга. Летом 1922 г. более ста ребятишек было отправлено в детские дома.

Стараясь быстрее сократить число лиц, получавших помощь, министр внутренних дел Хеймо Хелминен решительно переселял беженцев из приграничных районов в более благополучные с точки зрения трудоустройства регионы (вплоть до южной Финляндии). Однако повседневная жизнь свидетельствовала, что людей нельзя перемещать подобно стаду коров по планам, разработанным за канцелярским столом. Местные власти отмечали практические трудности в реализации этого замысла, поскольку люди противились разъединению семей и предпочитали оставаться в тех районах страны, которые были им знакомы.

И хотя поначалу все выглядело в черном — как у закопченного чугунка — свете, летом 1922 г. положение стало все же проясняться. Помощью тогда пользовались 10500 человек, из которых восточные карелы составляли около трети. Появление рабочих мест, перемещение людей из пограничной зоны и возвращение в Восточную Карелию разрядили бомбу, связанную с обустройством беженцев. Сотни людей постепенно становились на ноги благодаря поддержке своих родственников в Финляндии.

Наплыв восточных карелов пережили относительно сносно, дело ограничилось испугом. В этом следует благодарить не только меры, предпринятые властями, но и работу многочисленных добровольцев. Не обошлось и без крайностей, поскольку неконтролируемых товаров и денег оказалось так много, что некоторые беженцы начали спекулировать получаемой помощью и приторговывать ею.

С точки зрения организации государственной помощи существенным являлось то обстоятельство, что ситуация потребовала от управленцев приспособления к новым реалиям, к переводу всей работы с временных рельсов на постоянные. Количество получавших поддержку лиц стало вновь сокращаться, но люди, нуждавшиеся в ней, кажутся, намеревались навсегда остаться в Финляндии.

Шагреновая кожа государственной поддержки

Вытягивая каждую копейку

«Государственный центр по оказанию помощи беженцам» был создан на базе сотрудников комиссии, занимавшихся распределением запасов Американского Красного Креста. Но руководство во главе с Иоханнесом Хагелбергом целиком ушло в отставку уже в апреле 1922 г., поскольку рациональное сотрудничество с министром внутренних дел Хелминеном не складывалось. Наибольшие разногласия касались выселения восточных карелов из приграничных районов, которое, по мнению Центра, потерпело неудачу.

В мае 1922 г. во главе нового руководства встал Валде Сарио, который исполнял эти обязанности вплоть до начала 1930-х гг. Другим председателем, продолжительное время находившимся на этой должности, был губернатор Арво Маннер, правление которого длилось с 1934 г. до конца 1950-х гг. Начальником канцелярии до 1940 г. являлся Юкка Тирранен. Имелись ли на то личные причины, или дело объяснялось непосредственной заинтересованностью, но многие члены руководства в своей деятельности были связаны с проблемами беженцев и соплеменников.

«Центр по оказанию помощи» превратился в штаб, который руководил всей деятельностью по обустройству беженцев. Он брал к исполнению распоряжения министерства внутренних дел и направлял

работу как своих сотрудников, так и работу четырех комиссий, связанных с беженцами-соплеменниками.

Поле деятельности не ограничивалось оказанием материальной поддержки, хотя именно она съедала подавляющую часть выделенных средств. Помимо этого Центр финансировал и отчасти руководил работой интернатов, обучением беженцев, медицинским обслуживанием и даже их духовным призрением. Можно сказать, что Центр превратился в некий опорный пункт, куда обращались люди в своих печалах и заботах. Сотрудники могли выступать в роли писарей у стариков-карелов, в выборгскую центральную канцелярию приходили запросы даже такого рода: какой марки велосипед лучше всего купить на имеющиеся сбережения.

Финансовые возможности для проведения этой работы были весьма ограниченными; в 1923 г. выделенные средства сократились по сравнению с предыдущим годом более чем на треть. Поэтому неудивительно, что тесьма кошельков затягивалась все туже и туже. Использование государственных ресурсов в этой работе было делом новым, поскольку деятельность общин по призрению бедных практически не знала поддержки со стороны центральной власти. Так выделенные в 1924 г. общинам государственные средства на поддержание бедняков составляли лишь 25% той суммы, которая была затрачена на оказание помощи беженцам!

Бедность и необходимость вытягивать каждую копейку стали наиболее характерными чертами в работе с беженцами. Вся деятельность вплоть до конца 1920-х гг. подвергалась все большей централизации из-за постоянного сокращения средств.

Примечательные перемены произошли в 1925 г., когда вместо продуктов помощь стала предоставляться деньгами. Но в некоторых местах Оулуской губернии, из-за трудностей с обеспечением товарами и сложной ситуацией в целом, прежняя практика выдачи продуктов питания продолжалась до лета 1927 г. Переход на денежную систему упростил практическую работу, поскольку можно было сократить число раздаточных пунктов и количество сотрудников. Но, тем не менее, у Центра в конце 1925 г. все еще насчитывалось 22 представителя в разных регионах страны — от Куусамо до Салми и от Терийоки до Хельсинки.

В период экономического подъема второй половины 1920-х гг. улучшилось и материальное положение беженцев, количество нуждав-

шихся в помощи быстро сокращалось. В министерстве внутренних дел надеялись на продолжение этой тенденции и размеры финансовой поддержки безжалостно сокращались.

И поскольку нельзя было безгранично спорить о масштабах непосредственно оказываемой помощи и о затратах на обучение, то единственным решением, связанным с сокращением расходов, было уменьшение сотрудников в аппарате Центра. Это означало ликвидацию местных комиссий. Последней летом 1930 г. была закрыта «Комиссия по оказанию помощи беженцам Беломорской Карелии», находившаяся в Каяни. После этого данная работа в масштабе всей страны проводилась силами всего 19 сотрудников, которые исполняли ее, как правило, по совместительству, подчиняясь непосредственно Выборгской канцелярии.

Руководство Центра по оказанию помощи беженцам пыталось воздействовать на министерство внутренних дел с тем, чтобы предотвратить непрерывное сокращение бюджетных средств. Но авторитета не доставало, и результат был незначительным. В начале 1929 г. министр внутренних дел Т. М. Кивимяки признал, что разжижение бюджета было вызвано слухами о том, что значительная часть помощи попадала в руки «рюсся». Эта ошибочная оценка базировалась на их количественном преобладании в общей массе беженцев.

Годовой бюджет Центра упал в 1929 г. до 2,7 млн. марок (3,7 млн. по современному курсу). Этот уровень сохранялся вплоть до конца 1930-х гг. И хотя новых финансовых урезаний более не производилось, число претендентов на получение помощи, тем не менее, не уменьшалось, во всяком случае в той мере, в какой строились предположения.

Решающее значение имело то обстоятельство, как изменялось количество нуждавшихся в помощи людей. Постоянно производился отбор, в основе которого лежал принцип — не предоставлять ее здоровым и трудоспособным лицам. Разовая и временная помощь могла оказываться лишь в случае заболевания или безработицы. Основания для предоставления помощи хотели унифицировать с теми правилами (базировавшимися на законе 1922 г.), по которым велась работа по призрению бедных в общинах.

За получавшими помощью лицами наблюдали, их экономическое положение выяснялось как минимум один раз в году. Если условия улучшались, помощь сводилась к минимуму, или полностью прекра-

щалась. Динамика в оказании помощи носила волнообразный характер, поскольку в летние периоды даже самые обездоленные находили себе работу, тогда как зимой вновь приходилось жить на пособия.

Помимо канцелярии Центра за работой на местах следил также ревизор министерства внутренних дел. Мелкие огрехи выпячивались, об этом говорит хотя бы отчет ревизора о деятельности комиссии в Оулу за 1923 г.: «...в феврале, согласно спискам, распределено шапок в Куусамо 37 и в Оулу 2; в книге же значатся только 37...»

И поскольку всюду, вплоть до парламента, полагали, что предоставляемая беженцам помощь прилипает к рукам «рюсся», то проводившаяся по отношению к ним линия отличалась крайней жесткостью. Десница, обращавшаяся с ними в первые годы, была столь тяжела, что впоследствии пришлось ослабить хватку. В конце 1922 г. были увеличены нормы выдачи муки «по исключительным случаям», поскольку прежние просто-напросто обрекали людей на голодную смерть.

Число нуждавшихся в помощи русских к концу 1920-х гг. резко сократилось до неполных пятисот человек. Эмигрантов вышвырнули из всех структур, занимавшихся распределением помощи. На это обратили внимание даже в финском Красном Кресте, который в 1920-х гг. помогал русским.

В первые годы помощью наряду с другими воспользовалось достаточно много финляндских граждан, прибывших из Советской России, а также подданных третьих стран. С конца 1923 г. отношение к ним ужесточилось: из списков вычеркивались лица, находившиеся в Финляндии более года. Но приток из-за границы не прекращался, и это население в свою очередь вынуждено было обращаться за помощью.

Большинство «племенных» организаций, которые поддерживали беженцев, закончило эту свою деятельность в 1923 г., поскольку с конца предыдущего года помощь в основном стала предоставляться за счет государственной казны.

Тогда как у русских их собственные организации продолжали играть в этом деле важную роль. Наибольшее значение имела бесплатная медицинская помощь Российского Красного Креста, а также поддержка некоторыми объединениями домов престарелых и детских приютов. Было видно, как слабая государственная поддержка заставляла русскую общину уделять повышенное внимание благотворительности. Сколь разнообразны были усилия по выходу из положения собственными силами свидетельствует, к примеру, известие о том, что в Хельсинки еще во второй половине 1930-х гг. действовало акционер-

ное общество «Объединение по приобретению нижнего белья и пр. необходимых вещей для нуждающихся русских в Финляндии».

Заметное облегчение в 1920-х гг. приносили пожертвования эмигрантских организаций Центральной Европы, которые достигали порой десятков тысяч марок. Еще в конце 1930-х гг. с материка поступали денежные перечисления и одежда.

Количество получавших помощь лиц сократилось за 1925–1928 гг. почти наполовину, составив 2200 человек. Казалось, что забота о беженцах все более отходила на обочину общественной жизни. Но и на этот раз, как всегда прежде, этим надеждам не суждено было сбыться.

«...в отряпьях пришли просить помощи»

«В это время в лавке все чаще стали появляться странные существа, бродяги, босяки, нищие. Безработица и безденежье заставляли их странствовать по дорогам. Чего они ждали? Они что-то покупали, чего-то просили или оставались на минутку, чтобы согреться...», так описывает Пентти Хаанпяя виденное в начале 1930-х гг., в разгар экономического кризиса. В условиях безработицы и падения заработной платы до уровня, который ставил человека на грань голодной жизни, около 390 тысяч человек в 1933 г. вынуждены были обратиться за помощью, оказываемой беднякам. Но поддержка, однако, была столь мизерна, что люди нередко опускались до сбора подаяния.

Все это сказалось на возросшем количестве беженцев, нуждавшихся в поддержке. Центр по ее оказанию получил дополнительные средства для организации общественных работ и предоставления временной помощи, но в совершенно недостаточном размере. К концу 1927 г. число получавших ее лиц выросло до 2700 человек, однако для сотен людей у сотрудников с их пустыми кассами не было иного совета, как искать эту поддержку в человеческом сострадании.

Весной 1932 г. в организации всего дела произошли заметные изменения, поскольку по представлению министерства внутренних дел часть функций была передана на местный, общинный уровень. Начиная с марта Центр заботился о беженцах лишь в восточных районах Куопиоской и Выборгской губерний и в сельских местностях губернии Оулу, т.е. там, где их было наибольшее количество. В остальных районах беженцы подпадали под заботу общинных органов по призыву за бедными.

Начало на этом пути было трудным. Изменения означали, и в первую очередь для городов Хельсинки и Выборг, что на их плечи легли

дополнительные заботы по обеспечению сотен людей, среди которых большинство составляли «русся». На местах были недовольны нововведением и требовали сохранения Центра по оказанию помощи беженцам. И это было понятно, поскольку экономический кризис и без того резко увеличил соответствующие расходы городских бюджетов.

Во всяком случае, уже в 1932 г. со стороны общинных органов призерения опекой было охвачено 1500 беженцев, из которых большинство составляли русские. В середине 1930-х гг. вся оказываемая помощь делилась примерно поровну между Центром и местными общинами. И хотя кризис отступил, еще в 1936 г. ее продолжали получать свыше 3200 беженцев. Это было на тысячу человек больше, чем в конце 1920-х гг., когда государственная поддержка была резко сокращена.

В конце концов, передача частичной ответственности на уровень общин означала облегчение для нуждавшихся беженцев, особенно для русских. В конце 1920-х гг. они были практически исключены из реестра государственной поддержки, но в рамках общинной программы призерения бедных их насчитывалось в середине 1930-х гг. до тысячи человек.

Нагрузка на Центр по делам беженцев сократилась, но поскольку районы проживания их основной массы остались в сфере деятельности Центра, то работа продолжалась. В приграничных районах по-прежнему имелось население, которое не могло обеспечить себя собственными силами. С точки зрения бюджетного финансирования сложность заключалась в том, что число «дорогостоящих» пациентов, находившихся в различных заведениях, не уменьшалось.

Новая проблема стала вырисовываться во второй половине 1930-х гг., когда даже в Финляндию стали прибывать люди из Прибалтики и стран Центральной Европы. И хотя приезжих было немного, и часть из них обходилась собственными средствами, в их числе были все же лица, нуждавшиеся в поддержке. Но забота о них легла на плечи различных организаций, от этой работы Центр остался в стороне.

Помощь из государственных средств была, тем не менее, в начале 1939 г. сокращена. В министерстве внутренних дел полагали, что беженцы уже вполне встали на ноги, и в связи с этим следует полностью прекратить распределение финансовой и иной помощи в самое ближайшее время. Забота о них полностью передавалась в ведение общинных комиссий.

Как и десять лет тому назад, это решение вызвало неоднозначную реакцию. Особенно неодобрительно, ссылаясь на большое количество нуждавшихся в помощи, относились к нему официальные лица в приграничных районах. Многие беженцы были озабочены тем, что их положение ухудшится. Трудности предрекались, в частности «Центральным союзом карельских организаций», представлявшем интересы восточных карелов. Он рекомендовал им выделить доверенных лиц для переговоров населения с общинными комиссиями, поскольку «...сами получатели помощи, нервничая, зачастую не могут вести речь о деле; постоянно ругаясь и обвиняя лиц, занимающихся помощью, они лишь усложняют ситуацию».

Как бы то ни было, остававшаяся в ведении Центра структура местных организаций в 1939 г. была ликвидирована и последние 13 сотрудников прекратили свою деятельность. Важнейшей формой работы стало теперь поддержание на плаву интернатов.

Зимняя война для многих беженцев означала еще один удар — эвакуацию. Сам Центр по оказанию помощи вынужден был летом 1940 г. после нескольких промежуточных перемещений перебраться из Выборга в Котка. Оказавшиеся в сложном положении беженцы находились под опекой органов, которые сами испытывали вызванные войной серьезные трудности, не прекращалась также работа и самого Центра. К тому же надо было поддерживать деятельность многих социальных учреждений.

Кризис начала 1930-х гг. показал, что планы по сворачиванию помощи беженцам следовало забыть. Выход заключался в постепенной передаче функций государства в руки расширявших эту деятельность общин с тем, чтобы в конечном итоге в ведении Центра оставались бы только детские дома и дома престарелых. Перемена представлялась нелегкой и вызывала ворчание, но система, тем не менее, оказалась вполне дееспособной.

На попечении ведомств

Соплеменники в учреждениях социального обеспечения

Приемом беженцев и уходом за больными занимались различные организации, из которых часть просуществовала недолгое время, часть же свою деятельность продолжала. На Карельском перешейке

при приграничном карантинном заведении в первое время находилась больница, Российский Красный Крест открыл для эмигрантов амбулатории, число которых к 1921 г. выросло до восьми. В Рауту на протяжении двух лет существовала больница для ингерманландцев, а в первой половине 1922 г. для восточных карелов был открыт десяток кратковременных пунктов по оказанию первой медицинской помощи.

Наряду с этим учредили несколько заведений, которые оказывали содействие в первичном обустройстве, предоставляя жилище и питание. У американского и английского Красного Креста в Терийоки существовал специальный дом по приему русских и британских беженцев соответственно. В Выборге действовал детский дом по приему финнов, возвращавшихся из Советской России, а также женская биржа труда, которая позднее была переведена в Келломяки. Все эти учреждения были закрыты к весне 1923 г. Для восточных карелов также существовали пункты краткосрочного приема.

В это же время открывались заведения и более постоянного характера, из которых последние были ликвидированы только в 1970-х гг. С самого начала находились люди, которые жили в «свободном мире», не получая пропитания и одежды.

«Первыми местами обитания этих маленьких беженцев были лиственные рощи в Вепса, позднее — углы в банях и ригах, в общем все, что посчастливилось себе подыскать», так изображались судьбы ингерманландских сирот и оказавшихся на обочине жизни детей в 1919 г. Для них в 1920 г. в Рауту был основан детский дом, который впоследствии содержался на средства Американского Красного Креста.

Даже после того, как число ингерманландцев стало снижаться, необходимость в этом заведении продолжала сохраняться. Часть из возвращавшихся в Советскую Россию семей оставляла своих детей в Финляндии, какое-то их количество были выходцами из больших семей и от матерей-одиночек. Безработица заставляла оказывать все более значительную помощь в первой половине 1930-х гг., когда в детском доме проживало около 40 детей.

В 1935 г. детский дом перевели из деревни Лейникюля (Рауту) в более просторные помещения местечка Саккола (Кивиниеми). И хотя время от времени возникало брюзжание из-за существовавших порядков, обращение в целом было хорошим, обстановка, несмотря на неприязнительность, отличалась чистотой. Дети посещали народную школу, малыши получали начатки грамоты силами воспитателей, способные трудиться в летнее время работали в хозяйствах.

Канонада Зимней войны заставила эвакуировать детский дом во внутренние районы Финляндии, сначала в Рантасалми. Все предстояло начинать на пустом месте, поскольку имущество пришлось бросить перед надвигавшимся фронтом. В конечном итоге детский дом обосновался осенью 1941 г. в Куккила (Холлола), где он и прекратил свое существование в 1947 г.

С закрытием больницы для ингерманландцев обнаружилось, что шедшие на поправку пациенты и старики оказались выброшенными на улицу. Для них в начале 1922 г. приискали в Рауту небольшое пристанище, при котором позднее основали приемный покой. Это учреждение было всего лишь временным прибежищем, в котором люди находились непродолжительное время, пока не найдут постоянного жилья, или не уйдут в лучший мир. Осенью 1925 г. условия жизни уже настолько стабилизировались, что этот приют можно было закрыть.

Для ингерманландцев пришлось открыть всего лишь два собственных учреждения социальной защиты. Позднее их перевели в интернат, находившийся в Кюминлинна, где проживали, главным образом, восточные карелы. Помимо этого для беженцев-соплеменников зарезервировали около десятка свободных мест в санатории для легочных больных в Халила (Уусикиркко).

Из приемных домов для восточных карелов лишь один просуществовал длительное время. Это был детский дом Международного комитета помощи детям, основанный в Кухмониemi, который первое время функционировал круглогодично, а затем, вплоть до 1929 г. как школьный интернат. Это учреждение с благодарностью вспоминалось детьми, жизнь которых была исковеркана Молохом войны как раз в годы их ребячьих забав.

Весной 1922 г. стало ясно, что решение о насильственном перемещении больных, немощных и безработных восточных карелов в изоляционный лагерь на острове Туркинсаари в Выборгском заливе было неверным. Для них летом предстояло организовать собственный лагерь в казармах Кюминлинна. В 1922 г. в этих двух местах какое-то время проживало около 1300 беженцев из Восточной Карелии.

Среди восточных карелов постоянно обнаруживалось такое число нуждавшихся в уходе лиц, что лагерь в Кюминлинна, будучи преобразованным в интернат, продолжил свое существование. К тому же туда принимали безработных и бежавших в 1930-х гг. из Советского Союза, в том числе и русских.

Кюминлинна превратился в самый крупный пункт по уходу за беженцами, в нем еще во второй половине 1930-х гг. ежегодно находилось до 250 пациентов. Ротация была значительной. Для многих это заведение было всего лишь временной гаванью, в которой можно было пережить безработицу и справиться с болезнями, но старики, как правило, оставались в нем до конца своих дней.

Интернат сформировал свой маленький мирок. При нем существовали рассчитанная максимум на 40 коек больница и туберкулезный диспансер, народная школа и детские ясли. Имелось свое животноводческое хозяйство, столярные мастерские и лесные делянки, где трудились работоспособные члены заведения.

Во время Зимней войны в декабре 1939 г. посчитали целесообразным переправить подопечных подальше на запад. Новое местопребывание интерната находилось в Майккула (Оулуйоки). Около 230 взволнованных, требовавших ухода питомцев пересекали на поезде в условиях сильнейших морозов всю Финляндию, оказавшись при этом дважды под бомбежками.

Деятельность в Майккула, наследнице Кюминлинна, продолжалась дольше, чем в любом другом интернате для беженцев-соплеменников. Еще в 1957 г. в заведении насчитывалось 46 подопечных. В Майккула в 1950-х гг. на протяжении несколько лет существовал также детский дом, но в последние годы своей жизни заведение было домом престарелых. Его деятельность завершилась только осенью 1970 г., когда на попечении находился десяток стариков.

Социальная работа в Майккула имела долгую традицию. Существовавшие с весны 1922 г. в различных местах неподалеку от Оулу временные учреждения по уходу за восточными карелами в конце 1923 г. были переведены в старые казармы Майккула. Поначалу туда поместили больных и обездоленных беженцев из Северной Финляндии (ежегодно таковых насчитывалось более ста человек), затем акценты сместились на заботу о детях. Интернат закрыли осенью 1927 г., после чего Майккула продолжала свою деятельность в форме народной школы для беженцев и школьного интерната.

Достигнув численности контингента, которая ранее была в Кюминлинна, помещения Майккула стали тесными, и пришлось кое-что изменить. Подавляющая часть питомцев школьного интерната была переведена в обычные народные школы. Для оставшихся и, прежде всего, для детей, которые в свое время были в Кюминлинна, летом 1940 г. основали новый детский дом, расположенный в Сяксымяки

(Терисаари). Там пребывали до 1952 г., когда последних десять ребятишек вновь перевели в Майккула.

В Финляндии для беженцев-соплеменников имелось пять интернатов долговременного пребывания, из которых большинство вынуждено было менять прописку и формы деятельности. Настойчивые попытки ограничить дорогостоящую работу интернатов предпринимались во второй половине 1920-х гг. и в годы экономического кризиса, но случилось так, что именно интернаты из всех видов социальной поддержки имели наиболее продолжительную жизнь.

От детского дома Сибирякофф до Ауринко

У русских потребность в организации ухода за детьми была наиболее острой в первые годы эмиграции. Сироты и дети, родители которых затерялись в круговерти российских событий, насчитывались сотнями.

Как при оказании помощи в целом, так и при организации работы в рамках интернатов во многом опирались на благотворительность. У русских имелись заведения, которые в начале 1920-х гг. получали кое-какую спорадическую поддержку со стороны государства или же вообще были ее лишены.

Еще во времена автономии в стране находились социальные учреждения для русских, которые в новых условиях оказались перед непреодолимыми трудностями. Экономическое положение становилось тревожным, тогда как число нуждавшихся в помощи людей возрастало.

Русское благотворительное общество содержало в Хельсинки дома для престарелых и детей, средства для которых собирались разными способами. В первые годы независимости основное внимание уделялось детскому дому, в котором постоянно находилось до 50–60 воспитанников. Позднее соотношение изменилось таким образом, что в конце 1940-х гг. количество детей не превышало двух десятков, тогда как стариков насчитывалось около 70 человек. Деятельность детского дома была прекращена, а дом престарелых «Хелена» продолжал свою работу еще и в 1990-х годах.

В Сорвали (Выборгская губерния) существовал небольшой русский дом престарелых, содержавшийся местным православным приходом, а также сиротский дом, существовавший на добровольные пожертвования. Женский монастырь в Линтула брал под свою опеку обездоленных женщин, в сиротском доме при монастыре проживали дети — в общей сложности до 50 человек.

Помимо этого в начале 1920-х гг. были открыты временные интернаты, большинство из которых прекратило свое существование к концу десятилетия. В Терийоки и Райвола имелись сиротские дома, в Леппяваара (Эспоо) детский дома Алберга и в Хельсинки — небольшой частный детский дом. На Карельском перешейке при русских учебных заведениях имелись школьные интернаты.

В дачных районах Карельского перешейка и в Выборге в начале 1920-х гг. для русских эмигрантов появились интернаты, в которых подопечные сами полностью оплачивали свое пребывание. Обнаружилось, однако, что многие из пациентов нуждались в более организованном уходе.

В условиях, когда невозможно было найти какой-то выход, в карантинный лагерь Туркинсаари, где находились кронштадтцы, начиная с лета 1922 г. стали направлять больных и немощных русских. Лагерь находился под наблюдением полицейского управления Выборга, условия жизни в нем характеризовались неустроенностью, всюду грязь и организационная неразбериха, время проходило в борьбе со вшами и выпивках. Еще весной 1924 г., когда лагерь Туркинсаари был передан в ведение Центра по делам беженцев, в нем находилось около сотни русских эмигрантов. Новый хозяин прекратил его существование, и самые слабые обитатели лагеря были переведены в интернат, расположенный неподалеку от железнодорожной станции Перкъярви.

Сюда поместили стариков и на некоторое время больных; вплоть до середины 1930-х гг. ежегодное количество пациентов составляло около 40 человек. Находившийся в полуразвалившихся и тесных помещениях интернат в 1934 г. получил более сносные условия существования: он переехал в расположенную неподалеку от Выборга большую дачу и имевшиеся неподалеку два других здания.

Во время Зимней войны интернат был эвакуирован, и его развернули в Карку и Икалинен. С 1947 г. заведение до конца своих дней обособилось в Куккила (Холлола), в освобожденных помещениях детского дома для ингерманландских детей.

Организацией интернатов занимался также Особый комитет. Центр по делам беженцев обещал продовольствие и одежду, но комитет сумел обеспечить интернаты за счет иных средств. Весной 1923 г. были открыты два заведения, один в Куоккала, второй — в Халила (Уусикиркко), в усадьбе Ауринко (Солнце), где Английский Красный Крест содержал небольшой санаторий для беженцев.

Интернат в Куоккала был невелик, пациентов около 20 человек, но и для них помещения старого имения были тесны и для деятельности заведения непригодны. На сторонних наблюдателей интернат производил тяжелое впечатление, но его подопечные, среди которых преобладали старые женщины, говорили, что они вполне удовлетворены условиями жизни.

Интернат «Ауринко» был крупнее, в нем проживало 40–50 человек, и во всех отношениях организация дела в нем находилась на более высоком уровне. В просторном имении хватало места и всевозможной мебели. «Образованная старая интеллигенция» определяла в первое время контингент интерната, состоявший, к примеру, из генералов, врачей и высокопоставленных чиновников. В доме царила оживленная жизнь, организовывались музыкальные вечера, имелась обширная библиотека.

Средства Особого комитета были столь скудны, что помощь, поступающая от Центра по делам беженцев, приходилась как нельзя кстати. Но когда осенью 1927 г. центр в условиях финансовых трудностей постановил прекратить оказание поддержки некоторым русским интернатам, над ними нависла угроза закрытия. Пациентов, среди которых многие оказались на грани нервного срыва, планировалось перевести в дома престарелых, находившихся на содержании общин.

Помощь пришла от Финского Красного Креста, к которому обратился Особый комитет. Красный Крест организовал сбор средств, профинансировал интернат в Куоккала до конца 1928 г. и взял на себя медицинские расходы в интернате «Ауринко». Однако небольшое учреждение в Куоккала было закрыто, тогда как «Ауринко» сохранилось. И хотя интернат в Халлила по-прежнему получал небольшие дотации от Центра по делам беженцев, все же ограниченные финансовые возможности и приходившие в негодность строения накладывали отпечаток на его жизнь.

Интернат «Ауринко» потерял все свое движимое имущество в мясорубке Зимней войны, а его эвакуированных пациентов перебрасывали с места на место. Летом 1940 г. интернат вновь вернулся в свое имение Гаммельбакка, близ Порвоо.

Среди вынужденных пойти по дорогам эвакуации русских было такое число оказавшихся в безвыходном положении стариков, что Особый комитет решил основать для них еще один интернат. В 1941 г. был открыт интернат «Сююсауринко» («Осеннее солнце»), находив-

шийся в имени Бергстан (Порвоо) до тех пор, пока он не был переведен в середине 1950-х гг. в Раямяки (Нурмиярви). Заведение за ненадобностью было закрыто в 1962 г., и последних пациентов перевели в «Ауринко».

«Ауринко» в Гаммельбакка, где в начале 1950-х гг. находилось еще свыше 60 престарелых, функционировало дольше всех других аналогичных учреждений Финляндии. Интернат был закрыт только осенью 1974 г.: официальные лица признали имение не соответствующим необходимым требованиям, а деньги на большой ремонт отсутствовали.

Если учитывать и временные заведения, и детские дома при закрытых учебных заведениях, то получается, что в Финляндии имелось более десятка интернатов для русских эмигрантов. Со временем заботы по обустройству детей становились менее обременительными, но потребность в домах престарелых сохранялась еще долгие годы. Русские попадали также и в обычные интернаты и дома, которые содержались общинами, но такие ситуации нередко имели горький привкус. Совершенно не зная финского языка или владея им недостаточно хорошо, они испытывали одиночество и всяческие затруднения, к тому же и в этом окружении проявляла себя «ненависть к русью». И хотя русские интернаты были весьма скромны, их существование считалось крайне важным, и их работу, несмотря на значительные жертвы, стремились продлить как можно дольше.

«...большие задачи нельзя решать малыми силами»

В общей сложности в Финляндии 1920–1930-х гг. действовало 11 учреждений по уходу за беженцами, которые на протяжении некоторого времени частично или полностью финансировались Центром по делам беженцев. Можно говорить о том, что в учреждениях, находившихся на содержании государства, с момента организации первых лагерей и до Зимней войны находилось, по крайней мере, около 2000 человек. Часть людей долго не задерживалась, некоторые оставались на десятилетия.

Численность подопечных к концу 1920-х гг. постепенно сокращалась, но в начале 1930-х гг. их количество застыло на уровне 400 человек. На это повлияло как уменьшение дотаций на оплату жилья, так и частичная передача функций по уходу в ведение общин. В 1930-е гг. пациенты интернатов составляли четвертую часть от общего количества беженцев, получавших ту или иную помощь.

У восточных карелов потребность в получении такой поддержки на протяжении всего времени оставалась достаточно большой. Они постоянно составляли до 70% контингента в тех интернатах, которые находились на содержании государства.

Содержание интернатов для беженцев стало для государства серьезной проблемой. Из всех форм оказания помощи эта форма в пересчете на каждого человека была наиболее затратной: в 1931–1939 гг., к примеру, свыше 40% выделявшихся средств шло на нужды интернатов. И хотя тратились миллионы марок, в распоряжении имелись столь скудные средства, что приходилось прибегать к жесточайшей экономии. В сравнении с аналогичными учреждениями, находившимися на балансе общин, расходы в интернатах на беженцев были заметно скромнее.

Последние представляли собой скромные, и даже жалкие заведения. И поскольку их зачастую размещали в старых военных казармах, имениях или усадьбах, то само выживание было связано с жизнью в непригодных условиях. В некоторых интернатах стирка и даже ежедневное умывание не обходились без полусгнивших банных шаек и тазиков, из-за плохого состояния подсобных помещений не редкостью была порча продуктов питания. Так в Кюминлинна на протяжении долгих лет боролись с полчищами паразитов, в интернате Перкъярви крысы выхватывали еду из рук пациентов.

Из-за недостатка средств все приходилось использовать до полного износа: мебель, обувь, одежду, посуду. Скатерти в интернатах Куоккала и Перкъярви, казалось, побывали в руках трубочиста, детская одежда в Майккула в начале 1930-х гг. напоминала отрепья попрошаек, едой в Кюминлинна в первые годы побрезговали бы даже свиньи.

Инспекторы Центра по делам беженцев не проходили мимо этих недостатков, условия жизни приводились в норму. И все же в 1930-е гг. общая картина русских интернатов, испытывавших хронические финансовые затруднения, производила печальное впечатление. Еще в 1939 г. инспектор Выборгского округа отмечал крайне примитивные условия жизни в Кюминлинна по сравнению с другими подобными заведениями подотчетной ему территории.

Военные годы принесли новые трудности — скитания во время эвакуации и безнадежные попытки организовать интернаты заново. Во всем испытывался недостаток: в помещениях, продуктах питания и даже в доброй воле. В первую военную зиму «рюсся» из интерната

«Ауринко» жили как селедки в бочке в небольшом доме в Ускела, половина воспитанников детского дома Теринсаари страдали в 1942 г. от недоедания.

Люди устраивались в интернаты по многим причинам, и различным было их отношение к подобным заведениям. В первое время, когда восточных карелов приходилось отправлять в лагеря, многие из них боялись и сопротивлялись этому. Для детей разлука с родными и поступление в интернат не проходили бесследно. В детских домах столкнулись с проблемами дисциплины и с «озверевшими», трудными воспитанниками. В учреждения пришлось помещать восточных карелов, антисоциальные элементы и лиц с нарушенной психикой, что приводило к дебошам и пьянству. В 1931 г. тоску по дому и общий настрой преклонных беженцев-соплеменников в интернате Кюминлинна охарактеризовали фразой «серый, унылый и несчастный народ».

Интриги, капризы и крик в русских интернатах, кажется, характеризовали обычаи страны. Наибольшее количество проявлений недовольства и всякого рода нарушений со стороны пациентов приходило все же из Кюминлинна, где собрался самый разный контингент эмигрантов. В учреждении имело место также неоправданное и грубое обращение со стороны обслуживающего персонала, злоупотребления, которые приводили к увольнениям. Но конфликты носили все же спорадический характер, и интернат в сложных условиях, тем не менее, выполнил свое предназначение.

В целом же беженцы были довольны своими условиями, или, по крайней мере, смирились с ними. Для людей преклонного возраста и брошенных детей даже скромная обстановка интернатов и домов была несравнима с той, в какой они пребывали ранее.

Сравнивая условия жизни, надо отметить, что учреждения для беженцев немногим отличались от домов (по крайней мере, наиболее старых), находившихся на содержании общин. У них была плохая репутация «дна»; в 1930-х гг. выделяемых средств по-прежнему не доставало, обстановка по большей части оставалась суровой. В рабочей прессе эти учреждения продолжали сравнивать с помещениями для скота.

Когда мир бросил беженцев на произвол судьбы, оказавшиеся в подобных интернатах лица были их наиболее обездоленной частью. Интернаты и приюты, которые предоставили им крышу над головой, с конца 1930-х гг. стали важнейшей формой работы с беженцами. Несмотря на скромные размеры, эти учреждения являлись лишенным

всяких предубеждений предприятием в период, когда механизм социальной защиты в Финляндии еще только обретал формы, соответствовавшие принципам гуманизма.

Таким образом, известные Финляндии 1990-х гг. центры и дома по приему беженцев не являются новым изобретением. Подобные учреждения, функционировавшие в соответствии с возможностями и представлениями своего времени, имелись в стране, начиная с 1920-х гг.

Большой подряд при обустройстве беженцев

Население, сорванное с мест первой мировой войной и хаосом в России, порождало проблемы с собственным обустройством всюду, где бы оно ни появлялось. Помощь русским эмигрантам в разных странах была различна; она зависела от общего состояния социальной защиты в конкретной стране.

В некоторых Балканских странах и в Чехословакии, где эмигрантов принимали в принципе хорошо, положение малообеспеченных людей было трудным, что объяснялось общим невысоким уровнем социальной защиты. В некоторых государствах, как, например, в Польше, «москали» подвергались целенаправленной дискриминации. Все это не могло не влиять на уровень смертности, который в эмигрантском сообществе отличался крайне высокими показателями.

Собственные эмигрантские организации и благотворительность во многом играли решающую роль в обустройстве беженцев. На начальном этапе в этой среде вращались значительные финансовые средства, что позволило открыть больницы, интернаты, а также создать механизмы распределения помощи.

В Финляндии поддержка беженцев поначалу строилась на временной основе, от которой со временем планировали отказаться за ее ненужностью. Но вышло по-другому. Небогатое государство вынуждено было строить свою систему общинного призрения бедных одновременно с системой по оказанию помощи беженцам, которая функционировала десятилетия. Людям, оставшимся без средств к существованию и без гражданских прав, сумели все же гарантировать примерно такую же защиту, что и своему населению. Правда, не обошлось без дискриминации русских. К началу Зимней войны Государственный центр по оказанию помощи беженцам израсходовал на них около 88 млн. марок (в современном исчислении около 130 млн.).

Еще в середине 1930-х гг. разнообразной помощью пользовались свыше 3200 человек — примерно около 20% всего числа беженцев. При распределении средств большая часть выделялась детям, старикам и больным.

Обращает на себя внимание преобладающая доля восточных карелов (до 70%) в общей массе людей, получавших помощь. Причиной было огромное количество многодетных семей, характерных для сельского и «лесного» населения. Рост рождаемости зачастую напоминал фокус с неиссякаемым турецким рукавом, и у плохо оплачиваемых родителей даже в благоприятные годы не было возможности прокормить семью, в которой насчитывалось до 12 детей. Большая часть лиц, постоянно получавших поддержку, проживала вдоль восточной границы от Саами до Куусамо.

Доля ингерманландцев среди всех пользовавшихся помощью стабилизировалась на уровне 20%. Значительную часть средств направляли многодетным семьям, в которых взрослые ни на сельских, ни на других работах не могли заработать хлеба своему выводу, особенно в зимнее время. Систематически получавшие помощь ингерманландцы проживали по преимуществу в приграничных районах Карельского перешейка, а также в Пюхьяярви, Саккола и Валькьярви.

Вплоть до середины 1920 гг. русские составляли треть всех лиц, пользовавшихся помощью государства. Позднее это количество резко сократилось, и начиная с 1932 г. забота о них была переложена на плечи общин.

У русских эмигрантов, которые получали поддержку, демографическая ситуация была совершенно иной. В их среде было мало многодетных семей: обездоленных ребятишек на долгое время пристраивали в собственные детские дома и интернаты. Помощь оказывалась, в первую очередь, старикам и лицам, которые, не имея специальности, были не в состоянии заработать свой кусок хлеба или не смогли приспособиться к новым условиям.

Судьбы зачастую были трагическими. Лица некогда очень высокого общественного положения оказывались на самом дне. В конце 1930-х гг. в Хельсинки и Выборге на пособия по бедности перебивались бывшие полковники, профессора, прокуроры и государственные советники.

В первые два десятилетия независимости Финляндия лишь находилась на пути, который вел от практики призерения бедных к системе

социального обеспечения. Сам принцип попечения неимущих и больных в то время считался устаревшим и подлежащим осуждению.

Серая, безысходная бедность накладывала свою печать на всю работу по оказанию помощи беженцам; жившие на пособия не могли и думать о том, чтобы позволить себе праздничное застолье. Они жили за чертой бедности по принципу «из тарелки прямо в рот». «Когда дневное пособие составляет неполных 2 марки в день, так, действительно, не знаешь, что и делать — то ли истратить их на еду, одежду или на другие совершенно необходимые нужды», так характеризовала ситуацию в 1936 г. сотрудница, занимавшаяся оказанием помощи в Тайвалкоски. Старики и дети в больших семьях были столь бедны, что каждую новую пару обуви или рубашку приходилось выклянчивать в виде подаяния, поскольку на собственные средства ее приобрести было невозможно.

В будничной, повседневной жизни работа по предоставлению помощи оказалась связанной с трудностями, и для сотрудников, ею занимавшихся, зачастую неблагоприятной. Скучность средств требовала ведения точных расчетов, постоянного кропанья в мелочах, принятия для людей болезненных и мучительных решений. Представители Центра на местах отмечали сложность ситуации в годы экономического кризиса 1930-х гг. «Прошедшая зима оказалась столь трудной, что подобной невозможно вспомнить за все предыдущие годы», писал чиновник из округа Оулу еще в 1935 г.

Имеется много свидетельств того, какую зависть испытывали беженцы, не получавшие помощи. Доходило до того, что сотрудникам Центра угрожали, порой даже пытались подкупить. И хотя большая часть получавших помощь лиц, прежде всего, стариков, была за нее благодарна, некоторые скандалили и были недовольны ее содержанием.

На фоне зарубежного опыта помощь, оказываемая Финляндией, считалась широкой. При этом отмечалось, что финны заботились о беженцах по собственной инициативе, без напоминаний со стороны Лиги Наций. В сравнении с Прибалтийскими странами социальная защита беженцев в Финляндии была несравненно выше.

Как бы то ни было, Финляндия добросовестно заботилась о беженцах, оказавшихся в сложной жизненной ситуации. Эта работа продолжалась еще десятилетия после того, как поток беженцев пошел на убыль. Центр по делам беженцев в начале 1950-х гг. перешел в веде-

ние министерства социального обеспечения, управление в 1955 г. перевели из Котка в Коуволла. Долгий путь завершился в конце 1958 г, когда существование Центра сочли излишним.

Когда говорится, что Финляндия занималась делами беженцев подчеркнуто сдержанно или даже превосходно, то это можно отнести именно к самому обеспечению и обустройству. Но и то с некоторыми оговорками. За беженцев-соплеменников финны чувствовали ответственность, тогда как в отношении русских линия была гораздо менее обязательной. Также следует помнить, что помощь государства в 1930-е гг. распространялась и на людей, бежавших их стран Центральной Европы.

ТЯЖКИЙ ТРУД

Дорога на ощупь

Вначале были болото, мотыга и...

У силия российских беженцев закрепиться на рынке труда в Финляндии отличались большим разнообразием, но начальный период характеризовался некоторыми общими чертами. Первые два-три года прошли под знаком неопределенности и смятения. Редко кто заглядывал далеко в будущее, ожидали возвращения на родину.

Многие из русских эмигрантов жили в первое время на предоставляемую им помощь, при поддержке родственников, а состоятельные — за счет продажи имущества и привезенных с собой драгоценностей. Владельцы дач и домашнего хозяйства обрабатывали землю, продавали лес и сдавали помещения квартирантам.

Беженцы-соплеменники старались держаться недалеко от дома, вблизи границы, где испытывался недостаток рабочих мест. Подавляющая часть ингерманландцев первые два года провела на востоке Карельского перешейка, обитая по углам в домах и избышках, существуя, как правило, на предоставляемую помощь. Жилье и другие расходы оплачивались работой, заработки в целом были невысокими. Поскольку рабочая сила была в избытке, оплату труда можно было резко сбросить.

К северу от перешейка часть восточно-карельских беженцев осела в приграничных хозяйствах, получая за свой труд только кормежку. Комиссии по обустройству беженцев пытались пристроить мужчин на небольших предприятиях. В 1920–1921 гг. беломорских карелов было еще так мало, что кое-как удавалось выйти из положения. Но в Приграничной Карелии, где ситуация с трудоустройством была сложной, олончанам приходилось несладко.

Уже в это время обнаружили проблемы с положением беженцев на рынке труда. Некоторые общины Приграничной Карелии в середине

1921 г. просили губернатора о переселении восточных карелов в другие места, чтобы они не снижали заработки местного населения. Работодатели пытались использовать в своих интересах как ингерманландцев, так и восточных карелов. Последних нанимали в хозяйства и на предприятия за мизерную плату, увольняя своих, что естественно вызывало их озлобление.

Финляндские власти очнулись и приступили к обсуждению вопроса о занятости беженцев только после того, как Американский Красный Крест прекратил помощь, и эта проблема свалилась на плечи государства. Весной 1922 г. в министерстве внутренних дел полагали, что для обезвреживания этой бомбы замедленного действия имеется два способа: или возвращение населения в Советскую Россию, или его трудоустройство.

В министерстве иностранных дел считали идею трудоустройства весьма сомнительной, поскольку она ухудшила бы положение собственного населения. К тому же русских, по большей части, считали или политическими интриганам, или бездельниками. Именно по этой причине возвращение беженцев домой считалось предпочтительнее.

Но к исключительным мерам (в отношении кронштадтцев) все же приступили летом 1921 г., поскольку с их «праздным пребыванием» в лагере решили окончательно покончить. Лесное ведомство отправило около 600 человек на осушение болот и строительство дорог в провинции Сатакунта, Похьянмаа и вплоть до Северной Карелии. Надо сказать, что это были принудительные работы: вокруг работавших мужчин выставили охрану.

Помимо этого министерство внутренних дел разрешило губернатору Выборгской губернии распределить считавшихся благонадежными лиц на работу в частные хозяйства. Некоторые стали батраками, иные грузчиками. Меры имели действенный характер: к осени 1921 г. из оставшихся в Финляндии кронштадтцев 2300 человек имели работу.

Однако от согнанной лесным ведомством на топкие болота рабочей силы «...государство понесло большие расходы, а чиновники всевозможные тяготы», отмечал весной 1922 г. губернатор Реландер. Кронштадтцы были непривычны к тяжелым дренажным работам, результат оказался никудышным, пришлось потратиться больше обычного, хотя рассчитывали на обратный эффект. Еда и условия жизни были отвратительными, многие заболели и некоторые пустились в бег. В конце 1922 г. вооруженные пулеметами шюцкоровцы отлавливали в Таммела несколько групп таких беженцев.

У беженцев, определенных на «свободные» работы, дела обстояли лучше, в некоторых местах и отношение к ним было вполне сносным. И все же делегация Выборгской сельской общины осенью 1921 г. просила губернатора выслать кронштадтцев, поскольку их присутствие привело к росту безработицы. Организация принудительных работ стала изживать себя в 1922 г., так как значительная часть кронштадтцев вернулась на родину. В свете проводившейся трудовой политики этому не следует удивляться.

Совсем иные масштабы проблема трудоустройства приобрела весной 1922 г. из-за наплыва восточных карелов. Новый момент был связан с тем, что к решению организационных вопросов подключились самые различные силы. Центральный союз сельскохозяйственных обществ Финляндии основал в Хельсинки посредническую контору, которая распространяла среди землевладельцев сведения об имеющихся работниках. Многие предприятия лесного хозяйства в Северной и Восточной Финляндии заявили о своем желании их заполучить. К поиску и организации рабочих мест приступило также Академическое Карельское общество.

Таким образом, вроде бы налицо были несомненные успехи. К исходу весны 1922 г. только от частных хозяйств, прежде всего, из Похьянмаа, количество поступивших заявок на рабочие руки достигло 5000. Академическое Карельское Общество обеспечило 700 рабочих мест.

Но на практике не обошлось без трудностей. Официальные лица приграничья, которые знали восточных карелов, с самого начала сомневались как в необходимости децентрализации беженцев, так и в их опыте, а также в их желании трудиться на земле. Поздней осенью Центральный союз сельскохозяйственных обществ смог констатировать, что лишь мизерная часть предоставленных рабочих мест оказалась заполненной; дело грозило перерасти в скандал. Намерение Академического Карельского Общества расселить восточных карелов в столичном регионе также не дало результата из-за полной организационной беспомощности, а также в связи с сопротивлением со стороны левой прессы и безработных Хельсинки.

Летом 1922 г. ситуация выглядела следующим образом: за пределами Восточной и Северной Финляндии на работах было занято только около 700 восточных карелов. При этом заранее оговоренная зарплата выплачивалась с проволочками. С другой стороны, можно было

слышать сетования хозяев по поводу того, что мужики оказались не привычными к сельскому труду.

Некоторые беженцы вернулись в приграничную зону для того, чтобы при первой возможности отправиться обратно домой. Подавляющая часть восточных карелов трудилась в хозяйствах Восточной и Северной Финляндии, на строительстве дорог и на лесных предприятиях, куда они устраивались по собственной инициативе.

И хотя в желании предложить беженцам работу было видно неподдельное сочувствие (а отчасти и политический расчет, связанный с идеей Великой Финляндии), повседневная жизнь нередко свидетельствовала о том, сколь далеко отстояли друг от друга идеалы и реальность. Многие рассчитывали получить в лице восточных карелов дешевую рабочую силу. Рабочие левой ориентации рассматривали беженцев прежде всего как конкурентов, угрожавших их собственным интересам.

Особые меры, предпринятые в начале 1920-х гг. для трудоустройства беженцев, были далеко не благодатью. Стало ясно, что с людьми нельзя как со стадом делать то, чего они сами не желают или не могут. Позднее подобные меры более не использовались, беженцам предоставили возможность самим искать свое место в жизни. Они составляли лишь маленькую толику рынка труда, некоторые сумели найти свой постоянный кусок хлеба только после неоднократных скитаний, а в некоторых случаях и после нарушений закона.

*«...вызывает озабоченность
склонность беженцев к контрабанде»*

«Недавно в Россию тайным образом был переправлен даже большой ветряной двигатель, а в последние дни Терийокский отдел центральной сыскной полиции конфисковал 42 огромных восточных ковра, нелегально привезенных в страну из России», сообщалось поздней осенью 1924 г. Летом того же года отмечалось, что в Олонце испытывалась большая нужда в косах, огромные партии которых отправлялись туда контрабандным путем.

Было видно, что традиционная «приграничная торговля» по-прежнему процветала. Превращение Финляндии в независимую страну и разрыв прежних связей с Россией привели к экономическим трудностям как на Перешейке, так и в Приграничной Карелии. Понятно, что часть жителей приграничных районов стала заниматься контрабандой из-за угрозы голода и считала ее законной, освященной веками тради-

цией. Официальные лица в начале 1920-х гг. утверждали, что целые деревни от подростков до трясущихся от старости бабок участвовали в этом деле. Но наряду с мелкими участниками целая армия предпринимателей, торговцев, всевозможных маклаков и следовавших через границу профессиональных посредников прокручивала в контрабандном промысле огромные деньги.

Хаос в Советской России сформировал в ней всеядный рынок для самого разного товара — от спичек до паровозных деталей. Не удивительно, что именно на Карельском перешейке в первой половине 1920-х гг. на полных оборотах крутилась контрабандная мельница, с которой официальные лица справлялись с трудом.

Наряду с финнами в тайных перевозках участвовала и группа беженцев. В их промысле им помогало знание местных условий и налаженные связи за кордоном. Уже в первую зиму 1919–1920 гг. десятки ингерманландцев переправляли за границу полученные ими в порядке помощи продовольствие и одежду. Особые возможности перед восточными карелами открывались в связи с направлением товаров в оккупированные районы Поросозера и Ребол.

Участие ингерманландцев в контрабанде должно было возрасти в ближайшие годы, поэтому официальные лица, считая их обузой для страны, обращали на них особое внимание. Отмечалось, что значительная группа ингерманландцев, размер которой исчислялся далеко не десятками лиц, даже не намеревалась искать свой кусок хлеба за пределами контрабандного промысла.

Хватка властей в 1921–1922 гг. отличалась жесткостью — выселения и изгнания, и надо сказать, это давало результаты. Те беженцы, которые занимались контрабандой спорадически и только для того, чтобы заработать кусок хлеба, начали постепенно отходить от нарушений закона. Часть нашла работу в Финляндии, часть вернулась в родные места.

Сушим наказанием осталась группа ингерманландцев (к наиболее наглым относилось около 30 человек), которая жила за счет профессиональной контрабанды на Карельском перешейке. Даже высылка не давала результата, поскольку они продолжали свое дело то на западной, то на восточной стороне границы.

На ее более северном участке широкая контрабанда процветала в Приграничной Карелии. В лесной глуши надзор был практически безнадежен. Еще в 1924 г. отмечалось, что многие олонецкие тайным образом бывали в родных деревнях и доставляли туда товары. К тому

же они были и руководителями, и рядовыми участниками в занятиях профессиональным контрабандным промыслом.

«Кроме тех, кто вел торговлю с большевиками или же находился на их содержании, к занятию сомнительным и преступным делом стали приобщаться многие русские из высших и образованных кругов», отмечалось в одной памятной записке. Положение русских эмигрантов в начале 1920-х гг. было, без сомнения, таковым, что даже честным лицам для обеспечения своих потребностей приходилось прибегать к жульническим уловкам. Контрабандой занимались на разных уровнях. Помимо обычных жучков на границе, эмигранты работали в фирмах, основанных для восточной торговли, часть из которых являлась не более чем прикрытием для нелегальных операций. В ходу был самый разнообразный товар — от икон до кокаина. Через Финляндию нелегально провозились предметы роскоши, уходившие даже в Аргентину и Соединенные Штаты.

Вокруг привозимых и продаваемых беженцами предметов роскоши, а также домашних вещей из дач Карельского перешейка сформировался — помимо местных перекупщиков — свой черный рынок. Имелись эмигрантские мастерские, где изготовлялась «старинная» античная мебель, подделывались живописные полотна и иконы, или на драгоценностях ставились клейма известных питерских мастеров.

Контрабанда уменьшилась на Карельском перешейке в середине 1920-х гг., в более северных районах — несколько позднее. Важнейшая причина — усиление надзора со стороны Советского Союза, но постепенно крепла хватка и на финской стороне. На сухопутной границе еще орудовали некоторые профессионалы, но в основном их стала больше интересовать прибыльная перевозка спирта морем и его дальнейшее продвижение во внутренние районы страны.

Участие беженцев в контрабанде и в иной незаконной деятельности датируется первой половиной 1920-х гг., когда в приграничных районах, приходивших в себя от хаоса, это занятие приобрело всеобщий характер. Экономическое положение беженцев зачастую было во много раз более сложным, чем даже самых неблагополучных местных жителей. Не удивительно, что в поисках спасения хватались и за эту соломинку.

Из всей массы беженцев лишь определенная часть добывала хлеб свой насущный незаконным способом. Тем не менее, у официальных лиц и у «благонамеренных граждан» в сумасшедшие 1920-е гг. сложилось представление о том, что среди беженцев — особенно на Карель-

ском перешейке — сформировалась особая группа риска, склонная к нарушению закона. Это отчасти проявилось и в той ответной реакции, которую испытали на себе беженцы, особенно русские.

В связи с усилившимся притоком иммигрантов и репатриантов в 1990-е гг. в обществе возросла связанная с этим процессом тревога. Средства массовой информации пестрели броскими заголовками о темных махинациях чужеземцев, 75% финнов опасались, что будет происходить рост организованной преступности, проникновение в страну восточной мафии и распространение наркотиков. В этом не было ничего нового. Аналогичные страхи — обоснованные и беспочвенные — имели место и в начале 1920-х гг., но с нормализацией обстановки они через несколько лет остались в прошлом.

*«В гвардии Пихкала»
и в рядах штрейкбрехеров*

Участие беженцев-соплеменников, в первую очередь восточных карелов, в производственной жизни Финляндии 1920-х гг. характеризовалось своеобразной чертой, которая была связана с общей ситуацией того времени. Они принимали непропорционально большое участие (по отношению к собственному числу) в трудовых конфликтах, выступая против местных рабочих в роли штрейкбрехеров.

Последствия гражданской войны 1918 г. на некоторое время бросили свою тень и на рынок труда Финляндии. Радикальные левые силы поначалу надеялись на скорое пришествие новой революции, признаки чего можно было разглядеть в решительной политике профсоюзов. Работодатели испытывали недоверие к рабочему движению и не желали слышать о каких-либо переговорах, условия пытались диктовать из кабинета хозяина. Непроходимая пропасть между сторонами взрывалась в 1920-х гг. беспорядками во время забастовок и локаутов.

В 1919 г. вспыхнули массовые забастовки портовиков, что существенно подорвало экспорт Финляндии. Они были раздавлены штрейкбрехерами, опыт привлечения которых уже имелся ранее.

Этот успех привел работодателей к мысли о создании объединения штрейкбрехеров. Задуманная поначалу как временная структура, во главе которой встал старый активист преподаватель Мартти Пихкала, эта организация оказалась столь эффективной во время борьбы с забастовкой портовиков летом 1920 г., что ее деятельность решили продолжить. Осенью 1920 г. утвердили название организации — «Объединение Виентирауха», в простонародье — «Гвардия Пихкала». Для

рекрутирования штрейкбрехеров страна была разделена на округа, число которых не превышало 15. Люди всегда нанимались для выполнения только одного задания, они получали ту же зарплату, что и «настоящие» рабочие.

При подготовке очередной акции летом 1921 г. «Объединение Виентирауха» положило глаз на ингерманландцев Карельского перешейка, поскольку считалось, что в силу своей, как полагали, белой политической ориентации они подходят на роль штрейкбрехеров. На Карельском перешейке основали даже район для проведения оргнабора, активистами которого являлись ингерманландцы. Мартти Пихкала сам побывал весной 1921 г. в Рауту для ознакомления с обстановкой. На первых порах «Объединение Виентирауха» намеревалось привлечь в свои ряды сотню беженцев и расширить эти масштабы позднее.

Но ингерманландцы все же разочаровали. На первом производственном участке, куда их доставили, предстояло грузить лесоматериалы. Половина мужчин, непривыкших к подобной работе и не желавших работать за гроши, вскоре покинула рабочие места. И хотя десятки ингерманландцев выступали в роли штрейкбрехеров осенью 1921 г. на условиях Виентирауха, доверие Мартти Пихкала к ним было потеряно.

В годовом отчете Виентирауха ингерманландцев все же похвалили. Работодатели были ими довольны в силу того, что они не желали бросать работу в разгар забастовки и не стремились разойтись по домам, как это частенько имело место.

Как бы то ни было, ингерманландцы не стали основной силой Гвардии Пихкала. Рекрутский район на Карельском перешейке был ликвидирован в 1922 г. И все же на протяжении ряда лет ингерманландцы успели поработать в роли штрейкбрехеров от Виентирауха, главным образом, в портах восточной части Финского залива, а также на лесопильнях, расположенных на побережье Карельского перешейка и Ладоги.

Виентирауха нашла, тем не менее, новый источник рекрутирования штрейкбрехеров среди восточных карелов. Для многих из них трудовая жизнь на лесопильнях побережья Северной Финляндии, равно как и на промышленных предприятиях Приладожья, началась именно в роли штрейкбрехеров. В рядах Гвардии Пихкала на протяжении многих лет числилось много восточных карелов; так во время летней забастовки 1926 г. в Кеми их насчитывалось 180 человек.

Объединение Виентирауха оказывало несомненное сдерживающее влияние на оплату труда портовых и занятых на лесопильнях рабочих.

Гвардия Пихкала в то же время являлась своеобразным тараном, под прикрытием которого даже не завербованные штрейкбрехеры осмеливались занимать места бастующих рабочих. Именно в этой связи беженцы-соплеменники и получили славу «трудолюбивых». Штрейкбрехеров вербовали даже среди кронштадтских беженцев.

На Карельском перешейке, в лесопильных центрах северной части Ботнического залива, в Приграничной Карелии и прибрежных портах некоторые предприятия откровенно предпочитали рабочих из числа беженцев. Убедившись в их надежности, работодатели не испытывали опасений относительно возможных с их стороны забастовок или попыток создания собственных организаций. Влияние идеи племенного родства трудно поддается точному измерению, но и она все-таки прослеживалась в рекрутской политике таких акционерных обществ, как Энсо-Гутцайт, Каянин Пуутавара, или в Вейтсилуото, которым владело государство.

Крупные фирмы платили беженцам не меньше, чем остальным рабочим. Но на мелких лесопилках и небольших предприятиях приходилось преодолевать препятствия. Неоднократно случалось так, что своих рабочих увольняли, чтобы освободить места для «дешевой рабочей силы». При возникновении трудовых споров наиболее беспокойных рабочих также заменяли беженцами. Они стали инструментом давления со стороны работодателей.

Вплоть до 1930-х гг. в обществе говорилось как о терроре на производстве, о давлении, которое левые радикалы направляли на тех, кого считали белыми, так и о тисках работодателей, которыми сжимались левые силы. Неисчислимое количество беженцев, работавших на крупных предприятиях, испытывали это на себе.

Особенно беспокойными были богатые забастовками 1920-е годы. Виентирауха должна была вести борьбу только с политическими, а не с экономическими забастовками, но любой трудовой конфликт можно было охарактеризовать как политический. Профсоюзное движение и организованное рабочее движение считали штрейкбрехеров наиболее ненавистными своими врагами.

Все это периодически выливалось в ходе забастовок в беспорядки и насилие. На хлеба Виентирауха слетался весьма сомнительный элемент, это признавалось даже в самом объединении. В Сыскной полиции, которая поддерживала штрейкбрехерство, отмечались факты насилия, оружейной пальбы и пьяного разгула во время забастовок.

«Во время борьбы с бесконечными стачками мы находились почти что на фронте», рассказывал один из ингерманландцев, работавший в порту г. Котка. В тех промышленных районах, где скапливались беженцы, их взаимоотношения с местными рабочими складывались сложно.

Обнаружилось, что люди находились по разные стороны баррикад. В эмигрантской прессе с надрывом писалось о большевистском руководстве из Москвы, в рабочих газетах — о «лахтарях» и выкорышках, которые, будучи на побегушках у работодателей, срывают забастовки и делают все возможное для того, чтобы хлеб финского рабочего оказался втоптаным в землю.

В своей слепой ярости эти противоречия выливались в треск кулачных потасовок, поножовщину и случайные «несчастные случаи», которые происходили с беженцами. Использование финок и безменов было, конечно же, крайностью, но многие обстоятельства свидетельствовали о том, насколько глубока была существовавшая пропасть. В отдельных портах и на лесопилках в 1920-х гг. возникало много диких забастовок, их угроз и всяческих конфликтов, с помощью которых стремились заставить работодателей выставить на улицу беженцев и более не принимать их на работу.

Использовали также такие средства, как гласность, пытались обращаться к официальным властям. Профсоюзная организация Финляндии в конце 1920 г. постоянно жаловалась министерству внутренних дел на использование беженцев-соплеменников в качестве штрейкбрехеров, но безрезультатно. На собраниях и митингах безработных, которые также организовывались профсоюзами, звучали требования о высылке беженцев на родину. Даже еще в 1930 г. на годичном собрании окружной профсоюзной организации Похьола было вынесено решение о депортации восточных карелов из страны.

Менее радикальные требования, но опять-таки о переселении восточных карелов из Северной Финляндии в другие районы страны, постоянно слышались в местных профорганизациях. Рабочая пресса шумно излагала эти настроения и пыталась донести их до правительства.

В начальный период кризиса 1930-х гг. ожесточение рабочих вызывал тот факт, что некоторые фирмы по-прежнему предпочитали брать беженцев, выставляя на улицу своих работников. Так в Кякисалми бурчали по поводу того, что на целлюлозном заводе Вальдхофа и на стройках работали русские и беженцы-соплеменники. Такая острая

борьба за рабочие места отмечалась и в промышленных центрах Ботнического побережья.

В годы кризиса использование работодателями штрейкбрехеров сошло на нет, поскольку отсутствовали сами забастовки, с которыми следовало бы вести борьбу. Но Виентирауха пыталась все же искать приработки для безработных «белых» рабочих, среди которых находились и беженцы-соплеменники.

По мере преодоления кризиса Гвардия Пихкала продолжила свою деятельность, которая, однако, была слабой тенью в сравнении с предыдущим периодом. Общество менялось, что выбивало почву из-под ног организованного штрейкбрехерства. После Зимней войны Виентирауха не могла найти свое место в условиях, когда участники рынка рабочей силы начали строить свои отношения на новой основе. Объединение, обосновавшееся в годы войны на одном из доков, было упразднено весной 1944 г.

Запрещение Профсоюзной организации Финляндии и ее коммунистических союзов, а также трудное положение крайне левых сил привело к тому, что в конце 1930-х гг. открытое давление на беженцев на рынке труда стало постепенно спадать. Подъем экономической конъюнктуры и возросший спрос на рабочую силу оказывали влияние в том же направлении. Очевидно свою роль сыграло и то обстоятельство, что к «другим» стали привыкать. В Северной Финляндии и в Вуоксенлааксо были отмечены случаи, когда коммунисты даже пытались сблизиться с беженцами для отстаивания общих интересов.

Сотни беженцев получили в 1920-х гг. место работы «через черный ход», в результате борьбы Виентирауха и работодателей с забастовщиками. Но такое трудоустройство, которое имело отношение лишь к мизерной части населения, имело побочный эффект и сказывалось на более широких слоях беженцев.

Даже здороваясь с ними, левые рабочие испытывали сомнения, и считали беженцев представителями противоположного лагеря, белыми и чужаками. Представления о том, что почти каждый беженец являлся штрейкбрехером или сбивал зарплату, распространялись по всей стране. Доставалось при этом и сторонним лицам.

Профсоюзное движение и левые рабочие считали беженцев-соплеменников проблемой, а те соответственно — наоборот. Идеология и реалии жизни пришли в столкновение друг с другом. На крупных предприятиях атмосфера продолжительное время оставалась отравленной. Быть беженцем и жить в этом качестве было не просто,

прежде всего, с моральной точки зрения, тогда как материальная сторона дела постепенно приходила в норму.

*«...хотелось бы хоть каким-то образом
начать самостоятельно обрабатывать землю»*

Подавляющая часть беженцев-соплеменников состояла из людей, которые жили обработкой земли, работой в своем хозяйстве и/или подсобными промыслами. К возвращению домой подталкивали оставшиеся за кордоном наделы, но в то же время рождались надежды на занятия собственным делом в самой Финляндии.

Было вполне естественно, что именно у ингерманландцев, всегда занимавшихся земледелием, руки тянулись к привычному труду даже в годы эмиграции. Еще в 1921 г. их лидеры пытались арендовать в Рауту большой клин земли, который можно было бы раздробить на мелкие участки. В середине десятилетия имелось еще несколько подобных проектов, но все они потерпели крушение из-за недостатка денег и ограничений, касавшихся иностранцев.

Не обладавшие финляндским гражданством беженцы для того, чтобы получить от государственного совета разрешение на владение недвижимостью, вынуждены были прибегать к довольно сложным процедурам. Но самым неприятным оказался запрет на приобретение иностранцами недвижимости в Выборгской губернии.

На протяжении ряда лет стояло затишье, однако в начале 1930-х гг. вновь попытались организовать получение земли. Никто более не связывал свое будущее с возвращением в родные края, к тому же кризисные годы со всей остротой продемонстрировали неустойчивое положение наемного рабочего.

В Финляндии 1920–1930-х гг. широким ходом шла работа по наделению сельского населения землей: безземельным предоставлялись наделы, участки мелких землевладельцев расширялись. Организации беженцев также связывали с этим процессом определенные надежды. В начале 1930 г. государственный совет получил от племенных организаций прошение, в котором они просили предоставить беженцам-соплеменникам землю из государственного фонда или перевести их в разряд новопоселенцев в Петсамо. Отрицательный ответ пришел с ответной почтой: условием получения земли являлось наличие финляндского гражданства. Не дали результатов и обращения Центра по делам беженцев.

Но осенью 1933 г. в вопросе о приобретении земли ингерманландцами все-таки произошли кое-какие изменения. Шесть семей, полу-

чивших гражданство, обосновались в качестве поселенцев в Тохмаярви, провинции Северной Карелии. Этот маленький успех возродил надежды. В конце 1933 г. среди ингерманландцев проходили многочисленные собрания по вопросу о приобретении земли, началось составление списков желающих. Весной 1934 г. эту проблему подняли в Карельском просветительском обществе, и аналогичный опрос начался среди восточных карелов. Желающие стать землевладельцами обнаружили в обеих группах.

В первой половине 1934 г. организации ингерманландцев оставили государственному совету прошение об их поселении в Выборгской губернии. Осенью министерство сельского хозяйства получило прошение, в котором при рассмотрении вопроса о переводе арендованных участков земли в самостоятельные хозяйства и при заселении государственных земель предлагалось иметь в виду восточных карелов. Воздух был пропитан надеждами, беженцы бурлили, поскольку предложения должны были обсуждаться в министерстве сельского хозяйства и некоторые министры были настроены благосклонно. Но ничего не изменилось.

Ингерманландское дело, тем не менее, не было положено под сукно, поскольку министры видели решение вопроса в том, чтобы направлять ингерманландцев на лесные работы. Далее всего продвинулось предложение отдела по расселению переселенцев, в котором 20–30 семьям предлагались земли в районе осушаемых болот в Куйваними, к северу от Оулу. Чиновники подчеркивали деликатность дела. Следовало действовать с минимальной оглаской, чтобы благосклонное отношение к беженцам не привело к «повышенному кровавому давлению» у тех финляндских граждан, которые сами желали обзавестись землей.

Центр по оказанию помощи беженцам получил информацию о землях Куйваними, и предложение отдела по расселению переселенцев было отклонено. Условия оказались столь суровыми, что даже те беженцы, которые на протяжении всей своей жизни только тем и занимались, что обрабатывали землю, и то не смогли бы там выжить. Альтернативные варианты представлены не были.

В конце 1934 г. министерство сельского хозяйства сообщило, что проекты о предоставлении ингерманландцам земель в виде исключения было отклонено. Предложения эмигрантских организаций с самого начала были расценены в отделе по расселению переселенцев как невероятно дорогостоящие, а просьбы о выделении земель в Выборг-

ской губернии — лишены смысла, поскольку там не могли удовлетворить даже местные запросы. Весной 1935 г. министерство также сообщило об отклонении предложений о выделении земель для восточных карелов. Аргументация сводилась, главным образом, к тому, что они не являлись финляндскими гражданами. В Центре по делам беженцев вынуждены были с горечью признать, что попытки выделить для своих подопечных землю с помощью особых мероприятий провалились.

В период проведения торпарской реформы в Финляндии было образовано свыше 35 тысяч самостоятельных хозяйств и участков, предназначенных для наделения малоземельных крестьян. В этой масштабной работе дело о предоставлении земли беженцам оказалось на обочине столбовой дороги. Решение проблем «своего» безземельного населения казалось столь трудоемким, что говорить о каком-то интересе к наделению землей малообеспеченного, не обладавшего гражданскими правами «чужого» населения путем чрезвычайных решений не приходилось. Занимавшиеся делами беженцев организации к тому же своей некомпетентностью и слишком завышенными требованиями лишь мешали делу.

И если некоторые беженцы сумели получить землю в Финляндии и жили ею, то они составляли лишь мизерную часть общей массы переселенцев. Одной из причин серьезных перемен в производственных занятиях ингерманландцев и восточных карелов являлось то обстоятельство, что их возвращение к привычному сельскому труду оказалось проблематичным, правда, такое желание было не у всех.

В борьбе за кусок хлеба

*На лесопильнях, в портах,
на лесных работах, прислугой и в батраках*

Положение беженцев в трудовой жизни Финляндии стало обретать определенные черты к середине 1920-х гг. Несмотря на некоторые различия, судьбы ингерманландцев и восточных карелов во многом напоминали друг друга.

Поскольку мало кто имел образование или профессиональную подготовку, то путь к куску хлеба для большинства лежал через физический труд. Эмиграция для многих беженцев означала пролетаризацию. Самостоятельное сельское население превратилось в рабочих и

батраков, люди в силу ряда причин и вопреки своему желанию оказались в зависимом положении.

В Финляндии начинались изменения, связанные с переходом от первоначальной обработки сырья к промышленному производству и профессионализации в сфере услуг, с перемещением населения из сельской местности в городские центры. У беженцев-соплеменников эти процессы происходили быстрее. Они не были привязаны к определенному месту жительства, у них не было своего домика, своего куска земли. Первыми мигрантами стали молодые, не обремененные семьей юноши и девушки, а также «малокомплектные» семьи, за ними последовали и другие. Этот процесс переселения продолжался до конца 1930-х гг., поскольку подраставшее молодое поколение постоянно стремилось покинуть деревню в поисках более удобного куска хлеба.

Оплата труда на лесопильнях, на предприятиях по обработке древесины и в портах не удерживала людей. В больших городах рынок труда был более многогранным, но хлеб доставался зачастую за счет мало оплачиваемой неквалифицированной работы. Женщины устраивались сначала служанками или уборщицами. Ингерманландцев привлекала профессия шофера, восточные карелы предпочитали торговлю.

Для начального этапа трудовой деятельности типичными являлись непостоянные заработки, которые варьировались в зависимости от времени года, а также частая смена рабочих мест. Работавшие на лесопильнях и в портах беженцы неоднократно в течение года направлялись на лесоповал, сплавные или земляные работы. Все больше людей в конце 1920-х гг. получало постоянное место работы, поскольку росло профессиональное мастерство; заканчивавшим финскую школу доверяли более ответственные задачи, во всем можно было усмотреть и благосклонное отношение работодателей. «Многие из карельских беженцев уже достигли достаточно высокого профессионального уровня, на их место было бы весьма трудно подыскать столь же способных и исполнительных рабочих из числа местного населения...», признавался руководитель лесопильни Вейтсилуото.

Миграция ингерманландцев из приграничных районов Выборгской губернии шла в основном на запад и северо-запад. Они сгруппировались в Энсо (Яски), Макслахти (Койвисто), в Котка, Какисалми, Выборге, а также в Пёллякя и Вуосалми. За пределами Выборгской губернии ингерманландцы находились, прежде всего, в Хельсинки и в Турку.

Олонецкие беженцы сосредоточились в основном в Приграничной Карелии. Суоярви, превратившийся в крупный центр по переработке древесины, всасывал их сотнями, манили промышленные предприятия Импилахти и Питкяранты. Южнее дороги вели в Котку, Кякисалми и Выборг.

Оставшиеся в Северной Финляндии беломорские карелы стремились в 1920-х гг. обосноваться в центрах деревообработки на Ботническом побережье и в Оулу. На лесопильнях в районах Кеми и Хаукипуута их собралась весьма значительная масса — к середине 1930-х гг. почти 1500 человек. Районом ближней миграции был Каяни, выходцы из Ребол трудились на деревообрабатывающих предприятиях в Пиелисъярви, провинции Северной Карелии.

Помимо промышленных центров беломорские карелы добирались и до возвышенностей Северной Финляндии. Они объявились в северных районах, где велись большие лесозаготовки. Там у человека не спрашивали — беженец он или нет, а в годы кризиса в поисках работы некоторые доходили вплоть до Петсамо.

Около половины всех беженцев в середине 1930-х гг. зарабатывало себе на хлеб в промышленных местечках, городах и поселках. Работники промышленных предприятий и иных заведений жили в сравнении с другими работниками физического труда наиболее обеспеченно. Многие беломорские карелы, трудившиеся на постоянной основе в лесопилении в середине 1920-х гг., имели большой достаток, чем в свое время в своих родных деревнях, откуда они в редкие годы не приходили в Финляндию, чтобы раздобыть муки.

В сельской местности беженцы-соплеменники не были плевательницей трудового коллектива, как это частенько бывало в промышленных заведениях, но доход в деревне был скромнее, нежели в крупных населенных пунктах. Еще в 1925 г. Сыскная полиция отмечала всеобщий характер спекуляций с использованием заработанных беженцами денег. Происходившая со сменой времен года переброска рабочих то на сплав и лесозаготовки, то на сенокос или пашенные работы приводила к росту неоплачиваемых простоев. Проблемы с материальным обеспечением многодетных семей и пожилых людей заставляли увеличивать объемы социальной помощи.

Но в сельской местности все же образовалась небольшая группа беженцев-соплеменников, которая сумела обеспечить себя таким же доходом, который они имели в свое время в родных местах. И хотя попытки обзавестись землей провалились, в конце 1930-х гг. примерно

Первые иностранцы и русские стали уезжать из России на Запад через Финляндию сразу же после Февральской революции 1917 г., хотя их число в то время было невелико. На снимке: поезд переправляется в Швецию через реку Торнионйоки, по льду которой была проложена временная колея (март 1917 г.)

В середине марта 1921 г. в Финляндию в течение нескольких дней перешло около 6500 восставших кронштадтцев. Неоднократно фигурировавшая оценка в 8000 человек, которая базировалась на самых первоначальных предположениях, является неверной. На фотографии: командование участвовавшего в мятеже линкора «Петропавловск» подкрепляется в Терийоках продуктами Американского Красного Креста

Олончане переходят в Финляндию летом 1919-го или 1920 г. (Суоярви). Население бежало из Олонца на Запад вплоть до начала двадцатых годов

Начиная с лета 1919 г. и до конца 1920 г. ингерманландские воинские части контролировали на Карельском перешейке небольшую территорию Кирьясало, которую по условиям Тартуского мира передали Советской России. На снимке: военные и гражданские лица, находившиеся в Кирьясало, переходят 5 декабря 1920 г. на финскую сторону

Партизанская лесная война в Восточной Карелии зимой 1921–1922 гг. привела к самому крупному за все времена исходу беженцев в Финляндию. На снимке: по ту сторону границы в Кимасозере, которое расположено на уровне Кухмониemi

Подавляющую часть лиц, нелегально перешедших из Советского Союза в Финляндию в 1930 гг., составляли финны, которые оказались за границей в начале десятилетия. Их возвращение продолжалось даже тогда, когда приток собственно беженцев с восточного направления полностью прекратился. На снимке: возвратившиеся перебежчики в карантинном лагере в Суоярви летом 1936 г.

У многих русских эмигрантов имелись в Финляндии либо дача, либо родственники, которые сыграли, по крайней мере, на первых порах, роль своеобразного якоря спасения. На снимке: Терийоки, который до революции являлся наиболее популярным местом летнего времяпрепровождения в Финляндии

Умиротворенный пейзаж Ухты летом 1915 г. Именно жители Ухты составили большинство беженцев из Беломорской Карелии в связи с голодом, наступившим после революции в России. Жители Ухты вели активную разносную торговлю в Финляндии в период ее автономии

Одни из первых возвращавшихся ингерманландцев весной 1921 г. Беженцы ушли из Финляндии через границу в районе Рауту Раасули, где ранее находился таможенный пост

Сотни ингерманландцев возвращаются домой через Рауту Раасули летом 1921 г. На этот раз их не пропустили через данный участок границы, предстояло повторить попытку позже или, идти через погранпереход на реке Раяйоки

Вернувшиеся на основании амнистии в свои родные места беженцы получили обратно свою собственность. Но с началом репрессий (нач. 1930-х гг.) они в числе первых стали жертвами этой политики: их обвиняли в шпионаже, они стали врагами народа. Семья Тиинусов на своем дворе в Юлякюля, Северная Ингерманландия. Матти Тиинус вернулся из Финляндии, построил дом и разработал участок в 1920 гг., но исчез вместе с семьей в годы «сталинского перелома» в 1930 гг.

Пограничники Финляндии и России у старого таможенного шлагбаума летом 1918 г., когда начал восстанавливаться переход людей через границу. Шоссейный мост через Раййоки в Валкеасаари, неподалеку от железнодорожного моста

Таможенник и военные обследуют берег Раяйоки со стороны Кивеннапа. Хотя на Карельском перешейке нелегалы пытались перейти в Финляндию, главным образом, в районе Терийоки, в непосредственной близости от железной дороги, их хватало и на более северных участках границы

Через восточную границу в Финляндию проникали самые разные лица. На снимке пять красноармейцев — четыре русских и один олончанин, которые весной 1922 г. «со своими валенками» перешли на финляндскую территорию в районе Пиелисьярви, утверждая, что заблудились во время разведывательного рейда. Их переправили в Хельсинки для допроса Сыскной полицией и позднее вернули Советской России в районе Раяйоки

С возрастанием новой волны беженцев в начале 1930 гг. Сыская полиция пыталась немедленно разворачивать последних обратно. Эта мера все же не дала результата, большая часть новых соплеменников смогла остаться в Финляндии. На снимке два сбежавших в 1930 г. в Финляндию ингерманландца, слева Аатами Куортти и справа Микко Киссели. Куортти был пастором в Северной Ингерманландии и за религиозную деятельность его приговорили к десяти годам заключения в Соловецком лагере. Ему удалось, однако, до прибытия на Соловки бежать с лесопункта в Советской Карелии и, пройдя около 300 километров, прибыть в Куусамо

Для многих беженцев жизнь на протяжении многих лет проходила в постоянных переездах. Работу и место жительства в поисках пристанища особенно часто меняли в 1920 гг. На снимке: олончане по дороге на Суоярви

Бойцы Добровольческого отряда Северной Ингерманландии летом 1919 г. Многие были босы и в жалких отрепьях. Позднее их обеспечили одеждой и продовольствием за счет добровольческих финских отрядов, но гражданские беженцы из Ингерманландии по-настоящему бедствовали. Их снабжение стало налаживаться в августе 1919 г.

Связи российских беженцев по ту сторону восточной границы были постоянной головной болью для Службы безопасности Финляндии. С другой стороны, разведывательные органы Финляндии — особенно военная разведка Генерального штаба — в своих зарубежных делах использовали беженцев в качестве собственных агентов. На снимке: ингерманландец П. Сово, сжимая в руке пистолет, тайно переходит Раяйоки

Нахлынувшие из Восточной Карелии массы людей породили в Финляндии в первой половине 1922 г. невиданную ранее по своим масштабам проблему обустройства беженцев. Из-за границы приходили изголодавшиеся и обмороженные люди, среди которых встречались лица, получившие также боевые ранения. Поначалу поддержка оказывалась преимущественно силами гражданских организаций и частных лиц. На снимке: раненые лесные партизаны получают медицинскую помощь

Воспитанники ингерманландского детского дома в Рауту (1920 г.), который содержался на средства Американского Красного Креста. История этого заведения закончилась после многих перипетий только в 1947 г. в Холлола

Из всех основанных для ухода за русскими беженцами учреждений наиболее продолжительное время продолжал свою работу дом престарелых «Ауринко», расположенный в Гаммельбакка (Порвоо). На снимке: пациенты интерната в начале сентября 1957 г. В последнем ряду второй слева — барон Борис фон Гревениц, представлявший Особый комитет, который содержал это заведение

Пациенты и обслуживающий персонал интерната в Кюминлинна летом 1929 г. Наряду со стариками, беспризорными детьми и больными здесь находили приют безработные или оказавшиеся в безвыходном положении беженцы

Начавшееся весной 1922 г. масштабное трудоустройство беженцев из Восточной Карелии в частных хозяйствах удалось не полностью. На снимке: работа в саду усадьбы Иваска летом 1927 г. На переднем плане, третья справа — беженка из Беломорской Карелии Мария Лехтинен

Берег в Хамина. Во время крупных забастовок сплавщиков и грузчиков в 1922–1923 гг. беженцы-соплеменники (прежде всего, восточные карелы) целыми артелями выступали в роли штрейкбрехеров. В начале 1923 г. они объявились в этой роли также в местечке Ии

Pyydämme Teitä ystävällisesti kunnioittamaan käynnillänne

Venäläisten Siirtolaisten Myymälä

Annankatu 13

Bulevardin ja Nylandinkadun välillä

(entinen osoite Annankatu 21)

Erittäin halvalla!

Alennusmyynti!

Antikki esineitä, kuten jalokiviä, hopeata, hopea kalustoja, hopea- ja pronssikynttelijalkoja useammilla haarukoilla, tarjottimia, posliinia, nahkoja, kristalleja, tauluja, silkki- ja turkkilaisia hartia-liinoja, itämaisia mattoja, alkuperäisiä piltsejä, kattokruunuja, seinälampettejä, teekelttiöitä, useampia lajeja antiikkisia mah., kullattuja- ja marmoreerattuja (mosaiki) huonekaluja kullattuja kuvastimia, pronssikelloja y. m.

Puhelin 22600, jälk. klo 6, Puh. 27 945.

Просим почтить своим посещением Магазин русских переселенцев, Аннанкату, 13. Между улицами Булеварди и Ньюландинкату (прежний адрес: Аннанкату, 21). Очень дешево! Распродажа! Античные предметы, драгоценные камни, серебро, серебряные изделия, серебряные и бронзовые подсвечники, подносы, фарфор, кожи, хрусталь, картины, шелковые и турецкие платки, восточные ковры, оригинальные кружева, люстры, настенные бра, чайники, различные виды античных изделий. Позолоченная и изготовленная под мрамор (мозаика) мебель. Позолоченные зеркала, часы с бронзой и пр. Телефон: 22600; после 6 часов — тел. 27945

Попытки предоставить землю беженцам-соплеменникам провалились в начале 1930 гг. Некоторые, правда, сумели приобрести себе небольшое жилище и даже участок земли, хотя это было сопряжено с многочисленными трудностями. Ингерманландский беженец на пороге своей хибарки в Пюхьярви Выборгской губернии

Участники ингерманландского собрания представителей (Выборг, конец 1920 гг.). В переднем ряду второй слева — Юхана Варьоваара, в центре рядом с гиацинтом Юхо Койвистойнен, правее — Каапре Тюнни и крайний справа — Ю. Мустонен

Совместное собрание сторонников племенных организаций в Хельсинки в 1930 гг. Двое участников и на это мероприятие явились в черных рубашках и с синими галстуками — в форме Патриотического народного союза

Барон Борис фон Гревениц.
В 1920 гг. он являлся председателем
Особого комитета, отстаивавшим интересы русских эмигрантов

Члены Хельсинкского карельского клуба в 1929 г. В 1925–1944 гг. в Финляндии
существовало в общей сложности 42 клуба карельских беженцев

В 1918–1921 гг. восточно-карельский вопрос был сферой деятельности более десятка различных организаций, но позднее активность пошла на убыль. По вопросу о самоуправлении Восточной Карелии правительство Финляндии и Центральное правительство Карелии в 1922–1923 гг. безуспешно обращались к Лиге Наций. На снимке: заседание Совета Лиги Наций (январь 1922 г., Женева), на котором стоял вопрос об автономии Восточной Карелии

Благотворительный базар в помещении Старого студенческого дома в 1935 г., устроенный Карельским обществом студенток. Помимо прочего, торговали значками, доход от которых шел в пользу восточнокарельских беженцев. (Собрание Карельского общества студенток)

В Финляндии в первой половине 1930 гг. проводились многочисленные демонстрации и массовые собрания, на которых осуждалась депортация из Ингерманландии и Восточной Карелии. На снимке: полупущенные флаги Ингерманландии, Финляндии и Восточной Карелии на фронте Старого студенческого дома осенью 1934 г., когда Советский Союз был принят в Лигу Наций

Клубная и кружковая работа восточных карелов протекала не без затруднений, которые имелись как на низовом уровне, так и на уровне центральной организации. На снимке: руководство карельского кружка в Каяни за чаепитием в конце 1920-х или в начале 1930 г. Слева направо: Пекка Мякеля, Санту Вепсяляйнен, Микко Карвонен, Юсси Юриной, Симо и Майя Раси. Написанные на документальной основе романы Микко Карвонена (под псевдонимом Онттони Михкали) о жизни беженцев понравились своим реализмом далеко не всем поклонниками племенной идеи

Многие ингерманландцы трудились на тяжелой работе докерами в портах Макслахти (Койвисто), Котка и Уура. На снимке: погрузочные работы в Макслахти

Беженцы-соплеменники, в первую очередь, беломорские карелы, плотно обосновались в прибрежных лесоперерабатывающих районах северной части Ботнического залива. В Кеми в середине 1930 гг. трудилось около тысячи беженцев, из которых 450 — на предприятиях Вейтсиауто. На снимке: лесопильни Вейтсиауто зимой 1938 г.

В 1920–1930 гг. на кондитерских и кондитерских фабриках акционерного общества «Фазер» в Хельсинки трудилось такое количество русских эмигрантов, что эти предприятия прозвали «эмигрантской академией». На снимке: изготовление лакомств

Школа для беженцев в Кухмониemi. Весенний праздник (конец мая 1927 г.) в помещении молельного дома. Впереди слева — учительница Анни Хоманен, третий справа — директор Матти Кялвияйнен (ингерманландец) и рядом с ним — священник Михаил Исаев. Крайний справа — начальник местного шюцкора Валдемар Юлёнен, преподававший физкультуру

Курсантки кулинарного училища в Ямилаhti зимой 1923–1924 г. Крайняя слева — беженка из Беломорской Карелии Майре Лехтинен. Сотни беженцев-соплеменников получили в 1920 гг. в народных училищах основы теоретических и практических знаний

В школьном дворе совместной школы в Нурмиярви осенью 1947 г. В школе в 1938–1949 гг. обучалось около 50 восточных карелов. Это стало возможным благодаря существованию при школе интерната Вайнёла

Здание Русского реального лицея в Выборге на пересечении улиц Карьяланкату и Линнанкату. В период автономии в этом помещении располагалась русская женская гимназия

Валаамский пейзаж в начале 1920 гг. Жизнь в Валаамском монастыре в те времена была далеко не столь идиллической, как это казалось со стороны. В спорах о летосчислении монастырь стал важной опорой для приверженцев старого календаря. Руководство Финской Православной церкви действовало в этой ситуации жесткими методами, наиболее крайними проявлениями которых являлась высылка десятков валаамских монахов из Финляндии

Духовным попечителем восточно-карельских беженцев в Кайну, а позднее и во всей Северной Финляндии являлся священник Микаэль Исаефф-Еванен. Исполнявший свыше 31 года свои обязанности отец Микаэль был колоритной персоной, о котором ходило много всяческих баек. На снимке: слева — Микаэль Исаефф, справа — Матти Кялвияйнен, учитель школы для беженцев в Кухмониemi. Снимок сделан в конце 1920-х гг. в Кухмониemi

Беженцы-соплеменники сражались во время Зимней войны и в ходе войны-продолжения как в составе своих собственных батальонов, так и в других частях. Некоторые из них выполняли специальные задания, требовавшие знания русского языка. На снимке: торжественное открытие памятной доски с именами павших героев, состоявшееся в помещении Ингерманландского Союза в конце апреля 1941 г. На доске имена десяти ингерманландцев, погибших в Зимней войне

Пастор Юхана Варьоваара был духовным попечителем ингерманландских беженцев длительное время — 22 года. Варьоваара в своей канцелярии в Выборге в начале 1930-х гг.

«За поруганную веру, за природного царя и страждущее отечество». В политической жизни российских эмигрантов в 1930 гг. принимали участие младороссы, которые были активны и в Финляндии. На снимке: члены и кандидаты 34-й ячейки в Хельсинки осенью 1934 г.

Русский народ в когтях юдо-коммунистического стервятника и распятая на кресте большевиками матушка Россия. Пропагандистские листовки, распространявшиеся в Финляндии среди российских эмигрантов. У них существовали многочисленные политические кружки разных направлений, но общим для большинства из них была ненависть к коммунистам и евреям

Профессор Герман Гуммерус. Из всех финских активистов племенной работы он, вероятно, был тем человеком, который имел наиболее разветвленные связи с эмигрантскими организациями национальных меньшинств, проживавших на территории Советского Союза, и, прежде всего, с украинцами. Все напоминало сновидение, и будничная реальность совершенно не связывала его галолирующую фантазию

НАЦИЯ НАЦИЯ

Интерес советской разведки к российским эмигрантам не ослаб и по прошествии нескольких десятилетий. Во второй половине 1930 гг. Москва была озабочена прежде всего эмигрантскими фашистскими группами. На снимке: вышедшая в Харбине листовка «Нация». Подобные материалы профашистски настроенных эмигрантов распространялись летом 1937 г. также среди русских в Финляндии, на Карельском перешейке и в приграничной Карелии

Восточные карелы на занятиях по военной подготовке в школе для беженцев в Лапуа зимой 1922–1923 г. Беженцев готовили в расчете на новое народное восстание, которое не вспыхнуло

Артистки балета Финской оперы. Русские, а также родившиеся или обучавшиеся в России актеры в 1920–1930 гг. оказали очень сильное влияние на развитие балета. Настолько сильное, что в 1930 гг. в парламенте выступили против предоставления балету государственной поддержки из-за засилья там «рюсся»

Оркестр балалаечников г. Хельсинки под управлением Владимира Андреева. В 1920–1930-х гг. оркестр пользовался успехом также у финского слушателя, он много выступал и неоднократно записывался на пластинку

Илья Репин в день своего 85-летия на даче в Куоккала летом 1929 г. Из всех русских художников в Финляндии он был, безусловно, самым авторитетным и знаменитым

Активисты различных ингерманландских организаций в середине 1920 гг. В последнем ряду в центре — актер Иисакки Латту и слева от него — редактор Антти Тииттанен. Слева сидит капитан Юкка Тирранен, справа — магистр Каапре Тюни

Русский клуб в Хельсинки в 1942 г. На стене портрет маршала Маннергейма. В наиболее старых кругах русской эмиграции Маннергейма более не считали «чужной», он был «своим»

Из проживавших в Финляндии русских писателей наибольшей известностью пользовался Леонид Андреев, но он умер уже осенью 1919 г. Огромный дом Андреева в Уусикиркко, Вammelсуу

Спорт занимал в жизни беженцев-соплеменников заметное место. На снимке: игроки в финскую лапту, члены Ингерманландского клуба г. Хельсинки (лето 1934 г.)

На ингерманландском празднике в Терийоки (август 1937 г.). После войны в проведении ингерманландских летних празднеств наступил двадцатилетний перерыв, ныне традиции вновь восстановлены

В населенных пунктах с крупным производством отношения финских рабочих и беженцев-соплеменников носили напряженный характер. Для защиты интересов ингерманландцев и восточных карелов создавались свои поселения, что вело к отчуждению, правда, не столь явному, как у русских эмигрантов. Одно из таких поселений возникло в Карихаара (Кеми). На снимке: жилища рабочих акционерного общества Кеми в Карихаара в конце 1930 гг.

Несколько сотен беженцев из Олонца обосновались в поселке Сувилахти, близ Суоярви. На снимке: центр Сувилахти, около магазина Юсси Виенолайнена

После окончания войны-продолжения среди российских беженцев в Финляндии царил беспокойная обстановка, поскольку опасались высылки в Советский Союз. Нервозность в их среде была вызвана, прежде всего, выдачей «узников Лейно» весной 1945 г. На снимке: один из выданных, генерал-майор Северин Добровольский. Он умер в лагерях Советского Союза в 1947 г.

Наиболее органично совместное проживание российских эмигрантов и финнов в 1920–1930 гг. протекало в восточной части Карельского перешейка, в бывших районах русских дач. Финны с сочувствием или с тайной радостью имели неоднократную возможность наблюдать падение русских с вершин благополучия в нищету. На снимке: огромная дача руководителя театра Румашевского в Райвола. Дом был продан. Деревья на участке вырубил, дачу и другие постройки разобрали и вывезли

Часть русских эмигрантов доживала свои дни в обстановке обособленности от остального финского общества; некоторые, умудренные своим жизненным опытом, оказались здесь сознательно, другие — по причине языкового и культурного барьера, за которым они остались — помимо своей воли. На снимке: пациенты дома престарелых, находившегося под патронажем Русского благотворительного общества.

Хельсинки. 1970-е гг.

Ехкима Хуотаринен, беженец из Беломорской Карелии, отправляется в свой последний путь (Суомуссалми, весна 1954 г.). После окончания войны о российских беженцах в Финляндии на протяжении ряда десятилетий старались не вспоминать. Многие забылось, многое ушло в могилу с переселенцами первых поколений. Но с 1980 гг. интерес к своим корням и к своему прошлому вновь стал воскрешаться

200 семей, в которых главой являлся, как правило, ингерманландец, реже — восточный карел, уже владели землей. К тому же часть беженцев обрабатывала землю на условиях аренды.

Нередко беженец в каком-либо доме становился зятем, иногда участок земли покупался на имя финляндского подданного, которым чаще являлась его супруга. Те, кто получил гражданство в 1930-е гг., могли приобретать землю напрямую. Земельные участки ингерманландцев на Карельском перешейке были столь мизерными, что приходилось подрабатывать на стороне. Но некоторые беженцы становились владельцами весьма значительных площадей, которые обычно составляли наследство супруги, реже — приобретались в результате покупки.

Если ингерманландцы тянулись к земле, то восточные карелы — к торговле. К моменту обретения Финляндией независимости в сфере предпринимательства уже обосновалось около 3000 восточных карелов, в услужение которым и устроились многие пришельцы. Определенное число семей, имевших ранее торговые связи с Финляндией, сумело получить гражданство в первой половине 1920-х гг.

Около 650 восточно-карельских беженцев в середине 1930-х гг. зарабатывало себе на жизнь торговлей. Диапазон обязанностей простирался от помощника в магазине до его владельца и разъездного продавца. Иностранцы не имели права вести разносную торговлю, но запрет обходили получением разрешения на имя какого-либо финляндского гражданина или на операции от имени какой-либо фирмы. Сыскная полиция отмечала, что запрещенная торговля процветает, и местные власти не всегда о ней доносили. Имелись сомнения и в отношении моральной стороны дела, поскольку было замечено, что некоторые беженцы строили свое благополучие на продаже спирта.

Безработица, ставшая следствием всемирного экономического кризиса, затронула в Финляндии начала 1930-х гг. судьбы свыше 100 000 человек. Во время кризиса стало ясно, сколь слабой была еще экономическая база беженцев и неустойчивым положение наемных работников в отраслях, легко подверженных конъюнктурным колебаниям рынка.

Именно беженцы первыми почувствовали на себе влияние кризиса. Уже в конце 1929 г. восточные карелы лишились работы в связи с прекращением или приостановкой лесозаготовок, с простым лесопилен и предприятий деревообработки. 1931–1932 гг. стали для беженцев, впрочем, как и для всех остальных в Финляндии, временем

испытаний. В самом трудном положении оказались восточные карелы в Кайнуу и на северо-востоке страны, где с прекращением лесозаготовок и сплавных работ многодетные семьи оказались за чертой бедности. Кризис не обошел стороной и беженцев-соплеменников, устроившихся на лесопилках и в портах, сотни остались без работы. В сельской местности в зимнее время лишились заработка неквалифицированные работники, в летний период, как правило, трудились только за кормежку.

В сравнении с другими странами Европы экономический кризис в Финляндии пошел на убыль довольно быстро. Горизонты прояснились также и для беженцев. Рост промышленного производства сказался на их положении таким образом, что уже в конце 1933 г. на лесозаготовках и лесопильнях они стали зарабатывать больше, чем в предыдущий период. В 1937 г. отмечалось, что вопреки своему желанию без работы остается лишь небольшая часть трудоспособных беженцев. Проблема по-прежнему заключалась в том, что многие даже во второй половине 1930-х гг. не нашли постоянного места, хлеб насущный добывался путем случайных заработков. Годы кризиса ударили не по всем, но для сотен беженцев они означали серьезный шаг назад в их усилиях обустроить свою жизнь и найти свое стабильное место в обществе.

По сведениям, собранным организациями беженцев-соплеменников, картина занятости среди ингерманландцев и восточных карелов в середине 1930-х гг. выглядела следующим образом:

Распределение беженцев-соплеменников по профессиям в 1934 г.

Профессия	Ингерманландцы		Восточные карелы		Всего	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Рабочие	2233	66,4	3583	62,6	5816	64,0
Бизнес	127	3,8	635	11,1	762	8,4
Работники сельского хозяйства	235	7,0	213	3,7	448	4,9
Священники, учителя, чиновники	88	2,6	80	1,4	168	1,9
Сведения отсутствуют	680	20,2	1213	21,2	1893	20,8
ИТОГО	3363	100,0	5724	100,0	9087	100,0

Свыше 80% беженцев-соплеменников зарабатывало свой хлеб физическим трудом в качестве рабочих в самых разных отраслях производства. Они представляли собою группу работников от хорошо оплачиваемых профессионалов до перелетных сплавщиков с котомкой за спиной. Начиная на пустом месте люди понемногу карабкались вверх, но редко кто не разбивал к крови свои руки во время этого долгого восхождения.

Мастера на все руки

«Среди русских в последнее время наблюдается какое-то подавленное, унылое настроение. Причина, главным образом, в ухудшившемся экономическом положении, в безработице. Многие полностью распродали свои драгоценности, и теперь стоят в очереди в канцеляриях Трудовой помощи и Союза интеллигентов для того, чтобы получить хоть какую-нибудь работу», сообщал информатор Сыскной полиции поздней осенью 1921 г.

В это время стало видно, что эмигранты начали искать рабочие места, основывать фирмы и в целом проявлять заботу о средствах к существованию. Помощь сократилась, возвращение на родину по-прежнему откладывалось.

В 1921–1922 гг. эмигранты основали полдесятка контор по трудоустройству, под началом которых работали ремесленные мастерские. Распри и недостаток заказов привели к прекращению производства, но в Выборге еще в конце 1920-х гг. существовала Трудовая помощь, в Хельсинки работу предоставляла Русская трудовая артель. В порту Уура трудилась сформированная из офицеров артель докеров, такая же существовала и в Хельсинки.

Устройство эмигрантской интеллигенции на работу в администрацию было затруднено из-за плохого знания языка, необходимости сдать соответствующий экзамен и отсутствия финляндского гражданства. Многие по-прежнему уезжали из страны, но иные находили работу в фирмах, имевших давние русские корни или которыми владели «старые» русские. Эмигранты также основывали небольшие фирмы или магазины, в которых подставным лицом являлся имевший финляндское подданство еврей, русский или балтийский немец.

Фирмы, корни которых уходили в Россию царского времени, стали играть важную роль в трудоустройстве эмигрантов. Они работали, к примеру, на табачной фабрике Ф.Сергеефф и карамельной фабрике

Койтто в Выборге, в продовольственных заведениях (в «эмигрантской академии») Фазера, на заводах Арабия и в кабельном производстве. Новой эмигрантской академией стала в 1930-х гг. табачная фабрика Фенния. На Карельском перешейке имелись также заводы и мастерские, принадлежавшие русским, в Приграничной Карелии — предприятия по переработке древесины, на которых «рюсся» остракизму не подвергались. Даже целая группа кронштадтских беженцев трудилась на промышленных предприятиях Карельского перешейка и Приграничной Карелии.

Среди эмигрантов имелись люди, которым удавалось получить работу, соответствовавшую их профессиональной подготовке. Такими являлись рабочие в сфере промышленного и сельскохозяйственного производства, ремесленники, а также прислуга. Особую группу составляли актеры. Однако большинство эмигрантов в Финляндии вынуждено было трудиться не по специальности. Так для офицеров, ученых, чиновников, просиживавших в царских канцеляриях, пользы от их прежних занятий не было абсолютно никакой. К тому же имелись представители высшего сословия, вообще не обладавшие каким бы то ни было трудовым опытом.

«Следствием несомненной гибкости и способности к приспособлению является и та предприимчивость, которую в целом демонстрируют эти люди...», говорилось об эмигрантах, и это было правдой. Спектр новых профессий и способов зарабатывания на жизнь был широк: мужчинами — от чистильщиков обуви, танцовщиков в ресторане «Оприс», рабочих ремесленного и промышленного труда до торговли антиквариатом, работой переводчиками и шоферами. Женщины зарабатывали шитьем и иным рукоделием, в лучшем случае преподаванием языка и музыки. Диапазон был широк — от разносчиков газет и уборщиц до владельцев ресторанов.

На Карельском перешейке опорой многих беженцев являлись дачи или земельные наделы. Доход получали от продажи выращенных на своем участке плодов, в самых экзотических случаях даже от сбора муравьиных яичек.

Для большинства эмигрантов их новое состояние означало экономическое обнищание, потерю прежнего общественного статуса. Внимание общества привлекали наиболее крайние случаи, когда падение происходило с некогда блестящих высот до самого дна. Один из генералов был ночным сторожем в Хельсинки, высокопоставленный чиновник военно-морского министерства — кучером в Терийоки,

некий полковник — рабочим на лесопилке в Питкяранта, врач изготавливал резные шкатулки в Оллила. На ярмарках в 1920-х гг. выступала заклинительница змей, которая была представительницей старинного грузинского княжеского рода.

Сотни работоспособных эмигрантов остались за пределами трудовой жизни и источников к существованию, с потерей имущества рассчитывавших только на помощь и благотворительность, зачастую оказавшихся в ужасной нищенской яме. Как правило, это были уже пожилые люди, которые более не могли трудиться, но были и молодые.

«Особенно в Выборге наблюдается желание предоставить работу эмигрантам. Работодателю ведь так хочется похвастать перед своими знакомыми, что у него ночным сторожем служит бывший полковник, или шофером — настоящий дворянин и т.д.», брюзжал начальник выборгского отделения Сыскной полиции в середине 1930-х гг. В поисках работы эмигранты концентрировались в бывших дачных районах Карельского перешейка, в Выборге, в некоторых местечках Приграничной Карелии и в Хельсинки. Многие двери перед ними захлопывались из-за незнания языка, а также недоверия и ненависти к «русся». Только представители молодого поколения, хорошо владевшие финским или шведским, и, возможно, даже поменявшие фамилию, смогли найти источник существования за пределами этих ограниченных возможностей.

Русскоязычная эмигрантская колония была крайне разношерстной, так что диапазон занятий ее представителей отличался многообразием. Часть эмигрантов, рано получившая финляндское подданство, занимавшаяся предпринимательством или обустроившая свою жизнь благодаря каким-то особым талантам, жила обеспеченно уже в 1920-е гг. Большинство, однако, перебивались с хлеба на квас даже в конце 1930-х гг.

Российские беженцы на рынке труда

Вовлечение российских беженцев в трудовую жизнь в разных странах мира происходило медленно и этот процесс представлял собой серию разнообразных событий. Согласно данным Международной организации труда в 1922 г. насчитывалось 400 000 безработных русских и армян, в 1927 г. их оставалось еще около 250 тысяч человек.

Несмотря на усилия организации, эта проблема никогда не была решена в полном объеме. Надежды связывались с перемещением людей в Южную Америку, но этот план удалось реализовать лишь в малой степени.

Повсеместно эмигранты из высших кругов общества становились рабочими или вынуждены были искать средства к существованию случайными заработками. Стандартными стали представления о полковниках-таксистах или графинях-белошвейках. В лучшем случае перед рабочими и крестьянами возникали препятствия, к которым они были привычны, но в целом они трудились на тяжелых, плохо оплачиваемых, неквалифицированных работах, не требовавших профессиональной подготовки, и которые собственное население избегало.

Но существовали все-таки страны, где российские эмигранты были желанной рабочей силой и в которых они неплохо преуспевали. Франция в начале 1920-х гг. нанимала эмигрантов для работы в сельском хозяйстве и на автомобильные заводы Рено и Ситроен. И хотя получившим академическую подготовку эмигрантам там также было трудно устроиться по специальности, тем не менее, один Париж с его миллионным населением и большой русскоязычной диаспорой предлагал им самые разнообразные возможности.

Болгария и образовавшиеся после первой мировой войны новые государства — Югославия (поначалу Королевство сербов, хорватов и словенцев) и Чехословакия использовали образованных эмигрантов в педагогической сфере и в областях, требовавших особой подготовки.

Эмигранты из рабочей среды трудоустраивались в Балканских странах помимо прочего в шахтах и на заводах, но условия работы и уровень оплаты были нищенскими. В Югославии и Чехословакии беженцам даже предоставлялась земля. Наиболее своеобразным последствием этого решения были сельскохозяйственные казачьи станицы, где под руководством своих атаманов казаки жили как будто в условиях прежней Российской империи.

В период экономического кризиса 1930-х гг. российские эмигранты испытывали трудности из-за безработицы практически во всех странах пребывания. Ситуация усугублялась тем, что во многих государствах они становились объектом дискриминации и увольнений. Теперь их стали считать «лишними», пожирателями финансового

благополучия собственного населения не только члены профсоюзов. Эти настроения имели место даже во Франции, Германии и в некоторых Балканских странах, где ранее в эмигрантах видели дополнительный источник рабочей силы.

Точной и полной картины о положении беженцев и их роли на финляндском рынке труда ни у кого не было. И, тем не менее, официальная статистика, несмотря на все ее недостатки, дает все же представление об общих тенденциях развития. Подробные статистические сведения представлены в Приложении (таблица №5).

В то время как большинство беженцев-соплеменников в 1920–1930-х гг. было рабочими, русские эмигранты оказались разбросанными по самым разным секторам экономической жизни. И все же почти половина из них в 1930-е гг. также кормилась физическим трудом. Лиц свободных профессий и предпринимателей среди русских было намного больше, чем в среде беженцев-соплеменников.

По самым смелым оценкам количество беженцев на финляндском рынке труда превышало десять тысяч человек. В общей совокупности это было лишь каплей в море, но в некоторых районах и в отдельных сферах производственной жизни беженцы были заметным явлением. Беженцы-соплеменники играли определенную роль в Северной Финляндии, в лесной промышленности и сельском хозяйстве Карельского перешейка.

Русские на рынке труда, напротив, замкнулись как бы «в своем мире». Они частенько устраивались в фирмы и на предприятия, в которых еще со времен автономии преобладал русский корпоративный дух. Без этих связей положение эмигрантов в производственной жизни, в подозрительной и пропитанной ненавистью к «русся» Финляндии было бы еще горше.

Практически во всех уголках мира российские эмигранты испытывали ограничения на фронте труда. Таковой была ситуация и в Финляндии. Практика разрешений на работу была не более, чем формальностью. Но налогообложение иностранцев и запреты на приобретение недвижимости реально ограничивали их возможности.

Совершенно не утрируя можно утверждать, что беженцы являлись пришлой рабочей силой межвоенной Финляндии. Подавляющая часть из них, во всяком случае на первоначальном этапе, устроилась в мало оплачиваемых секторах, на самом дне производственной жизни.

Взаимоотношения работодателей и рабочих зачастую свидетельствовали о том, что беженцам отказывали в равноправии с финнами. Не были редкостью случаи, когда беженцы стремились постоять за свои интересы перед местными рабочими, опасавшимися конкуренции и желавшими защитить свои позиции; с другой стороны — несомненные попытки работодателей нагреть руки и использовать беженцев в качестве пешек в игре на рынке труда.

Эмигранты из России встречались с таким отношением по всему миру. Хотя маленькая, экономически неразвитая страна и не могла предложить беженцам такие возможности, как большие государства, по уровню их трудоустройства Финляндия на международной арене выглядела вполне пристойно. Из Прибалтийских государств лишь в Польше и Эстонии их положение было еще хуже.

В организациях беженцев-соплеменников еще в середине 1930-х гг. полагали, что сложности с трудоустройством и скромные размеры дохода являлись самым серьезным препятствием, которое мешало им окончательно осесть в Финляндии. Поскольку средства к существованию с самого начала приходилось добывать буквально «из-под земли», то все силы и все мысли из года в год были направлены на то, чтобы заработать хотя бы ежедневную порцию каши. Отмечалось, что старшему поколению освоение новых специальностей и адаптация к изменившейся обстановке давались труднее, чем молодежи, которая быстрее приспосабливалась в новым условиям.

«В серой, обыденной и неторопливой жизни эмигрантского населения, напоминавшей поднимавшийся со дна бездны туман» уже видели некую стабилизацию. Тысячи беженцев получили постоянные места работы, перед молодежью открылись более широкие горизонты. И все же создавалось впечатление, что часть населения была и останется до конца дней своих в стесненных условиях.

Начиная с конца 1980-х гг. беженцы и в целом иностранцы — в связи с их численным ростом, стали заметным фактором финляндского рынка труда. Опасения в связи с возможным ухудшением положения собственного населения вызвали, прежде всего, финны-репатрианты.

Поначалу они получили хорошую работу, но многим пришлось начинать производственную жизнь с самых низких ступеней; значительная часть имевших образование лиц вынуждена была работать не по специальности. В самый разгар глубокого экономического кризиса

⇒ Тяжкий труд ⇐

1990-х гг. многих подкосила безработица. Еще в 1996 г. в трудном положении находилась половина всех финнов-репатриантов, и 70% беженцев не имели работы.

Хотя время и возможности изменились, имеется много общего с положением беженцев в 1920–1930-е гг. Те же страхи, надежды, опыт и судьбы восстали как из праха десятилетий.

УЧЕНЫЕ СВЕТ, А НЕУЧЕНЫЕ ТЬМА

Для «Новой России»

Независимо от того, где находились российские эмигранты — в Харбине или в Терийоки, при обустройстве на новом месте они сразу же начинали заботиться о школьном образовании. К этому побуждали чисто практические соображения: огромной массе детей надо было дать его на родном языке. Языком же страны пребывания владели еще не в полной мере, а крайне немногочисленные русские школы существовали только в окраинных государствах.

В этом деле преследовались далеко идущие цели. Школы должны были сохранить русскую культуру, язык и подготовить молодежь для той работы, которая им предстояла по возвращению на родину, в освобожденную от советской власти свободную Россию. Ученым надо было предоставить возможность сохранить и развить все то, что большевики считали вредным и ненужным. Какой бы различной не виделась «новая Россия» спорящим между собой эмигрантским группировкам, все они понимали значение образования.

В начале 1920-х гг. у российских эмигрантов за рубежом сформировалась своя разветвленная школьная сеть. Даже небольшие эмигрантские землячества имели, как правило, начальную школу, более крупные диаспоры располагали гимназиями и лицеями. В 1924 г. только под началом Земгора в Европе функционировало 90 гимназий и лицеев, в которых насчитывалось 13800 учеников. Кое-где открывались русскоязычные профессиональные училища.

Прагу называли «русским Оксфордом», поскольку в ней находилось много высших учебных заведений российской эмиграции. Подобные заведения имелись также в Харбине и Париже. В университетах Балканских стран, Прибалтики, Чехословакии и Франции уже в начале 1920-х гг. трудились бежавшие из России ученые. В некоторых высших учебных заведениях этих стран из эмигрантов, при условии успешной сдачи вступительных испытаний, формировались русско-

язычные группы. Подсчитано, что только в европейских странах к началу 1930-х гг. выпускные экзамены в высших учебных заведениях сдадо около 19000 российских эмигрантов.

Югославия, Франция и Чехословакия тратили значительные суммы на образование беженцев. Основанная в 1921 г. в Париже бывшими членами Объединенного комитета земского и городского союзов организация Земгор стала оказывать поддержку эмигрантским учебным заведениям во многих странах.

Но с конца 1920-х и начала 1930-х гг. эмигрантская школьная сеть стала все же сокращаться. Финансовые ручки стали пересыхать, закостеневшие и отставшие от времени учебные заведения были уже не в состоянии обеспечивать современную подготовку. Когда же стало ясно, что ожидать возвращения в Россию более не следует, исчез смысл всей этой деятельности. Молодежь выучила язык страны пребывания, усвоила ее обычаи, и все более стремилась к получению образования в обычных школах.

Несмотря на всякого рода трудности, нельзя утверждать, что деятельность эмигрантов в области школьного образования не имела значения и не давала результатов. В сложных условиях первых лет эмиграции было гарантировано получение базового образования, а для многих — и более высокого. Продолжалась исследовательская и издательская деятельность, из числа эмигрантов вышли ученые, оказавшие в самых разных областях науки серьезное влияние на развитие общества.

Поскольку в эмигрантских школах преподавался также и язык страны пребывания, эти заведения способствовали вживанию молодежи в новые условия. Помимо прочего собственные учебные заведения сыграли важную роль в том, что молодое поколение эмигрантов 1920–1930-х гг. сохранило знание русского языка и связи со своим культурным наследием.

«Желаем воспитать национально-ориентированных работников на благо Карелии и Ингерманландии»

В первые годы школьное образование беженцев находилось в Финляндии в неустроенном состоянии. Рождались разные инициативы, но они исходили от комиссий по обустройству и частных организаций.

Перемены произошли только в первой половине 1922 г., когда людской поток из Восточной Карелии заставил по-новому взяться за организацию школьного дела. Уже в феврале министерство внутренних дел поручило комиссии под началом доктора Оскари Мантере составить план по обучению восточных карелов.

В мае 1922 г. школьное ведомство взяло под свой контроль практически все открывшиеся к тому времени народные школы для беженцев-соплеменников (включая и ингерманландцев). Дело просвещения беженцев было подчинено школьному управлению, в составе которого с совещательными правами учредили комитет под руководством Ууно Брандера. Его деятельность распространялась только на беженцев-соплеменников, остальные эмигранты должны были организовывать свои школьные дела, как собственно они и делали, самостоятельно.

В школьном управлении обязанности были возложены на созданную в рамках отдела народного просвещения «Комиссию по делам беженцев», которая официально начала свою работу в сентябре 1922 г. Ее руководителем был назначен и.о. инспектора свободной просветительской работы доктор Рафаэль Энгельберг, секретарем — писатель, преподаватель народной школы Ииво Хяркёнен. Выбор этих людей был не случайным: оба имели за своими плечами большой опыт работы на ниве племенного родства и народного просвещения.

Комиссия определила основные направления работы, которая охватывала весь диапазон от начального образования до окончания университета. Государство весьма щедрой рукой предоставило на эти цели необходимые средства, и внушительная по размерам мельница Сампо стала набирать обороты в сфере образования.

Как и эмигранты, беженцы-соплеменники связывали с просвещением большие надежды. В мемории, оставленной летом 1922 г. Государственному совету руководителями восточно-карельских беженцев, подчеркивалось, что обучение следует вести с учетом условий Восточной Карелии и ее будущего развития. Этот подход вполне понятен, поскольку уровень школьного образования простого населения был крайне низок.

Во взглядах как руководителей беженцев, так и финских поборников племенного единства рефреном повторялась мысль о том, что пребывание в Финляндии нужно использовать для повышения образовательного уровня ингерманландцев и восточных карелов. Они должны были стать ударной силой, которая с падением советской системы вернется на родину и станет передовым отрядом своего народа.

«Великая задача» повышения образовательного уровня беженцев находила выражение в том воодушевлении, с которым племенные организации участвовали в этой работе. Они поддерживали учащихся за счет собственных средств, организовывали лекции, распространяли литературу. Академическое карельское общество, Ингерманландский союз и Восточно-карельский комитет карельского гражданского союза обладали и неким «официальным статусом», поскольку они заботились о местах для учебы и распределяли государственные средства, выделенные для оказания помощи учащимся.

Комиссии по обустройству беженцев выполняли эти же функции и радели о практических нуждах народных школ. Обнаружилось, что Комиссии по делам беженцев при школьном управлении, задача которой состояла в руководстве образовательным процессом, в том числе и его педагогической стороной, было трудно наблюдать за столь сложным механизмом. Об использовании различными сторонами (подотчетных Центру по делам беженцев) финансовых средств школьное управление получало сведения с большим трудом; даже выбор кандидатов для продолжения обучения не всегда оправдывал надежды.

Сотрудничество Комиссии по делам беженцев и иных организаций отравлялось к тому же сложными личными отношениями Ииво Хяркёнена с остальными сотрудниками. Он пренебрежительно отзывался о своем шефе Рафаэле Энгельберге, который якобы совершенно не разбирается в школьных делах, а руководство Центра по делам беженцев, по его мнению, — это неспособные ни на что бюрократы. Хяркёнена раздражала также та видная роль, которую играл Восточно-карельский комитет в просветительских делах, его оценки руководителей комитета уже со времени Олонецкого похода были крайне негативными.

Разбухшие как на дрожжах средства, выделявшиеся для проведения просветительской работы, были неожиданно в 1924 г. резко урезаны, что было связано с общим с сокращением расходов на беженцев. Свертывание деятельности привело к ликвидации Комиссии по делам беженцев при школьном управлении и передаче ее функций Центру по оказанию помощи беженцам.

Это означало полную атрофию усилий по организации школьного образования и погружение в трясину мелкой, рутинной работы. Цели, связанные с просветительской работой и будущим тех территорий, на которых проживали родственные народы, также оказались под сомнением.

В начале 1924 г. Комиссия по делам беженцев предложила наиболее предпочтительный, по ее мнению, вариант сокращения расходов: в Финляндии должны были остаться лишь те беженцы, которым (после их соответствующего отбора) можно было дать образование в интересах Ингерманландии и Восточной Карелии. Летом 1925 г. Центр по оказанию помощи беженцам обнаружил свою позицию, согласно которой поддержка для получения более высокого образования не будет предоставляться тем лицам, которые не намерены возвращаться на свою родину.

«Еще многие юноши и девушки думают, что работа в области образования касается только их лично, и ведется лишь для того, чтобы облегчить получение ими источников существования». «Невозможно себе даже представить, чтобы ресурсы общества в таких масштабах и при такой ситуации, которая сложилась ныне, использовались бы в интересах отдельных лиц. Нет! Целью является подготовка дополнительных кадров для работы на ниве просвещения и хозяйственной жизни Ингерманландии».

Эти и другие высказывания на страницах прессы дают представления о сути проблемы просвещения, которая заявила о себе с самого начала. Цель заключалась не в том, чтобы предоставляемое образование дало немедленные плоды — «здесь и сейчас»; все должно было служить великой цели, тому времени, когда беженцы вернутся в родные края. Многим молодым людям было трудно понять и тем более одобрить эти возвышенные цели.

Крах просветительской работы среди беженцев в середине 1920-х гг. был для ее активистов полным разочарованием. Первым на страницах газет ситуацию подверг критике оттертый в сторону Ииво Хяркёнен. Он видел причину безрадостного положения школьного дела в передаче его Центру по делам беженцев, в котором отсутствовали необходимые специалисты. Хяркёнен предложил даже закрыть упомянутый Центр и передать его функции Комиссиям по обустройству беженцев.

Обвинения были небезосновательными, что проявилось в неуверенном курсе просветительской работы, но Хяркёнен к тому же источал злобу и зависть. Критика не привела к изменениям организационных форм работы; еще несколькими годами раньше выпады Ииво Хяркёнена были расценены в прессе как позиция «чрезмерно экзальтированного человека». Позднее он скончался в больнице для душевнобольных в Каммио.

Состояние просветительской работы было предметом дискуссий вплоть до второй половины 1930-х гг. Племенные организации из года в год повторяли одни и те же высокие задачи, хотя они в обстановке свертывания этой деятельности не имели под собой какой-либо реальной основы. По мере того, как мечты все более подергивались плесенью, начинали признавать, что учеба для молодежи важна и сама по себе.

Просвещение беженцев за государственный счет

Беженцы-соплеменники у истоков знаний

Организация базового образования стала актуальной задачей сначала у ингерманландцев. В начале 1920 г. у них насчитывалось более 2000 детей моложе 15 лет, из которых сотни были уже в школьном возрасте. Местные школы лишь за редким исключением могли принять их в свои классы.

Поздней осенью 1919 г. Комитет по оказанию помощи ингерманландцам на государственные средства открыл четыре первых школы для беженцев в Кивеннапа, Метсяпиртти и Рауту. Но большинство ребят осталось все же за их стенами. Через год работало уже семь школ и курсов, представительный орган самих беженцев — Комиссия по делам Северной Ингерманландии также приняла участие в организации учебы.

Когда в начале 1921 г. приступили к наведению порядка в хаотичной системе по оказанию помощи, положение со школами было признано крайне печальным. Все развивалось на ощупь, без учебного плана, бросался в глаза недостаток книг и учебных пособий. Новый комитет по оказанию помощи ингерманландцам начал свою работу именно с развития школьного дела. Весной 1921 г. работало уже 12 ингерманландских школ — высшее достижение, и их посещало более 500 детей.

Трудности и ощущение непостоянства накладывали свой отпечаток буквально на все. Это проявлялось даже в том, что учителя вынуждены были ежемесячно продлевать свой трудовой контракт, поскольку школу могли закрыть в любой момент из-за возвращения ингерманландцев в родные края. Некоторые школы начали работу в середине учебного года, по-прежнему не хватало школьных принадлежностей. О какой-то работе на перспективу говорить было сложно:

ученики не посещали занятия, многие бросали учебу, десятки детей со своими родителями возвращались домой.

Обучение восточно-карельских беженцев началось с 1920 г., когда Олонецкий исполнительный комитет организовал для олонецких в Приграничной Карелии несколько школ, скорее напоминавших курсы. Они вскоре прекратили свою работу, но в Тулеме она продолжалась до осени 1922 г. Помимо этого Восточно-карельский комитет вплоть до 1922 г. поддерживал в Приграничной Карелии деятельность нескольких вечерних школ, предназначенных для взрослых.

Среди беженцев, прибывших в Финляндию в результате лесной партизанской войны, в 1922 г. насчитывалось свыше 2200 детей моложе 15 лет. Срочно приступили к организации их обучения: летом работало уже 14 временных школ. Условия были неприспособленные, возможности ограниченными, во всяком случае, в северных районах петь хвалебную песнь каким-либо достижениям никаких оснований не было.

Летом 1922 г. мечта школьного управления сводилась к тому, чтобы как можно больше детей беженцев стало посещать обычные народные школы. Но возможности для этого были ограниченными, поэтому приступили к масштабной работе по устройству собственной школьной сети. В 1922–1923 учебном году работало уже 22 школы для беженцев, из них — 13 восточно-карельских и 9 ингерманландских.

В принципе эти школы работали как и обычные финские школы. Восточно-карельские школы имели не менее двух преподавателей. Старший преподаватель, как правило, являлся членом местного учительского коллектива, младший был либо из числа беженцев, либо финном, исповедывавшим православие, что объяснялось конфессиональной принадлежностью учеников. Ингерманландские школы имели одного учителя, который был из числа беженцев, выпускников Колппанской или Петербургской семинарий. У ингерманландцев отсутствовали подготовительные классы, вместо них осенью перед началом учебы в течение месяца организовывалась «школа малышей».

Занятия проводились, как правило, в вечернюю смену в помещении народной школы. Более половины восточно-карельских школ работало именно таким образом, тогда как все ингерманландские школы располагались в арендованных деревенских домах. Как правило, они были ветхими, тесными, холодными в зимнее время; неоднократно приходилось проезжать в более сносные помещения.

При каждой школе для беженцев существовал интернат, в котором приехавшие издалека дети жили в течение учебного года. Такая практика была необходимостью, поскольку учащиеся съезжались из многих деревень. Подобное решение проблемы для того времени было передовым. Северная Финляндия, где позднее возникла широкая сеть интернатов, в 1920-е гг. находилась в этом смысле еще в самом начале пути.

Школы для беженцев рассматривались как мера временная. Усилия по переводу детей в обычные школы были вызваны скудостью средств, выделяемых для нужд беженцев, тогда как перевод давал серьезную экономию государственных финансов. Помимо этого в пользу перевода говорили и собственно педагогические соображения. Инспектор школьного управления Руфус Сайкку, курировавший школы беженцев с 1924 г. и знакомый с трудными условиями работы, также подчеркивал необходимость этого шага.

И хотя число школ для беженцев стало сокращаться, ситуация не принесла ожидаемого улучшения. Главная причина заключалась в стесненных условиях самих местных школ, а также в отсутствии желания у руководства общин и финских школьных коллективов. В законах страны говорилось лишь об обязательном образовании для граждан Финляндии, на общины не возлагалась обязанность предоставлять образование беженцам, которых считали иностранцами. Причина крылась в финансах, поскольку выделяемые на беженцев суммы не покрывали расходов на обучение. В тех районах, где в руководстве общин преобладали левые, отрицательная позиция была продиктована также политическими соображениями. Дети беженцев оставались за стенами школы.

Наконец в 1932 г. в закон об обязательном школьном обучении было внесено изменение. Постановили, что кормилец ребенка, будь он гражданином Финляндии или нет, вправе отдать своего ребенка для бесплатного обучения в народную школу, расположенную по месту проживания или работы кормильца. Только это законодательное новшество заставило общины относиться к беженцам при решении их школьных проблем наравне с собственным населением.

Во всяком случае в 1924 -1925 учебном году в финских школах ингерманландцев насчитывалось больше, чем в своих собственных. Деятельность последних завершилась весной 1928 г. с закрытием школы в Лейникюля (Рауту). У восточных карелов в 1929–1930 учебном году имелось еще четыре своих школы. После того, как две из них в 1930 г.

в Хюрюнсалми и Кухмониemi были закрыты, оставались еще две — в Кюминлинна и Майккула.

Назначение этих двух учебных заведений было несколько необычным. В Кюминлинна школа существовала при учреждении по уходу за беженцами. В школу и интернат Майккула съезжались дети со всей Северной Финляндии, поскольку в местах их проживания возможность получить образование отсутствовала, и обстановка в семьях отличалась неустроенностью. Работа школ в Кюминлинна и Майккула завершилась только в 1940 г. в связи с изменениями, вызванными Зимней войной.

Начиная с осени 1919 г. и на протяжении двадцати последующих лет в Финляндии существовало 34 школы для беженцев, из них половина была ингерманландскими, вторая половина — восточно-карельскими. Многие ингерманландские школы не были долгожителями, закрывались после года или двух лет работы. Аттестаты об окончании в 1921–1940 гг. получили в общей сложности 506 выпускников, из них 167 ингерманландцев и 339 восточных карелов.

Школы находились по преимуществу в приграничных районах, у ингерманландцев на Карельском перешейке, у восточных карелов, главным образом, в Северной Финляндии. Распределение по общинам выглядит следующим образом:

Школы восточных карелов

Хюрюнсалми, Кухмониemi, Куусамо, Ристиярви,
Суомуссалми, Тайвалкоски Каяни, Палтамо, Оулу,
Майккула (Оулуйоки) Лиекса, Салми, Суоярви Кюминлинна

Школы ингерманландцев

Кивеннапа, Метсаярвти, Рауту, Терийоки, Пюхьярви, Саккола

Школы беженцев сталкивались с самыми разнообразными трудностями и проблемами. В первые годы на низких результатах учебы сказывались зарубежные потрясения и наблюдавшееся на протяжении многих лет запустение в школьных делах. Это положение отразилось, прежде всего, на восточных карелах: ученики были переростками, многие школьные предметы не велись и даже в конце 1920-х гг. приходилось проводить дополнительные занятия по чтению вслух. Для олончан на первых порах трудности были связаны с пониманием финского литературного языка. Неоднократные переезды и неустроенные

условия жизни приводили к тому, что школьная жизнь для многих детей заканчивалась раньше времени.

Затруднял работу школ для беженцев недостаток помещений и учебного материала, в условиях нестабильности учебный год зачастую заканчивался раньше обычного. В школах для восточных карелов работало много неквалифицированных учителей, была большая текучка кадров.

Эти проблемы в большей мере были характерны для учебных заведений Восточной и Северной Финляндии. Инспектор Рудольф Сайкку в конце 1920-х гг. отметил, что выдаваемые этими школами удостоверения трудно поставить в один ряд с аттестатами нормальных учебных заведений. Многие молодые люди были вынуждены начинать свой жизненный путь со слабым багажом знаний.

В торжественных речах школе для беженцев отводилась роль некоей колыбели, которая взрастит поколение национальных строителей Ингерманландии и Восточной Карелии. Но в учебных планах отсутствовали какие-то специальные дисциплины по «племенному родству». Во многих случаях дела Ингерманландии и Восточной Карелии обсуждались поверхностно; их затрагивали лишь в том случае, если излагаемый предмет давал для этого возможности. Когда все зависело от подготовленности и желания учителя, то не удивительно, что в некоторых школах не находили освещения не только вопросы «племенного родства», но и иные проблемы.

Организации беженцев проявляли интерес к деятельности собственных школ. Просвещение по вопросам «племенного родства» инициировалось именно этими обществами. Они распределяли среди учащихся материалы об Ингерманландии и Восточной Карелии и организовывали празднества.

Подсчитано, что в 1920-х гг., после первых лет эмиграции, 60% детей беженцев получали образование в системе начальной школы. В приграничных районах Северной Финляндии положение у восточных карелов обстояло даже предпочтительнее, чем у местного населения, — прежде всего, благодаря существованию собственной школьной сети.

И если достижения в обучении не всегда давали повод для головокружения от успехов, то все же существование собственных школ имело для беженцев-соплеменников большое значение. В суровых жизненных обстоятельствах интернаты при восточно-карельских школах с проживанием и кормлением являлись для многих якорем

спасения. Так еще в начале 1930-х гг. в школу Майккула прибывали из заброшенных уголков голодные дети, изможденные паразитами и экземой.

Ненависть к «рюсся», издевки или, по крайней мере, отторжение не обошли стороной детей беженцев в обычных школах, чего не было в их собственных учебных заведениях. А с благодарностью вспоминалось прежде всего Майккула, где преподавание после трудных 1920-х гг. было вполне приличным, это был дом, который создал атмосферу единства и братства.

Базовое образование для беженцев-соплеменников стало в 1920-е гг. масштабным предприятием, реализация которого заставила прибегнуть к исключительным мерам. В этом деле находились на острие прогресса, поскольку обязательное школьное образование вступило в силу именно в это время, осенью 1921 г.

Высокие цели, которые в первые годы были обозначены поборниками племенного единства и поставлены перед начальным образованием, претворялись в жизнь неудовлетворительно, если вообще находили практическое воплощение. Целые группы молодежи не получали полного начального образования, а для отдаленных районов эта ситуация вообще не была какой-то большой редкостью. Применительно к школьным делам существенным являлось то, что дети беженцев не превратились в изолированную, отличную от остального населения группу второго сорта. Школьная дорога вела к ознакомлению с реалиями финского общества, она облегчила молодежи поиск своего места в Финляндии.

Беженцы-соплеменники
в народных школах в 1922–1928 гг.

Учебный год	-22-23	-23-24	-24-25	-25-26	-26-27	-27-28
Количество школ для беженцев	23	16	11	9	8	6
Число учащихся в них	854	783	537	413	355	239
Количество детей беженцев в обычных школах	313	280	196	242	237	250
Всего учащихся	1167	1063	733	655	592	489

Наплыв в народные училища

С конца XIX столетия народные училища сформировались, прежде всего, как учебные заведения сельской молодежи, в которых преподавались теоретические и практические предметы, выдержанные в христианско-патриотическом духе. Это влияние ощущалось и в близлежащих районах, расположенных по ту сторону восточной границы.

Не было ничего удивительного в том, что при обсуждении вопросов, связанных с обучением переростков, взгляды были обращены на народные училища. Поначалу, когда система поддержки образования практически отсутствовала и для него изыскивались, если вообще изыскивались, случайные суммы, училища манили к себе, прежде всего, дешевой обучением.

Первые беженцы из Беломорской Карелии поступили в народное училище Куусамо зимой 1919–1920 г., а ингерманландцы годом позже в народное училище Приграничной Карелии в Ямилахти, близ Сортавала. Олончане появились в училище Импилахти в 1920–1921 учебном году.

Наплыв восточных карелов в 1922 г. поднял вопрос об учебе переростков на новый уровень. Высказывались самые разные предложения. Комиссии по обустройству и Восточно-карельский комитет направили уже летом 1922 г. сто юношей и девушек в народные училища и на сельскохозяйственные курсы, которые должны были дать практические навыки и подготовить молодежь к последующей учебе.

Когда школьное управление начало летом 1922 г. определять основные направления своей политики, народные училища заняли в этих планах центральное место. Училища должны были залатать прорехи школьного образования молодежи, воспитать ее в финском национальном духе и стать трамплином для получения дальнейшего образования в Финляндии. На курсы, рассчитанные всего на 24 недели, возлагались слишком большие задачи! Это притом, что именно среди восточных карелов имелось много совершенно безграмотной или владевшей только русским языком молодежи.

Во всяком случае, беженцев осенью 1922 г. направили в народные училища, и таковых было много. К весне 1924 г. их в училищах уже насчитывалось около 470 человек, из них более 390 были восточными карелами и свыше 70 — ингерманландцами. Из всего контингента учащихся финноязычных народных училищ на долю беженцев-соплеменников в то время ежегодно приходилось более 10%.

Но уже к весне 1924 г. из-за недостатка финансов перспективы становятся более мрачными. Учебные курсы смогли довести до конца лишь благодаря дополнительным средствам, предоставленным министерством внутренних дел. С осени 1924 г. количество беженцев-соплеменников в народных училищах резко сократилось, хотя их насчитывалось еще около ста человек. Со второй половины 1920-х гг. государственную поддержку получали лишь немногим более десятка учеников ежегодно.

Беженцы-соплеменники поступали преимущественно в училища Восточной и Северной Финляндии, тогда как в первой половине 1920-х гг. их можно было обнаружить в любом районе страны. Ингерманландцы обучались, главным образом, в следующих общинах: Народное училище Ямилахти (ранее Приграничной Карелии), Сортавала; Народное училище Каннельярви (до 1925 г. Уусикиркко), Каннельярви; двухгодичное Народное училище Оривеси; Народное училище Ряйсяля.

В каждом из тринадцати народных училищ получили необходимую подготовку, по меньшей мере, до двадцати восточных карелов, а в некоторых случаях и больше. Самыми важными из этих училищ являлись следующие пять: Восточно-карельское народное училище, Импилахти; Народное училище Северной Карелии, Нииттюлахти; Народное училище в Лахти; Народное училище Отава (до 1926 г. Центральное Саво), Отава; Народное училище Центрального Хяме, Оривеси.

В начале 1920-х гг., когда беженцев в училищах было много, преподаватели были о них единого мнения: молодежь чувствовала себя хорошо, она за небольшим исключением успешно адаптировалась к новым условиям. Местное население, как правило, относилось благосклонно, хотя в некоторых местах и отмечалось высокомерное и негативное отношение к «рюсся».

Успехи в учебе были, тем не менее, неоднозначными. Отдельные юноши и девушки вполне преуспели и смогли продолжить обучение даже в учительской семинарии, но некоторым — особенно среди восточных карелов — приходилось начинать с чтения по складам. Во многих училищах для беженцев сформировали собственные группы или проводились дополнительные занятия. В целом 1920-е гг. были отмечены тем, что большинство закончило свое обучение «на удовлетворительно».

С учебой беженцев-соплеменников в училищах были связаны проблемы, одна из которых дала повод для зубоскальства по поводу про-

водившейся политики в области образования. Выплескивая свое неудовольствие, не прошел мимо этих трудностей в 1925 г. и Ииво Хяркёнен. Он обвинял: некомпетентное руководство просветительской работой привело к тому, что многие получавшие финансовую поддержку юноши и девушки находились в училище в течение двух и даже трех лет, но лишь единицы из них могли быть рекомендованы для последующего обучения.

«Беженцы меняют свои фамилии, многие пытаются на зимнее время пристроиться в училища и получить содержание, многие абсолютно бездарны и неразвиты. — Комитет заметил, что очень многие в народных училищах совершенно не развиваются, все финансовые затраты уходят в песок», корил Восточно-карельский комитет, также критикуемый Хяркёненом. Комитет со своей стороны возлагал ответственность на Академическое Карельское Общество, на Комиссии по обустройству и Карельские клубы, которые отбирали кандидатов для учебы без достаточного знакомства с ними.

По этому делу еще в 1930-е гг. продолжались пересуды, хотя в училищах уже редко можно было увидеть беженцев, тем более, получавших содержание. Карельский просветительский союз и Центральный союз карельских клубов полагали, что сами карельские клубы могли бы взять на себя общеобразовательную подготовку, и использовать освобожденные таким образом государственные деньги на иные цели. Учеба в училищах расценивалась в значительной степени неудавшейся, поскольку молодежь в своем большинстве вынуждена была заниматься физическим трудом и оказывалась в условиях, в которых идеалы и результаты учебы быстро покрывались тусклым налетом.

Как бы то ни было, к Зимней войне значительная часть беженцев успела завершить учебу в училищах. Это были 219 ингерманландцев и свыше 680 восточных карелов, в общей сложности почти 900 человек. Для них курсы народных училищ стали основной формой получения образования после окончания начальной школы.

В связи с обучением в народных училищах стало очевидным, в какой мере «специалисты» владели информацией о беженцах-соплеменниках. Перед полугодовыми курсами были поставлены такие высокие требования, что редко кто из учащихся мог им соответствовать. Высказывавшаяся в этом плане критика не имела под собой оснований, была пустой болтовней и свидетельствовала лишь о наличии повседневных распрей.

И в то же время разочарование критиков было правомерным, поскольку часть молодежи шла в училища, чтобы переждать непогоду. «Выбирал место, где можно провести время, да и подучиться чему-нибудь было интересно», вспоминал один беломорский карел, учившийся в Куусамо. Некоторые ингерманландцы признавались, что в училища манили полное содержание и «беззаботная зимовка в веселой товарищеской компании», а не какие-то иные причины.

И все же, хотя учеба в училище в целом признавалась «бесполезной», для тех немногих, кто получил возможность продолжить образование или продвинуться по работе, вряд ли это время было потрачено зря. В училищах многие получили знания и умения, которые стали подспорьем для жизни в Финляндии. Влияние проявилось также в том, что именно выпускники училищ были застрельщиками в кружковой и иной «работе по интересам», проводившейся среди беженцев.

*«...в просвещении молодежи из числа
беженцев-соплеменников важное место
занимает обучение сельскому хозяйству»*

Цели профессионального обучения беженцев-соплеменников поначалу были аналогичны тем задачам, которые стояли перед другими формами учебы. Молодежь следовало подготовить для работы в тех областях, которые были бы в будущем востребованы на их родине. По возвращению в родные места молодые люди смогли бы стать строителями в самом широком смысле слова.

Поэтому упор был сделан на учебу в области сельского хозяйства. Особенно важным это направление считалось для восточных карелов, поскольку экономические условия Восточной Карелии были наименее развитыми. В период финляндской оккупации Ребол там уже стали давать консультации по ведению сельского хозяйства, а для женщин к тому же организовали курсы по уходу за скотом и ведению домашнего хозяйства.

В Ингерманландии консультативная помощь по вопросам сельского хозяйства уже имела определенную традицию, некоторые ингерманландцы ранее получили соответствующую подготовку в Финляндии. Теперь задача заключалась в продолжении уже начатой работы.

В отличие от народных училищ, в профессиональных учебных заведениях места для беженцев-соплеменников поначалу было найти достаточно трудно. Больше всего их выделили осенью 1922 г. в некоторых школах Восточной Финляндии, в остальных районах страны

эти возможности находились лишь спорадически. Количество собственных претендентов для поступления в профессиональные училища было сверх всякой меры.

Тем не менее, беженцев-соплеменников пытались пристроить на курсы и в профессиональные школы: с осени 1922 г. и до весны 1924 г. — свыше 250 человек. Практически всех юношей затолкали на учебу по сельскому хозяйству, девушек — обучению домоводству и рукоделию. В те времена, когда профессиональная подготовка на деревне была редким явлением, это решение имело прогрессивный характер, и было многообещающим для самих беженцев.

Сокращение финансирования не имело прямых разрушительных последствий для профессионального обучения, поскольку скудные средства пытались тратить осторожно и разумно. Но все же в конце 1920-х гг. дополнительные урезания привели к тому, что ежегодную финансовую поддержку смогли оказывать лишь двум десяткам учащихся.

Противоречия между идеалами и реалиями обиденной жизни сохранялись также и в сфере профессионального обучения. «У молодежи из числа беженцев, кажется, сохраняется страх перед сельским хозяйством. Видимо, из-за опасений запачкать руки. ... Многие забросили свои обязанности, и ушли на поиски более легкой и «чистой» работы». «Успехи в учебе у большинства учеников были весьма скромными, что в значительной степени объясняется тем, что им, в первую очередь, пришлось овладеть финским языком, а также существованием серьезных недостатков в постановке начального образования в русских народных школах...»

Жалобы прояснили тот факт, что планы и ожидания оказались реализованными не в полной мере. Специальности по сельскому хозяйству и домоводству молодежь не интересовали. Во времена существования Комиссии по делам беженцев при школьном управлении и даже в последующие годы этой линии придерживались столь строго, что восточным карелам, желавшим поступить в торговые училища, или намеривавшим учиться в промышленных заведениях ингерманландцам отказывали в предоставлении помощи. В первые годы часть молодежи шла в школы и на курсы только для того, чтобы провести там время, обеспечить себя хлебом и одеждой, собственно специальность ее не привлекала.

В середине 1920-х гг. ситуация стала таковой, что на профессию агронома и животновода уже не находилось желающих. Однако со

временем желания самой молодежи стали приниматься во внимание, и в 1930-х гг. большинство восточных карелов, получавших финансовую помощь, уже училось в торговых школах. Но дорога к получению профессионального образования все же оказалась перекрытой, поскольку государственная поддержка была мизерной, а в годы кризиса учеба на свои средства была доступна лишь единицам.

Открывшаяся в Райвола профессиональная школа начала с середины 1930-х гг. предоставлять своим ученикам из числа беженцев скидки на учебу. Это заведение стало играть важную роль в их профессиональных судьбах. В Райвола ежегодно поступало много молодых людей, особенно из числа подростков, живших в интернате Кюминлинна.

В течение двух десятков лет беженцы-соплеменники успели получить профессиональную подготовку в нескольких десятках школ и на курсах. Как правило, в каждом отдельном случае речь шла о нескольких учениках, но в первой половине 1920-х гг. в некоторых заведениях их собиралось более десяти человек одновременно. Для ингерманландцев важнейшими учебными заведениями являлись: Сельскохозяйственное училище в Куркийоки; Школа ткачества и рукоделия в Кякисалми; Садоводческое училище в Лепаа; Сельскохозяйственное училище в Уусикиркко.

Восточные карелы в большом числе обучались в следующих заведениях: Сельскохозяйственное училище в Куркийоки; Школа кулинаров и специалистов приусадебного участка в Нииттюлахти; Сельскохозяйственная школа в Париккала; Сельскохозяйственная школа Приграничной Карелии в Суйстамо.

Достижения в учебе и значение профессиональных училищ в обучении беженцев-соплеменников были неоднозначными. Грандиозные цели остались не реализованными: лишь ничтожная часть получивших образование молодых людей вернулась в родные края, да и то — под советскую власть. Деньги были истрачены понапрасну, поскольку многие из «просто так» обучавшихся на отделениях по агрономии или домоводству не стали работать в Финляндии по этим специальностям, ограничившись в результате местом батрака или служанки.

С другой стороны, было немало людей, для которых учеба в профессиональных училищах предопределила их жизненный путь. Ингерманландцы работали управляющими имений, советниками по сельскохозяйственным вопросам и коммивояжерами; восточные каре-

лы — конторщиками и экономками, и те и другие — профессиональными рабочими. Но в сравнении с тем, что задумывалось и к чему стремились, результаты все же были маловыразительными.

«...и вот перед нами открывается поле деятельности, на ниве которого нас призывают работать»

«Закончившими общую школу и семинарию, будучи студентами и дипломированными школьными учителями, несут они знания о финской цивилизации в самые различные сферы нашей жизни...», говорил доктор Рафаэль Энгельберг на общезинландском племенном празднике, который проводился в честь независимости страны в 1922 г. На нем он обнародовал наиболее честолюбивую цель образовательной политики для беженцев-соплеменников. Необходимо было сформировать из их числа ядро наиболее образованных людей, которые возглавят созидательную работу по возвращению в родные края.

Длинный путь к вершинам знаний начинался со средней школы. Для ингерманландцев он с самого начала не представлял особых сложностей, поскольку их народные школы на родине строили свой учебный процесс на тех же основах, что и школы в Финляндии. Некоторые молодые люди уже учились в Финской общей школе, находившейся в Петрограде. Осенью 1920 г. среднюю школу в Финляндии посещало 13 ингерманландцев, а на протяжении 1920-х гг. в них ежегодно обучалось около 30 учеников.

Для восточных карелов этот путь оказался, однако, достаточно тернистым. В первые годы обнаружилось, в каком печальном состоянии находилась вся школьная система Восточной Карелии. Базовые знания учеников были неустойчивыми, да и уровень преподавания в школах для беженцев-соплеменников был не ахти каким высоким. Когда, к примеру, более десятка восточных карелов были направлены осенью 1922 г. в общую школу Нурмеса, большинство из них вскоре вынуждено было прервать учебу из-за низкой успеваемости.

К 1924–1925 уч. году число восточных карелов в средних школах Финляндии выросло все же до 40 человек, но трудности были огромны. Для многих ученичество закончилось в самом начале.

На первых порах, когда для нужд образования еще выделялись средства, проблема заключалась в разном исходном уровне подготовки учеников. Впоследствии ситуация изменилась на совершенно противополо-

ложную. Появились способные дети, но деньги для финансирования их учебы уже отсутствовали. После его сокращения летом 1925 г. на собрании активистов, связанных с оказанием помощи беженцам, была выработана линия, согласно которой начальное и профессиональное образование по-прежнему должно было иметь государственную поддержку, тогда как финансовая помощь для получения среднего образования должна была носить избирательный характер.

В результате, к началу 1930-х гг. ежегодная финансовая помощь предоставлялась лишь 20 ученикам средних школ. И хотя уже имелись редкие семьи, которые могли сами оплатить обучение своих детей, для десятков желающих получить образование оно оставалось несбыточной мечтой из-за бедности.

Активисты восточно-карельской молодежи и в Карельском просветительском обществе в середине 1930-х гг. с горечью отмечали, что усилия по формированию интеллигенции из числа беженцев Восточной Карелии потерпели неудачу. С учетом затраченных средств число выпускников высших учебных заведений было невелико. Высказывалось пожелание, чтобы выделяемое финансирование было сконцентрировано для поддержки молодежи, «получающей высшее образование» и стремящихся к нему лиц.

Долгие трения закончились только в 1937 г., когда обвиненный в некомпетентности, находившийся в руках престарелых руководителей Восточно-карельский комитет передал функции по распределению средств на обучение восточных карелов в руки Центрального союза карельских клубов. Это сразу же привело к усилению финансирования среднего образования. У ингерманландцев изменений не произошло, поскольку Ингерманландский союз постоянно концентрировал выделяемые ему средства на финансирование многолетнего обучения.

В конце 1930-х гг. продолжался поиск новых возможностей для обучения восточных карелов. В Центральном союзе карельских клубов возникла идея создания закрытого учебного заведения. Осенью 1938 г. при смешанной школе в Нурмиярви начал свою работу интернат для беженцев Вяйнёла, в который на первых порах приняли 17 детей. Для оказания поддержки этим заведениям союз учредил особое общество; несмотря на сложности, в распоряжение Вяйнёла были переданы два здания и иные постройки.

Летом 1945 г. это общество решением Государственного совета было ликвидировано, поскольку в государственной полиции, которая

политически все более приобретала красный оттенок, посчитали его деятельность наносящей вред взаимоотношениям с Советским Союзом. Но жизнь интерната Вьяйнёла, поддерживаемая основанным Фондом Вьяйнёла, продолжалась все же до лета 1949 г. Число учащихся достигало почти 50 человек.

Совместная школа в Нурмиярви вместе с существовавшим при ней интернатом стала тем наиболее заметным учебным заведением, откуда начинался путь восточных карелов к «высшему образованию». Все осуществлялось по инициативе самих беженцев и их собственными силами, без участия постоянно портачивших в просветительской работе поводырей и без обманчивого лотерейного жребия.

На протяжении долгих лет беженцы-соплеменники посещали средние школы в разных районах страны, но более всего их было в школах Восточной и Северной Финляндии. Ингерманландцы учились преимущественно в Хельсинки, Кякисалми и Выборге, восточные карелы — в Каяни, Кеми, Питкяранте, Нурмесе и в Салми.

На первом этапе усилия в области дополнительного обучения сосредотачивались на формировании «национальных» учительских кадров для работы по другую сторону границы. В Колпанской семинарии (в Ингерманландии) подготовка велась с 1860-х гг., однако в прежнем своем виде она была прекращена осенью 1919 г.

Но в Финляндии работа все же продолжалась. По инициативе магистра Каапре Тюнни и при государственной финансовой поддержке последний курс семинарии весной 1921 г. закончил 21 учащийся. Для учителей из числа беженцев было организовано дополнительное обучение.

Свои учительские кадры у восточных карелов были немногочисленными. Это обстоятельство нашло отражение в разработанных Союзом беломорских карелов планах по подготовке учителей, владеющих финским языком. Во время оккупации финнами села Реболы там осенью 1918 г. начал работу годичный семинар по подготовке учителей начальных классов. Результаты оказались сомнительными из-за низкой базовой подготовки самих слушателей. В дополнение к этому для олонекских педагогов в 1919 г. организовали краткосрочные курсы в Импилахти и Сортавала.

Самым заветным желанием Комиссии по делам беженцев при школьном управлении было то, чтобы максимально большее число закончивших народные училища молодых людей продолжили свое обучение в семинариях. Осенью 1922 г. около десятка беженцев-соплеменников стало овладевать профессией учителя, а вскоре их число

выросло многократно. Осенью 1924 г. свыше 40 человек (из них около 30 восточных карелов, остальные ингерманландцы) обучались, главным образом, в семинариях Каяни, Ювяскюля, Сортавала и Суйстамо. Многие восточные карелы проходили подготовку в Реболах или на олонецких учительских курсах.

Но лебединая песня была прервана на полуслове. Сокращение финансирования свело подготовку учителей на нет: с конца 1920-х гг. беженцы в семинариях насчитывались лишь единицами.

Среди получивших дополнительное образование беженцев-соплеменников наибольшую группу составляли учителя народных школ. Подсчитано, что в Финляндии середины 1930-х гг. свыше 30 восточных карелов и около 70 ингерманландцев работали учителями, последние к тому же трудились и в других сферах.

Восточные карелы становились также православными священниками. Около десяти человек закончили церковную семинарию в Сортавале, главным образом в 1920-е гг. В середине десятилетия учеба в семинарии стала длиться шесть лет и давала среднее образование. Беженцев в ее стенах уже не было.

Университетское образование для беженцев-соплеменников было в 1920–1930-х гг. большой редкостью. Студентов было немного, в основном из числа ингерманландцев. И хотя позднее десятки учеников посещали среднюю школу, лишь малая часть продолжала обучение в гимназии.

Недостаток финансирования был главным камнем преткновения. Поручители представляли собой очень редкое явление; как правило, высшие учебные заведения могли посещать только те молодые люди, родители которых, занимаясь предпринимательством, еще ранее получили финляндское гражданство или которые имели состоятельных родственников.

Ингерманландцы, в отличие от восточных карелов, чаще стремились попасть в заведения, где учеба продолжалась несколько лет. В этом факте сказывалась более основательная школьная подготовка ингерманландцев и зачастую также их более удачливое, чем у восточных карелов, обустройство в Финляндии.

Тропинка беженцев-соплеменников к высшему образованию оказалась слишком узкой. Мечтания, которые были связаны с формированием подготовленного авангарда, оказались совершенно несостоятельными. Врата знаний распахнулись во всю ширину только после закончившихся войн, когда экономическое положение страны стабилизировалось.

Русские школы в сине-белой Финляндии

Возможности эмигрантов в сфере образования отличались от того, чем обладали беженцы-соплеменники. Государство в Финляндии не открывало для эмигрантов специальных школ, из-за языковых проблем у них поначалу также отсутствовали какие-либо контакты с обычными школами.

С другой стороны, в Финляндии в период ее автономии уже существовали учебные заведения русскоязычной общины — от начальных школ до гимназий и учительской семинарии. Важнейшими центрами обучения были Хельсинки, Выборг и район Терийоки, начальные школы можно было встретить и в других районах страны, вплоть до Турку и Ваасы.

Большинство учебных заведений находилось под полным или частичным (наряду с руководством православных приходов) управлением российского министерства просвещения. Обеспечение финансирования и контроль были возложены на находившийся при канцелярии генерал-губернатора совещательный комитет. Помимо этого имелись частные школы, которые существовали за счет благотворительных взносов и пожертвований, получаемых из империи.

Независимость Финляндии нанесла этим учебным заведениям сильный удар, поскольку они, как и все остальные русские учреждения, были закрыты, и их собственность перешла в руки финляндского государства. Некоторые школы, обратившись в сенат и получив от него разрешение, все же вернули себе свои помещения, свою ответственность и продолжили работу. В Хельсинки, к примеру, была закрыта Мариинская женская гимназия, в Выборге — русские женский и реальный лицеи.

Русскоязычная школьная система на протяжении ряда лет находилась в состоянии брожения. С сокращением числа учеников ее пришлось строить заново. В Терийоки гимназии для мальчиков и девочек были объединены в 1928 г. в общую реальную школу, в Выборге единственной русскоязычной школой высшей ступени стала новая реальная гимназия.

Наплыв эмигрантов привел к тому, что на Карельском перешейке вопрос об организации школьного образования приобрел особую остроту. Поначалу многие родители сами обучали своих детей, или основывали небольшие домашние школы; такие, например, на протяжении ряда лет существовали в Халила и в Мустамяки. В 1919 г. в

Перкъярви на частные средства была открыта Гимназия Святого Алексея, которая продолжала традиции одноименного учебного заведения в Петрограде. Насколько важным представлялся этот вопрос, свидетельствует тот факт, что осенью 1920 г. на Карельском перешейке имелось 12 русскоязычных школ различного уровня, которые существовали на средства церковных общин и на частные пожертвования.

Осенью 1921 г. в Выборге собрались представители русских школ Выборгской губернии, отметившие то сложное положение, в котором находилось школьное образование. Экономические возможности оставались туманными, поскольку связи с Россией и поступавшие оттуда финансовые вливания прервались. Экономическое положение многих частных школ было таково, что никто не знал, долго ли можно будет продержаться.

Учителей в школах было много: в реальной четырехклассной школе Келломяки — девять преподавателей при 67 учениках. В работе пытались следовать практике царского времени, но единые учебные программы отсутствовали, испытывался острый недостаток учебников.

И все же можно было видеть проблески света, поскольку это собрание было созвано основанным в Выборге финляндским отделением Земгора, которое стало изыскивать средства на нужды образовательных учреждений. Деньги нашли во Франции и отчасти даже в Соединенных Штатах. Наряду с этим начали распределять одежду и отпечатанные в эмигрантских центрах Западной Европы учебники. В 1920-х гг. Земгор стал важной опорой русскоязычных школ в Финляндии, финансируя в середине десятилетия почти половину всех их расходов. В некоторых школах Карельского перешейка этот показатель составлял даже 80%.

При многих школах необходимо было открыть интернаты для сирот и детей из бедных семей, многие нуждались в экономической поддержке. Земгор оказывал помощь детскому дому в Райвола, при котором существовала начальная школа, интернату в Терийоках, в котором проживали учащиеся реальной и русской народной школ. Точно также и гимназия Святого Алексея, переехавшая из Перкъярви в Каннельярви, в течение одного учебного года была закрытым учебным заведением. Земгор поддерживал современные ему гимназии, но политические разногласия привели в конечном итоге к полному разладу.

Распределяемые организацией средства были недостаточными, особенно в начале 1920-х гг. Русскоязычные школы вынуждены были

изыскивать ресурсы из самых разных источников: в благотворительных организациях, пользоваться пожертвованиями и помощью самих беженцев. Государственную поддержку получали лишь несколько учебных заведений. Содействие Центра по оказанию помощи беженцам было бесполезным, поскольку сотни малообеспеченных учеников получали продукты питания и одежду. Но сокращение выделяемых финансов привело к свертыванию оказываемой помощи в 1927 г. до ничтожного уровня.

В Финляндии середины 1920-х гг. существовала столь внушительная русскоязычная школьная система, что в это даже трудно поверить. В 1923–1924 учебном году насчитывалось 22 учебных заведения разного уровня — от начальных школ до гимназий, в которых в общей сложности обучалось 1260 учащихся.

Русские школы, большинство из которых находилось под наблюдением Особого комитета, представляли собой довольно пеструю картину. В семи школах учениками были только эмигранты, в шести — «старые» русские и в девяти — и те, и другие. Учебные заведения были, как правило, небольшими. К наиболее крупным относились Александровская гимназия в Хельсинки, позднее — Русский лицей, народная школа Табунова, гимназия Святого Алексея в Перкъярви, общая реальная школа и народная школа в Терийоках, а также реальный лицей в Выборге.

Учебные заведения концентрировались в Хельсинки и на Карельском перешейке, но русские народные школы существовали также в Хамина и Лаппеенранта. На перешейке в Кюрёля у русских, имевших финляндское подданство, имелось три общинных народных школы, в которых преподавание с 1920 г. велось как на финском, так и русском языках.

Удивительно, пожалуй, то, что из всех беженцев именно у русских в 1920-х гг. имелись наилучшие возможности продолжить образование после окончания основной (девятилетней) школы. Сравнение с финскими школами затруднительно, поскольку набор дисциплин и цели серьезно различались. В середине 1920-х гг. насчитывалось восемь учебных заведений, которые по своему уровню были выше народных школ.

Русскоязычные школы преодолевали такие большие трудности, что к концу десятилетия для многих из них на горизонте стала маячить угроза закрытия. Наибольшей проблемой был недостаток финансов, поскольку кассы Земгора, являвшиеся важным источником тако-

вых поступлений, опустели. В результате помощь прекратилась, или была сведена к минимуму.

В интернатах временами не хватало питания, дети были разуты. Лишь после долгих выпрашиваний у Центра по оказанию помощи беженцам в начальную школу при детском доме в Райвола в 1927 г. поступили мешки из под муки, из которых можно было устроить матрасы. Проблема русскоязычных школ заключалась также в различном уровне преподавания — ряд учителей не отличался компетентностью, ощущался кризис с современными учебными материалами.

Малокомплектные начальные школы и, например, общая реальная школа в Келломяки закрылись в конце 1920-х гг. из-за отсутствия нужного числа учащихся. Все большее количество родителей устранивало своих детей в другие, не русские школы. На Карельском перешейке, начиная с 1935 г., базовое образование на русском языке давалось только в Терийоки. В Хельсинки и Выборге популярностью пользовались шведские школы, а также немецкая *Deutsche Vorschule* в Хельсинки. Преподавание в них велось на высоком уровне и обучение шведскому языку считалось более легким и важным, чем финскому.

Когда гимназия Святого Алексея и общая реальная школа в Терийоках прекратили из-за недостатка средств и учащихся свою работу, на Карельском перешейке из русскоязычных средних учебных заведений в конце 1930-х гг. остался лишь реальный лицей в Выборге. Именно в Выборге спорили о том, следует ли, принимая во внимание большие расходы, искусственно поддерживать эту школу. Критики считали уровень преподавания недостаточным и утверждали, что для трудовой жизни простая финская народная школа дает своим ученикам больше, чем реальный лицей. После военных лет и вызванных эвакуацией переездов школьное обучение на русском языке переместилось в Хельсинки.

Получение дополнительного образования в эмигрантской среде носило самый разнообразный характер. К лицам, которых именовали «рюсся», и по языку, и по национальности относились не только русские. Они штудировали университетские дисциплины на шведском языке. А заканчивавшие русскоязычные лицеи «чисто» русские студенты испытывали трудности с поступлением в высшие учебные заведения по языковым причинам. Но решение проблемы было найдено в большом мире. В 1920–1930-е гг. из Финляндии на учебу выехало несколько сот эмигрантов, преимущественно в Эстонию, Бельгию, Францию и Чехословакию.

Как и в других странах, собственная эмигрантская школьная система в Финляндии была призвана сохранить у молодых людей знание русского языка, «русскость» и подготовить их к возвращению в Россию. О своих занятиях в области культуры особенно часто вспоминали выпускники школ в Выборге и Терийоках. В политическом отношении крайних позиций придерживалась гимназия Святого Алексея, руководство которой состояло из монархистов и где политику пытались примешивать к учебному процессу.

На Карельском перешейке надзирающие органы испытывали недоверие к русским учебным заведениям, хотя в их деятельность и не вмешивались. Особую позицию занимал начальник выборгского отдела Сыскной полиции, который полагал, что местный русский реальный лицей является самым крупным гнездом славянофилов, и его существование представляет угрозу безопасности Финляндии.

Если государственная власть принимала участие в организации и финансировании обучения беженцев-соплеменников, то русскоязычные эмигранты оставались вне поля ее внимания. Но они обладали способными людьми, международными связями и унаследованной русскоязычной школьной системой. Они всеми силами пытались создать свои собственные учебные заведения. По всему было видно, что образование являлось важной сферой, на него не жалели сил и средств частных жертвователей.

В сравнении с крупными эмигрантскими центрами Европы финляндские масштабы представлялись скромными. Отсутствовали возможности для университетского образования на русском языке, не сформировалось сообщество ученых, они вообще не допускались в мир высшей школы. Но базовое и последующее обучение все же сумели организовать в ситуации, когда для подавляющей части эмигрантов одни только языковые причины могли стать непреодолимым препятствием для получения школьного образования. Можно лишь догадываться, каково было бы «рюсся» в обычных финских школах 1920-х гг., когда даже в 1950-е гг. одно только русское имя могло принести детям немало неприятностей.

Школьное образование для беженцев

Первый раз после длившегося несколько десятилетий перерыва обучение беженцев организовали в начале 1970-х гг.: чилийцам стали преподавать финский и английский языки. Возросший с конца 1980-х гг.

приток беженцев и переселенцев поднял проблему их образования на новый уровень.

На первых порах проблемы были связаны с непродолжительным временем начального обучения, с недостатком учебного материала и необходимостью дополнительной подготовки самих преподавателей. Абсолютное большинство беженцев, обучавшихся в высших и профессиональных учебных заведениях, вынуждены были бросить учебу из-за языковых трудностей.

Совершенно забыли тот факт, что Финляндии и ранее приходилось решать схожие проблемы. Несмотря на изменившееся время и появление иных возможностей, многие вопросы, которые с 1980-х гг. всплыли на поверхность в качестве «новых», развивались в том же русле, что и в 1920–1930-х гг.

В стране, где школьная система находилась в процессе становления, принялись срочно строить отчасти параллельную, отчасти интегрированную в существующую систему обучения структуру, предназначенную для беженцев-соплеменников. В области базового образования пришлось отчасти опереться на специальные школы, в сфере профессионального и иного образования следовало решать вопросы финансирования малообеспеченного населения.

В условиях Финляндии первой половины 1920-х гг. обучение беженцев даже с точки зрения количественных показателей представлялось значительной операцией. Наибольшее число беженцев-соплеменников было охвачено систематическими занятиями в 1922–1923 уч. году — 1700 человек, из них 550 учеников получали образование вне стен народной школы. Еще в 1926–1927 уч. году соответствующими показателями были 850 и 250 человек. К тому же сотни русскоязычных эмигрантов обучались в собственных школах.

По меркам того времени финансы расходовались в огромном количестве. На образование беженцев в 1922–1939 гг. было истрачено 10,4 (в современном исчислении около 15) миллионов марок. Поначалу на эти нужды ежегодно уходило до трети всех средств, отпускаящихся для обустройства беженцев, тогда как в 1930-х гг. всего лишь шесть процентов.

Поэтому не удивительно, что в первые годы поборники племенной идеи и лидеры беженцев смотрели в будущее — сквозь призму школьного дела — с немалым оптимизмом. С гордостью говорилось о том, что почти десятая часть ингерманландцев и восточных карелов искала свой жизненный путь на дороге знаний.

В современном мире при выработке концепции образования для беженцев и переселенцев одна из главных задач состоит в том, чтобы дать им навыки, с помощью которых они смогли бы приспособиться ко всем ситуациям в обществе, а также создать предпосылки для поиска и получения ими своего источника существования. С другой стороны, необходимо было гарантировать возможность сохранения своего языка и культуры.

Когда в начале 1920-х гг. стали создавать систему образования для беженцев, цели в значительной мере были прямо противоположными нынешним. Главная задача заключалась не в подготовке молодежи к дальнейшему проживанию в эмиграции, а к работе в родных местах после возвращения на родину. Про обучение беженцев-соплеменников говорилось, что оно не было направлено на удовлетворение интересов отдельной личности, одна из главных задач в эмигрантских русскоязычных школах на первых порах заключалась в том, чтобы изолировать молодежь от влияния страны проживания.

Но случилось так, что стрела поразила иную цель, не ту, в которую многие метили. Большие ожидания, связанные с событиями за границей, не оправдались, но часть молодежи благодаря учебе получила возможность жить в новых условиях. В этом смысле особая система обучения беженцев из-за ее начальной целевой установки, а позднее по причине постоянного сворачивания оказалась не вполне неэффективной. Существенным моментом являлось то обстоятельство, что беженцам обеспечили получение базового и иного образования в сложные годы, в противном случае оно было бы покрыто покровом неопределенности. Это сказалось, прежде всего, на судьбах беженцев-соплеменников. И хотя подавляющая часть молодежи в 1920–1930-х гг. не получила высокого образования, ее положение с течением времени становилось все же лучше по сравнению с ситуацией, сложившейся у более старшего поколения.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ

Ко Господу воззвал я в скорби моей

Отмечено, что у российских беженцев имело место пробуждение религиозных чувств, или, по крайней мере, произошло их возвращение в лоно церковной жизни. Некоторые, находившиеся на левом политическом фланге лица, сохранили свое отрицательное отношение к религии, но многие интеллигенты и представители других категорий эмигрантов, которые ранее отделились от считавшейся оплотом реакции православной церкви, в трудных условиях эмиграции вновь обрели в ней свою защиту.

Для разобщенного эмигрантского сообщества религия стала единственным масштабным объединяющим фактором. Церковь — для большинства православная — символизировала «русскость» и прошлое, истинную Россию, независимо от того, что с нею связывалось. Вера предлагала традиции и организацию, на которые можно было опереться, приходы — службу на родном языке. Смотрели не только назад; церковь должна была сохранить ценности, которые считались необходимыми для возрождения России после возвращения на родину.

Этапы формирования православной эмигрантской церкви и ее отношения с церковью в России были далеко не простыми. Во всем сказывались не только противоречия в среде самих беженцев, но и критическая ситуация с религией в советском обществе.

Группа священников, которая в годы гражданской войны находилась в контролируемых белыми районах, основала в Сербии (конец 1921 г.) эмигрантский Синод, преобразованный позднее в Русскую зарубежную церковь. Возглавляемый митрополитом Антонием Синод имел монархическую направленность. Святой Синод в Советской России, считая его незаконным, отрицал за ним право на представительство русской церкви.

Святой Синод подчинил находящиеся за рубежом приходы под начало митрополита Евлогия, который обосновался в Париже.

Последний не сумел добиться в эмигрантском Синоде значительного влияния, и продолжавшиеся на протяжении ряда лет раздоры привели во второй половине 1920-х гг. к разброду.

Большинство эмигрантских приходов принадлежало Русской зарубежной церкви. Сторонники митрополита Евлогия основали Западно-европейскую церковь, которая включала в свой состав около 75 приходов, из них половина находилась во Франции. Противники Евлогия считали его слишком лояльным по отношению к советскому правительству, и осуждали его связи с Москвой. В 1930 г. московский патриархат все же отстранил Евлогия, поскольку тот критиковал коллективизацию в Советском Союзе и осуждал преследование верующих. Епархия Евлогия перешла под юрисдикцию Константинопольского Вселенского Патриархата.

Несмотря на разброд, русские выстроили в эмиграции внушительную церковную организацию. Возникли сотни приходов, монастырей, было налажено обучению богословию, началась исследовательская и издательская работа; заметным центром стала теологическая семинария в Париже.

Приходы стали центрами эмигрантского сообщества, которые вели социальную работу, начиная с распределения продуктов питания. Для детей были открыты воскресные школы, движение христианских учащихся стало заметным явлением. Золотым временем были 1920-е гг., но финансовые проблемы и ускорявшееся растворение эмигрантов в среде основного населения начали в 1930-х гг. подтачивать этот прочный фундамент.

С точки зрения оказавшихся в Финляндии эмигрантов их положение было благоприятным в том смысле, что две исповедуемые ими основных религии были представлены в стране государственными церквями. Большинство прибывших принадлежало к православным, ингерманландцы были в своей массе лютеранами. В числе эмигрантов находились также католики польского происхождения, около 200 евреев, приверженцы так называемых свободных направлений и какое-то число магометан, в первую очередь, татар.

Согласно принятому в конце 1918 г. положению, иностранцы, находясь в Финляндии около года и записавшись в церковные книги, могли примкнуть к православной церкви. Так русские и поступали, но в отношении восточных карелов применялась особая процедура из-за неразвитости сети приходов. Это же касалось ингерманландцев из-за ограничений лютеранской церкви.

В Финляндии в начале 1920-х гг. обнаружился интерес к положению религии в Ингерманландии и Восточной Карелии. Самые различные силы строили планы и прилагали усилия для развития религиозной жизни в близлежащих районах по ту сторону границы, но результаты были неутешительными. В какой-то мере этот интерес обратился в сторону религиозного попечительства беженцев в самой Финляндии.

Под защитой церковного купола

К моменту обретения Финляндией независимости пятая часть паствы православной церкви состояла из русских. Они преобладали в городских приходах и в сельской местности на Карельском перешейке. Подавляющая масса православных финнов проживала в сельской местности Куопиоской и Выборгской губерний, главным образом в Приграничной Карелии.

Постановление сената о православном приходе в Финляндии, увидевшее свет в конце 1918 г., по сути дела означало объявление о независимости церкви. Просматривалось стремление правительства и министерства просвещения придать ей национальный облик, направленный к разрыву связей с Россией. В усилиях национально настроенных священников и православных отражалось также желание снять с нее подозрения в том, что она является «церковью рюсса».

Переход на новые рельсы был мучительным. Борьба между националами и сторонниками пребывания своей организации в лоне русской церкви длилась годы. Чем все закончилось, хорошо известно. В 1923 г. связи с Москвой были разорваны, поскольку Константинопольский Вселенский Патриархат взял православную церковь Финляндии под свое духовное управление и подтвердил ее автономию. Противившийся этому архиепископ Серафим был отстранен от должности в начале 1924 г. и впоследствии покинул страну.

Затяжной характер приобрел спор о том, каким календарем следует пользоваться в церковной жизни. Значительное число русскоязычных противилось новому, применявшемуся в Финляндии, летоисчислению; старый юлианский календарь символизировал для них сохранение связей с прежней Россией и с церковной традицией. Следует отметить, что во многих приходах Приграничной Карелии вновь перешли на старый календарь.

Поскольку с конца 1917 г. параллельно пользовались двумя календарями и в целом существовали многочисленные разногласия, государственная власть в 1921 г. занялась этим вопросом. Согласно решению церковного собора, утвержденному государственным советом, православные приходы с осени 1921 г. должны были перейти на новое летоисчисление.

Эта проблема будоражила общество на протяжении многих лет. Оплотом старой практики стали монастыри. Особенно рьяно переходу на новый календарь и мерам по переводу паствы на финский язык противился Валаамский монастырь, сопротивление было явным и громким.

Меры церковного правления в силу этого отличались жесткостью. Практически все руководство Валаама получило отставку: 45 монахов в 1925–1927 гг. выдворили из страны и десятки монахов и священников потеряли свое место.

Точно также старого календаря придерживалось большинство членов в приходах, в которых преобладала русская паства. Пасху, например, праздновали в соответствии со старой традицией. На Карельском перешейке в спорах приняли участие даже официальные лица, некоторых русских выслали из страны, а кое-кто был оштрафован «за нарушение общественного порядка». Церковный суд нижней инстанции приговорил в 1925 г. нескольких священников к временному отстранению от должности.

Вплоть до начала 1930-х гг. в адрес церковного управления из «русских» приходов поступали остававшиеся без удовлетворения прошения о праздновании Пасхи по старому юлианскому календарю. На Валаама его сторонники оставались верны старой традиции на протяжении всего периода между мировыми войнами, но в приходах споры стали затухать на исходе 1920-х гг.

Политика выкручивания рук привлекла к себе внимание и способствовала раздуванию антирусских настроений. На первых порах взгляды русских зачастую подавались в прессе как продолжение политики «пожирания Финляндии», как свидетельство того, что «черные руссы» не уважают законы Финляндии, ее независимость и не верят в ее будущее. Бесспорным фактом было то обстоятельство, что в ближайшем окружении Серафима находились монархисты, мечтавшие о восстановлении старой России.

Сыскная полиция, в которой сложилось мрачное мнение о монастырях, получила в период споров о летоисчислении дополнительный

горючий материал для своих сомнений, имевших отношение к политическим интригам. Вдруг обнаружилось, что эмигрантский синод и международные монархические организации являются источником сильного подстрекательства и возбуждения. Отношение эмигрантского синода к происходившим в церкви Финляндии процессам было абсолютно отрицательным, и эту точку зрения высказывали в самых резких выражениях.

Подозрения сохранялись, и русским монахам и священникам впоследствии было труднее обычного добиваться гражданских прав. Но сторонники старого летоисчисления получили, тем не менее, поддержку. Активистка движения за права человека Матильда Вреде информировала о положении русскоязычного меньшинства, дойдя до самой Лиги Наций, и получила в своих усилиях поддержку шведоязычной интеллигенции страны, а также университетских кругов Финляндии.

Одной из причин, способствовавших умиротворению сторон, было основание русскими двух религиозных общин, которые придерживались старого летоисчисления. Наиболее ревностные сторонники старого календаря из разных уголков Финляндии вошли в состав этих организаций.

Первой начала свою деятельность основанная с разрешения правительства в конце 1926 г. Отдельная греко-православная церковная Община в Выборге, которую называли общиной Покрова. Инициатором ее создания была купчиха Анна Пугина, в доме которой стала располагаться церковь этой общины. Предстоятелем являлся отец Григорий Светловский, бывший настоятель церковного прихода в Терийоках, которого финны считали одним из самых реакционных черносотенных деятелей на Карельском перешейке.

Летом 1927 г. в Хельсинки был зарегистрирован Никольский приход Святого Николая, входивший в состав выборгской общины. Его предводителем являлся протоиерей Николай Шугин, паства собиралась поначалу в Каллио, но в конце 1930-х гг. была построена собственная церковь в Тайваллахти.

Долгое время материальная база религиозных общин формировалась из пожертвований ее членов, экономические трудности отмечались, прежде всего, в Хельсинки. Несмотря на местничковый характер, связи между приходами отличались прочностью, их деятельность была оживленной, службы на церковно-славянском языке проводились регулярно. Покровская община организовывала для молодежи лагеря в монастырях, в Никольской существовал собственный хор.

Общины подчинялись митрополиту Евлагию, возглавлявшему западноевропейский экзархат. Наибольшее число членов доходило до 1500–2000 человек, среди них было много эмигрантов.

Придерживавшиеся старого летоисчисления, пользовавшиеся старославянским и русским языками общины были очень важны для части эмигрантов и вообще для русских. В финском окружении сохранялся кусочек «старой России». Для характеристики общей атмосферы показательным является то, что общины предпочитали сохранять «низкий профиль» и держались обособленно.

В 1920–1930-е гг. русские по-прежнему составляли большинство в православных общинах городов и Карельского перешейка. Они пытались придерживаться своих традиций, но финны, число которых в общинах увеличивалось, были недовольны собственным отстраненным положением.

Еще в 1925 г. церковный собор греко-православной церкви создал комиссию для изучения вопроса о том, как в приходах Западной Финляндии хотя бы раз в месяц можно было организовать службы на финском языке. В Выборге ситуация привела к радикальному решению: в 1930 г. здесь начал свою деятельность финский приход. В Хельсинки финны на протяжении ряда лет добивались получения священника со знанием финского, своих церковных книг и канцелярии. Начиная с 1930-х гг. финны в Хельсинки и в других местах стали пользоваться систематически проводимыми богослужениями на родном языке, но разделение прихожан на языковые группы сохранялось еще долго.

И хотя в Финляндии начала 1920-х гг. издавались русскоязычные газеты, у православной церкви такого издания больше не было. В начале 1926 г. начала все же выходить русскоязычная газета «Утренняя заря», которая пользовалась экономической поддержкой Валаамского монастыря и являлась параллельным вариантом издававшейся Братством Св. Сергия и Германа «Аамун Койтто». С началом Зимней войны выпуск газеты в конце 1939 г. прекратился.

У русскоязычных эмигрантов религиозная жизнь протекала не только в рамках православной церкви. В Терийоках действовало русское отделение Финляндской свободной церкви, в Хельсинки была открыта община под названием «Русский Евангелический приход в Финляндии». Он собрал под одну крышу баптистов, методистов и представителей иных направлений. В окрестностях Терийоки и в Выборге к тому же насчитывалось несколько десятков русских последователей теософии.

Дороги войны и эвакуаций перевели «приход» Покрова из Выборга в Хельсинки. Сначала расположились в старом имении в Мейлахти, лишь в начале 1950-х гг. была построена своя церковь в Мунккинеми.

Никольская и Покрова общины после окончания войны-продолжения перешли под юрисдикцию Московского патриархата, что произошло после длительных споров и при не вполне ясных обстоятельствах. Poleмику вызвал также вопрос о присоединении их к Финской православной церкви, и хотя этого не произошло, отношения общины Покрова с архиепархией стали более теплыми. Никольская община в 1970-х гг. выделилась в самостоятельную структуру. После закончившихся войн в общины влились новые прихожане из числа эвакуированного русского населения, но после этого рост числа членов приостановился. Споры, в результате которых общины приобрели «известность», отвратили от них, в первую очередь, молодое поколение.

После окончания войны-продолжения религиозная деятельность русскоязычной православной паствы сконцентрировалась преимущественно в столичном регионе. Чисто русскоязычное население стало убывать, и приходская жизнь стала переходить на двуязычие благодаря притоку перемещенных карелов, владевших финским языком.

В Финляндии, как и во всем остальном мире, православная религия, приходы и монастыри стали для пестрого эмигрантского населения связующим звеном с потерянной для них Россией. Страстность, с которой держались за старое, свидетельствовала о значимости этого дела. Свое естественное место и сфера деятельности православной церкви после неоднократных потрясений были, наконец, найдены во времена и в условиях, когда из нее большой метлой стал изгоняться «русский дух».

Духовное призрение для беженцев-соплеменников

Ингерманландский «приход» в Финляндии

Духовное призрение беженцев-соплеменников началось с ингерманландцев еще летом 1919 г. Бежавший в Финляндию настоятель Лемболовского прихода Пауль Сонни по своей инициативе приступил к работе с ними в приграничных районах Карельского перешейка. Осенью он испросил у судебного капитула Савонлинны разрешение на проведение такой работы и сообщил, что готов возложить эту задачу на себя.

С предложением согласились, поскольку у местных священнослужителей не было возможности обслуживать чужой народ, насчитывавший тысячи человек. В конце октября 1919 г. Сонни поручили выполнять для беженцев священнические обряды и вести полагаемые церковным законом метрические списки. Будучи российскими подданными ингерманландцы не могли основать свой приход, так что формально Сонни был священником при некоей конкретной группе людей. Об этом говорил и его официальный титул: попечитель по церковным делам ингерманландских беженцев.

Поначалу деятельность сосредоточилась в Рауту, где находилось наибольшее число беженцев. В 1920 г. хлопотливый Сонни суетился уже по всему Карельскому перешейку, организуя работу конфирмационных школ и проверку знаний катехизиса.

Все было отмечено печатью нестабильности. Люди ожидали возвращения домой, в это верил и сам духовный наставник. Но когда стало ясно, что части беженцев придется остаться на какое-то время в Финляндии, Пауль Сонни высказался за продолжение духовного призрения. Так оно и случилось.

Пауль Сонни инициировал и перевел на постоянную основу церковную работу среди ингерманландцев в трудных и противоречивых условиях. Сонни воспринимал проблемы беженцев как свои собственные и проявил себя очень деятельным человеком; он доходил до каждого — до младенцев и стариков, больных и военнослужащих. Во времена, когда нужда и бедствования достигали крайних пределов, эта деятельность имела большое значение. Пастырь, несомненно, испытывал теплые чувства по отношению к беженцам, многие из которых знали его еще со времен существования Лемболовского прихода.

Продолжал попечительскую миссию в церковных делах бывший настоятель прихода Валкеасаари Альфред Форстадиус. И хотя в организационном плане все оставалось по-прежнему, работа шла по нисходящей. Форстадиус ограничился работой лишь среди бывших прихожан из Валкеасаари, находившимися в Терийоках и Кивеннапа, а также среди некоторых жителей Рауту. Многие беженцы, а также Комитет по оказанию помощи ингерманландцам расценивали ситуацию середины 1920-х гг. как неудовлетворительную, поскольку большое количество населения оставалось без духовного призрения.

Болезни, несомненно, оказали влияние на работу Форстадиуса, хотя и в целом он не производил впечатления особо активной личности. Весной 1926 г. в связи с назначением на должность капеллана в

Кивеннапа, его работа среди беженцев закончилась. Новым духовником был назначен пастор Юхана Варьоваара, который в отличие от предшественника сам был ингерманландцем.

Стремление сократить общие расходы на беженцев сказались в 1927 г. и на особом духовном призрении ингерманландцев, которое государственные финансовые инспекторы предлагали полностью прекратить. Но работа не только не прервалась, но даже стала улучшаться. Для Юхана Варьоваара, в отличие от его предшественников, это была не побочная, а основная работа. Это стало возможным благодаря тому, что помимо своей зарплаты он получал ежемесячное пособие от Миссионерского общества Финляндии.

С именем Варьоваары связывается начало нового, третьего этапа в церковной работе среди беженцев. Существенным был тот факт, что он считал сферой своей деятельности всю Финляндию. Из своей резиденции в Выборге духовный наставник начал налаживать связи с людьми, проживавшими во всех уголках страны. В 1928 г. путем избрания в центрах компактного проживания ингерманландского населения доверенных лиц, задача которых состояла в оказании помощи Варьовааре, была создана своя сеть по духовному призрению ингерманландцев. Он начал также публиковать в газетах объявления о разных церковных мероприятиях и вести религиозную колонку в газете «Вапаа Карьяла».

Наиболее цельное и однородное поле для этой работы образовали общины беженцев на Карельском перешейке и в Вуоксенлааксо. В остальной Финляндии наиболее часто посещаемыми местами были Хельсинки и Котка, где Варьоваара бывал регулярно. Помимо этого он совершал эпизодические поездки по тем районам — вплоть до Кеми, где проживало хоть какое-то количество ингерманландцев.

Сфера деятельности была чрезвычайно обширной, что предполагало постоянные поездки. В этом смысле предыдущая работа Варьоваары в качестве разъездного проповедника была как нельзя кстати. Приходилось преодолевать неисчислимые трудности. Отсутствовали собственные помещения, так что церкви и молельные дома приходилось «брать в долг» у местных приходов. Духовные чтения и многие другие мероприятия проводились просто в домах прихожан.

Поскольку согласно закону работа по духовному призрению еще не означала формирования прихода, то паства не вносила церковных платежей. Деятельность зависела от средств, выделявшихся судебным капитулом и Миссионерским обществом Финляндии. Небольшие

суммы в качестве пожертвований получали от самих беженцев, религиозные организации посылали время от времени духовную литературу и газеты.

Важную часть всей работы составляли проповеди: церковные службы и молебны. Вплоть до конца 1930-х гг. духовник по старой традиции проверял у живших на Карельском перешейке верующих знания катехизиса и священной истории. Еще во второй половине десятилетия для молодежи существовала своя конфирмационная школа в Рауту. Поскольку беженцы считались иностранцами, то для ведения своей «бумажной войны» они частенько нуждались в официальных справках и иных документах, которых в отдельные годы приходилось заготавливать более тысячи экземпляров.

Церковная работа приобрела формы, которые затрагивали и более широкие круги населения. В 1930-е гг. устраивали — в лучшие годы по несколько раз — церковные праздники, на которых проповедовали епископы и ранее работавшие в Ингерманландии пасторы. Помимо этого в программе ежегодных ингерманландских празднеств неизменными были богослужения и молебны.

В 1930 г. духовным призрением было охвачено свыше 3500 ингерманландцев, но с этого времени в результате натурализации это число стало сокращаться. Паства старела, обрастала многодетными семьями, для членов которых получение гражданства было делом гарантированным. Это проявлялось, с одной стороны, в возросшем количестве заболеваний и похорон, а с другой — в увеличении числа венчаний молодежи. Во второй половине 1930-х гг. браки, за небольшим исключением, заключались уже между беженцами и коренным населением.

Еще в конце 1920-х гг. ингерманландцы принимали самое активное участие в жизни общины. Так в 1927–1928 гг. на проповедях присутствовало свыше 10000 слушателей, хотя их, конечно же, посещали и местные жители. С другой стороны, беженцы бывали на богослужениях в церквях и по своему месту жительства.

Духовный попечитель отмечал, что на своих мероприятиях беженцы получали возможность как бы окунуться в жизнь старой Ингерманландии. И это он считал очень важным, поскольку люди по-прежнему тосковали по дому. В оторванной от родных корней жизни религия для старого поколения ингерманландцев становилась важной моральной опорой. Но среди них имелись и такие люди, для которых религия не имела какого-либо значения, во всяком случае, крутые и

неуклюжие усилия пастора Варьоваары положения исправить не могли.

Православные беженцы из Ингерманландии, являвшиеся по преимуществу ижорами, примкнули поначалу к приходу Палкеала (на Карельском перешейке), а перебравшиеся позднее в другие районы страны — в общины по месту проживания. Для православных были характерны многочисленные случаи перехода в лютеранство; в этом сказалося их желание раствориться в основной массе ингерманландских беженцев и вообще слиться с финским населением. В середине 1930-х гг. в Финляндии полагали, что среди ингерманландцев оставалось всего лишь около 150 православных.

Зимняя война и эвакуация расстроили духовное призрение ингерманландцев. Тем не менее, работа в новых условиях возобновилась, хотя информация из многих мест практически перестала поступать. После нескольких промежуточных этапов канцелярия пастора в конечном итоге в конце 1943 г. обосновалась в Лахти.

В 1947 г. в ингерманландском «приходе» насчитывалось всего около 1300 человек, так что в министерстве внутренних дел сочли необходимым завершить данную работу. Летом 1948 г. деятельность духовного попечителя была прекращена, и ставший в предыдущем году пробстом Юхана Варьоваара вышел на пенсию. Его последним деянием был перевод своей оставшейся паствы в состав приходов по месту проживания.

Работа по духовному призрению ингерманландцев продолжалась необычайно долго, почти 30 лет. Несмотря на их проживание в разных районах страны и случавшийся временами галдеж, свой духовник смог с конца 1920-х гг. охватить и обслужить значительную часть беженцев.

Лютеранская церковь имела огромное значение в деле объединения финского населения и формирования финского национального самосознания в Ингерманландии, кстати — в условиях православного и русскоязычного окружения. Эта традиция сохранилась и в работе по духовному призрению в Финляндии. Свой «приход» являлся частичкой старой Ингерманландии, помимо духовной пищи он также предоставлял людям, испытавшим одни и те же удары судьбы, возможность взаимного общения. По сути эта деятельность отражала все же будничные, земные проблемы — долго сохранявшееся положение многочисленных беженцев без гражданских прав, необходимость иметь особый учет этого населения.

«Господь — твердыня моя и прибежище мое»

В работе по духовному призрению среди восточно-карельских беженцев поначалу не прибегали к каким-то особым организационным решениям. Для олонецков это обстоятельство не имело существенного значения, поскольку в Приграничной Карелии они могли принимать участие в жизни местных православных приходов. Но беломорские карелы, напротив, оказались в лютеранском окружении.

Церковные проблемы приобрели актуальный характер, когда в начале 1922 г. на Финляндию обрушился огромный поток беженцев. Вопрос сразу же в январе стал предметом рассмотрения по инициативе отдельных священников, которые собрались в Сортавале под предводительством протоиерея Сергея Окулова. В результате обсуждения обратились в Государственный совет с просьбой приступить к организации духовного призрения восточных карелов. Уже в конце января 1922 г. правительство выделило на эти цели средства. На работу пригласили бывшего настоятеля Ребольского церковного прихода Михаила (Микаэля) Филина, вепса по происхождению, ему в помощники определили олонецкого псаломщика.

Весной и летом Филин разъезжал по местам проживания беженцев, проводя среди них церковную работу. Стало ясно, что один священник не в состоянии обслужить тысячи людей. И хотя было неясно, долго ли они пробудут в Финляндии, Филин разработал предложения о духовном призрении.

На основе последних министерство внутренних дел осенью 1922 г. издало соответствующий циркуляр, и для церковной работы назначили трех новых священников из числа беженцев. Оплата производилась из средств Центра по оказанию помощи беженцам, и Финляндию разбили на четыре попечительских округа. Греко-православное церковное руководство обязало к тому же проживавшего в Оулу разъездного священника озаботиться беженцами близлежащих районов.

Первый попечительский округ охватывал территорию от Нурмеса до Кюминлинна. Для Микаэля Филина, которого назначили в 1923 г. настоятелем греко-православного прихода Йоэнсуу, работа в округе носила побочный характер, к тому же его поставили во главе всех священников, которые вели работу по призрению беженцев. Второй округ был самым маленьким — Кухмониemi и его окрестности, где священником был Михаил Исаефф (позднее Микаэль Иеванен), имевший резиденцию в Кухмониemi. Каяни, Хюрюнсалми и Суомуссалми входили в третий округ, попечителем которого назначили проживав-

шего в Каяни священника Алексея Петухова. В четвертом округе, который состоял из районов Куусамо и Тайвалкоски, работал священник Симеон Мусовский, обосновавшийся в Куусамо.

Накапливавшееся в православной церкви напряжение стало проявляться и в работе среди беженцев, поскольку отношение, прежде всего, архиепископа Серафима к восточным карелам было отвратительным. На церковном соборе 1922 г. было высказано мнение о том, что пришедшая вместе с беженцами большевистская «зараза» начала внедряться в финский народ и в православную церковь.

Это обстоятельство и желание отделиться от русской церкви привели к тому, что некоторые лидеры восточных карелов были готовы передать дело духовного призрения Ватикану, т.е. под начало римского папы! Но эти настроения, не имевшие широкого распространения и не получив массовой поддержки, угадали сами собой.

На практике духовное призрение восточных карелов сталкивалось с целым рядом проблем. Трудностей повседневной жизни оказалось недостаточно, так в правлении греко-православной церкви поставили под сомнение все основы этой работы. В начале 1930-х гг. церковное начальство постоянно предлагало ликвидацию попечительских округов и перевод паствы в обычные приходы. В церковном управлении считали, что ведение своих метрических книг (из этого на протяжении многих лет так ничего и не вышло) и наличие попечительских округов противоречат законодательству.

Помимо соображений делового характера в позиции церковного управления просматривалось раздражение существованием параллельной структуры, зависимой от финансирования со стороны Центра по оказанию помощи беженцам. Министерство просвещения на изменения не согласилось, работа по духовному призрению продолжалась в прежних рамках. Тем не менее, ведение церковной документации и надзорные обязанности попечителя у скандального протоиерея Филина были отобраны. В соответствии с предложением Центра по оказанию помощи беженцам в начале 1934 г. к исполнению обязанностей приступил Леонидас Хоманен, предстоятель финского греко-православного прихода в Выборге. Одновременно канцелярию духовного призрения перевели из Йоэнсуу в Выборг.

Сложность с самого начала заключалась в том, что попечительские округа охватывали лишь часть территории, на которой проживали беженцы. К тому же и в самих «пасторских владениях» работа была непростой, поскольку переезды совершались на большие расстояния,

средства передвижения были плохими, помещения для собраний имелись далеко не всюду. Так, начиная с 1924 г., когда второй и третий попечительский округ были переданы священнику Исаеффу, ему пришлось вести работу в труднодоступном районе, который простирался от Кухмониemi до Суомуссалми. Когда на лошади, когда пешком с саночками, спотыкаясь по мосткам, проложенным через болота, неутомимый священник регулярно обходил свои владения. Оплата была к тому же столь мизерна, что содержать большую семью было трудно. В самых северных районах Финляндии духовное призвание восточных карелов на протяжении длительного времени было неустроенным. Дела оказавшегося на берегу Ботнического залива населения были поручены разъездному священнику в Оулу, но исполнявший долгое время эти обязанности священник Владимир Толстохнов, ссылаясь на другие поручения и на плохую оплату труда, систематическую работу среди беженцев не проводил. От населения, проживавшего за пределами городской черты, уже в середине 1920-х гг. стали поступать жалобы на свое заброшенное состояние. В конце десятилетия случайно приехавший из Куусамо в Кеми для проведения церковных треб священник Мусовский обнаружил уже бегающих на собственных ногах все еще некрещеных детишек.

В самой северной части Ботнического залива положение стало исправляться с 1932 г., когда разъездным священником стал работать Ниило Логиневский (Лоймо). Теперь заброшенным оказался район Куусамо, поскольку этот попечительский округ из-за недостатка средств на пару лет был упразднен, а возвратившийся позднее Мусовский скончался. Из-за этих неурядиц в начале 1938 г. надеялись на выделение средств, которые позволили бы иметь собственного попечителя в Северной Финляндии. Но денег не нашли, и беженцев на севере по-прежнему обслуживал один разъездной священник, выполнявший эти обязанности помимо своей основной работы.

В 1938 г. в попечительских округах произошли небольшие перемены формального характера. Первый округ, за который отвечал священник Хоманен, охватывал теперь всю Южную Финляндию. Подотчетную Микаэлю Иеванену территорию переименовали во второй округ. Северная Финляндия, над которой попечительствовал разъездной священник Ниило Ходью, сформировала третий округ.

Церковные дела восточных карелов, проживавших в южных и центральных районах, шли с переменным успехом. Поскольку свои священники до них не доходили, верующие тянулись к местным приходам

и пользовались услугами разъездного служителя церкви. Но часть людей вообще оставалась за пределами духовной опеки. Умерших не отпевали, детей на протяжении многих лет не крестили, супружеские пары жили без венчания.

В Приграничной Карелии олончане все время пользовались духовной опекой со стороны священников местных приходов. В середине 1930-х гг. церковное правление с неудовольствием отмечало, что до сих пор ни один попечитель, призванный следить за состоянием церковных дел среди беженцев, не побывал по служебным делам в этих районах.

Между ресурсами и потребностями по обеспечению духовной работы среди беженцев существовал огромный разрыв. Эта деятельность сводилась к многочисленным богослужениям, толкованиям Библии и т.д. Неизменно большое число крещений говорило об обилии ребятишек и о больших семьях. Правда, в 1930-х гг. во все большем числе браков одна из сторон исповедовала лютеранскую веру, поскольку беженцы заключали их с местными жителями. Демографическая ситуация в попечительских округах сохранялась нормальной, перекосов ни в одной из возрастных групп не наблюдалось.

Наибольшую озабоченность вызывала ситуация среди молодого поколения, поскольку возможности воспитательной работы были ограниченными. Проверку знаний катехизиса и священной истории, а также школы для детей смогли организовать лишь в редких случаях; первые воскресные школы были открыты по инициативе самих верующих только в начале 1930-х гг. на побережье Ботнического залива. Большинство детей, обучавшихся в обычных школах, осталось без православного духовного воспитания.

Желанная помощь поступила от Братства Св. Сергия и Германа, для которого одна из форм деятельности сводилась к организации миссионерской работы внутри Финляндии. По просьбе Академического Карельского Общества Братство уже летом 1923 г. послало нескольких церковных семинаристов в поездку по стране с проповедями среди беженцев, эти поездки повторялись и позднее. Служители Братства проводили подобные рейды в 1930-х гг., дарили духовную литературу.

В программу племенных праздников, устраивавшихся восточными карелами, неизменно включали молебны; организовывались также особые религиозные праздники. Архиепископ Герман в середине 1920-х гг. совершал пастырские поездки к беженцам, позднее епископ Александр посетил интернат в Кюминлинна.

Военные годы со всеми последующими событиями полностью разрушили духовное призрение среди восточных карелов. Часть населения вместе со своими пастырями отправилась в эвакуацию. Попечительский округ в Северной Финляндии ликвидировали, и в начале 1941 г. вся территория, на которой проводилась эта деятельность, была разбита на две зоны, граница между которыми проходила по железнодорожной линии Пори — Пиексамяки — Париккала. Священник Хоманен вел работу в южных районах, выполняя ее сначала как свою основную обязанность, а с 1942 г. в виде дополнительной нагрузки. После многочисленных промежуточных этапов Хоманен и попечительская канцелярия, наконец, обосновались в Турку. В северном округе по-прежнему трудился протоиерей Иеванен, местом пребывания которого были сначала Нивала, а затем Кухмо.

В 1940-х гг. шел процесс быстрого сокращения населения, ускорившийся к концу десятилетия. Люди переезжали в другие районы, что подтолкнуло к формированию во внутренних регионах Финляндии приходов, ориентированных на нужды карельских переселенцев. Значительное количество жителей бесследно исчезло — после войны они бежали в Швецию. И если еще в конце 1939 г. в попечительских списках числилось свыше 4700 человек, то в начале 1953 г. их количество уже не превышало пятисот.

В министерстве просвещения считали ненужным продолжение работы по духовному призрению беженцев, и вопрос о ее прекращении был поставлен в повестку дня в 1953 г. Достигший преклонного возраста протоиерей Иеванен ушел на пенсию весной следующего года, протоиерей Хоманен вел документацию и исполнял иные обязанности еще в 1954 г., не получая за это никакой оплаты. Он перевел последних восточных карелов в приходы по месту их проживания только в начале 1955 г.

Свой «приход» для восточных карелов оказался востребованным вплоть до начала 1950-х гг., т.е. значительно дольше, чем у ингерманландцев. Свои священники выполняли важную работу, без которой значительная масса населения оказалась бы без духовного попечительства и обслуги.

По сведениям самих духовников наиболее сильная религиозность была характерна для людей старшего поколения. В тех местах, где церковные службы носили систематический характер, население принимало активное участие в жизни прихода независимо от возраста. Из всех священников, имевших отношение к беженцам, тучный Микаэль

Иеванен и с трудом передвигавшийся по причине почтенного возраста Симеон Мусовский, пользовались особым уважением. Но трудности практического характера, невзгоды жизни на чужбине и неоднозначное отношение к «вере рюсся» все же дали свои результаты: церковная стезя стала зарастать мелким кустарником.

По миру или по пути, указанному церковью?

Кризис, который со сменой поколений привел к разброду в русском эмигрантском сообществе, сказался и на его духовной жизни. Смена языка, смешанные браки и ощущение себя кем угодно, но только «не русским», означали, что православная церковь и связи внутри прихода для родившейся в эмиграции молодежи, в отличие от старшего поколения, уже не имели прежнего значения. Огромное число приходов потихоньку ушло в небытие. Это, однако, не означало полного погружения на дно, поскольку православие продолжало жить, его сохраняли в качестве единственной ниточки, связывавшей эмигрантов с их корнями в России.

В этом смысле их перипетии в Финляндии вписываются в более широкие процессы. Уже в 1930-х гг. часть молодых людей отошла от православной церкви, зачастую в силу обретения ими гражданских прав или заключения смешанных браков. Можно предположить, что некоторые таким образом пытались скрыть свое русское происхождение в русофобской стране. Интеграция взрослого поколения эмигрантов в финскую среду после второй мировой войны особенно наглядно прослеживается на судьбах отдельных русскоязычных землячеств. Молодежь в их работе участия практически не принимала, в конце 1990-х гг. эта деятельность поддерживалась, главным образом, за счет прибывших из России переселенцев. У беженцев из Восточной Карелии уже сами исходные позиции были более разнообразными. В их среде имелись староверы, традиции которых в условиях эмиграции с уходом старшего поколения были полностью потеряны. Часть восточных карелов в родных местах тесно соприкасалась с церковными обрядами, однако некоторые — проживавшие в глухомани, видели священника или дьячка крайне редко: случалось, что шедшие под венец приводили ватагу своих детей для крещения. Для некоторых религия могла быть чистой формальностью из-за использования в богослужении чужого языка.

Обнаружилось, что с самого начала часть беженцев из Восточной Карелии стала вести непристойный образ жизни. Дети рождались вне брака, люди жили «волчьими парами», некоторые были замечены в двоеженстве, что стало возможным из-за отсутствия надлежащего учета в церковных книгах. «...Кражи, кабаки, ночные кутежи, разврат, штрафы за пьянство, взаимная грызня, споры и драки — все это в угрожающих масштабах укоренилось среди части молодежи из числа беженцев», отмечала инспекторская проверка в 1920-х гг. Микаэль Финин, который натерпелся в лапах большевиков, одной из причин такого положения считал позицию финских коммунистов, обвиняя, вместе с тем, некоторых беженцев в том, что они являются красными. В своем неприятии их он предлагал перебросить таких людей обратно через восточную границу.

Все это озаботило племенные организации и руководителей беженцев, свидетельством чему стала активизация среди них кружковой работы. Инспектор духовников оценивал ее поначалу положительно, но через некоторое время его взгляды кардинальным образом изменились: работа не даст результата, если она лишена духовного смысла. Различные увеселительные мероприятия и занятия спортом носили мирской характер, даже к увлечению любительским театром следовало относиться с предубеждением.

В духовной работе среди восточных карелов просматривалось то же самое стремление, которое было характерно для деятельности православной церкви в целом: освободиться от репутации «церкви рюсся». Уже летом 1923 г. от учащихся Сортавальской семинарии, проводивших работу среди беженцев, можно было услышать резкие высказывания относительно русофильских настроений священников из числа самих беженцев.

Племенные организации и получившие в Финляндии образование восточные карелы продолжали критику духовного попечительства. Помимо того, что сама эта работа доходила не до каждого, в ней усматривали национально чуждый дух «рюсся». Надежду связывали с тем, что священники будут рекрутироваться из «своих», восточных карелов, получивших подготовку в самой Финляндии. По этим вопросам спорили на страницах газет даже в конце 1930-х гг.

Напряженность возникала также в отношениях с ингерманландской церковью. Духовные попечители, особенно Финин, обвиняли государственную церковь в том, что она заманивает народ в свои «сети» и он по этой причине меняет свою религию. Лестадианство в

Северной Финляндии, которое в свое время вместе с коробейниками распространилось за восточную границу, привлекло к себе многих беженцев.

Насчитывались сотни случаев перехода в лютеранство или приобщения к сектам. Особенно много их имело место в 1940-х гг., когда молодежь получила гражданские права. Отмечалось, что к этому решению подталкивало проистекавшее по практическим причинам отчуждение: православных священников видели редко, преподавание закона божьего зачастую велось лютеранами. На молодежь к тому же оказывали влияние связанные с православием представления о «рюся» и желание от них отмыться. Критики также утверждали, что бездарность духовных попечителей и их приверженность к старому отвращали людей от религии.

В религиозной жизни ингерманландцев наблюдались те же самые проблемы, что и у восточных карелов. Это было понятно. Обстановка, в которой оказались ингерманландцы, характеризовалась неразвитостью духовной жизни. Верующие в конце 1920-х гг. были озабочены тем, что многие оказались в состоянии «дикости и нравственного падения». Духовный попечитель придерживался того же мнения; он отмечал суетность молодежи, ее зараженность вирусом танцевального бешенства и иными увеселительными бациллами. В эти времена пастор Варьоваара считал уровень духовной жизни беженцев весьма низким.

В Ингерманландии в начале 1900-х гг. возникли различные секты, общим горючим материалом которых являлось отношение к религии. Между служителями церкви и верующими с одной стороны, и сторонниками преобразований — с другой, сложились весьма напряженные отношения. Они продолжали сказываться и на взаимоотношениях в среде беженцев. «Ушковайцы», являвшиеся рупором духовного попечителя, в 1920-е гг. критиковали руководство беженцев за равнодушие к делам церкви и за то, что они своим нехристианским духом запятнали ее деятельность. Обвинения приобрели всеобщий характер в начале 1930-х гг., когда жизнь ингерманландской общины стала сотрясаться праворадикальными страстями. Духовный попечитель давал даже газетные интервью, в которых многие беженцы в нравственном плане были охарактеризованы как сомнительные попутчики. Вдобавок распространялись всевозможные сплетни, которые не имели под собой никаких оснований.

Возникла продолжавшаяся на протяжении ряда лет перебранка, следствием которой, в частности, стало появление покаянного письма

пастора Варьоваары, в котором он признавался во лжи. Руководители беженцев и племенные организации в бешенстве отмечали, что заявления Подловаары — как прозвали духовного попечителя — усугубили и без того трудное положение людей, которые были обвинены в преступлениях, не имевших под собой никакой основы.

С точки зрения религиозных канонов жизнь в эмиграции, как в Финляндии, так и в остальном мире, развивалась по двум направлениям. Многие обращались к религии для того, чтобы облегчить навалившиеся на них беды. Связи внутри прихода были тем элементом, который соединял различные группки эмигрантов в «свое» сообщество и сохранял преемственность с тем, что было потеряно. С другой стороны, распад былого и трудные условия выживания, в которых оказались эмигранты, отдалили молодежь от веры отцов. В этой эмигрантской массе можно было видеть самый разный люд — от старых русских ревнителей религии до восточно-карельских бродяг, которые после собственного крещения заглядывали в церковь только для получения какого-нибудь свидетельства.

ЗА РОДИНУ

Наследники старой России

Даже императоров пара

Многоцветье идеологической и политической сцены России 1990-х гг., вмещавшей в себя и партию любителей пива, и откровенно фашистские силы, напоминало ситуацию кануна революций. В России в то время действовало около сотни движений, считавшихся партиями. В Думе господствующие позиции захватили октябристы, умеренные либералы. Диапазон легальных политических партий простирался от социалистов и трудовиков слева до непримиримых сторонников монархии на правом фланге. В подполье к тому же действовали многочисленные группировки: анархисты, большевики и исповедывавшие террор эсеры.

Многочисленные влиятельные деятели империи ушли в эмиграцию по идейным причинам, и первые годы ее политической жизни характеризовались бурными событиями. Поначалу просматривалась преемственная связь с прошлым. В годы гражданской войны в среде эмигрантской интеллигенции влиянием пользовались кадеты, конституционные демократы. Их центр находился в Париже, они имели тайную организацию в Советской России, равно как и своих представителей в контрреволюционных войсках и правительствах. Столь же активными были эсеры.

Проблема этих «демократических», опиравшихся на западных союзников, сил заключалась в невероятном разброде. Единство взглядов по поводу того, каким образом обустроить Россию, отсутствовало.

С окончанием гражданской войны и в связи с тем, что большевики неожиданно устояли на ногах, в раскладе политических сил эмигрантов стали происходить изменения. Партии, имевшие влияние в империи, сошли со сцены, поскольку в идейном отношении их считали слишком блеклыми и даже ответственными за такое развитие событий, которое дало большевикам возможность усилить свои позиции.

Политический центр потерял поддержку в пользу находившихся на правом фланге монархистов, равно как и в пользу левых. Из последних ярким примером благоволения большевикам являлась группировка «Смена Вех».

Монархисты приступили к сплочению своих сил во Франции и Германии в 1921 г. В Баварии был создан Высший монархический совет, призванный возглавить промонархические силы. Но единой кандидатуры на царский престол назвать не удалось, поборники монархизма не отличались сплоченностью.

Свое решение сделал великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат умершего Николая II. Кирилл объявил себя в 1922 г. попечителем российского престола, а в 1924 г. провозгласил себя императором. Великий князь отверг планы вторжения в Советский Союз, и верил в крушение большевизма под напором внутренних противоречий, которые следовало раздуть с помощью пропаганды.

Кирилл Владимирович обосновывал свое право на царствование законным правом наследования, поэтому его сторонники стали называться легитимными монархистами. Однако старые амурные связи великого князя, его благосклонность в свое время к Временному правительству и его программа вызывали все же большое раздражение. Легитимисты были разбросаны по всему миру — от Финляндии до Соединенных Штатов, однако их ряды были не очень многочисленны.

В 1921 г. поддержку в качестве кандидата на императорский трон получил также великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий русской армией в период мировой войны и троюродный брат Николая II. После акций Кирилла Владимировича поддержка Николаю Николаевичу возросла. Высший Монархический совет встал на его сторону, к тому же важной оказалась позиция распространившегося по всему миру и руководимого генералом Петром Врангелем Русского общевоинского союза (РОВС), который отстаивал интересы бывших военных. В конце 1924 г. Николай Николаевич объявил о намерении стать главнокомандующим монархистов в антисоветской борьбе. Линия отличалась жесткостью: верили в то, что крушение большевиков может произойти с помощью военной силы, путем вооруженного вторжения.

Монархизм стал ведущим направлением в среде российских эмигрантов. В середине 1920-х гг. полагали, что почти 85% эмигрантов высказывались за императорскую власть, выступая преимущественно на стороне Николая Николаевича.

Но общий руководитель — «крепкая рука» — все же отсутствовал, в рядах сторонников монархии шла грызня, к тому же «демократические» круги эмиграции выступали против восстановления престола. В конце 1920-х гг. монархисты получили несколько тяжелых ударов, которые свидетельствовали о безуспешности их попыток. Знаменательна была смерть великого князя Николая Николаевича в 1929 г., его сторонники остались без своего предводителя. Обнаружилось стремление сблизиться с легитимистами, но результаты этих попыток оказались неудовлетворительными.

В действиях «царя» Кирилла Владимировича и его главной канцелярии в 1930-х гг. уже отсутствовало реальное восприятие жизни. Преобладали политические заявления, распоряжения, повышение в чинах своих подданных, награждение орденами во имя будущей империи. «Пафос попеременно с комедией и слепота, погоняемая надеждой, образуют костяк этого отстраненного мира условностей. Ничего реального, все бутафория...», признавался троюродный брат «императора» великий князь Александр Михайлович. Незадолго до своей смерти в 1938 г. Кирилл добровольно отказался от царских обязанностей.

Единственной надеждой монархистов на фоне их тускневших перспектив становились младороссы, усиливавшие свои позиции в конце 1920-х гг. Их организация делала упор на русском национальном самосознании, акцентировала прямо-таки национальную гордость и верила, что коммунизм в Советском Союзе падет в результате революции, которую начнет молодой, новый советский правящий класс. Эти перемены следовало поддержать извне. Мечты младороссов были связаны с сильным императором, который бы правил при поддержке советов: «советская монархия».

Младороссы признали царем Кирилла Владимировича, который объявил им о своей поддержке. На деле их считали молодежной организацией легитимистов. Своего расцвета популярность руководимых из Парижа младороссов пришлась на середину 1930-х гг. Их программа и признание ими достижений советской системы вызвали, однако, злобу и подозрения в том, что организация является прикрытием советской разведки.

Развитие мировых событий в начале 1930-х гг., кажется, предоставляло искавшим свой путь эмигрантам новую опору для борьбы против советов — в лице Японии и национал-социалистической Германии. Наиболее заметные проявления профашистской ориентации среди эмигрантов наблюдались на Дальнем Востоке, в Германии и в восточ-

но-европейских странах, где объявились свои «фюреры» и появились новые объединения. Фашистские организации представляли собой весьма разрозненную и противоречивую картину, ситуация не изменилась и после создания в начале 1938 г. в Берлине национального фронта, призванного объединить эти ряды.

Своя история у казаков, многочисленных кавказских народов и украинцев, пытавшихся сокрушить большевистскую власть на своих территориях. Деятельность этих организаций была для Советского Союза серьезной головной болью на протяжении многих лет. Наиболее значительным из них являлся Национально-патриотической союз Украины ОУН, который боролся за полную независимость Украины и широко использовал методы террора.

И хотя с течением времени все меньшее число эмигрантов принимало активное участие в политической борьбе, споры не прекращались, горизонты не становились более ясными. Разрыв в 1930-е гг. проявился, прежде всего, в том, что часть молодого поколения видела в советской действительности положительные стороны, и считала Советский Союз новой великой Россией, тогда как другая часть делала ставку на фашистскую карту. Среди благосклонно относившихся к советам лиц усиливалось желание вернуться на родину, и даже появились группировки, которые оправдывали советский террор, поскольку он «очищал страну от скверны»!

Для тех, кто еще верил в крушение советской власти, вторая мировая война возродила новую надежду. С нападением Германии на Советский Союз часть из них полагала, что они находятся на пути, в конце которого забрезжил образ «национальной» родины, очищенной от большевиков. Но многие не одобряли нападения Германии на Советский Союз. Свидетельством противоречивой ситуации явилось участие эмигрантов в борьбе против Германии в составе союзнических армий тех стран, где они проживали.

Жизнь эмигрантского сообщества 1920-х гг. характеризовалась борьбой различных политических направлений, сопровождавшейся жаркими спорами, многочисленными собраниями и планами по обустройству постбольшевистской России. Замечено, однако, что большинство «обычных» беженцев стояло в стороне от всего этого. Добывание средств к существованию требовало стольких усилий, что для интриг просто не оставалось времени. В начале 1930-х гг. молодое поколение уже казалось потерянными. Большинство молодежи, в отличие от старших, не интересовалось будущим России и возвраще-

нием на родину, усилия были связаны с обустройством своей судьбы в стране проживания.

Во всяком случае, было потрачено много сил, бумаги и надорвано немало голосовых связок в попытках решить проблему беженцев политическими средствами и положить начало возвращению на родину, в «новую» Россию, какой бы она не представлялась. Результатом были лишь несбывшиеся надежды, обуглившиеся в догоравшем костре.

Финляндия: от черносотенцев до национал-большевиков

Согласно представлениям, сформировавшимся уже в то время, на политической кухне российских эмигрантов в Финляндии шумели реакционные силы, «черносотенцы», которые не признавали независимости страны. Они, конечно же, существовали, политическое поле в первые годы, действительно, отличалось крайним многоцветьем.

Жизнь сформировавшейся вокруг издания «Путь» группировки сменовеховцев, обвиненной в большевизме, оказалась недолгой. Тогда как влияние кадетов и эсеров ощущалось на протяжении двух-трех лет, поскольку они занимали видные посты в разных комиссиях, отслеживавших интересы эмигрантов.

Группировки левого и центристского толка в скором времени притихли, поскольку многие из представителей интеллигенции этой ориентации удалились от дел. В эмигрантской политике центр тяжести сместился к правому краю. По мере консолидации монархистов наибольшую поддержку сначала получил Кирилл Владимирович. В Выборге с целью продвижения его на царский престол был даже образован Союз Ивана Сусанина. Обнаружилось, что у великого князя в среде эмигрантских офицеров еще со времен его пребывания в имени Хайко имелись личные знакомые. К тому же на протяжении нескольких лет активно действовала молодежная организация легитимистов Молодая Россия. Как в Финляндии, так и в остальном мире среди сторонников великого князя насчитывалось много людей, родовые корни которых были нерусского происхождения.

И все же монархический поток увлек, в том числе и в Финляндии, монархистов на сторону Николая Николаевича. В начале 1924 г. в Выборге состоялось собрание нескольких организаций, на котором было решено выступить в его поддержку. Число сторонников Кирилла Владимировича стало убывать, к концу 1920-х гг. количество активных легитимистов насчитывало всего около 80 человек.

Единомышленников Николая Николаевича направлял представитель Высшего Монархического совета, «посланник» великого князя; в его роли наиболее ярко себя проявили полковник Артемий Григорьев и после него полковник Андрей Евреинов. К 1927 г. в Хельсинки, на Карельском перешейке и в Приграничной Карелии было основано 12 подотчетных совету отделений. Утверждалось, что общее количество членов в них доходило до тысячи человек, хотя Сыскная полиция насчитывала всего 280. Непосредственно под скипетром Николая также находились Общевоисковой союз и Русский молодежный союз; монархисты в целом господствовали в эмигрантских организациях и в эмигрантском сообществе Финляндии.

Политическая обстановка в Финляндии в 1930-х г. во многом была созвучна процессам на европейском континенте. И это было понятно, поскольку все нити вели именно туда. Со смертью Николая Николаевича круги, его поддерживавшие, сникли. Высший Монархический совет превратился в номинальный орган, был разогнан даже Русский молодежный союз. Вновь окрепли ряды «царя» Кирилла.

В 1932 г. в Хельсинки было основано первое отделение младороссов, и на протяжении нескольких лет его деятельность отличалась повышенной активностью. Время от времени казалось, что младороссы наиболее энергично действовали в Суоярви. В период наибольшего оживления там насчитывалось свыше 50 членов и кандидатов, проводились еженедельные собрания и организовывались праздники. Но внутренние раздоры начали раскалывать их ряды, хотя решающий удар нанесли власти, осуществлявшие наблюдение за эмигрантскими организациями. Младороссов неоднократно предостерегали от посылки пропагандистских материалов и даже собственных людей за границу, но поскольку эти предупреждения оставались без внимания, организацию запретили. Тем не менее, издания младороссов тайно распространялись в Финляндии еще в конце 1930-х гг.

Эмигрантские фашистские организации обосновались в Финляндии в начале 1930-х гг. Ориентация на Германию пользовалась наибольшей поддержкой среди офицеров Общевоискового союза. Входивший в их число генерал-майор Северин Добровольский на протяжении нескольких лет издавал в Выборге пользовавшуюся дурной славой газету «Клич», и собрал вокруг себя из молодежи собственный «кадр».

У некоторых фашистских группировок связи с Финляндией сохранялись вплоть до конца 1930-х гг., но число их сторонников было

невелико. Казавшиеся даже по представлениям того времени поспешные планы попахивали тем, что они либо направлялись германской разведкой, либо были провокацией советских спецорганов.

Политиканством в Финляндии занимались даже украинцы, хотя их насчитывалось всего несколько десятков человек. Они организовались уже в 1921 г., но работа активизировалась лишь после того, как украинский национальный союз ОУН распространил свое влияние на Финляндию. В 1936 г. украинцы основали в стране организацию «Украинская Громада в Финляндии», которая имела три местных отделения. В них велось преподавание и воспитание национального духа, но за кулисами часть членов планировала разведывательную деятельность против Советского Союза.

По мнению официальных лиц достижения были скромными, что не удивительно. Деятельность националов в Финляндии руководилась Кондратом Полуветко, который имел связи с Ленинградом и был агентом советской разведки.

Характерные для зарубежной политической жизни эмигрантов споры и обвинения в предательстве и продажности Кремлю бушевали и в Финляндии. По мере того, как в конце 1930-х гг. горизонты все более мрачнели в связи с угрозой приближавшейся войны, началась новая, благоприятная для Советского Союза переоценка ситуации. В публичной жизни больших перемен не произошло — да в тех условиях и не могло произойти, хотя после Зимней войны некоторые из русских были готовы переселиться на потерянные Финляндией земли, под власть советов. Во время войны подозрения в сочувствии коммунистам привели эмигрантов в изоляционные лагеря, но с наступлением мира возможность сотрясать своими идейными стягами — то ли по убеждению, то ли держа нос по ветру — стала легальной, и это, действительно, имело место.

Надежды, которые эмигранты возлагали на войну как на средство сокрушения Советского Союза, затронули и Финляндию. Различные планы, намеки о которых носили загадочный характер, всплыли на поверхность уже с началом Зимней войны. Эмигрантские круги предлагали сформировать в Финляндии Свободное правительство России во главе с Львом Троцким. Оно должно было стать противовесом правительству О. В. Куусинена в Терийоках, но финны отвергли это предложение уже в декабре 1939 г.

Имелись планы создания военных подразделений, из которых часть была реализована, часть — нет. В феврале 1940 г. в Финляндии

приступили к формированию русской «освободительной армии» из числа советских военнопленных. В подразделении набралось 180 человек, но неизвестно, как их использовали по прямому назначению.

Российские беженцы сражались с оружием в руках на фронтах Зимней войны. Из восточных карелов и ингерманландцев был сформирован собственный «Диверсионный батальон 5», плохо обученные солдаты которого понесли серьезные потери в боях под Кухмо. Отчасти вербовку осуществляло бюро «Карелия», относившееся к пропагандистскому отделу Ставки, которое должно было подготовить из числа беженцев-соплеменников и иных лиц разведчиков и саботажников для посылки их за линию фронта, прежде всего, в Восточную Карелию. В отношении русских эмигрантов в Финляндии были осторожнее, хотя и их брали в состав армейских частей.

Отдельные формирования из русских во время войны-продолжения не создавались. Эмигранты, получившие финляндское гражданство, сражались на фронте, но их в, первую очередь, использовали на участках, требовавших знания русского языка — при допросах пленных и в качестве пропагандистов. Но полного доверия к ним все же не было, и они находились под наблюдением контрразведки. Беженцев-соплеменников в начале войны-продолжения собрали в сформированные «Олонекский и Беломорский племенные батальоны». Они находились также и в других частях, а также в составе военного управления Восточной Карелии. Военнопленных из числа родственных финнам народов собрали в «Племенной батальон 3», а из ингерманландцев, прибывших с восточного германского фронта, сформировали «Особый батальон 6».

Если принять во внимание то незначительное количество оставшихся в Финляндии эмигрантов, то надо признать, что их политические группировки были представлены в жизни страны весьма заметным образом. В этом сказывалось соседство Финляндии с Советским Союзом и те преимущества, которые, как полагали, вытекали из этого для практической деятельности.

Наиболее радикальные эмигрантские силы не желали в начале 1920-х гг. признавать независимость Финляндии, они стремились присоединить ее к великой России. Об этом какое-то время разумным было не болтать, поскольку подстрекателей выдворяли из страны, но в эмигрантской прессе за рубежом такие идеи все же проскальзывали. Позиция по этому вопросу, правда, постепенно смягчилась, легитими-

сты и младороссы, например, подчеркивали свое уважительное отношение к статусу Финляндии.

В политической жизни эмигрантов в Финляндии прослеживались те же явления, что и в остальном мире. Небольшая группа, состоявшая из одних и тех же лиц, постоянно была на виду, но большинство находилось в стороне. И тем не менее, политика и связанные с нею противоречия и подозрения вторгались в жизнь сообщества.

Огонь Прометей и японский меч

У ингерманландских и восточно-карельских беженцев после завершения племенных войн отсутствовали какие-либо политические и идеологические движения, хотя их организации и преследовали политические цели. Общим для этих объединений было противостояние большевизму: будущее своих родных мест виделось только при условии освобождения от советской власти. Но программы, направленные к достижению этой цели, все же отсутствовали.

Связи беженцев-соплеменников с эмигрантами оставались случайными. Однако какие-то контакты все же существовали. В начале 1920-х гг. часть ингерманландских лидеров решила начать сотрудничество с эмигрантскими группировками, которые придерживались республиканской ориентации. Центральной фигурой стал магистр Каапре Тюнни, который в начале 1921 г., используя свои личные знакомства, установил связь с кадетами и эсерами.

Для самих ингерманландцев сотрудничество оказалось неплодотворным и вскоре заглохло. Но в организации Земгора в Выборге они вместе с эсерами вели совместную работу достаточно продолжительное время. Из Земгора ингерманландцы вышли в середине 1920-х гг. после начавшихся раздоров. Контакты с «рюсся» к тому же вызвали в ингерманландской среде сильную критику.

Поиски возможностей для совместной деятельности между эмигрантами и восточными карелами ограничивались районом Приграничной Карелии. В Салми и Суоярви в середине 1920-х гг. нашлась небольшая группа жителей, поддерживавших претензии Николая Николаевича на царство. Это были обрусевшие торговцы, бывшие землевладельцы и чиновники дореволюционного времени, которые надеялись вернуть себе свое прежнее положение. Монархисты вербовали олонцев для работы по другую сторону государственной границы, из них в конечном итоге планировали создать партизанские группы.

Младороссы в 1930-х гг. привлекали олончан к своей работе обещаниями благополучия в составе будущей «советской монархии». Среди рабочих, трудившихся, например, на заводах Беляева в Суоярви, говорили о давлении и об угрозах. Но большинство олонцев беженцев, тем не менее, отвергало «происки рюсса».

Контакты финских активистов племенной работы с зарубежными эмигрантскими организациями оставались слабыми. Никаких признаков таких связей не наблюдалось вплоть до рубежа 1920–1930-х гг. Вера в распад Советского Союза сказалась на оживлении их работы, прежде всего, в том, что стали устанавливаться более широкие связи.

Позднее профессор всеобщей истории Хельсинкского университета Герман Гуммерус — старый поборник племенной работы и друг Украины — весной 1930 г. устремился в Центральную Европу, где он встретился с представителями национальных меньшинств Советского Союза и разъяснил им проблему Восточной Карелии. Были получены обещания поддержки, услышаны слова о крушении Советского Союза и о народных восстаниях. В Париже Гуммерус, чья «фантазия отличалась необыкновенным полетом», даже заключил соглашение с украинцами, которые обещали совместно с грузинами оказать помощь Восточной Карелии.

Позднее в этом же году Гуммерус, судовладелец Рагнар Нурдстрём и вышедший в отставку егерь-полковник Пааво Талвела посетили Данциг. Они встретились с украинскими эмигрантами и с профессором Романом Смал-Стокком, который являлся секретарем организации «Прометей», «представлявшей» малороссов, казаков и некоторые народы Кавказа.

Поскольку положение Финляндии было небезоблачным, и связи с взбалмошными эмигрантскими организациями с внешнеполитической точки зрения могли представлять опасность, к делу подключились на самом высоком уровне. Особенно активные переговоры с активистами осенью 1930 г. вел министр иностранных дел Ялмар Прокопе. В связи с тем, что в Советском Союзе среди национальных меньшинств отсутствовали даже малейшие признаки каких-либо восстаний, активистов уговорили удовлетвориться тем, что никакой своей «внешней политики» они проводить не будут, а министерство иностранных дел в неофициальном порядке будет контролировать деятельность этих организаций.

Контакты с «Прометеем» не прерывались. Каапре Тюнни побывал в ставке этой организации в Варшаве, и там к ингерманландцам был

проявлен большой интерес; весной 1932 г. Смал-Стокки посетил Финляндию. Координировавшая племенную работу Центральная комиссия основала осенью 1932 г. хельсинкский кружок «Прометей», который, находясь в подчинении центра, пытался распространять в Европе пропагандистские материалы об Ингерманландии и Восточной Карелии.

Несмотря на большие планы, кружок Прометей оказался все же дутой фигурой. В его работе принимали участие известные активисты племенной работы — от Рейно Кастрена и Германа Гуммеруса до Пааво Талвелы, но количество членов было невелико, и они, главным образом, были финнами. Из числа беженцев-соплеменников среди них встречались лишь единичные фигуры, а также, например, татары.

Во время Зимней войны многие члены кружка «Прометей» были мобилизованы комиссией пропагандистского отдела Ставки для работы в пользу Карелии. Во главе комиссии стоял Рейно Кастрен, являвшийся одновременно председателем кружка. Помимо вербовки в армию украинцев задача сводилась к поиску взаимодействия с эмигрантскими организациями национальных меньшинств с целью свержения советской власти. Можно лишь догадываться, к чему могли привести все эти игры в условиях, когда финны вели борьбу за собственное выживание. В конце 1940 г. кружок «Прометей» решил прекратить свою деятельность. «...даже интерес, судя по всему, невелик», вынуждены были признать с горечью.

Из всех активистов племенной работы самые оживленные и постоянные связи с зарубежными украинцами и грузинами в 1930-х гг. поддерживал Герман Гуммерус. Бичуя недоступность финляндских загранпредставительств, Гуммерус пытался вести даже собственную дипломатию: в 1932 г. он встречался в Париже с представителями Японии. Исподволь лелеялась надежда на то, что Япония нападет на Советский Союз, и это открыло бы новые возможности для территорий, где проживали родственные финнам народы.

Интерес не был улицей с односторонним движением, поскольку и в Японии испытывали расположение к Финляндии, которую считали передовым рубежом Европы в борьбе с коммунизмом. В Японии велось публичное обсуждение вопроса о возможном сотрудничестве с финнами по созданию Великой Финляндии. Японцы также проявляли интерес к настроениям национальных меньшинств Советского Союза по достижению независимости, что было причиной установления связей с их эмигрантскими организациями. Так японцы были гостями

ингерманландского летнего праздника 1929 г. в Хельсинки, позднее японское представительство отправило материалы о Восточной Карелии в Токио.

Японские связи ограничились контактами отдельных лиц, хотя имелись признаки того, что планировалось установить отношения на уровне организаций. Согласно сведениям Сыскной полиции Академическое Карельское общество предлагало основать финско-японскую ассоциацию, но поскольку она должна была стать неким антисоветским «боевым союзом», представители Японии по дипломатическим соображениям от этого плана отказались. Они предпочли сотрудничество в области культуры, для чего в 1935 г. было основано «Финско-японское общество».

Во внутренней политике 1930-х гг. вопросы племенной работы и идея Великой Финляндии наиболее ясно были представлены в деятельности «Патриотического народного движения». Но участие беженцев-соплеменников в политической жизни страны было невозможным, поскольку они не обладали гражданскими правами. Трудно судить о мнениях людей, но совершенно очевидно, что их взгляды зачастую находились правее некоей усредненной линии, характеризовавшей общественные настроения. Представления и суждения о коммунизме отражались и в том факте, что «обычные» трудящиеся состояли членами шюцкора и указанного Патриотического народного движения.

Значительно чаще, чем можно было бы предположить, беженцы-соплеменники толклись вокруг крайне правых группировок, шедших в фарватере германского национал-социализма. Кандидатом в депутаты парламента от нацистской Народной организации Финляндии, возглавлявшейся Арви Калста, однажды был даже ингерманлонец, вопрос о помещении которого в психиатрическую лечебницу — дабы пресечь малейшие попытки террористических актов и пр., серьезно обсуждался органами безопасности.

Имеются некоторые свидетельства того, что пытавшиеся обосноваться в Финляндии фашистские группировки эмигрантов пытались нащупать возможности сотрудничества с Патриотическим народным движением. Успех, однако, был ничтожным, поскольку русские считали членов движения — «грубыми и необразованными людьми...».

Равным образом контакты с эмигрантскими политическими группировками и организациями национальных меньшинств, предпринимавшиеся для того, чтобы привлечь международное внимание и

добиться поддержки делу Ингерманландии и Восточной Карелии, так же оказались безрезультатными. Некоторые финляндские круги и в дальнейшем пытались искать такие контакты, и когда такие связи устанавливались, оказывалось, что другая сторона стремилась использовать в своих интересах активистов племенной работы, и покрепче запрячь правительство Финляндии для продвижения собственного дела.

Люди из сумерек

Ниспровергатели революции в Финляндии

Политическая активность эмигрантов не ограничивалась лишь собраниями, декларациями и поиском помощи от иностранных государств, помимо этого свержению советской власти пытались содействовать самыми чувствительными методами. Поддержку в этих усилиях они получали от многих стран.

Хотя гражданская война уже закончилась, в отдельных районах Советского Союза вплоть до 1925 г. продолжалась борьба против повстанческих группировок и партизан. И эту угрозу, которую представляли эмигранты за границей, не следовало преуменьшать. Некоторые части армии генерала Врангеля на протяжении двух-трех лет оставались на Балканах в готовности двинуться на восток.

В Советском Союзе происходили террористические акты и убийства, за которыми стояли эмигрантские организации, стремившиеся вызвать беспорядки и хаос, помимо этого в зарубежных странах были убиты многие советские дипломаты. Заграница была наводнена анти-советской пропагандой, террористами и шпионами. Пожалуй, наиболее опасным эмигрантом в Советской России считался бывший эсер и министр Борис Савинков, который с 1918 г. занимался террором и разведкой.

«Хельсинки, столица Финляндии, очень суетливый маленький город, который кишит интригами и заговорами. К этому времени он стал обиталищем всех возможных и невозможных слухов, сплетен и скандалов, к которым во всех иных местах остались бы равнодушными, но которые здесь являются желанным товаром жадных на злословие сплетников, в частности немецких, а также русских монархистов... Хельсинки — самое нездоровое место в Европе. Маленький городок Выборг, который ранее был самым важным местом вблизи границы с

Россией, является настоящим осиным гнездом, полным русских беженцев, контрреволюционных интриганов, германских агентов и большевистских шпионов, что делает его еще более проблемным местом, чем Хельсинки».

Так писал о Финляндии конца 1918 г. Пауль Дюк, который возглавлял британскую разведку в Советской России.

Дюк особенно не приукрашивал. Финляндия в силу своего географического положения превратилась в гнездо всевозможных сил, которые вели ориентированную на восток подпольную работу. Практически все эмигрантские организации России, которые под знаменем контрреволюции осуществляли свою деятельность в стране «красных сумерек», использовали для этого Финляндию в качестве плацдарма.

Но этого было мало. Разведка некоторые зарубежные страны получала сведения в результате сотрудничества с находившимися на территории Финляндии эмигрантами. Наиболее долго оно продолжалось с Великобританией, у посольства которого сохранялись контакты с разведкой монархистов вплоть до 1930-х гг. Франция имела своих агентов среди эмигрантов, равно как и в свое время Польша. Разведывательные органы Германии и Японии наладили связи с беженцами в Финляндии в 1930-х гг.

Военная разведка Финляндии также продолжала начавшееся в 1919 г. использование русских для работы за восточным кордоном. Наиболее активно эта работа проводилась на Карельском перешейке, где у офицера разведки 2 дивизии капитана Густава Розенстрёма (позднее Кустаа Раутсуо) имелись широкие связи с эмигрантами.

Составить полную картину всех разведывательных и террористических акций через территорию Финляндии невозможно, поскольку эти усилия стремились засекретить. Во время гражданской войны в Советской России наиболее последовательную разведку с территории Финляндии осуществляли агенты генерала Юденича.

Уже в начале 1920-х гг. обнаружилось намерение организовать контрреволюционные акты с территории Финляндии, но их успех оказался ничтожным. Имела место попытка эмигрантской организации Национальный центр, близко стоявшей к кадетам, создать в 1921 г. шпионскую организацию в Петрограде. В это же время руководивший в свое время военными операциями в северной Ингерманландии полковник Юрьё Элфенгрен организовал через восточную границу шпионскую цепочку, профинансированную Борисом Савиновым и поляками, которая была уничтожена уже в 1922 г.

Не удалась и другие попытки, но были и такие, которые вызывали головную боль в Советском Союзе. Наиболее продолжительной по времени являлась осуществляемая через территорию Финляндии деятельность монархистов. Руководили разведкой идейных соратников Кирилла Владимировича в 1920-х гг. генерал-майоры Владимир Бойсман и Теодор Карпентир, связи которых с «востоком» поддерживались из Терийоки на протяжении многих лет. В середине 1920-х гг. даже обсуждался вопрос о посылке террористов, но этот замысел, очевидно, не был реализован. Проблема легитимистов заключалась в недостатке финансов, что в конечном итоге привело к сворачиванию активной работы.

Для контрреволюционной деятельности сторонников Николая Николаевича Финляндия имела большое значение. Приверженцы жесткой линии делали ставку на шпионов, развертывание пропаганды и террор. Во Франции имелась даже «агитационная школа» имени великого князя, которая готовила специалистов подпольной работы. Начальником разведки великого князя Николая в Париже являлся генерал Александр Кутепов, агентов в нужном количестве вербовали из рядов Общевоинского союза, который проводил разведку и собственными силами.

Под венценосной короной Николая Николаевича в Финляндии работало немало агентов. Руководивший на протяжении ряда лет разведывательной сетью и кому только не предлагавший свои услуги генерал г. Хёгстрём вплоть до своей загадочной смерти непродолжительное время являлся главным представителем Кутепова. Агенты Хёгстрёма добирались до Москвы, а на Карельском перешейке его помощник Аксель Янссон начал осенью 1924 г. учет офицеров-эмигрантов, чтобы на случай войны быть во всеоружии.

Оживление работы монархистов в середине 1920-х гг. было видно в Финляндии по организации разведывательных цепочек, по тому, как готовились планы по созданию ударных и диверсионных групп. Общевоинский союз приступил к созданию офицерских курсов, которые, однако, были запрещены официальными властями в самом начале.

Являвшийся представителем Высшего монархического совета Артемий Григорьев осуществлял разведку и пытался собрать боевые отряды из числа русских и олонечких беженцев. В Выборге горячие головы Русского молодежного союза, подчинявшегося монархическому совету, с жаром говорили о терроре и тренировались для его проведения в стрельбе из оружия. На Карельском перешейке лидер Моло-

дежного союза Владимир Гранберг также пытался собрать из ингерманландцев диверсионные группы, но попытка не увенчалась успехом.

В середине 1920-х гг. сторонники Николая Николаевича сформировали даже боевую организацию, которая помимо пропаганды ориентировалась на проведение террора. Связи этого Братства русской правды через восточную границу обеспечивал в Финляндии лейтенант Анатолий Толь, который начал заниматься разведкой еще в 1919 г. в интересах генерала Юденича. Толь утверждал, что его работа ограничивается только разведкой и распространением пропаганды. То ли он был абсолютным дурнем, то ли ловким провокатором советской разведки, во всяком случае, уж слишком много путаницы отмечали эмигранты в его работе.

Активная деятельность монархистов через территорию Финляндии достигла вызвавшего шум апогея в 1927 г. Обнаружилось, что разведывательная и террористическая работа эмигрантов в Советском Союзе проводилась в подконтрольных советской разведке ячейках и их попросту водили за нос. По предложению генерала Кутепова и при осведомленности финского Генерального штаба и британской разведки эмигранты отправили из Финляндии шесть террористических групп для операции возмездия. Успех был ничтожным, ибо ограничился одним взрывом в Ленинграде. Эти, частично инспирированные ОГПУ события, которые привели к высылке находившихся в Финляндии эмигрантов и к показательным процессам над террористами в Советском Союзе, явились последним аккордом операции «Трест», проведенной советской разведкой.

Возможности подпольной работы эмигрантов в Советском Союзе сократились с конца 1920-х гг. Восстановление засоренных этапов связи казалось невозможным, и враждовавшие между собой организации, грозя разоблачениями в связи с операцией Трест, все более погружались в болото взаимных обвинений.

Это было заметно и в Финляндии. После «Треста» молодые ухари планировали нанесение новых ударов возмездия, но намерения остались не более, чем болтовней, поскольку власти выдворили лидеров и запретили, к примеру, Русский молодежный союз. Шпионская работа монархистов через Финляндию в интересах иных организаций, которым они продавали свои услуги, также стала сокращаться.

Наиболее последовательно активная работа велась Братством русской правды, которое еще в начале 1930-х гг. организовывало диверсии. Наиболее результативной эта работа была на Дальнем Востоке,

где братство использовало стычки между Советским Союзом и Японией. Организация по-прежнему распространяла через Финляндию пропагандистские материалы. Как в Финляндии, так и в иных странах ячейки братства позднее оказались под контролем советской разведки, и его деятельность сошла на нет.

Рост фашистских настроений в эмигрантской среде к середине 1930-х гг. стал сказываться и в Финляндии в виде новых активных мероприятий. Генерал-майор Северин Добровольский, который еще в начале 1920-х гг. пытался создать эсеровскую разведку через территорию Финляндии, в 1933 г. получил задание организовать новую разведывательную сеть Общевоинского союза на Карельском перешейке. Одновременно японцы завербовали его для наблюдения за этапами на территории Советского Союза. Добровольский отправлял своих людей на восток с переменным успехом, и счет за эту работу, представленный впоследствии, оказался очень суровым. Добровольский, в частности, был одним из тех так называемых «узников Лейно», которых передали из Финляндии Советскому Союзу в 1945 г.

Фашистские организации от Харбина до Соединенных Штатов посылали в Финляндию пропагандистские материалы в расчете, что они будут переброшены в Советский Союз. Во всяком случае, это пытались сделать. Из этих организаций наиболее планомерную работу в Финляндии вел Союз молодежи национального труда, который имел на границе свое окно. Фашистские группировки планировали посылку террористов еще в конце 1930-х гг.

И поскольку помимо сказанного у младороссов и украинцев также имелись свои планы работы за восточным кордоном, Финляндия на протяжении двух десятков лет оставалась в фокусе эмигрантской подпольной работы. И хотя она не свалила советскую систему, озабоченность Советского Союза проявлялась в усиленной контрразведывательной работе среди беженцев как на границах с Финляндией, так и внутри страны. Активность эмигрантов прибавляла работы и вызывала головную боль также финляндских служб безопасности.

«...пора бы понюхать пороха»

Разведка и иная деятельность, направленная на свержение советской системы, не оставалась в Финляндии заботой лишь одних эмигрантов. Часть беженцев-соплеменников также поначалу готовилась к освобождению своих родных мест от власти большевиков.

Планы по применению вооруженной силы постоянно стояли в повестке дня во время исхода восточных карелов. После военной экспедиции в Беломорскую Карелию в конце 1918 г. была предпринята попытка сформировать новую Гвардию Беломорской Карелии, в которую помимо шюцкоровцев и проживавших в Финляндии восточных карелов должны были войти также беженцы. Но набиравшая обороты подготовка к Олонецкому походу похоронила это с трудом продвигавшееся дело. Получившие военную подготовку жители Беломорской Карелии все же приняли участие в Олонецком походе, самих же олончан для предстоящего мероприятия обучали военному делу в Сортавале осенью 1919 года. Эту, так называемую Учебную группу Пяскюлахти расформировали в конце того же года. Перешедшие поздней осенью 1920 г. в Финляндию собственные отряды беломорских карелов сохраняли некоторое время свою структуру — «принимая во внимание военную обстановку», но со временем их ряды рассыпались, люди расходились в поисках работы.

Ингерманландцы мечтали в конце 1920 г. основать свою школу шюцкора, выпускники которой, как только наступит время освобождения родного края, стали бы ядром вооруженных сил. Но основать школу не удалось, поскольку власти считали такое решение противоречащим условиям мирного договора.

Но связи Каапре Тюнни и других ингерманландцев с эмигрантами открывали, как казалось, многообещающие горизонты. Сотрудничество, однако, свелось к тому, что ингерманландцы летом 1921 г. начали тайно провозить эсеровские пропагандистские материалы в Советскую Россию, которое споткнулось уже в начале 1922 г. на неумелых действиях ингерманландских агентов. К тому же подпольная сеть эсеров была разгромлена в Советской России в ходе большого показательного судебного процесса.

Восстание в Восточной Карелии пробудило надежды не только находившихся в Финляндии карелов, но и ингерманландцев на возможность более решительных действий против советской власти. Для ведения партизанской борьбы последние снарядили отряд из 50 бойцов, на этом все и закончилось.

И хотя восстание было подавлено, часть восточных карелов и поборников племенной работы в Финляндии верили в то, что ситуация вскоре вновь взорвется. К этому готовились: для беженцев устраивались курсы, на которых велось обучение военному делу и давалось общее образование. Задача заключалась в том, чтобы

создать из них некую ударную группу в виде «Карельского егерского батальона».

Подготовка началась уже в марте 1922 г. в Хюрюнсальми, откуда летом переехали в Лапуа, где занятия продолжались до осени того же года. После этого следовали школа для беженцев в Лапуа и курсы в Туусула. Мероприятия проводились активистами племенной работы и Академическим Карельским обществом. Но военную подготовку пришлось все же прекратить поздней весной 1923 г. после того, как Советский Союз выступил с нотами протеста. Общее количество прошедших через курсы участников неизвестно, но в школе Лапуа, например, весной 1923 г. насчитывалось свыше 90 курсантов.

«Итак, наша работа, принимая во внимание состояние текущего момента, должна быть подготовкой к вооруженному выступлению. Уже предостаточно нанюхались чернил, пора понюхать и пороха. К Карелии — с винтовкой в руках — обращаются взоры не только карелов, но и многих финнов», писал Элиас Симелиус, один из основателей Академического Карельского общества, председателю общества Элмо Э. Кайла осенью 1923 г. Последний уже весной послал своих вооруженных людей из Кайну за границу, но у них душа ушла в пятки.

В это же время бывший командир полка лесных братьев лейтенант Ялмари Таккинен планировал при поддержке активистов из северных районов Финляндии заслать в Восточную Карелию агитаторов. Еще в 1924 г. одна из задач Академического Карельского общества заключалась в формировании из числа своих сторонников кадров, которые должны были под руководством шюцкоровцев пройти соответствующую подготовку в приграничных районах страны. Но трения и личные ссоры, которые не прекращались вокруг восточно-карельского вопроса, торпедировали эти планы.

Не все, однако, осталось на уровне мечтаний. Советские официальные лица в 1922–1924 гг. сетовали на то, что из Финляндии на территорию Восточной Карелии проникают «бандитские формирования», саботажники и шпионы. И хотя Финляндия официально отрицала эти факты, обвинения имели под собой реальную почву. Переход границы в то время еще не представлял трудностей. Лидеры восточных карелов посылали за кордон людей для разведки и распространения антисоветской пропаганды. В ходе этих заданий случались и перестрелки, и убийства.

Помимо этого Генеральный штаб и Сыскная полиция использовали восточных карелов для ведения разведки. В начале 1920-х гг.

центральная полиция планировала создать опирающуюся на беженцев разведывательную сеть, которая должна была простираться от Кеми на побережье Белого моря до Олонца, но эти планы провалились. Генеральный штаб считал, что ведение заграничной разведки является исключительно его прерогативой. И, тем не менее, Сысская полиция вплоть до середины 1920-х гг. использовала восточных карелов в качестве шпионов; дольше других — до конца 1920-х гг. — сведения из Советского Союза с помощью челноков получало ее сортавальское отделение. У военной разведки в Приграничной Карелии вплоть до конца 1930-х гг. имелись агенты из числа местного населения.

Ингерманландские организации получали информацию о положении дел в Петроградской губернии по своим каналам, поскольку до середины 1920-х гг. там регулярно бывал оплачиваемый агент. С ухудшением финансирования связь в течение нескольких лет поддерживалась за счет того, что один из ингерманландских осведомителей, работавший на Генеральный штаб, передавал эту информацию также Ингерманландской комиссии. Поздней осенью 1929 г. за кордоном его уже поджидали, и агент был застрелен. Порой на Карельском перешейке стояла настоящая сутолока из-за обилия ингерманландцев, работавших на военную разведку Финляндии. Наиболее удачливым из них можно считать некоего Пённиё, который в 1920–1929 гг., по его словам, совершил более сотни ходок.

Усилия поборников племенной идеи вести активную работу за границей во второй половине 1920-х гг. пошли на убыль, но в начале 1930-х гг. наиболее рьяные из них вновь вернулись на передовую линию фронта. В этом сказалась вера в неминуемое крушение Советского Союза из-за его внутренних противоречий.

Помимо контактов с эмигрантскими организациями национальных меньшинств Советского Союза, старые активисты племенной работы приступили в начале 1930 г. к созданию тайной организации «Друзья племенной идеи», которая должна была подготовиться к крушению Советского Союза и к активной работе по ту сторону восточной границы. Ходили слухи, что к этому плану имел отношение также Генеральный штаб и, прежде всего, полковник К. М. Валлениус. Этот дух проявил себя и на прошедшем под знаком воинственных настроений «племенном» собрании ингерманландцев и восточных карелов, состоявшемся весной 1930 г.

Далее других пошел Рагнар Нурдстрём, планировавший подготовку отрядов из числа беженцев и проведение диверсий на территории

Восточной Карелии. Поджогом лесов и «партизанскими действиями» следовало принудить восточных карелов отказаться от экспорта лесопродукции по демпинговым ценам, и тем самым поставить их на колени.

Во внешнеполитическом руководстве Финляндии пришли в ужас, поскольку к этим планам имели отношение известные и влиятельные лица страны. В 1930 г. министр иностранных дел Ялмар Прокопе, а затем и премьер-министр П. Э. Свинхувуд вели переговоры с поборниками активных действий. Твердая позиция государственного руководства и отчасти тот факт, что сами фанатики несколько успокоились, позволили нормализовать ситуацию.

Попытки действовать самым чувствительным образом на этом, однако, не прекратились. Самодеятельная разведка вновь набрала обороты в начале 1930-х гг. Активисты племенной работы, Академическое Карельское Общество и отдельные влиятельные лица из числа беженцев стали посылать своих агентов в Восточную Карелию и Ингерманландию. Лейтенант Пауль Марттина, который подвизался — как правило, в подпитии — по разведывательным делам Генерального штаба в губернии Северная Карелия и в Кайну, поддерживал контакты и с восточными карелами. Старый активист и участник походов в Восточную Карелию полковник Эро Кууссаари переправлял за границу разведывательные группы, по поводу которых генштаб заявил, что не имеет к ним никакого отношения.

Сыскная полиция определенно не осуждала «дикий» шпионаж, но к его результатам относилась все же с недоверием. Его организаторы нанимали подозрительных лиц, случались скандалы, а агенты исчезали уже во время первой ходки. Создавалось впечатление, и позднее, по крайней мере, в двух случаях обнаружилось, что шпионами становились оплачиваемые НКВД агенты.

У ингерманландцев в начале 1930-х гг. обнаружилось стремление пристроить как можно большее число людей в отряды шюцкора, а молодежь отправить на военную службу. Вслух говорилось лишь о желании защищать страну и о патриотизме. Но на заднем плане маячила мысль о подготовке агентов и создании специальной группы, которые с началом войны могли бы приступить к организации диверсий в Ингерманландии.

В Центральной полиции в начале 1930-х гг. отметили, что некоторые участники племенных войн, которые находились в трудном экономическом положении и опустили до постоянных выпивок, в неспокойный период времени приободрались, надеясь улучшить свое

положение. Устраивались собрания, на которых выяснялась подготовка людей для ведения войны, или, по крайней мере, для проведения операций саботажа за кордоном.

Но помимо этого разрабатывались меры, которые производили более серьезное впечатление, чем похвальба захмелевших мужиков. В Хельсинки в первой половине 1930-х гг. действовала Ударная группа Ингерманландии, которая планировала проведение акций саботажа в Ингерманландии и Восточной Карелии с началом войны между Японией и Советским Союзом. У группы имелась даже женская организация Женщины — спортсменки. Деятельность этих организаций, которые насчитывали свыше 70 человек, оказалась все же неопасной. Сыскная полиция внедрила в ударную группу своего информатора, и с началом шумихи в прессе их лидеров, как мужчин, так и женщин, стали вызывать на допросы. «Активность» на этом закончилась.

Со второй половины 1930-х гг. ситуация на крайнем радикальном фланге «племенного фронта» успокоилась. Неофициальная разведывательная деятельность время от времени продолжалась, но до официальных лиц слухи о замышлявшихся диверсиях или о формировании групп более не доходили. Накануне и в начале Зимней войны среди восточно-карельской молодежи вновь вспыхнули воинственные настроения.

Активная «племенная работа» осталась в основном на уровне речей и планов, к которым частенько прибегали несостоявшиеся политики. Следившие за развитием событий официальные лица на самом деле опасались того, что безответственный элемент мог действительно резко рвануть в сторону, а это могло привести к внешнеполитическим осложнениям.

Так собственно и случилось, поскольку Советский Союз обратил внимание на эти крайние проявления экстремизма. Ингерманландским ударным силам в 1934 г. на страницах советской прессы было уделено непомерно большое внимание. В советских средствах массовой пропаганды в середине 1930-х гг. отчетливо просматривалось утверждение о том, что между Финляндией, Японией и Германией рождалась антисоветская коалиция. Молва о сотрудничестве финнов и японцев распространилась от Лиги Наций до Китая. Следы вели в Москву, где в качестве аргументов использовали слухи о связях финских поборников племенной идеи с японцами.

Независимо от того, считалась эта угроза реальной или нет, контрреволюционные намерения эмигрантов и активность племенных

борцов в Финляндии беззастенчиво использовались во внутренней политике Советского Союза. Необходимостью отпора вредителям, шпионам и подстрекателям оправдывались чистки, преследования по национальному признаку и выселения из приграничных районов.

«...с необычайной интенсивностью ГПУ собирает даже самую незначительную информацию»

Было бы удивительно, если бы в Москве не проявляли интереса к деятельности контрреволюционеров не только внутри страны, но и за ее пределами. Важнейшей задачей советской разведки с начала 1920-х гг. было получение сведений об эмигрантах и нейтрализация их усилий по свержению власти большевиков.

Это было видно и в Финляндии. Сразу с началом 1920-х гг. была отмечена активность советской разведки — под прикрытием посольства или непосредственно за границей — по учету беженцев, в сборе о них информации и попытках внедрить своих агентов. Объектом внимания были как русские, так и беженцы-соплеменники. Особенно старались узнать о том, не планируют ли восточные карелы нового восстания.

Работа не пропала даром. Быстро выяснилось, что советская разведка смогла завербовать агентов из числа беженцев, к тому же среди них по своим настроениям оказались вполне «красные» личности. Первые успехи Советской России на финляндском направлении были связаны с ликвидацией в 1921 г. в Петрограде тайной организации, которая руководилась из Финляндии, а в следующем году разгром организованной Юрьё Эльфенгреном шпионской цепочки.

То, что происходило в Финляндии, не носило какого-то исключительного характера. Советская разведка в рамках операции «Синдикат» начала в 1920 г. проникновение в террористическую организацию Бориса Савинкова, и не без успеха. На показательном процессе осенью 1921 г. оказалось возможным осудить 44 заговорщика, хотя Савинков и продолжал свою работу.

В конце 1921 г. советская разведка начала еще более впечатляющую операцию «Трест». В ней советская разведка якобы создала контрреволюционную организацию, с помощью которой удалось одурочить важнейшие эмигрантские силы. Москва смогла засорить своими людьми многие организации беженцев, обнаружить их сторонников в Советском Союзе и снабдить зарубежные разведслужбы дезинформацией. В рамках операции «Трест» удалось заманить в Совет-

ский Союз, прямо в пасть смерти, наиболее опасных лиц, к примеру, Юрьё Эльфенгрена, Бориса Савинкова и британского разведчика Сидни Рейли.

В рамках операции «Трест» Финляндия занимала важное место. Через Карельский перешеек пролегал этап, по которому даже Рейли пошел навстречу своей смерти. «Трест» был раскрыт (ОГПУ после выполнения поставленной задачи, очевидно, разрешил сделать это) весной 1927 г., когда два агента бежали в Финляндию и сообщили, что все было инсценировкой.

Несмотря на успех «Треста» и сокращение активности эмигрантов, хватка советской разведки слабее не стала. Поднявшаяся в эмигрантских кругах волна фашизма вызвала озабоченность, усилилось наблюдение за фашистскими группировками в Финляндии. И не без успеха, поскольку в 1930-х гг. агентов Добровольского, например, уже зачастую поджидали, и они терялись на этом пути. Интерес советской разведки к беженцам-соплеменникам резко подскочил в начале 1930-х гг., что было связано с тем, что в Финляндии поднял голову «племенной активизм» и возник шум по поводу ужасов за восточным кордоном.

Методы работы в тайной войне также не стали более мягкими. Так, поборник террора генерал Кутепов был похищен в Париже в 1930 г. и его преемника генерала Е. К. Миллера позднее ждала не менее темная судьба. Прошедший через Финляндию агент НКВД в 1938 г. убил в Роттердаме лидера украинских эмигрантов полковника Е. Коновалца. Нечто подобное было известно и в Финляндии, поскольку в приграничных районах страны некоторых беженцев перебрасывали через границу, и неподалеку от Салми двух олончан сразу же казнили.

Способы проникновения советской разведки в эмигрантскую среду были различными. Наиболее результативным представлялась вербовка из их среды агента, имевшего солидное положение в своем обществе, обширные связи и возможность для многочисленных поездок. Так хорошее прикрытие имел один ингерманландец, который в первой половине 1920-х гг. разъезжал по Карельскому перешейку проповедником от свидетелей Иеговы, что позволяло ему собирать сведения о беженцах и об охране границы. Игравший заметную роль в жизни монархистского сообщества в Выборге грузинский предприниматель осенью 1928 г. по легальным каналам ушел в Советский Союз, чем вызвал большой шум в русских кругах. Почти наверняка этот Иоселиани, как и Шаляпин, многое напел об эмигрантах.

Столь же многообразными были и приманки, с помощью которых брали на крючок. Часто вопрос сводился к деньгам, как в случае с Иоселиани, иногда ситуация была связана с алкоголем, с необходимостью сохранить свое политическое влияние и пр. Что же касается эмигрантских организаций, то советская разведка предпочитала — и в наиболее яркой форме это продемонстрировала операция «Трест» — водить их за нос, устраивать провокации или изображать, что агент работает на какую-либо иную разведку, но только не на ОГПУ или НКВД. Так зимой 1929–1930 г. в Хельсинки планировали создание «боевой организации» русской молодежи, инициатором которой, как выяснилось, был второй секретарь советского посольства.

И если советской разведке удавалось на протяжении многих лет заполучать из среды беженцев в Финляндии десятки агентов или информаторов, то совершенно очевидно, что это стало возможным не только в результате добровольного согласия последних. Людей пытались заставить угрозами. Средством принуждения часто был тот факт, что за кордоном оставались родственники.

Как отмечали в недоверчивой Сыскной полиции уже в 1920-х гг., среди новых беженцев, стремившихся попасть в Финляндию, имелись лица со специальными заданиями. Их число резко возросло в начале 1930-х гг. Среди прибывших были люди, которые, стеля по поводу репрессий за границей, должны были внедриться в среду беженцев и поборников племенной работы, посылать сведения о них на восток и вести иной шпионаж.

Но в связи с тем, что смутные 1930-е гг. не обошли стороной и советскую разведку, многое становилось явным. Некоторые люди сами обращались к финляндским властям и рассказывали, что оказались вовлеченными в темные дела под угрозами, часть из них попала из-за непрофессионализма. Но было ясно, что имелись также и хорошо подготовленные агенты, которые были способны выполнять свою темную работу. Так разъезжавший по поручению Финского литературного общества по Приграничной Карелии один из олонцев беженцев, учитель средней школы, внезапно скрылся за границей. Позднее стало известно, что он вел разведку дорог и мостов по заданию советской военной разведки ГРУ.

Данные о том, сколько людей самого разного положения советская разведка сумела завлечь в свои сети, стали достоянием гласности в результате большого шпионского дела 1935 г. в Выборге. Главной фигурой в нем стал родившийся в Выборге русский инженер-капитан

(представлялся полковником) Сергей Гинкен-Богаевски, который уже в первой половине 1920-х гг. подозревался в симпатиях к большевикам. Его считали все же безвредным и даже глуповатым, и под этой личиной он смог передавать советскому консульству в Выборге сведения не только об эмигрантах, но и военного характера.

Помимо русских в цепочке Гинкен-Богаевского находились также ингерманландцы. Еще в середине 1920-х гг. он налажил связь между советским консульством и парой известных в среде беженцев ингерманландцев. Они на протяжении ряда лет передавали сведения, получили в награду советское гражданство и вернулись в родные края, но попали в конечном итоге в жернова «сталинской мельницы».

Позднее лучшим помощником Гинкена-Богаевского из числа ингерманландцев был предприниматель Пеллинен, который числился в их организации с 1919 г. Пользовавшийся доверием ОГПУ он был для него хорошим источником информации; однажды он передал советской разведке для перефотографирования даже протоколы съезда ингерманландцев. Служивший за деньги Пеллинен вышел сухим из воды, поскольку сочли, что его деятельность не нанесла ущерба государству. Но Гинкен-Богаевскому и его ближайшему помощнику вlepили тюремное заключение.

Весной 1938 г. в среде ингерманландцев и друзей племенной идеи поднялся очередной шум. В Финляндию легальным путем прибыл долгие годы находившийся в Ингерманландии по церковным делам проповедник, который уже на границе вызвал подозрения государственной полиции, и не только по причине его сильного опьянения. Выяснилось, что в его задачу входило внедриться в ингерманландские организации и узнать некоторые военные тайны. В Ингерманландии в первой половине 1930-х гг. он сообщал ОГПУ о своих прихожанах, дабы сохранить на плечах собственную голову.

Перед отправкой в Финляндию проповеднику было сказано, что, используя духовный сан, он должен проникнуть на руководящие посты в среде ингерманландцев и друзей племенной идеи. Так по всей вероятности и случилось бы, поскольку последние не могли и предположить о возможности шпионажа. Приговор все же был вынесен за попытку разглашения государственных секретов.

Советская разведка также могла легко использовать для наблюдения за беженцами-соплеменниками завербованных в Финляндии или побывавших за кордоном финнов. Время от времени обнаруживалось, что помимо прочего им приказывалось следить за действиями

ингерманландцев и восточных карелов. Объектами их интереса становились беженцы-соплеменники и русские, являвшиеся агентами Генерального штаба. Сведения нужно было добывать и об организациях беженцев-соплеменников и о деятельности шюцкора; иногда поручалось узнать о «Карельском кружке» в г. Кеми, иногда о политических настроениях олончан в Питкяранте.

В общем, как Финляндия использовала беженцев в интересах разведки, точно также поступала и противоположная сторона. И хотя задачи завербованных советской разведкой лиц вначале ограничивались информацией о делах самих беженцев, со временем ингерманландцев и восточных карелов стали использовать курьерами Коммунистической партии Финляндии, проводниками на границе и, в меньшей мере, для ведения собственно разведки. Но в 1930-е гг., в условиях расширения разведывательной деятельности, Советский Союз начал посылать за границу помимо «беженцев» все больше ингерманландцев и восточных карелов, которые, получив секретные военные сведения, должны были вернуться обратно. Одним из наиболее успешных шпионов из числа соплеменников был ингерманлонец Бем, который входил в шпионскую сеть, отравившую в 1932 г. директора оружейного завода в Лапуа. Ускользнувшего в Советский Союз Бема позднее несколько раз видели мотавшимся по Финляндии.

Приближение Зимней войны активизировало разведывательную работу; до сих пор остается неясной шпионская история в Петсамо и многое другое. И вновь мы сталкиваемся с зарубежными соплеменниками. Наибольший успех был связан с поимкой на Карельском перешейке в один и тот же день (в октябре 1939 г.) двух ингерманландских шпионов, действовавших независимо друг от друга.

И хотя результаты — во всяком случае в Финляндии — не всегда соответствовали причиненному ущербу, советская разведка смогла внедрить своих агентов во все наиболее видные эмигрантские организации по всему миру. Их контрреволюционную деятельность, которую с самого начала считали не шуточным, а действительно опасным делом, смогли деморализовать и опорочить. К тому же часть беженцев была завербована и стала служить разведке Советского Союза.

«Где два или три рюсся соберутся вместе, там один из них обязательно является агентом ГПУ», изрек начальник Выборгского отделения Сысской полиции; подобное предположение не было чуждым и для самого эмигрантского сообщества. Все это порождало недоверие

и споры среди беженцев. Необыкновенно расцвела специфичная атмосфера интриг и всевозможных подозрений.

Тень шпионажа долго преследовала российских беженцев и советских граждан в Финляндии, и не только в ней. Факты незаконной слежки, установившейся за ними, обнаруживались в послевоенные годы вплоть до середины 1950-х гг. и даже позднее, одновременно стали достоянием гласности случаи их использования в разведывательных целях.

Эта практика известна и в настоящее время. В 1990-х гг. официальные лица были озабочены тем, что прибывшие в Финляндию беженцы становились объектами тайной слежки со стороны государств, откуда они приехали. Среди переселенцев с территории бывшего Советского Союза вновь нашлись люди с разведывательной подоплекой — искусство не должно пропадать втуне.

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ РАБОТА БЕЖЕНЦЕВ В ФИНЛЯНДИИ

Продвигая дела эмигрантские

Особый комитет и эмигранты

Беженцы из России за границей быстро организовались не только в политическом отношении. В достижении собственных целей наиболее активными были те элементы, которые пытались действовать от имени всей России, создавая «теневые правительства» в изгнании, либо объявляя себя официальными блюстителями интересов эмигрантского сообщества.

О том, кто же действительно являлся петухом на навозной куче, постоянно возникали споры и соперничество. Когда некоторые государства признали Советский Союз, значение эмигрантских представительств во многих случаях сошло на нет. В некоторых странах, например во Франции и Германии, отслеживание интересов пытались сосредоточить в рамках одного учреждения, которое действовало в сотрудничестве с официальными властями.

В Финляндии право официального представительства эмигрантов также было дано одной организации. Осенью 1918 г. сенат утвердил устав только что созданного объединения под названием «Особый комитет по русским делам в Финляндии», который должен был оказывать помощь эмигрантам и отстаивать интересы белых русского происхождения. Сенат предоставил комитету разовую помощь в размере полумиллиона марок.

Финские официальные власти считали первого председателя объединения, бывшего премьер-министра Александра Трепова, крайним консерватором, он к тому же не обладал безусловной поддержкой в самой эмигрантской среде. Во время правления Трепова комитет выступал за вторжение в Россию при поддержке Германии.

С поражением Германии комитет был реорганизован, Трепова отодвинули в сторону и председателем избрали бывшего министра Антона Карташева, примыкавшего к кадетам. Организация расширила свой

аппарат, на Карельском перешейке появились местные организации. На практике же в 1919 г. работа была сосредоточена лишь на поддержке планов генерала Юденича. Особый комитет не сгнил на корню, как это случалось со многими подобными учреждениями. Он упрочил свои позиции, хотя этому предшествовали смены и председателей, и его членов.

В 1921 г., когда председателем избрали полковника Александра Фенкульта, в комитете было два отдела: по оказанию помощи и консульский. Уже названия отделов говорили об основном содержании работы комитета. Он вел в учреждениях Финляндии дела по легализации эмигрантов и их собственности, организовывал консультации, занимался переводческой работой, вел учет переселенцев, наблюдал за большинством частных школ. Работу по обустройству эмигрантов комитет проводил совместно с Русским Красным Крестом. Контакты этих двух организаций были прочными, поскольку в их руководство входили, как правило, одни и те же лица.

Комитет вел свою работу в Хельсинки, но важную роль играло также местное отделение в Выборге, возглавлявшееся бароном Борисом фон Гревеницем. Аппарат иногда приходилось содержать за счет банковских кредитов, хотя от эмигрантских организаций поступала финансовая помощь, в первую очередь из Франции и Соединенных Штатов.

И если комитет в глазах многих официальных лиц Финляндии завоевал доверие и приобрел даже некоторое влияние, то путь к этому не был усыпан розами. Полиция безопасности, испытывая к нему недоверие, пыталась определить политическую направленность объединения, равно как и мотивы, так и надежность руководства. В начале 1920-х гг. в прессе брюзжали по поводу того, что «белорюсы» получили возможность хозяйничать в Финляндии под прикрытием Комитета. Желчь изливалась, главным образом, по причине того, что власти сотрудничали с этим органом эмигрантов.

Выступление в роли защитника интересов всего эмигрантского сообщества также приводило к сложностям. Положение Комитета породило в других организациях зависть, возникали политические противоречия и личные споры. Если что-либо не получалось — отказывали в разрешении на пребывание в Финляндии или в визе для поездки за границу, причину связывали с происками Особого комитета и его беспомощностью. Распространялось бесчисленное количество слухов о произволе руководящих лиц, особенно в расходовании ресурсов.

К концу 1920-х гг. сфера деятельности комитета уже сузилась. В 1928 г. к тому же скатились к типичному эмигрантскому политиканству. В прессе появились сведения о том, что председатель Особого комитета Борис фон Гревениц имел несколько встреч с президентом Лаури Кр. Реландером, в ходе которых Гревениц излагал свои взгляды на будущее освободившейся от власти советов России и ее отношения с Финляндией. Советский Союз использовал компрометирующие президента сведения и предупредил о недопустимости интриг с эмигрантами.

Как результат всего этого барону фон Гревеницу весной 1928 г. порекомендовали покинуть страну, и в довершение по требованию Советского Союза Особый комитет был ликвидирован. Обе эти меры носили не более, чем декоративный характер, так как через несколько месяцев фон Гревениц вновь возвратился в Финляндию и комитет сразу же был восстановлен.

В последующем Особый комитет избегал публичной политики. Да и в целом деятельность стала сворачиваться, и ее значение пошло на убыль. Сказывалась нехватка финансов, к тому же стабилизация ситуации уже не требовала всех прежних форм работы. Под многолетним руководством своего председателя профессора Германа Цейдлера организация в 1930-х гг. не торопясь патронировала интернаты и школы, которые численно сокращались, организовывала спорадическую помощь нуждающимся и оказывала поддержку в ведении бумажных баталий.

Серьезную работу в качестве посредника и неофициального дипломатического представителя официальной «второй России» в Финляндии Особый комитет проделал в 1920-х гг., когда положение эмигрантов было неустойчивым и трудным, когда многие из них совершенно не владели языками, а часть чиновников была настроена враждебно и не проявляла никакого желания к сотрудничеству. И хотя поле деятельности сокращалось, организация продолжала существовать на протяжении десятилетий. Формально она жила еще и в 1980-е гг.

«Правительство» и «парламент» ингерманландских беженцев

В беспокойном 1919 г. для продвижения вопросов, связанных с государственным статусом финских территорий Ингерманландии и защиты интересов беженцев, был основан исполнительный орган, состоявший из трех отделов. Из них в начале 1920-х гг. в Финляндии ос-

тался лишь один — Комиссия по делам Северной Ингерманландии, в которую входило около десятка членов.

После Тартуского мира комиссия пару лет внимательно следила за событиями в Ингерманландии. Вера в падение власти большевиков и в возвращение на родину была как никогда велика. Готовились к работе в качестве временного органа власти в родных местах и к провозглашению автономии. Но эти планы провалились, и задача комиссии свелась к защите интересов беженцев в Финляндии. На практике это означало разъяснение людям распоряжений чиновников, оказание переселенцам помощи в бумажной волоките, предоставление разного рода свидетельств и хлопоты относительно получения вида на жительство.

В 1919 г. Комиссия по делам Северной Ингерманландии финансировала свою деятельность помимо прочего также за счет банковских кредитов. Они, как и остальные долги, были выплачены, но средств на издательскую деятельность и поддержку беженцев в начале 1920-х гг. уже не хватало. Жалкое экономическое положение являлось важнейшей причиной, которая привела к упадку всей работы.

В 1924 г. название комиссии изменили на «Ингерманландскую комиссию в Финляндии». Этим намеревались показать, что комиссия отражает интересы всех ингерманландских беженцев, а не только выходцев из Северной Ингерманландии. Председателем обеих комиссий в 1920-х гг. являлся капитан Юкка Тирранен, их членами на протяжении многих лет были в основном одни и те же лица.

Можно сказать, что обе комиссии были ингерманландскими «правительствами в изгнании», поскольку их члены избирались из среды самих беженцев. «Парламентом», который осуществлял эту процедуру, начиная с 1919 г. являлись собрания представителей ингерманландцев. В первое время подобные собрания проводились даже по нескольку раз в году. Но по мере того, как число беженцев сокращалось и возможности оказывать влияние на ситуацию в Финляндии уменьшались, они с 1923 г. стали проводиться только один раз в течение года. Число делегатов, избравшихся по месту жительства, со второй половины 1920-х гг. составляло около 50–60 человек.

С наступлением 1930-х гг. деятельность Ингерманландской комиссии стала совершенно незаметной. Когда среди беженцев ко всему прочему возникли распри, собрание представителей постановило распустить комиссию. Вместо нее летом 1934 г. было создано Ингерманландское объединение, которое согласно своему уставу должно было

помимо прочего отстаивать экономические и юридические права беженцев. На практике же работа свелась к кружковой работе по интересам.

Но, тем не менее, некие функции по отстаиванию интересов беженцев у этой организации сохранились. И хотя собрания представителей ушли в прошлое, первое годовое собрание Ингерманландского объединения летом 1935 г., участники которого были избраны от местных организаций, разбросанных по всей территории Финляндии, продолжило традиции. Несмотря на то, что возможности оказывать влияние оставались по-прежнему невелики, собраниям придавалось большое значение, и они проводились вплоть до конца 1930-х гг.

В отличие от русских и восточных карелов ряды ингерманландцев удалось сохранить без видимых усилий. Были, конечно, всевозможные помехи и всем недовольные горлопаны, но ингерманландцы имели общий для всех них представительный орган и единственную в своем роде для беженцев практику, выражавшуюся в регулярной работе собрания представителей. Только собственными силами многое сделать было, конечно же, невозможно, но этим путем удавалось донести «голос народа» до официальных лиц, а позднее и до высших инстанций, которые стояли над всеми «племенными» организациями страны.

Деятельность Центральной комиссии племенных организаций

Начиная с 1918 г. для решения судебных Восточной Карелии как в Финляндии, так и за ее восточными рубежами в общей сложности было основано более десятка комиссий и «правительств». Их срок, как правило, оказался недолгим, а цели могли и не совпадать. В конце 1920 г. удалось сформировать Центральное правительство Карелии, которое должно было объединить эти важнейшие комиссии. Годом позже центральное правительство основало представлявшую ее Зарубежную делегацию Карелии, которая пыталась привлечь внимание международной общественности к Восточной Карелии.

Хотя проблемы Восточной Карелии и ее беженцев являлись частью программных требований многих племенных организаций Финляндии, у них в начале 1920-х гг. отсутствовала некая общая структура, что вызывало определенную озабоченность. Уже в конце 1922 г. по инициативе Карельского просветительского общества таковую организацию, в которую должны были входить все наиболее влиятельные

объединения, занимавшиеся племенной работой, попытались создать. Но попытка провалилась из-за внутренних разногласий и не имела никаких последствий.

Органом, который установил наиболее прочные и тесные связи с восточно-карельскими беженцами, стал основанный в 1927 г. Центральный союз карельских кружков. В его руководство удалось включить представителей многих племенных организаций. Союз, как это вытекало из его названия, основное внимание уделял кружковой работе среди беженцев.

Прошло немало наполненных разбродом лет, прежде чем удалось объединить силы сторонников племенной работы. Наконец-то весной 1929 г. усилиями Отто Котонена, секретаря Восточно-карельского комитета при Карельском гражданском союзе, была основана Центральная комиссия племенных организаций. Через несколько лет в нее входили уже все наиболее влиятельные организации подобного рода, в том числе и самих беженцев, в общей сложности 11 коллективных членов. Следует отметить, что пытавшийся ранее создать аналогичную структуру Карельский просветительский союз в новую организацию не вступил по той причине, что предложение о ее создании поступило от «ложной стороны» и инициативу взял в свои руки «не тот» человек.

Центральная комиссия пыталась быть связующим звеном между разными племенными союзами и объединениями, посредником в контактах с правительством и пропагандистским рупором. В первые годы официальным инстанциям оставались не имевшие последствий представления, в которых от финского правительства прямо требовались действия по наблюдению за тем, как выполняются обещания относительно Восточной Карелии и Ингерманландии, данные в рамках Тартуского мирного договора. Когда в начале 1930-х гг. события за восточной границей вновь стали предметом внимания, комиссия стала координировать кампанию в прессе как в самой Финляндии, так и за рубежом.

Для беженцев существенным являлось то обстоятельство, что одна из задач центральной комиссии сводилась к отстаиванию их интересов и улучшению условий повседневной жизни. Начало было успешным, поскольку предоставленные в 1930 г. облегчения по режиму проживания и трудоустройства были сделаны по инициативе комиссии. Она еще во второй половине 1930-х гг. оставляла властям ходатайства об облегчении положения беженцев.

Изменения в законодательстве, если таковые имели место, давали конкретный результат только по прошествии нескольких лет, но для того, чтобы запустить этот механизм, решающую роль играли именно инициативы комиссии. В начале 1930 гг. не зря говорилось о том, что в отстаивании интересов беженцев было достигнуто больше, чем всеми разрозненными организациями на протяжении последних десяти лет.

Центральная комиссия организовывала общие племенные собрания, проведение которых началось как раз накануне ее образования. В них принимали участие представители разных объединений, беженцы и даже официальные лица. В некоторые годы число разных гражданских организаций, кружков и объединений, представленных на этих мероприятиях, доходило до сорока. На этих встречах помимо обсуждения общих и принципиальных вопросов велся разговор о трудностях ежедневной жизни, был слышен голос с мест.

Центральная комиссия являлась наиболее эффективной структурой, занимавшейся отстаиванием наиболее животрепещущих интересов беженцев. Ее членами являлись известные люди, которые придавали вес всей этой деятельности. На протяжении первых лет председателем являлся редактор Отто Котонен, позднее — егерский полковник в отставке Пааво Талвела и дипломированный инженер Рейно Кастрен. Благосклонность властей проявлялась и в том, что комиссия на протяжении многих лет получала государственную помощь.

Но во второй половине 1930-х гг. хватка стала постепенно ослабевать; на этом сказались многолетняя безрезультатная суета и беспомощность, обнаружившаяся при проведении племенной работы. Комиссия подготавливала все более грандиозные планы своей деятельности и обоснования нужного для этого финансирования, в которых граница между реальным и воображаемым оказывалась уже в значительной мере размытой. Позиция государственной власти по вопросу о необходимости подобной организации в той международной обстановке была ясной — финансовая поддержка была прекращена в 1937 г. Центральная комиссия продолжала деятельность за счет средств ее членов, в условиях самоограничений и нужды.

В годы войны ее деятельность не отличалась размахом. Весной 1943 г. вновь изменилось название, комиссия стала Союзом племенных организаций. Конец наступил после завершения войны-продолжения, поскольку по условиям перемирия 1944 г. союз был отнесен к числу распускаемых организаций.

Независимо от того, шла ли речь об эмигрантах или беженцах-соплеменниках, в Финляндии всегда находился какой-нибудь орган, который пытался выступать в роли защитников их интересов, иногда выполняя даже функции официального характера. Но при этом был виден раскол эмигрантского сообщества на два, а то и на три лагеря. Не могло быть и речи о том, чтобы все беженцы объединились для защиты своих интересов. Были слышны жалобы на то, что направленные на улучшение положения беженцев меры не получали должной поддержки со стороны официальных властей. В целом разброд и недостаток влияния снижали эффективность этих усилий.

«У беженцев, особенно у рюсся, заметна оживленная жизнь их объединений»

От Русской колонии к Культурно-демократическому союзу

Российские эмигранты по всему миру основали множество «маленьких Россий», своих объединений, контакты которых с местным обществом были, по крайней мере на начальном этапе, весьма ограниченными. Где-нибудь в Париже или Праге, где скопилось много беженцев, еще в 1930-х гг. можно было прожить с момента рождения и до смерти не выходя за рамки родной языковой среды и своего культурного окружения.

Прекрасную картину всего этого дают воспоминания Нины Берберовой о жизни парижских окраин. В Билланкурте имелась улица, где все вывески были на русском языке. На этой «Поперечной улице» смешались весенние запахи сирени, пыли и отбросов, напоминавшие атмосферу Южной России. По ночам на улице шумел и гулял русский кабак, на другой ее стороне в прежнем помещении бистро, рядом с действующей церковью, находилась эмигрантская воскресная школа. Тощие и бледные дети занимались там русским языком. Помимо духовной пищи беженцы имели возможность отведать и русскую еду, поскольку в соседней лавке продавались консервы, изготовленные «Киевским пищевым трестом», водка, ликеры, московские тянучки, а также русские пироги. На большом окрестном заводе работали тысячи российских беженцев. Каждый четвертый из них имел воинское звание белой русской армии, военную выправку и мозоли, нажитые тяжелым физическим трудом.

Эмигрантские землячества напоминали мозаику. Некая совокупность, если о таковой можно говорить, состояла из различных «сфер общения». Фундаментом являлись организации и общества, которые объединяли вокруг себя людей по какому-либо принципу, определявшему характер этой деятельности. Диапазон простирался от шахматных кружков до благотворительных организаций, от научных обществ до религиозных общин. Во Франции, например, в конце 1930-х гг. насчитывалось свыше 800 неполитических эмигрантских объединений, в Болгарии в начале десятилетия около пятидесяти.

Из всех российских беженцев наилучшие возможности для организации своей общественной жизни в Финляндии имели именно русские эмигранты. Они могли практически все, поскольку в их среде находилась интеллигенция и лица, имевшие опыт публичной деятельности. С другой стороны, имелась настоятельная потребность в проведении «своей» работы. Чужая культура и иноязычное, отторгающее окружение прямо-таки принуждали к этому.

Первые годы пребывания за границей были для эмигрантов временем строительства их собственных структур. Вначале они вынуждены были сосредоточиться на преодолении ежедневных трудностей; это нашло отражение в появлении большого числа благотворительных организаций, объединений по профессиональному признаку и артелей, обеспечивших рабочие места. В конце 1922 г. в Финляндии у русскоязычного населения имелись 54 официально зарегистрированных группы, из них 25 являлись объединениями, а остальные были общинными советами.

По мере того, как стабилизировалось положение, необходимость в органах, занимавшихся решением практических задач, уменьшалась. Многие из них по истечении некоторого времени постепенно угасали. Но поле находилось в постоянном движении, рождались новые общества, которые считались важными в условиях продолжавшейся эмиграции. Зачастую целью являлось создание условий для занятий искусством и разными видами творчества.

Наряду с Особым комитетом наиболее значимым эмигрантским объединением стала основанная в начале 1918 г. в Хельсинки Русская колония. Ее цель заключалась в собирании разрозненной русской общины под знаком культуры и свободной просветительской деятельности, свободной от политических пристрастий. Вторым направлением являлось оказание помощи эмигрантам, в этой сфере сотрудничали с Русским благотворительным объединением. В этих усилиях объеди-

нить русских — прежде всего эмигрантов — преуспели плохо, но в сфере культурной и просветительской жизни Колония заявила о себе как о видном организаторе.

Русская колония имела низовые организации, в которых господствующие позиции принадлежали союзам разных родов войск. Будучи их членами, офицеры бывшей царской армии занимали в центральной организации крепкие позиции. Атмосфера отдавала прошлым, многие влиятельные деятели являлись закоренелыми монархистами. Получить личное членство в колонии было достаточно сложно, поэтому во второй половине 1930-х гг. таковых насчитывалось всего 270 человек. На практике же число лиц, входивших в состав низовых организаций, было больше. Так, коллективными членами низового звена являлись Русский молодежный союз и кружки по интересам.

Летом 1918 г. начала свою деятельность, поначалу неофициально, Хельсинкская русская торговая гильдия, которая во второй половине 1930-х гг. перерегистрировалась под новым названием «Объединение русских торговцев в Хельсинки». Основателем была группа долго проживавших в Финляндии русских, интересы которых и должна была отстаивать эта организация.

Помимо Хельсинки оживленная общественная деятельность русских разворачивалась в Выборге. В начале 1920-х гг. у них насчитывалось более десятка объединений и организаций, из которых наиболее видным являлось, пожалуй, Русское торговое объединение, известное позже как Русское объединение Выборга. В благотворительной области на видные роли несколько позднее выдвинулось Русское объединение взаимопомощи г. Выборга, насчитывавшее в середине 1930-х гг. около 300 членов. Еще можно упомянуть Дружеский кружок бывших учеников русского реального лицея в Выборге, который помимо оказания помощи школьному делу в 1930-х гг. вел также культурную работу.

Практически в каждом местечке, где имелось значительное количество эмигрантов, центром их общественной жизни становились объединение или кружок. На Карельском перешейке беженцев насчитывалось много, поэтому немало совместных инициатив носило неофициальный характер; эта деятельность была распространена от Сортавала до Турку.

Военные годы разбросали части этой цветной мозаики в разные стороны. В связи с переселением населения с потерянных территорий

на новые места многочисленные сформировавшиеся сферы общения людей попросту исчезли. К тому же в число распускаемых по условиям перемирия организаций относились и русские союзы, в частности Русская колония. Некоторые из них закончили свою деятельность по собственной инициативе.

После окончания войны-продолжения новым локомотивом в развитии русскоязычной культуры становится Русский культурно-демократический союз, который основал свои филиалы в разных районах страны. И поскольку организация жила новыми проблемами и действовала весьма энергично, то связи с прежними традициями отличались проблематичностью. Контакты этой организации с Советским Союзом и ее левая политическая ориентация наводили ужас прежде всего на тех, кто активно выступал против большевиков, ситуацию не спасали доносы сторонников новой линии, наушничество о старых «фашистах». Многие держались в стороне от новой организации, старые культурные сферы постепенно угасали. После закончившихся войн прежнее уходило в небытие, некогда сформированные структуры разрушались.

Но все стало возвращаться на круги своя с ростом русскоязычной иммиграции в начале 1990-х гг. Свидетельством этого стало основание в 1994 г. «Форума русскоязычного населения Финляндии», задача которого заключалась в улучшении положения русского меньшинства. Но в полном согласии с традицией Форум через несколько лет превратился в арену споров и всякого рода интриг.

Восточно-карельские клубы

У беженцев-соплеменников возможности для самоорганизации и наличие способных для этого сил были скромнее, нежели у эмигрантов. В первое время в этом, собственно, не было и жгучей необходимости, поскольку в дымке теплившихся ожиданий смутно просматривалась родная калитка, и беженцы были предметом внимания со стороны финских поборников племенной работы.

Первые попытки собрать воедино восточно-карельских беженцев на местном уровне исходили не из их среды, а извне, и предпринимались они на более высоком уровне. В распространении племенной пропаганды, проводившейся Академическим карельским обществом, в первые годы принимали участие Карельские общества, которых в 1922–1923 гг. было основано, во всяком случае на бумаге, почти 150–200.

Усилия, тем не менее, оказались безрезультатными. Не было никаких свидетельств того, что основание обществ вообще каким-либо образом способствовало началу реальной работы среди беженцев. Для восточных карелов, которые балансировали между возвращением домой и подысканием для себя хлебного места, возвышенная пропаганда молодых членов Академического карельского общества, зачастую перехлестывавшая через край, оставалась, видимо, столь же чуждой, как если бы им предложили заниматься кольцеванием сипов.

Друзья соплеменников, например Карельское просветительское общество, были озабочены положением беженцев. Мысль о необходимости их подготовки для встречи с будущим не ограничивалась лишь школьным делом, к этому надо было стремиться путем самообразования и просветительской работы.

После соответствующей подготовительной работы планы просветительской работы весной 1925 г. были представлены годовичному собранию Просветительского общества. Профессор А. Р. Ниemi планировал создание Карельских клубов по подобию финских молодежных организаций, они должны были основываться под руководством центральной комиссии Просветительского общества.

Но на этом поле появился соперник. Академическое карельское общество ринулось образовывать свои карельские ячейки. В 1925–1926 гг. появилось около 20 клубов и обществ, из них половина под контролем Академического карельского, вторая половина — Просветительского общества. Несколько клубов действовали сами по себе или под покровительством Восточно-карельского комитета.

И хотя относительно общих целей этой организационной работы разногласий не наблюдалось, практическая деятельность «под двумя шапками» порождала сложности. Во многих местах люди выбирали себе клуб той организации, которая давала больше экономических выгод. Кое-где умудрялись числиться одновременно в обоих клубах. Академическое карельское общество к тому же не гнушалось переманивать на свою сторону клубы, находившиеся за соседским забором.

Карельское просветительское общество, раздосадованное проискарами Академического карельского общества, закрыло центральную комиссию, которая руководила всей клубной работой. Но организационная работа от этого не рухнула, поскольку в Северной Финляндии некоторые молодые карелы стали создавать новую организацию, которая, по их мнению, должна была объединить все клубы. Предложение об этом, после состоявшегося подготовительного собрания, было

обнародовано на племенном празднике в Каяни осенью 1927 г. К концу года новая организация — Центральный союз карельских клубов — была основана и зарегистрирована.

Судьбы клубов и их центрального союза на начальном этапе напоминали боронование суковаткой на пожоге. Сложности возникали из-за недостатка опыта организационной работы, предрассудков и трудностей, связанных с тем, чтобы убедить людей в пользе предприняемого дела.

В том, что в среде восточных карелов, несмотря на сложные исходные условия, сформировались и просветительская сеть, и общественные организации, важнейшую роль сыграл их собственный энтузиазм. Нашлась получившая в Финляндии образование молодежь, которая в середине 1920-х гг. вышла из состояния летаргии. Первой, правда, безуспешной попыткой организовать по собственной инициативе явилось основанное летом 1924 г. молодежное общество в Вейтсилуото.

Вызовы имели весьма приземленный характер. Заботились о людях, оказавшихся втянутыми в алкогольные и картежные компании, живших «волчьими» парами, ведших бродячий образ жизни. У многих, особенно работавших на лесоразработках в Северной Финляндии, она шла под откос. Это надо было остановить. Конечно, были и высокие цели: следовало сохранить свои традиции и национальное самосознание, некоторые мечтали о создании Великой Финляндии.

В 1925–1944 гг. было основано и в разное время функционировало в общей сложности 42 карельских клуба. Время их наиболее стабильного развития наступило со второй половины 1930-х гг., когда Центральный союз карельских клубов установил действенные связи с низовыми организациями. Руководство союзом с 1933 г. перешло в руки самих восточных карелов: многолетним председателем и исполнительным директором в 1933–1944 гг. соответственно являлись Янне Раямаа и Лаури Кунтиярви.

Конец организационной работе восточно-карельских беженцев, прошедшей весьма извилистый путь, был положен шлагбаумом, который опустился в конце 1944 г. Клубы и их центральный союз, наподобие многих других «антисоветских организаций» были запрещены, собственность — та, которую удалось обнаружить, была конфискована.

Наиболее крупный разрыв между идеалами и реальностью в области племенной работы был, пожалуй, именно у восточных карелов. И хотя многие стороны так или иначе принимали участие в восточно-карельских делах, до жизненных обстоятельств самих беженцев руки не

доходили. Их собственная общественная деятельность стала приносить плоды лишь после того, когда стали действовать исходя из собственных условий и своих мотиваций, не следуя предписаниям финской стороны.

Ингерманландские союзы

У ингерманландцев самоорганизация происходила медленно. Это объяснялось, видимо, тем фактом, что собрания представителей и Ингерманландская комиссия предоставляли своим наиболее активным членам некоторый простор для деятельности. К тому же племенные организации, такие как Ингерманландский союз и некоторые другие, проводя в первой половине 1920-х гг. большое количество разных встреч, создавали возможности для общения и небольших торжественных мероприятий. И все-таки не хватало какой-то изюминки. Внешняя декорация всегда не более, чем внешняя декорация. Это подтверждалось и тем, что даже мероприятия Ингерманландского союза — наиболее близкой для беженцев организации — могли быть убыточными из-за ограниченного числа участников.

Потребность в поддержании связей среди собственного населения начала осознаваться с того момента, когда выяснилось, что жизнь в эмиграции — удел беженцев. В Хельсинки, где проживало значительное количество активистов, группа ингерманландцев стала собираться для свободного общения друг с другом весной 1925 г. В начале 1926 г. развитие достигло уже той стадии, что был основан Хельсинкский ингерманландский кружок, председателем которого стал Каапре Тюнни. В Выборге весной 1927 г. также основали кружок, базой которого стал двухлетний период спорадических встреч и увлечения спортом.

К началу 1930-х гг. ингерманландцы основали полдесятка кружков, в основном на Карельском перешейке, но некоторые находились даже вблизи Турку. Инициатива зачастую исходила от членов Ингерманландского Союза, и поэтому кружки, как правило, являлись его низовыми организациями.

Актуализация ингерманландского вопроса в начале 1930-х гг. подвигла беженцев к более активной, нежели ранее деятельности. Работа кружков стала более многогранной, начали планировать сотрудничество между организациями, находившимися в разных регионах страны. Но поворотный момент произошел только в середине 1930-х гг. с основанием Ингерманландского объединения.

Несмотря на предрассудки и противодействия, общественная жизнь ингерманландцев во второй половине 1930-х гг. переживала расцвет. Весной 1935 г. Ингерманландское объединение оказывало влияние в 15 районах страны, и его численность превышала 700 человек. Многолетними председателями были преподаватель Аапо Метийнен и дипломированный инженер И. А. Саволайнен.

После Зимней войны в делах наступил хаос, поскольку подавляющая часть низовых организаций объединения находилась на территориях, отошедших к Советскому Союзу. В годы войны-продолжения шестеренки не вращались, да их и не пытались вновь запустить. Весной 1944 г. объединение было решено распустить и его функции передать Ингерманландскому союзу. Осуществить это, к счастью, не успели. Ингерманландский союз ликвидировали осенью 1944 г., а Ингерманландское объединение смогло остаться в живых в качестве неполитической организации. В послевоенной Финляндии оно на протяжении многих десятилетий является единственной организацией ингерманландцев.

На старую тропу вступили в середине 1990-х гг., когда ингерманландские проблемы вновь стали предметом общественного внимания, и общество изменило свое наименование, став Ингерманландским союзом Финляндии. Для налаживания связей и для решения иных задач, которые относились к возвращавшимся ингерманландцам, родилось около полудесятка новых группировок, из которых наиболее ровно работает Культурное общество Ингерманландии.

Финские племенные организации и беженцы

Старые гвардейцы Карелии

Хотя Ингерманландия и Восточная Карелия остались в составе советского государства, интерес финнов к судьбам ингерманландцев и восточных карелов, как уже отмечалось выше, не пропал. Кроме восточных сопредельных территорий под флагом племенной идеи стали бросать взоры на заселенные финнами районы шведской западной Ботнии, норвежского Финнмаркена, эстонскую Ингерманландию и в какой-то мере даже на Венгрию. В 1920–1930-х гг. в стране под этими знаменами вели работу более десятка организаций общешведского масштаба. К тому же в 1930-х гг. к этому делу имели отношение

праворадикальные политические группировки, преследовавшие собственные цели.

Вся проводившаяся под лозунгами племенной идеи работа имела многоуровневый характер и преследовала различные цели, успехи в достижении которых были неоднозначны. Чем выше были ожидания, тем хуже они претворялись в жизнь.

И хотя проявления собственной позиции могли быть различными, в своих главных целях по отношению к Ингерманландии и Восточной Карелии разные группировки были едины. Следовало подчеркивать родственные связи этих народов с финнами, сообщать об их зависимом положении под советской властью, оказывать помощь в пробуждении и сохранении их национального самосознания. Всплывала идея Великой Финляндии, но в самых разных обличьях и обычно в неопределенной и туманной форме.

Историю племенной работы в межвоенный период обстоятельно изучил Тойво Нюгорд, так что у меня нет необходимости характеризовать ее общее содержание. Ниже в сжатой форме излагается одна из сторон практической деятельности племенных организаций — работа среди беженцев.

Первопроходцем на стезе национального пробуждения в Восточной Карелии стал основанный в 1906 г. Союз беломорских карелов, в котором, главным образом, заправляли обосновавшиеся в Финляндии восточно-карельские предприниматели, а также собственно финские поборники племенной идеи. Начатая этим Союзом в Беломорской Карелии преисполненная надежд работа в школьном строительстве, а также в сфере национального пробуждения вскоре задохнулась от хватки российской государственной власти, и хотя организация не была запрещена, на протяжении многих лет она находилась в состоянии комы.

С весны 1917 г. этот путь был продолжен основанным на старом фундаменте Карельским просветительским обществом. В ходе племенных войн члены общества работали в различных органах, занимавшихся делами Восточной Карелии, но самой значительной представлялась школьная и пропагандистская работа по ту сторону границы. Однако связи с Восточной Карелией прервались в начале 1922 г. и работа была перенесена в Финляндию.

В 1921–1922 гг. Просветительское общество приняло участие в обустройстве восточно-карельских беженцев, организуя проживание детей в летний период, распределяя помощь нуждающимся и учащимся.

Но в силу ограниченности ресурсов это было всего лишь каплей в море. Застой, явившийся следствием помрачневших горизонтов в Восточной Карелии, отразился на всей деятельности общества. По прошествии нескольких лет она еле теплилась.

От дремоты, однако, очнулись в середине 1920-х гг. Штаб-квартиру общества перевели из Ювяскюля в Хельсинки и начали обдумывать новые направления деятельности. Организация заявила о себе в качестве влиятельной силы по сохранению традиций карельской культуры, ее издательская деятельность была впечатляющей: своя газета, десятки книг.

Общее оживление сказалось также на работе Просветительского общества среди восточно-карельских беженцев, на активизации работы кружков и — после некоторого застоя — организации в 1930-х гг. их взаимодействия в масштабах страны. В это же десятилетие Общество вместе с другими заинтересованными сторонами организует совместные празднества восточных карелов и принимает участие в некоторых других мероприятиях.

В деятельности Карельского просветительского общества восточно-карельские беженцы были главным объектом его внимания. Общество, председателем которого на протяжении многих лет был Алексей Митро и секретарем Ииво Хяркёнен, избегало шумихи по поводу Великой Финляндии и рьяных политических споров на злобу дня.

Эта линия оказалась умной хотя бы потому, что, когда после войны-продолжения многие организации оказались под запретом как антисоветские, Общество смогло продолжить деятельность. Сдержанная линия поведения привела к трениям с другими организациями, не удалось избежать ставших бичом «племенной» работы личных противоречий.

Если деятельность Карельского просветительского общества, принимая во внимание время его основания, приходилась на первый этап «племенной» работы, то на втором этапе действовали группировки, которые возникли в 1918–1921 гг., во время волнений по ту сторону границы. Из этих организаций продолжил работу лишь Восточно-карельский комитет гражданского союза Карелии, образованный в конце 1918 г. В число его членов входили старые активисты и многие представители предпринимательского мира. Организация с самого начала исповедывала идею Великой Финляндии и присоединение Восточной Карелии к Финляндии. Похоже, что многих ее членов привлекали экономические возможности по ту сторону границы.

По восточно-карельскому вопросу, в отношении Олонца в первую очередь, комитет вел широкую пропаганду как печатным словом, так и в форме различных обращений и депутатий. Он являлся первопроходцем в формировании общественного мнения по Восточной Карелии и ее беженцев, стремясь, путем проведения встреч и праздников, ознакомить финнов с данной проблемой.

Практическая работа в отношении олонцев, а позднее и всех остальных восточно-карельских беженцев обрела зримые формы, прежде всего в школьном деле. Использовались как свои, полученные в результате пожертвований средства, так и предоставленные государством. Даже после того, как работа по обеспечению беженцев стала носить стабильный характер, комитет продолжал распределение учебных стипендий среди восточных карелов. Контакты между Центром по оказанию помощи беженцам и комитетом были прочными: иногда во главе этих организаций находился один и тот же человек — Валде Сарио.

И хотя сам Восточно-карельский комитет в 1930-х гг. уже находился в состоянии дремы, влияние в сфере практической племенной работы сохранялось благодаря сотрудничеству с Центральной комиссией племенных организаций. Наиболее значительной была работа по изданию газеты; еженедельник комитета с 1920-х гг. и до самой Зимней войны являлся важнейшим связующим звеном в среде беженцев-соплеменников.

Восточно-карельский комитет, многолетним председателем которого являлся Валде Сарио и секретарем Отто Котонен, представлял совместно с Карельским просветительским обществом «старую гвардию Карелии», возмужавшее поколение поборников племенной идеи. Взаимоотношения этих двух сторон отличались легендарной неприязнью, отчасти по личным причинам, отчасти из-за политиканства комитета. В начале 1930-х гг. организация энергично выступала на стороне крайне правых движений. Для многих беженцев комитет остался чужим, его суетня расценивалась как результат внешнего давления со стороны финнов. Это проявилось в критике, которая прозвучала в отношении непрофессионализма организации при распределении учебных пособий для восточных карелов.

«...за Карелию и Ингрию, за Великую Финляндию»

Племенные организации третьего поколения родились в начале 1920-х гг. после того, как активные попытки решить судьбу близлежащих зарубежных территорий провалились, некоторые увидели свет

несколько позднее. В марте 1922 г., сразу после провала народного восстания в Восточной Карелии, в Хельсинки было создано новое объединение Академическое карельское общество, которое выросло в ведущую студенческую организацию довоенной Финляндии. Поначалу в нем имелось женское подразделение, которое было преобразовано в самостоятельное Карельское общество студенток с последующим переименованием в Академическое женское карельское общество. Помимо этого карельские общества стали основываться в средних школах и семинариях.

Для возведения своего мировоззренческого здания Академическое карельское общество использовало самый разный строительный материал: прежде всего из наследия финномании, карельской племенной идеи, национализма, государственного социализма и традиций, оставленных событиями 1918 г. Акценты смещались по мере развития событий, но основные принципы оставались неизменными.

Цель общества — сплоченная в национальном отношении единая Финляндия, Великая Финляндия. В первые годы для национального пробуждения активно раздувалась ненависть к «руссям». К Великой Финляндии следовало присоединить Восточную Карелию и даже Ингерманландию. Вначале многие члены Академического карельского общества верили, что это можно осуществить с помощью силы. Подобные идеи не пытались скрывать, к тому же об этих планах свидетельствовали меры по военной подготовке восточно-карельских беженцев, а также закулисные усилия по организации разведки и подготовке «кадров».

Языковая политика, борьба за «истинно финское» и стремление к сплочению нации стали набирать обороты с середины 1920-х гг., когда, впрочем, произошел и первые раскол. Придерживавшиеся более умеренной линии по отношению к шведам члены общества отделились и основали Союз независимости. Второй массовый выход имел место в начале 1930-х гг., когда далеко не всех, сторонившихся политиканства членов, стало удовлетворять сближение общества с праворадикальным движением.

Тридцатые годы были временем поправления и политизации Академического карельского общества, его связи с Патриотическим Народным движением отличались прочностью. Считалось, что программа Народного движения, в составлении которой принимали участие сами члены Академического карельского общества, наилучшим образом отвечает его принципам. Разгоряченное время вновь в самой

резкой форме выплеснуло на поверхность лозунги Великой Финляндии, ненависти к «рюсся», борьбы с коммунизмом и советами.

И хотя общество как студенческая организация в 1930-х гг. необычайно усилило свои позиции и выгядело, во всяком случае внешне, вполне монолитно, оно вместе с Патриотическим народным движением оказалось в политической изоляции, став объектом критики со стороны всех других партийных группировок. Признаки отхода от Патриотического народного движения стали наблюдаться в конце 1930-х гг., когда интерес общества все в большей мере стал концентрироваться вокруг вопросов, связанных с обороной страны (им, правда, всегда придавалось большое значение).

Как мы уже видели, Академическое карельское общество на самом первом этапе много трудилось на ниве восточно-карельских беженцев. Эта работа носила исключительно практический характер: подыскание рабочих мест, поиск товаров и денег для нуждающихся.

Помимо этого в задачу входило ведение пропаганды и развертывание просветительской деятельности. В летний период 1922 и 1923 гг. общество с помощью разъездных лекторов устраивало для беженцев лекции и собрания, создавались клубы и кружки, до сих пор существовавшие на бумаге. Уже летом 1922 г. работой было охвачено 1400 восточных карела. Следующим летом масштабы работы стали еще внушительнее, женское отделение общества организовало поездку в связи с проведением племенных празднеств. Отделение взяло под свою опеку женщин и девочек, которым оказывалась помощь, прежде всего, в лагере Кюминлинна, а также в получении образования.

Просветительскую работу пытались проводить также среди ингерманландцев, но они в этом смысле все же оставались в тени восточных карелов. Причина отчасти заключалась в том, что у ингерманландцев уже существовали свои устоявшиеся формы работы. Связанные с ними организации к тому же относились к обществу с сомнением.

Но в деятельности Академического карельского общества помощь восточно-карельским беженцам вскоре отошла на второй план, поскольку забота о них была переложена на плечи государства. Она не прекратилась полностью, хотя недостаток средств во второй половине 1920-х гг. привел к тому, что распределялись небольшие, спорадически выделявшиеся суммы.

Кризис начала 1930-х гг. вновь выявил потребность в благотворительности. Общество совместно с Карельским обществом студенток организовало сборы денег и одежды для восточных карелов. С этой

целью студентки продавали нагрудные значки. Так, для интерната в Кюминлинна и для школы в Майккула на протяжении нескольких лет удавалось передавать сотни килограммов одежды и некоторые суммы денег.

За просветительскую и школьную работу среди беженцев-соплеменников отвечал специальный отдел Академического карельского общества. На протяжении нескольких первых лет частично своими собственными средствами, частично государственными финансами была оказана поддержка десяткам восточно-карельским ученикам. В 1924 г. Общество пыталось получить право на отбор кандидатов для продолжения образования, но Восточно-карельский комитет отнесся к этой инициативе отрицательно. Было признано, что рекомендации Общества себя не оправдали. Когда прекратилась и государственная поддержка, выделяемые на обучение средства во второй половине 1920-х гг. сократились до мизерных сумм.

По мере приближения к тридцатым годам в обществе стали считать, что важнейшей задачей становится содействие общему просвещению беженцев. Это вылилось в активную работу по организации среди карелов кружковой работы и привлечению их на свою сторону, но и в этой области не все шло гладко.

Главнейшим во всей просветительской работе считалось пробуждение у восточных карелов «финского» национального чувства, распространение среди них идеи Великой Финляндии и подготовка их к действиям в качестве передового отряда в родных местах, освобожденных от власти большевиков. В равной мере следовало вытравить русское влияние и взрастить ненависть к «рюсся». В начальный период члены Академического карельского общества устремились к беженцам преисполненными идеализма, уверенными в благоприятном восприятии их идей. Беженцев зачастую считали «детьми природы», которые легко поддаются влиянию. В поступках молодых студентов проскальзывало известное высокомерие и пренебрежение.

Но между идеалами и реальной действительностью, оказалось, лежала пропасть. Лидеры Академического карельского общества, которые завязывали контакты с восточно-карельскими руководителями, столкнулись с многочисленными спорами личностного и принципиального характера. Обнаружилось, что далеко не все беженцы стояли на позициях Великой Финляндии и что многие издевались над пропагандой общества. С ужасом рассказывалось о том, что среди беженцев имеются «обрусевшие» и тоскующие о царских временах лица.

Полное разочарование постигло их и в связи с подготовкой беженцев к роли знаменосца. Пришлось согласиться с теми оценками, которые слышались с разных сторон: в тех условиях и обстоятельствах, в которых оказались эти люди, благие намерения обычно уходят в песок.

Академическое карельское общество сумело приобщить к своим идеям некоторых сторонников из числа беженцев-соплеменников, в первую очередь лиц, проживших какое-то время в Финляндии и получивших в ней образование, но планы первых лет остались неосуществленными. К началу 1930-х гг. работа с беженцами отошла на задний план, приобретя скорее случайный, чем постоянный характер. Сотрудничество имело место с некоторыми организациями беженцев, Общество имело вес в Центральной комиссии племенных организаций, но и в этом случае не обошлось без недоразумений.

В Академическом карельском обществе, наиболее долговременными председателями которого являлись Элмо Э. Кайла и Вилхо Хеланен, к моменту роспуска осенью 1944 г. насчитывалось около 4000 членов. В качестве структуры, формировавшей мнение образованной части финской молодежи (а в глазах других — ее терроризировавшей), организация имела прочные позиции, идеи и идеалы студенческого мира проникали во все остальное общество.

В то же время работа с беженцами была не столь успешной, и она сохла на корню. Обнаружилось, что студентов легче держать в узде, чем беженцев-соплеменников. Для ингерманландских и восточно-карельских беженцев был далеко небезразличным тот факт, что от лиц, усвоивших «племенную» идеологию, можно было встретить большее сочувствие в житейских делах, чем от многих других.

Мост между Финляндией и Ингрией

В начале 1920-х гг. ингерманландцы были озабочены тем обстоятельством, что в Финляндии отсутствовала организация общегосударственного масштаба, которая занималась бы делами Ингрии. Органы, ориентированные на работу с беженцами, носили временный характер, основанное в 1919 г. объединение «Друзья Ингрии» находилось при последнем издыхании.

Ситуация стала предметом обсуждений, и в начале 1922 г. на собрании представителей беженцев было сделано предложение об исправлении положения. После этого события стали стремительно развиваться, и уже осенью того же года был основан Ингерманландский

союз. Он стал ведущей племенной организацией в Финляндии, ориентированной на дела Ингерманландии. Его членами были и сами беженцы, но большинство составляли собственно финны, занимавшиеся «племенной» работой. Наиболее долговременными председателями союза являлись редактор Юрьё Коскелайнен и профессор Вяйнё Салминен, секретарями — редактор Антти Тиитанен и учитель Юусо Мустонен.

В период разброда 1918–1920 гг. ингерманландцы сетовали на то, что их судьбы и их родина (в сравнении с Восточной Карелией) мало известны в Финляндии. Важнейшая задача Ингерманландского союза заключалась, пожалуй, в том, чтобы ознакомить страну с Ингерманландией и с финской природой самих ингерманландцев. Организация не стремилась присоединить Ингрию к Финляндии, она лишь знакомила с трудным положением ингерманландцев в составе Советского Союза и требовала выполнения обещаний, данных в связи с заключением Тартуского мира. С этой целью властям Финляндии направлялись обращения и докладные записки. Информирование в начале 1920-х гг. пошло широким фронтом. Союз предоставлял средства массовой информации материалы относительно Ингерманландии, занимался издательской деятельностью, устраивал публичные лекции, а позднее — и радиопередачи.

Работа велась также в среде беженцев. Задача заключалась в том, чтобы стать среди них некоей цементирующей силой и совместно с другими организациями воспитывать в них дух племенного родства. На практике союз принимал участие в организации вечеров и празднеств, поддерживал издание газеты и оказывал финансовую помощь в налаживании кружковой работы. По мере того, как собственные организации беженцев все больше отходили в сторону, союз помогал им в лабиринтах чиновничьих коридоров, оказывал помощь в получении пособий на обучение. Для поддержки культурной работы был основан «Фонд ингерманландской культуры».

Несмотря на публичные восхваления своих достижений, руководство Ингерманландского союза в 1920-х гг. все же вынуждено было признать результаты работы своей организации неутешительными, особенно в сфере пропаганды. Ингерманландский вопрос не особенно интересовал общественность, чиновники даже не обращали внимания на мемории союза об угнетенном положении ингерманландцев в Советском Союзе, поскольку многие утверждения, проверенные данными разведки и консульства, оказывались чистым блефом.

Небольшой интерес сказывался на количестве членов. На протяжении всей второй половины 1920-х гг. их насчитывалось едва ли 60–70 человек. Деятельность оказалась на грани полного паралича и по той причине, что полностью отсутствовало поступление денег.

Союз, однако, не канул в Лету. Когда положение в Ингерманландии в начале 1930-х гг. резко обострилось, организация активно проявила себя в информационной работе, которая получила более благоприятный отклик, нежели ранее. С другой стороны, внимание прессы и иных родственных организаций к судьбам ингерманландцев также способствовали деятельности союза.

Количество членов союза в 1930-х гг. выросло и в конце десятилетия превысило 1400 человек. В какой-то мере этот рост объяснялся тем, что многие местные женские объединения вошли в состав союза. Благодаря нескольким крупным завещаниям его экономическое положение окрепло, и даже стало возможным приобрести свое помещение на набережной Похьойсранта в Хельсинки.

Но, несмотря на большой труд, значительных успехов все же не достигли. Это обстоятельство привело во второй половине 1930-х гг. к сомнениям относительно смысла всей деятельности и даже к потере реального восприятия происходивших событий: официальным властям неоднократно предлагалось вмешаться в события в Ингерманландии с тем, чтобы облегчить положение местного населения. В годы войны-продолжения перед Ингерманландским союзом встали новые вызовы. Организация принимала участие в обустройстве перемещенного ингерманландского населения и в решении вопросов, касавшихся судеб пленных ингерманландцев.

Для многих инстанций ингерманландский вопрос был лишь одним из многих в общем ряду других проблем, из финских организаций на нем полностью сосредоточился только Ингерманландский союз. И в этом был свой несомненный плюс. В ингерманландских делах не наблюдалось такого параллелизма и соперничества, какое имело место у восточных карелов, когда многочисленные структуры, спотыкаясь друг о друга, падали с лавы в болото.

*«Господь... из всех земных задач важнейшей
предначертал нам Великую Финляндию».*

Хотя ингерманландскими и восточно-карельскими проблемами занимались многочисленные организации, руководители беженцев в конце 1920-х гг. пришли к выводу о том, что результаты этих усилий

на положении их собственного населения сказывались незначительно. Отмечалось, что на повседневном уровне племенная работа затрагивала сердца немногих людей. Но в первой половине 1930-х гг. идея родства получила второе дыхание и распространилась в более широких кругах общества, нежели ранее. Это было связано, как можно догадаться, с коллективизацией в Советском Союзе и начавшими вращаться жерновами национального террора.

Ингерманландские органы сразу же весной 1930 г. предприняли кампанию в средствах массовой информации и обратились к властям Финляндии с просьбой вмешаться в события в Ингерманландии в связи с высылкой оттуда местного населения. Ингерманландский вопрос приобрел в 1931 г. особую остроту. Племенные организации объединили свои усилия в проведении собраний и для выражения общественного мнения, пресса широко освещала судьбу ингерманландцев. Правительство отреагировало весной 1931 г. оставлением ноты Советскому Союзу. После нескольких лет относительного затишья события в Ингерманландии, а теперь вместе с нею и в Восточной Карелии вновь попали в свет прожекторов в 1935–1936 гг., когда возобновилось изгнание населения из родных мест.

Деятельность, вызванная событиями по ту сторону границы, была, безусловно, продиктована неподдельной озабоченностью свалившейся бедой. У организаций беженцев не было иной цели, как прекратить гонения, создать возможность для возвращения в родные края и претворить в жизнь обещанные в связи с заключением Тартуского мира права.

Ужасы на близлежащих территориях были, тем не менее, использованы в Финляндии для решения политических целей. В циркуляре Академического карельского общества по поводу высылки ингерманландцев весной 1931 г. говорилось: «Нас вновь учат ненависти по отношению к русью». Подняли голову крайние элементы: зывая к идеям родства, призывали даже к войне против Советского Союза.

Великая Финляндия и политика по отношению к родственным народам вновь встали в повестку политической жизни. Они были извлечены на дневной свет Лапуаским движением в ходе обсуждения опасностей, исходящих от коммунизма и Советского Союза. Патриотическое народное движение, опираясь на идеалы Академического карельского общества, ворошило эти проблемы вплоть до конца 1930-х гг. Беженцы также оказались в поле внимания. Газеты Патриотичес-

кого движения не часто, но регулярно обсуждали их судьбы, вопрос поднимался даже в парламенте.

Все это превратило проблему в орудие внутренней политики. Академическое карельское общество и Патриотическое народное движение «как чужую свинью» клеймили всех «других» за безволие, за раболепие перед «русся», за безразличие к беженцам-соплеменникам. Резко отметались те мнения, согласно которым подобный шум лишь усложняет положение родственного населения в Ингерманландии и Восточной Карелии.

«В то время, как Карелия и Ингерманландия ведут борьбу за свою свободу, народ Финляндии встал на позорную тропу отступления и красный смех стал слышен как внутри, так и за пределами этих границ». «Плач Карелии и Ингерманландии не слышит тот, чьи уши забиты дробью джазовых барабанов».

Деятельность, развернувшаяся в Финляндии по поводу событий в Ингерманландии и Восточной Карелии и к тому же экспортированная на международную арену, не имела результата. В Финляндии вернулись в старое равнодушное русло. Интерес к судьбам родственных народов упал, стало ясно, что для средств массовой информации эти события были всего лишь горячим материалом наряду с другими подобными сюжетами. Племенные организации были этому немало удивлены. Они полагали, что усиление пропаганды уже само по себе дает нужный эффект. В прессе, естественно, не обсуждался вопрос о том, не явился ли праворадикальный ярлык, наклеенный на проблемы беженцев, медвежьей услугой всему этому делу.

Для беженцев-соплеменников начало 1930-х гг. было временем противоречий. Возбуждение, возникшее в связи с событиями за кордоном, активизировало обсуждение их проблем в обществе и сорвало с них покров неведения. Но в эти же годы им пришлось выживать в стране, страдавшей от экономического кризиса и политических потрясений.

В 1936 г. руководители, тем не менее, признали, что перспективы в Финляндии стали более радужными. Экономический кризис пошел на убыль, и непонимание окружающими беженцев уменьшилось по сравнению с ситуацией начала десятилетия. Но решающего перелома все же не произошло: в Финляндии по-прежнему были круги, относившиеся к ним сдержанно.

Тем не менее, следует признать тот факт, что в конце 1930-х гг. племенная идея вновь притихла. Ее сторонники начали подумывать о новых точках приложения сил. Когда не удалось повлиять на события

за кордоном, стали обсуждать возможный поворот внимания в сторону самих беженцев-соплеменников. Их положение следовало улучшить, активизировать просветительскую работу и изобрести способы, при помощи которых племенная идея смогла бы распространиться в еще более широких кругах населения.

Эти намерения были известны с прежних времен, и ради них велась работа на протяжении многих лет. Но когда эта цель в конце 1930-х гг. была представлена в виде некоего новшества, это стало косвенным признанием того, что почти двадцатилетний период племенной работы, в том числе и в отношении беженцев, уподобился воде в решете.

В начале 1940-х гг., в грохоте второй мировой войны, многие цели, казалось, были близки к своему достижению. Финны в 1941 г. захватили значительную часть Восточной Карелии, последователи Академического карельского общества и иные деятели «племенного фронта» полагали, что рождается та Великая Финляндия, о которой грезили. С другой стороны, у некоторых руководителей ингерманландских беженцев в начале войны-продолжения жила мечта о присоединении Ингерманландии к Финляндии в качестве германского дара. В действительности же, по мере того как продолжалась война, все обернулось перемещением родственного населения с оккупированных Германской территорией в Финляндию.

Восточная Карелия, с ее обветшавшими условиями жизни, люди и сдержанный прием были для многих сторонников Академического Карельского Общества полным разочарованием, хотя публично все пытались объяснить пагубным влиянием «русся». У самих восточно-карельских беженцев время оккупации их родных мест в равной мере оставило неприятный осадок. В системе оккупационного управления они оказались в положении сторонних наблюдателей, а их представительные органы не имели практически никакого значения. Во многих отношениях мечта оказалась разбитой уже до того, как началось отступление осенью 1944 г.

Споры и раздоры

«Русся, они только интригуют...»

Во взаимоотношениях между собой российские беженцы предстали перед всем миром как достаточно склочное сообщество. Отчасти это было наследием старой России, в какой-то степени результатом споров

относительно будущности России, частично порождено трудностями скитаний и отражением соперничества за влияние в эмигрантской среде.

Их всех находившихся в Финляндии беженцев обилие противоречий у русских эмигрантов не имело себе равных. С позволения сказать, даже черт по прошествии многих десятилетий не в состоянии представить себе всей полноты картины. Но некоторые общие линии можно все-таки воспроизвести.

Самый серьезный водораздел пролегал между различными политическими группировками, недостатка в которых не было. Свойственная эмигрантам социальная и национальная разобщенность порождала напряжение в вопросе о том, кто является «истинно» русским, за кем право голоса. Обилие интеллигентных и привычных к участию в общественной жизни лиц было не только благом, но и вызывало столкновения между претендентами на руководящие посты. К тому же не обходилось без сложных личных отношений, глубинные причины которых были известны только самим героям.

В первые годы путь созданных для оказания помощи организаций был тернист не только из-за трудностей практического характера. Споры велись по каждому возможному поводу, руководители менялись друг за другом — кто уезжал из Финляндии, кого-то меняли из-за потери доверия. Практически обо всех органах говорилось, что они действуют в интересах конкретной партии, на основе личных интересов, не брезгуя взятками.

Если речь велась о деньгах, продуктах питания и потребительских товарах, то неизменно возникали споры. Ходили слухи о хищениях и иных злоупотреблениях руководителей и сотрудников. Дыма без огня не бывает, поскольку обман систематически обнаруживался вплоть до Русского Красного Креста. Существование многих небольших организаций по оказанию помощи в результате экономических трудностей, споров и неспособности вести слаженную, совместную работу закончилось в начале 1920-х гг.

Идейные различия с присущими им конфликтами вклинивались во все сферы сотрудничества эмигрантов, в том числе и неполитического характера. Процесс консолидации монархических сил сказался на их попытках протолкнуть в 1920-х гг. своих людей в руководство практически всех значимых организаций. С другой стороны, различные проимперские силы соперничали друг с другом из-за влияния. Свою лепту вносило пугало большевизма. Значительные возможности сотрудничества были упущены из-за того, что кто-то подозревался в симпа-

тиях к красным, кого-то, обоснованно или нет, считали даже тайным агентом советской разведки.

Вызовы времени и менявшиеся представления людей о том, как следует заботиться о сохранении истинно русского и насколько оправданной могла стать финнизация, были причиной новых споров в 1930-х гг. Старое поколение некогда влиятельных лиц обвиняло обосновавшихся в Финляндии русских в отсутствии почитания исконного, в отказе от традиций бывшей России, сползания некоторых к коммунизму и повороту в сторону Советского Союза. Со стороны молодежи была слышна критика старого поколения из-за его приверженности к заплесневевшим идеалам царской России, бегства от действительности и желания надеть на голову эмигрантов мешок, дабы изолировать их от финского общества.

Но самые запутанные ситуации имели место в «Русской колонии». Деятельность ее руководства в 1930-х гг. представляла собою непрерывную борьбу за власть, что не могло не сказаться на рядовом уровне. В конце десятилетия с большими потугами начали искать пути к согласию между различными группировками, но война прервала эти неуверенные попытки.

Раздоры среди эмигрантов стали орудием в руках официальных лиц, осуществлявших надзор за их организациями. Полиция безопасности в 1930-х гг. имела желание вообще запретить все русскоязычные организации, поскольку опасались, и не без оснований, что в их ряды проникнет советская разведка. В конце десятилетия помимо политических группировок были запрещены объединения и общества, поскольку считалось, что они отошли от первоначальных целей и стали гнездилищами препирательств и чистого политиканства. Министерство внутренних дел закрыло, например, «Русское академическое общество», «Дружеский кружок бывших учеников русского реального лицея в Выборге» и «Общество морских офицеров царского флота». Основания Центральной сысской полиции для своих решений выглядели зачастую весьма удивительными, поэтому министерство соглашалось не со всеми подобными предложениями.

«...Обнаруживается наиболее неприятная черта карельского характера: хитрость»

В кругах, занимавшихся делами Восточной Карелии, в начале 1920-х гг. царили беспомощность и разброд. С одного фланга слышались угрозы начать новую войну, на другом, потеряв всякую надежду, были

готовы совсем опустить руки. В период проведения активной работы представленные в различных правительствах и комитетах деятели обвиняли друг друга в том, что именно они испортили хорошее дело. С особой ожесточенностью спорили о том, кто проел и на какие цели были израсходованы средства, выделенные правительством Финляндии. Складывались настолько недружелюбные отношения, что их прерывала только могила.

Среди причастных к восточно-карельским делам организаций в начале 1920-х гг. наблюдалось некое состязание за право представлять беженцев и в целом восточных карелов. В равной мере присутствовала зависть в отношении тех, кто приобщился к распределению государственных средств, выделяемых на нужды беженцев.

Являвшаяся в начале 1920-х гг. официальным представителем по восточно-карельскому вопросу Карельская зарубежная комиссия стала притчей во языцех многих финских племенных организаций. Свербило оттого, что остались в стороне, интересовались, кто благословил комиссию на это представительство. Важнейшим пунктом критики было то обстоятельство, что комиссия не поддерживала идею Великой Финляндии, а стремилась лишь к самоопределению Восточной Карелии. К тому же комиссия, действительно, состояла только из восточных карелов, в ее составе не было призванных со стороны «лучше знающих дело» представителей.

Было видно, что многим долго проживавшим в Финляндии восточным карелам, если к тому же они активно занимались политикой, и старым «государственным деятелям» из среды беженцев претила агрессивная линия Академического карельского общества, они в равной мере держались в стороне от Восточно-карельского комитета. Карельское просветительское общества, напротив, обвиняли в индифферентности.

Различные взгляды по поводу того, были ли финны искренними в решении проблем Восточной Карелии или же их интересовали только ее природные богатства, могли ли они и восточные карелы действовать заодно на племенном фронте, были причиной неудач многих начинаний 1920-х гг. И хотя споры, как правило, носили личностный характер и ограничивались кабинетными интригами, столкновения в конце десятилетия имели место и на страницах общефинляндских газет.

Напряженные отношения сохранялись от поколения к поколению. Эти же вопросы стояли перед молодыми сторонниками Академичес-

кого карельского общества с одной стороны, и новыми, вышедшими из среды беженцев активистами, которые уже осели в Финляндии, с другой.

Поле, на котором происходило столкновение принципиальных вопросов и практической работы с беженцами, являлся уровень центральной организации клубов. Когда заторы скапливались в одном конкретном месте, было не удивительно, что «тесто начинало выползать из кадки».

Проблемы, с которыми пришлось столкнуться в первые годы, сказались не только на определении направлений деятельности, но и на предрассудках и неуверенности, проявлявшихся в обыденной жизни. Часть беженцев старшего поколения, опасаясь чрезмерной финнизации карелов, была недовольна молодежью, считая ее занятия напрасными и ошибочными. Жизнь показала, сколь трудно было выдвигаться и попытаться стать лидером. Можно было слышать: «Какого беса ты сюда пришел, мы и без наставника обойдемся», или «...он же нигде не учился, кроме как в народном училище, а явился тут нас учить уму-разуму».

Борьба племенных организаций за влияние и связанный с нею обмен тяжелыми ударами достиг своего апогея на собрании Центрального союза карельских клубов, состоявшемся ранней осенью 1930 г. в Оулу. Помимо жесткой закулисной борьбы в руководстве союза произошли изменения: старые представители были отправлены в отставку, на их место пришли новые люди, а председателем стал секретарь Карельского просветительского общества Ииво Хяркёнен.

Следствием стало разбирательство, которое похоронило все то, что с большими трудностями удалось достичь в рамках клубной работы. Нашлись активные противники избрания Хяркёнена, его обвиняли в том, что он холодно относится к организационной работе и стремится лишь к достижению личной власти. В равной мере обвиняли Просветительское общество в уклонении от сотрудничества по вопросам, направленным на улучшение положения беженцев. Выведенные из состава Центрального союза молодые карелы считали произошедшее захватом власти.

На очереди стоял ответный удар, которым пытались преуменьшить диктат Академического карельского общества, охарактеризованное «некарельским», влияние Восточно-Карельского комитета, подчеркнуть разрыв с крайне правыми, сделавшими полем своей деятельности Центральный союз, и с фанатиками из числа беженцев. При этом

среди самих молодых карельских активистов наблюдались взаимные, личного характера споры.

Последствия этих раздоров чувствовались на протяжении всех 1930-х гг. Для реализации собственных взглядов оказавшиеся на обочине беженцы основали несколько небольших новых объединений. Как в Центральном союзе карельских клубов, так и в Карельском просветительском обществе эти инициативы были расценены как подрывающие единство рядов, людей призывали оставаться вне этих союзов.

И хотя в 1930 г. сумели избежать надвигавшейся катастрофы организационной структуры, при этом успехи на клубном поле только возросли, работа все же не достигла той основательности, на которую рассчитывали. На уровне местных организаций шел процесс постоянного брожения. Обстоятельство, которое многих смущало и даже отвращало, заключалось в высокомерии и чванстве некоторых руководителей Центрального союза карельских клубов, стремившихся насадить среди беженцев «дисциплину и порядок».

Начавшийся в начале 1930-х гг. медовый месяц между Центральным союзом и Карельским просветительским обществом продолжался недолго. Проект совместного газетного издания провалился из-за редакционных разногласий и финансовых споров. Когда же в руководстве Карельского просветительского общества в конце десятилетия помимо всего прочего произошли кадровые перемены, не удовлетворившие молодых руководителей из числа беженцев, вновь были вытаснены на свет обвинения о никчемности работы Просветительского общества и представителей старого поколения. Окончательный разрыв произошел весной 1939 г., когда общество вывело из своего состава представителей Центрального союза.

Вплоть до самого кануна войны общим устремлениям восточных карелов была характерна склонность к препирательству. Добро бы они спорили только между собой, но зачастую этот муравейник первыми ворошили внешние силы.

Последователи Тюнни и Перяляйнена и сумасброды из Миккулайнена

По сравнению с другими группами российских беженцев ингерманландцы отличались наибольшим единодушием. Это было удивительным, поскольку груз разногласий отягощал их уже в последнее десятилетие существования царской России. Сложившееся в то время

между лидерами размежевание на прогрессистов и консерваторов почти полностью повторилось в послереволюционный период, когда друг другу противостояли сторонники Ингерманландии в составе «демократической» России и деятели, мечтавшие об Ингерманландии в рамках Великой Финляндии.

Споры в условиях эмиграции продолжались вплоть до 1922 г. Небольшая группировка «истинных финнов» нападала на страницах прессы на руководителей беженцев и на Комиссию по делам Северной Ингерманландии. Их обвиняли в русофильстве, считали социалистами и атеистами. Эта шумиха не имела какого-то отклика среди населения, голоса приутихли. Еще в середине 1920-х гг. наиболее ожесточенные критики пытались перебирать кости даже в Ингерманландском союзе, но безрезультатно.

Ингерманландцы смогли на протяжении многих лет осуществлять совместные акции без серьезных разногласий. Мир объяснялся тем, что некоторые самые непримиримые личности к тому времени ушли в мир иной. Но в начале 1930-х гг. ситуация изменилась. Страсти, разгоревшиеся в связи с событиями в Ингерманландии, и праворадикальное движение в Финляндии способствовали тому, что началось раскапывание старых могил.

Среди беженцев стала слышна критика в адрес Ингерманландской комиссии и Ингерманландского союза. Местами начала испытывать затруднения клубная работа. Обнаружилась группа бунтовщиков, которая требовала вышвырнуть бывших, считавшихся «левыми», руководителей за их безынициативность и заменить их новыми людьми с более правыми взглядами. Недовольство не всегда возникало само по себе, оно имело свой мутный источник. Стало ясно, что некоторые члены Академического Карельского Общества и Патриотического народного союза пытались внедриться со своими идеями в ингерманландские организационные структуры.

Столичный регион превратился в наиболее видное гнездилище неурядиц и споров, откуда запах лемура распространялся и в другие районы страны. Против Каапре Тюнни, поначалу убежденного социалиста, который в Финляндии все же перешел на позиции прогрессивной партии, и против некоторых других руководителей сформировалась праворадикальная оппозиция. Она требовала вступления беженцев в ряды шюцкора и Патриотического народного движения.

Обстановка накалялась. В ход пошли кулаки, и в двух случаях даже применялось оружие. Напряженность во многом объяснялась тем, что

заводилами беспорядков являлись прозванные «Сумасбродами из Миккули» беженцы, у некоторых из них оказалась нарушенной психика. Эти, оказавшиеся в Финляндии в очень скверном положении земледельцы из северной Ингерманландии, примыкали также к нацистским и различным другим ударным группировкам.

Споры доросли до общегосударственного уровня, и весной 1933 г. собрание ингерманландских представителей утонуло в криках. Конфликт свелся к перепалкам между Каапре Тюнни, критиковавшими его делегатами и председателем собрания пастором Варьоваара, который одновременно являлся руководителем Ингерманландской комиссии. Когда стало ясно, что именно он был разносчиком всякого рода слухов, пастору пришлось оставить свои общественные посты.

К этому времени относится основание нового общего органа — Объединения ингерманландцев. На весеннем 1934 г. собрании их представителей разрушительная деятельность «неведомых тайных сил» — хотя они были хорошо известны — была осуждена. Были даны указания, чтобы местные организации Объединения пресекали подрывную работу лиц, культивировавших споры.

Но в столичном регионе мир не снизошел на землю. Раскол беженцев на два лагеря наиболее видным образом проявлял себя в том, что даже в жизни своего землячества они оказались под двумя крышами. Каапре Тюнни основал весной 1934 г. Ингерманландское общество г. Хельсинки в качестве соперника Клуба ингерманландцев. Некоторые ингерманландцы старого поколения организовали мероприятие, которое, по их мнению, должно было покончить со спорами. Примирение не состоялось, Ингерманландское общество продолжало свою работу, тогда как «Клуб» стал низовой организацией Ингерманландского объединения.

В столичном регионе «патентованные белые» продолжали еще более года свою деятельность, обвиняя всех остальных ингерманландцев в принадлежности к «марксистам». Но к 1936 г. шум поутих. Не обошлось без влияния центральной сыскной полиции, поскольку наиболее шумные скандалисты вызывались на проработку. Центральная полиция, тем не менее, не хотела вмешиваться в конфликты между беженцами, поэтому попытки втянуть ее в их дела путем доносов и наушничества пресекались.

Некое согласие в жизни ингерманландского сообщества наступило во второй половине 1930-х гг., во всяком случае споры не становились

достоянием большой прессы. Но в конце десятилетия в Ингерманландском союзе произошел случай, который вызвал шум. Обнаружилось хищение, в котором официально был обвинен клерк канцелярии, но ответственность понес Юусо Мустонен, многолетний секретарь союза, отвечавший за кассу. Он вынужден был подать в отставку и дать обязательство компенсировать недостающую сумму.

В жизни эмигрантского сообщества много сил было потрачено на взаимные разборки, споры, культивирование предрассудков и раздувание противоречий. Теперь трудно понять, где же был камень преткновения; после того, как прошло столько десятилетий, причины могут показаться малозначащими. Боролись за влияние, за основные направления деятельности, прежде всего у карелов; напряженность создавали и неудовлетворительные личные отношения.

У русских, принимая во внимание стесненные условия существования, было «слишком много» претендентов на руководство, которые, действительно, били ниже пояса. С другой стороны, у беженцев-соплеменников имелось мало способных лидеров — одни и те же лица суетились и там и сям — столкновений на личной почве избежать было невозможно. К тому же всегда находились финские поборники племенной идеи, которые лучше других знали, что необходимо беженцам. Если уж в своем гнезде порой находились на грани рукоприкладства, то было неудивительно, что между различными группировками беженцев, даже среди беженцев-соплеменников, сотрудничество носило случайный характер.

РОССИЯ, ИНГРИЯ И ВОСТОЧНАЯ КАРЕЛИЯ В ФИНЛЯНДИИ

Вклад эмигрантской культуры

«Цветок на асфальте»

Число ученых, художников и писателей, которые ушли из России в изгнание, без сомнения, достигало нескольких тысяч человек. Отношение советской власти к «старой гнили» было таковым, что многие из них сами избрали свою судьбу эмигранта, а некоторые вынуждены были смириться с нею уже после того, как утихли волны эмиграции. Так в 1922 г. одним махом были высланы свыше 160 представителей интеллигенции и деятелей искусства. Некоторые из них вернулись обратно, в их числе писатели Андрей Белый, Алексей Толстой, поэтесса Марина Цветаева и композитор Сергей Прокофьев.

Помимо профессионалов огромное число эмигрантов стало зарабатывать себе на хлеб умением, полученным в процессе домашнего художественного воспитания, иногда это выливалось в унижавшие достоинство формы. Бывшие офицеры выступали в парижских кабаре, игравшие на фортепиано были таперами в кинотеатрах, владевшие кистью раскрашивали шкатулки для драгоценностей.

Культурная жизнь эмигрантов, особенно в первые годы, была весьма насыщенной и разнообразной. И этими плодами пользовались не только они сами. Эмигранты обогатили культуру стран своего пребывания, а некоторые и весь западный мир, достижениями в балете, музыке и живописи. Это влияние в наибольшей мере проявлялось в тех сферах культуры, которые не знали языковых барьеров.

Русский балет пользовался всемирной славой, которую отчасти пытались поддержать эмигранты. Они выступали танцовщиками, балетмейстерами, руководителями балетных школ. Одной из наиболее известных балерин была Анна Павлова, наиболее знаменитым хореографом абстрактного балета Георгий Баланчивадзе (Жорж Баланчин). В Париже на протяжении 20 лет, вплоть до конца 1920-х гг., существовал Русский балет Сергея Дягилева Les Ballets Russes,

хореографом которого являлся Сергей Лифарь, работавший позднее в Парижской опере. Лучшей международной гастрوليрующей труппой в 1930-х гг. считался Русский балет в Монте Карло.

В музыкальной жизни эмигранты заявили о себе на многих сценах мира. Среди них имелись как всемирно известные композиторы и солисты, так и сочинители танцевальной музыки, уличные аккордеонисты и шансонье в увеселительных заведениях. Наибольшую известность из эмигрантов получил, пожалуй, Федор Шаляпин, который в первой половине 1920-х гг. выступал в зале Метрополитен Опера в Нью-Йорке. Из композиторов к наиболее прославленным относились Игорь Стравинский и Сергей Рахманинов, из дирижеров — Сергей Кусевицкий (Serge Koussevitzky), который долгое время руководил Бостонским симфоническим оркестром. Исключительно много было казацких хоров. Наиболее популярным являлся хор донских казаков под руководством Сергея Ярова, гастрелировавший по всему миру.

В период финляндской автономии у русскоязычного населения сформировался свой собственный ареал культуры, со своими театрами, музыкальными представлениями, со своими литературными и художественными салонами. Из России приезжали гастролеры, в стране постоянно или временно проживали художники.

Хотя и время, и отношение к ним изменились, обретение Финляндией независимости не прервало этот процесс. Поток эмигрантов принес с собой колорит, который стал ощущаться повсюду; эмигранты начали культурную деятельность практически сразу в 1918 г. В эмиграцию ушли представители разных областей культуры, при этом наиболее известные фамилии оказались в центральной Европе, в более благоприятной обстановке.

Связи между финскими и русскоязычными деятелями культуры, если таковые возникали, в период финляндской автономии концентрировались вокруг изобразительного и сценического искусства, а также музыкальной жизни. Ситуация в принципе сохранилась и после обретения Финляндией независимости. Русское сообщество являлось колыбелью и сердцевинной этой культурной деятельности. Самые разные специалисты, независимо от того являлись ли они эмигрантами, или уже долгое время проживали в Финляндии, оказывали большее влияние в тех сферах культуры, где язык не являлся препятствием для общения.

В культурной жизни Финляндии 1920–1930-х гг. наиболее существенное влияние русских и русскоязычных мастеров ощущалось в

балете. Первыми танцовщиками были Мэри Пайшефф и Георг Ге, ставший позднее балетмейстером. Люция Нифонтова, известная prima-балерина, была русского происхождения. В послереволюционные 1920-е гг. на балетной сцене некоторое время (до отъезда из Финляндии) выступали эмигранты, приезжали их хореографы из стран Центральной Европы. Еще в начале 1930-х гг. благодаря брачной партии из Советского Союза выехала Элизабет Апостоли, которая на протяжении нескольких лет руководила собственной балетной школой. В послевоенных хореографических династиях также имелись лица русского происхождения.

Балет был яством относительно узкого круга ценителей, значительно более широкой сферой являлась музыкальная эстрада, на которой выступали прибывшие из России эмигранты. Занятие музыкой в русском сообществе имело широкое распространение, и некоторые из артистов были неизвестны даже своим соотечественникам, но кое-кто сделал себе на этом карьеру. В Финляндии наблюдалась та же картина, что и в остальных странах мира. Наряду с профессионалами музыка стала средством существования для десятков любителей, бывших офицеров и представителей «высшего света».

В Финляндии проживали многие получившие в России музыкальное образование композиторы, чье творчество, однако, не привлекло широкого внимания. Так случилось с Петром Акимовым и Алексеем Краснотовским, после которых осталось несколько произведений церковной музыки. Как преподаватель много сил отдавал делу директор Музыкального училища в Выборге Борис Сирпо (Вульфсон), родившийся на Кавказе.

Среди эмигрантов и, прежде всего, русскоязычных лиц обнаружилось большое число музыкантов от скрипачей до аккордеонистов, которые выступали как профессионалы, и как любители. К их числу относились Константин Комаров, Сергей Куликов, Татьяна фон Риппас, Маргарет Витте. Не менее многочисленной была когорта певцов. В их числе имевшая эмигрантские корни Вера Фролофф, которая выступала еще в 1990-х гг., Никита Бегичев, Антонина Комарова, Борис Левицкий, «выборгский соловей» — Фрида Сергеефф.

О большом увлечении музыкой свидетельствовали многочисленные хоры, как церковные, так и обычные. Самым большим и наиболее авторитетным был основанный в начале 1920-х гг. «Русский хор г. Хельсинки», который много гастролировал, а также выступал перед финскими слушателями. Своими корнями в последние годы автоно-

мии уходит «Оркестр балалаечников г. Хельсинки», который также активно концертировал и даже несколько раз записывался на пластинку. Из этих записей самым популярным был вальс «Цветок на асфальте». В Выборге имелся оркестр балалаечников из 40 музыкантов, выступления которого передавались по финляндскому радио.

Некоторые из «русских» артистов выступали в Опере, играли в симфоническом оркестре на радио или жили за счет концертных выступлений. Но значительно большее число музыкантов играло в танцевальных и салонных ансамблях, в кинотеатрах и кафе.

Вклад эмигрантов и русскоязычных музыкантов в развитие легкой музыки Финляндии был неоченим. В 1920-1930-х гг. они были в составе известных коллективов, в Хельсинки и на Карельском перешейке популярностью пользовались оркестры, состоявшие целиком из эмигрантов. Наиболее известные эмигрантские оркестры выступали в столичных кинотеатрах «Астория» и «Капитолий». С появлением звукового кино многие музыканты вынуждены были снова искать свое хлебное дерево.

Из джазовых эмигрантских ансамблей в середине 1920-х гг. наиболее известным являлся оркестр Фрэнсиса де Годзински, эмигранты играли также в популярных джазовых оркестрах «Замба» и «Майол». Коллективы братьев Путилиных и Александра Бреннера, например, помимо обычной программы исполняли также традиционные русские музыкальные композиции.

Подвизавшиеся на поприще легкой музыки эмигранты представляли собой довольно пеструю картину, и не все они были собственно русскими. Можно упомянуть, что оказавшие влияние на становление финского джаза братья Гунаропулос — Георг и Анатолий, были греками. Польские корни имел Жорж де Годзински, который начинал как аккомпаниатор Шаляпина и заканчивал свою карьеру дирижером оркестра Финского Радио.

Корни русского сценического искусства уходят в конец 1860-х гг., когда в Хельсинки был основан «Русский Александринский театр». В Выборге и на Карельском перешейке гастролировали российские труппы, отдыхавшие дачники ставили своими силами комедии и инсценировки. Хотя творческий путь «официального» русского театра в Финляндии прервался с обретением ею независимости, оставалось много любительских коллективов. Только в Хельсинки насчитывалось полдесятка театральных трупп, первая из которых была создана в 1920 г. Самозабвенная театральная жизнь протекала в Выбор-

ге и на Карельском перешейке, например в «Русском театре» в Келломяки.

По сравнению с финскими сценическими коллективами и даже со многими театрами небольших городов русские любительские труппы казались весьма высокого уровня. Программа была разнообразной: Михаил Булгаков «Дни Турбиных», Николай Гоголь «Ревизор», оперетта Сидни Джонса «Гейша», опера Россини «Севильский цирюльник».

В 1920–1930-х гг. влияние русского театра на сценическое искусство Финляндии было незначительным. Но уже в послевоенное время в числе актеров и режиссеров финского и шведского театров можно было заметить лиц русского происхождения. В мире кино в межвоенный период имелось два режиссера, жизненный путь которых был связан с Россией. Валентин Ваала (Иванов) принадлежал к старой когорте осевших в Финляндии русских, Теуво Туулио (Теодор Тутай) родился в Питере в литовской семье.

Беженцы-соплеменники подобными подмостками похвастать не могли, слишком незначительными были занятия балетом и театром в Ухте или Лемпаала. Но можно все-таки отметить, что актер Иисакки Латту и оперный певец Суло Ряйккёнен были ингерманландцами, правда, перебравшимися в Финляндию еще до революции. Преподаватель музыки и композитор Петр Акимов происходил из Олонца, но он обрусел и к нему относились как к «рюсся».

Художник Илья Репин, который жил в островерхой даче в Куоккала на Карельском перешейке, принадлежал к числу наиболее известных русских художников, находившихся в Финляндии. В свое время он был, пожалуй, самым популярным живописцем России. Советский Союз в середине 1920-х гг. пытался уговорить его вернуться на родину, где ему обещали звание народного художника и пенсию. Мысль о возвращении иногда посещала Репина, хотя она и осталась в числе других нереализованных сокровенных желаний.

Для Ильи Репина 1920-е гг. были уже закатом его творчества, хотя он продолжал работать до последних дней. Экономические условия жизни также становились все более трудными; рисунки и эскизы Репина переходили в руки местных скупщиков и попадали в столичные галереи по ничтожно низким ценам. Его дочь Вера вела хозяйство, и впоследствии жила за счет продажи этих работ. Уже в послевоенное время картины и эскизы отца менял на еду проживавший в ночлежках Хельсинки сын Репина Юрий, который не гнушался ни денатурата, ни политуры.

В 1920–1930-е гг. в Финляндии работали десятки русскоязычных художников, как собственно эмигрантов, так и лиц, давно проживавших в стране. У них имелось свое «Объединение русских художников в Финляндии», которое устраивало выставки. Можно назвать имена: Катарин Боман-Коломизова, В. Н. Крестьянофф, А. Ф. Шульц и Валерий Тиан. Из скульпторов наибольшую известность получил работавший на заводах «Арабия» Микаэл Шилкин. Хлеб художника был скуден. Некоторым приходилось разрисовывать на фабриках Фазера коробки для карамелей и печенья, другие украшали мебель, кто-то разъезжал по рынкам Карельского перешейка, продавая свои работы.

Хотя русскоязычная диаспора в Финляндии была невелика и раздроблена, ее культурная жизнь и художественные устремления еще в 1930-х гг. были удивительно оживленными. Многие из этого осталось внутри своего круга, но «русские» в некоторых областях обогатили и культуру Финляндии. Влияние иногда было столь сильным, что порождало критику и подхлестывало ненависть к «рюсся».

«Русские „артисты“ всех мастей, комедианты и им подобные вновь стали появляться повсюду, получая все большую и большую популярность у финнов», бушевали в начале 1924 г. органы Аграрного союза «Мааканса» и «Илкка». По мнению газет это также является русской угрозой, против которой надо вести борьбу. Студенты Академического Карельского Общества в начале 1920-х гг. с криками «долой рюсся!» систематически устраивали на концертах «Русского хора г. Хельсинки», оркестра балалаечников и гастролировавших эмигрантских ансамблей шумные дебоши. Национальный позор тем, кто позволял русским хорам и коллективам находиться в независимой Финляндии и распространять в ней свою азиатскую музыку. Когда в Выборге гастролировал певец Дмитрий Смирнов, критик небольшой местной газеты, находясь «под мухой», оценил программу как «безвкусную», а музыкальное сопровождение «невзрачным».

Даже вклад русских в развитие балета и музыки вызывал осуждение. Против выделения государственной поддержки балету в 1930-х гг. выступали в парламенте на том основании, что в нем было много русских. Из них многим пришлось сменить свои фамилии, дабы не пострадал «национальный престиж» балета.

Все это свидетельствовало о тех трудностях и предрассудках, с которыми «русским» пришлось столкнуться в сфере культурной жизни Финляндии. Многие пытались, но редко кому в атмосфере 1920–1930-х гг. — если к тому же было известно, что он «рюсся» и не

изменил фамилию — удавалось продолжить свою артистическую карьеру. Но были и счастливицы; точно так же, как в целом менялось отношение к русским, так и в этой сфере позиция финнов претерпела изменения. Находились люди, которые без всякой политики или национального предубеждения интересовались искусством как таковым, воспринимали палитру и ритмы, которые им предлагали русские.

От «Голоса русской колонии» до «Тоукомиес»

Печатное слово в жизни российских эмигрантов, особенно в первые годы, играло видную роль. Ввиду того, что подавляющая часть беженцев испытывала в стране пребывания языковые трудности, газета на родном языке как источник информации приобретала особое значение: она сообщала новости о событиях на родине, на ее страницах обсуждались судьбы эмигрантов, будущее большевизма и возможности возвращения в родные края. Политические группировки излагали свои взгляды и спорили до хрипоты. По мере того, как пребывание в эмиграции становилось все более продолжительным, политиканство начало постепенно угасать, но информация о жизни своего сообщества оставалась в числе первоочередных задач.

Помимо газет издавались журналы, спектр которых был необычайно широким. Имелись развлекательные, религиозные, научные и художественные издания. Главная задача заключалась в том, чтобы и таким способом содействовать развитию своей культуры и научных знаний, предоставить ученым и художникам слова арену для выступлений.

Эмигрантская пресса сформировалась в начале 1920-х гг. в огромную сеть, простиравшуюся от Харбина до Филадельфии. Большинство изданий выходило на русском языке, но имелись газеты на украинском и грузинском языках. Согласно проведенным подсчетам в 1919–1929 гг. беженцы из России издавали 780 газет и журналов.

Споры, финансовые проблемы и, прежде всего, сокращение читательской аудитории все же вскоре покончили со многими изданиями. К 1930-м гг. количество газет резко сократилось. Наиболее значительными из числа долгожителей оказались газеты «Последние новости» и «Возрождение» в Париже, «Руль» в Берлине, «Сегодня» в Риге и «Новое время» в Белграде. Тираж леволиберальной газеты «Последние новости» в начале 1930-х гг. был самым значительным, свыше 23 тыс. экземпляров. Показательно, что люди следили за главными

изданиями, представлявшими те или иные политические направления, проживая в самых разных уголках земного шара. В Финляндию также выписывали газеты, издававшиеся в Центральной Европе.

Несмотря на неоднократные попытки в Финляндии в период ее автономии выходила всего одна русскоязычная, полуофициальная «Финляндская газета», основанная генерал-губернатором Бобриковым. После того, как в ходе Февральской революции были сняты цензурные запреты, срочно стали выпускать газеты левого направления, предназначенные для дислоцированных в Финляндии русских войск. Эти издания существовали недолго: к весне 1918 г. осталось всего 11 наименований.

Первой газетой для гражданского населения был финансируемый Русской колонией «Голос русской колонии», который стал выходить весной 1918 г. Ее судьба, как и многих других более поздних русскоязычных изданий в Финляндии, была незавидной, впереди уже угадывался скорый конец. Читательская аудитория для одновременного издания разных по политической направленности газет была явно невелика.

В 1918–1927 гг. в Финляндии выходило 12 русских газет. С 1921 г. издавалась консервативная «Новая русская жизнь», последним преемником которой были редактировавшиеся В. И. Воутилайненом «Новые русские вести» (1923–1926). Колония попыталась в следующем году основать еще одну газету, но предприятие не удалось из-за недостаточного количества подписчиков и рекламодателей.

В 1930-х гг. русскоязычные газеты в Финляндии более не издавались. Выпуск журналов также был сопряжен с трудностями, но все время что-то можно было все-таки взять в руки. В целом в 1917–1939 гг. в стране выходило свыше 40 изданий периодической печати на русском языке.

Как уже отмечалось выше, в Выборге в первой половине 1930-х гг. издавался пропагандировавший фашистскую идеологию «Клич», в церковных православных кругах — «Утренняя заря». Долгие годы (1921–1940 гг.) печаталась и другая церковная газета «Пробуждение», которая выходила в основном в Хельсинки.

Уже на страницах первых газет много места занимала культурная жизнь. К тому же часть журналов отличалась высоким художественным и полиграфическим уровнем. Наиболее высококлассным и долговременным изданием был выходивший в Выборге в 1930-х гг. «Журнал содружества», за которым стоял «Дружеский кружок бывших уче-

ников русского реального лица в Выборге». В нем публиковались стихи, рассказы, эссе и новости культурной жизни. Журнал играл важную роль в поддержании контактов с внешним миром, поскольку на его страницах печатались произведения поэтов и писателей из разных стран Европы.

События в Ингерманландии и Восточной Карелии, а также прибывшие оттуда беженцы, нашли отражение на страницах финских газет, однако материалы о них носили эпизодический характер. Но вместе с тем имелись издания, которым предстояло стать рупорами беженцев-соплеменников.

Традиции собственно ингерманландской финноязычной прессы, которые уходили корнями в 19 век, в условиях эмиграции продолжались еще около 10 лет. Первым стал прокладывать дорогу основанный в 1919 г. еженедельник «Инкеринмаа», после закрытия которого «Комиссия по делам Северной Ингерманландии» издавала на Карельском перешейке с весны и до конца 1920 г. «Кирьясалон Саномиа». Эта газета, как и ее продолжательница «Инкерин Саномат», выпускалась в 1921–1922 гг.

Основанный осенью 1922 г. как орган «Ингерманландского союза» журнал «Инкери» выпускался один-два раза в месяц. Многолетним редактором как этого, так и других изданий являлся Антти Тииттанен. Но занятия газетным делом пришлось прекратить в конце 1927 г. из-за убыточности предприятия, подписчиков было слишком мало. Чванливый вздор Тииттанена и ущербные стихи Аапо Ихо не вызывали интереса у беженцев. После этого у ингерманландцев больше не было собственной газеты, кроме как в годы войны-продолжения. Правда, с улучшением своего экономического положения «Ингерманландский Союз» в 1932 г. стал издавать ежегодник «Суомалайнен Инкери», общий тираж которого достиг 3 000 экземпляров.

Первые попытки основать газеты, предназначенные для восточных карелов за рубежом, относятся к 1906–1907 гг., но они потерпели неудачу из-за трудностей, препятствовавших проведению «племенной» работы в Восточной Карелии. Брожение 1917–1920-х гг. вновь создало возможности для публикаторской деятельности, хотя и эти усилия в целом потерпели крушение.

Одна газета все же продолжала жить — основанная осенью 1920 г. «Восточно-карельским комитетом» «Вапаа Карьяла», которую печатали сначала в Сортавала, а затем в Выборге. Еженедельник в первое время в основном писал о событиях в Восточной Карелии, но позднее

сосредоточился на проблемах восточно-карельских беженцев. Уже в 1922 г. подавляющая часть тиража, около 1500 экземпляров, распространялась среди беженцев как через подписку, так и бесплатно.

В начале 1928 г. «Вапаа Карьяла» стала общим вестником всех беженцев-соплеменников, поскольку ингерманландцы получили на ее страницах свою колонку и даже целую полосу. Через два года изменилось и наименование газеты, которая стала «Вапаа Карьяла я Инкери». В последние два экономически трудных года накануне войны ее название вновь изменилось: «Карьяла-Инкери». Издание прекратилось в связи с Зимней войной в конце 1939 г., но к тому времени пресса беженцев-соплеменников обладала уже необычайно длинной историей.

«Вапаа Карьяла» за время своего существования имела немало конкурентов. Карельское просветительское общество, продолжая временами затухавшую издательскую традицию, выпускало с 1925 г. некое подобие журнала «Тоукомиес», в котором наряду с прочим затрагивались и проблемы беженцев. «Центральный союз карельских клубов», который порой издавал много всевозможных клубных листков, в 1935 г. начал выпуск ежемесячника «Итя-Карьяла». Он и «Виена-Аунус», который в начале 1937 г. заменил собою «Тоукомиес», объединились, но согласия и сотрудничества хватило не более, чем на пару лет. Наиболее многолетними главными редакторами «Вапаа Карьяла» и ее последователей являлись Отто Котонен и Эйно Парикка; у «Тоукомиес» — Ииво Хяркёнен.

Если учитывать и недолговечные издания, то их по проблемам Восточной Карелии ко второй половине 1930-х гг. в общей сложности насчитывалось свыше 30 наименований. В большинстве случаев причина неудавшихся предприятий сводилась к распрям внутри общества беженцев-соплеменников; любая «бунтарская группа» считала газету своим рупором и костерила других.

Вылившись на страницы наиболее крупных газет — «Тоукомиес» и «Вапаа Карьяла», споры в начале 1930-х гг. превратились в ожесточенную словесную войну. В это время «Вапаа Карьяла» стала даже объектом бойкота со стороны подписчиков и рекламодателей. В Центральной сыскной полиции с насмешкой говорили о том, что идет схватка между «партиями» «Лавки Котонена» — »чистыми карелами», объединившимися вокруг «Вапаа Карьяла», и Ииво Хяркёнена с его «Тоукомиес».

Существование эмигрантской прессы все время было сопряжено с недостатком финансов и ограниченным читательским кругом. Фонда-

ментом русскоязычных изданий зачастую являлись вспомоществования эмигрантских организаций Центральной Европы, у прессы беженцев-соплеменников — поддержка родственных обществ и взносы поборников племенного дела.

Военные годы изменили ситуацию, но газетная работа не заглохла. У русского Культурно-демократического Союза начала выходить своя газета, название которой неоднократно менялось. Карельское просветительское общество продолжило издание «Карьялан хеймо». Объединяющим элементом среди ингерманландцев с 1958 г. стало скромное издание «Инкериялйстен Виести».

Кузнецы художественного слова

В начале 1920-х гг. мир, кажется, был наводнен печатной продукцией российских эмигрантов. Оснащенные русскими литерами печатные машины извергали из себя самый разный товар: шедевры старых русских классиков, тексты эмигрантских писателей, политические памфлеты, религиозные трактаты, научные исследования и даже детскую литературу.

К 1924 году в эмиграции было опубликовано аж 3600 названий книг, из которых свыше 1400 наименований составляла литература. В то время существовало 142 типографии, из них 86 в Берлине. Литературная жизнь и издательская деятельность началась именно в Берлине, куда перебралась значительная группа интеллигенции царской империи. Позднее Берлин потерял статус литературного центра эмиграции, работа продолжалась, прежде всего, в Париже и Праге.

Константин Бальмонт, Иван Бунин, Зинаида Гиппиус, Александр Куприн и Дмитрий Мережковский. Вот лишь самые видные фамилии писателей и поэтов из числа российских эмигрантов. Старое поколение писало на родном языке, зачастую вспоминая прошлую Россию, хотя многие в новых условиях предпочитали молчать. Но со временем литературная жизнь в изгнании стала приходить в упадок. Читательская аудитория сокращалась, а возможностей повлиять на культурную жизнь Советского Союза не появлялось.

Некоторые эмигранты, тем не менее, оказали самое благотворное влияние на литературу страны проживания и всего западного мира. Иван Бунин получил Нобелевскую премию по литературе в 1933 г. К тому же в эмиграции окрепло поколение, из творчества которого ушла «русская тема» и которое перестало писать на русском языке. Из них можно упомянуть Владимира Набокова; произведения Марка Алданова были переведены более, чем на двадцать языков мира.

Русскоязычное меньшинство в первые годы независимости Финляндии также предпринимало шаги по организации издательской деятельности. В 1919–1921 гг. существовало два русских издательства, но сбыт опубликованных нескольких произведений был неважен, и эта работа потерпела фиаско. Ограниченные масштабы русской диаспоры и переезд людей в страны центральной Европы сказались на этом, равно как и на трудностях литературной жизни в целом.

Некоторые из начавших свою творческую жизнь в России или ставших известными в эмиграции писателей непродолжительное время находились в Финляндии или же непосредственно проследовали через нее на запад. Из них можно упомянуть хотя бы Александра Амфитратова и Александра Куприна. В то же время на постоянное жительство в Финляндии, пожалуй, не остался ни один из заметных деятелей литературной жизни России. Леонид Андреев, обладавший большим количеством рассказов и пьес, встреченных критикой неоднозначно, был из них наиболее известным, но он осел на Карельском перешейке в Ваммелсуу еще лет за десять до революции. Демонстративно искавший в западных странах поддержки для сокрушения большевизма Андреев умер осенью 1919 г.

Из проживавших в Финляндии русскоязычных писателей наиболее плодотворной была поэтесса Вера Булич, которая опубликовала несколько поэтических сборников и пару книг со сказками, печатала газетные эссе. Ее произведения издавались как на финском, так и на шведском языках. По-русски, в первой половине 1920-х гг., свои новеллы и стихи писал Иван Савин, наполовину финн, в роду Юхани Саволайнен. В Финляндию перебрался поэт Вадим Гарднер; фрейлина императрицы Анна Вырубова опубликовала свои ханжеские воспоминания, которые были переведены на финский язык. Особняком в ряду писателей-эмигрантов стоит Игнатий Мошег, который был коми (зырянин). У него было опубликовано до полдесятка откровенно антисоветских воспоминаний и памфлетов.

На собственно финскую литературу оказывали влияние и писатели из числа беженцев-соплеменников. Первопроходцем стал ингерманландец Антти Тииттанен, который в начале 1920-х гг. опубликовал сборник рассказов и краткое описание Ингрии. Он экспериментировал в жанре романа и театральных пьес, но результаты были неутешительными. Творческие перспективы, если они существовали, были прерваны его загадочным исчезновением на льду неподалеку от Хельсинки в 1927 г., согласно одной из версий — при попытке уйти в Советский Союз.

Из ингерманландских писателей наиболее заметным стал Юхани Конкка. В конце 1920-х гг. под псевдонимом Урхо Торикка он дебютировал романом «Мы герои», в котором с предельным реализмом рассказал о войне лесных братьев в Восточной Карелии. Конкка оставил обширное литературное наследие, в котором изображал судьбы Ингерманландии и ее беженцев, его сильно написанные автобиографические романы об участии переселенца и в послевоенные годы не страдали от недостатка читательского внимания. Творчество Конкки было все же неровным и лучше всего его мастерство воплотилось в многочисленных переводах произведений русской литературы, например, Михаила Шолохова и Антона Чехова.

Представитель богемы, шумевший в начале 1930-х гг. в маленькой партии государственного социализма Юхани Конкка был личностью противоречивой. В кругах поборников племенного родства он вызывал ненависть из-за своего романа «Мы герои» и глумливых по отношению к племенной идее газетных статей. Еще в годы Зимней войны на него делались доносы с обвинениями в принадлежности к коммунистам.

К ингерманландским беженцам можно отнести также поэтессу и переводчицу Аале Тюнни, дочь Каапре Тюнни. Начавшая свой творческий путь в конце 1930-х гг. Тюнни стала одним из наиболее значительных имен в послевоенной поэтической жизни Финляндии.

У восточных карелов далее других в искусстве пера продвинулся Микко Карвонен (псевдоним Онттони Миихкали), который в 1930-х гг. опубликовал полдюжину романов как на исторические темы, так и с описанием жизни беженцев из Восточной Карелии. В годы войны у него вышло несколько воинственных очерков, выдержанных в духе ненависти к «рюсся».

Среди беженцев-соплеменников также имелись лица, которым удалось выпустить в свет одно-два произведения, некоторые писали в газеты. В 1930-х гг. из ингерманландцев стихи опубликовал Аапо Ихо, воспоминания — Аатами Куортти, издала роман Лииса Ватъялайнен, а из восточных карелов за свой счет напечатал роман Вилхо Юриной. В начале десятилетия Юусо Мустонен собрал свидетельства о положении в Ингерманландии, аналогичные о Восточной Карелии еще в 1920-х гг. подготовил Васили Кейнас.

В 1929 г. был реализован огромный замысел — опубликован составленный Каапре Тюнни сборник «Десять роковых лет борьбы за свободу Ингерманландии», в котором, главным образом, рассматрива-

лись события 1919 г. и последующих лет. Книга, тем не менее, привела к значительным экономическим потерям для Ингерманландского союза. Об олонецких сражениях в 1934 г. и 1939 г. вышло два составленных Митро Лиетти издания, авторами и подельщиками которого являлись сами беженцы.

В своих литературных произведениях, которые простирались от романов до полемических эссе, беженцы-соплеменники практически всегда писали только о судьбах своих родных мест и разбросанных осколках своего народа. Если учитывать и небольшие издания, то к началу Зимней войны у них вышло около 40 наименований разного рода публикаций.

Никаких ориентиров в литературном мире Финляндии 1920–1930-х г. беженцы из России оставить не сумели. Препятствием для эмигрантов был язык и общая атмосфера, которая не жаловала литературу «рюсся». Она осталась неизвестной для широкой публики. Владевшая русским языком читательская аудитория была невелика, и издательские планы приходилось привязывать к эмигрантским центрам континентальной Европы; так, к примеру, со своими поэтическими сборниками делала Вера Булич. Литературная продукция беженцев-соплеменников, зачастую издававшаяся на собственные деньги, была такого уровня, что она (за исключением произведений Юхани Конкка и Онттони Миихкали) покрывалась плесенью забвения уже в первые годы.

Севильский цирюльник и городошники

«Русский дух» или «запах рюсся» в Финляндии

Даже самые маленькие эмигрантские землячества стремились сохранить язык, культуру и те ценности старой России, которые, как полагали, осквернялись советской властью. Говорилось о «второй России», которую в духовном плане создавали беженцы. Именно в сфере культуры, помимо религии, отыскивались те проявления «русского духа», которые разобщенное эмигрантское сообщество рассматривало в качестве объединяющего начала. Помимо сохранения старой России — что бы под ней не понималось — решались и более приземленные задачи: времяпрепровождение и, например, сбор пожертвований в благотворительных целях.

У российских беженцев в Финляндии, хотя цифры в сравнении с показателями стран центральной Европы оставались скромными,

также имелись свои субкультуры. Именно для русскоязычной диаспоры были характерны наиболее глубокие взаимные связи, рождение контактных зон и сфер взаимовлияния с остальной Финляндией шло отнюдь не просто. У беженцев-соплеменников речь шла скорее о различиях в оттенках, можно говорить о нитях, из которых формировался общий клубок.

Неполитическая деятельность эмигрантов началась в 1918 г., когда Русская колония стала проводить в Хельсинки вечера с благотворительными целями и приступила к сбору средств для нуждающихся. Помимо этого собирали деньги на нужды школ и для поддержки занятий по интересам.

Диапазон предлагаемых культурных мероприятий был широк. Праздничная атмосфера царила на балетных представлениях, на исполнениях фрагментов из опер, концертах, драматических спектаклях. В области высокого искусства поддерживались контакты с крупными центрами эмиграции, откуда на гастроли в Финляндию приезжали многие артисты. Из них можно упомянуть Тамару Карсавину, Александра Куприна, Татьяну Менотти и Федора Шаляпина.

Но не забывали и о развлечениях. Устраивались балы, маскарады, новогодние встречи и кабаре. Пользовались популярностью вечера, в программу которых входили лотерея и танцы. В Хельсинки эти мероприятия проводились в помещениях Русской колонии и городской гильдии, в Белом зале и в здании Русского лицея; в Выборге и в Терийоки — в русском реальном лицее.

Центрами общественной жизни русских в Хельсинки и Выборге стали клубы и помещения для кружковой работы. В Хельсинки при Русской колонии имелся Русский клуб, при котором был отличный ресторан, библиотека, залы для игры в карты и бильярд.

Вторым центром общественной жизни в Хельсинки стал Купеческий клуб при Русской торговой гильдии, в котором помимо эмигрантов и «старых» русских бывали также многие финны. С отменой сухого закона жизнь в ресторане приобрела разгульный характер, случались и пьяные драки. Помимо прочего в клубе шла игра на деньги в таких масштабах, что в 1937 г. пришлось вмешаться властям и дело рассматривалось на судебном заседании. После этого жизнь клуба стала бледной тенью того, чем была ранее.

Имелся свой клуб в Хельсинки и у организации «Звено», который предназначался для встреч и времяпрепровождения молодежи. В Выборге Русское торговое объединение также располагало своим клубом.

Вряд ли можно было найти такую сферу культурной жизни, которая осталась бы без внимания со стороны русских эмигрантов. В Хельсинки имелся литературно-философский кружок «Светлица» во главе с Верой Булич. Молодежная работа проводилась в своих скаутских организациях, ее наименование в Хельсинки — «Следопыты». Получило распространение также Христианское молодежное движение. Можно отметить и такую особенность: с середины 1920-х гг. существовало русское отделение вольных каменщиков «Звезда Востока».

Усилия не ограничивались лишь мероприятиями духовного плана, русские эмигранты занимались также спортом. В какой-то мере эти занятия проходили в свободной форме, но создавались и спортивные общества, к примеру — «Старт» и «Унитас». Популярностью пользовались легкая атлетика и футбол.

Оценивая активность русскоязычных эмигрантов в количественном выражении, можно сказать, что наибольшее оживление пришлось на середину 1920-х гг. В некоторых регионах, например, в Сортавала и Турку, активность падала год от года. Люди уезжали, и членов диаспоры оставалось все меньше. Но знамена продолжали держать высоко. Еще в 1933-1938 гг. было устроено более 120 различных мероприятий, начиная от фортепианных концертов до художественных выставок в Хельсинки, Выборге и в других местах Карельского перешейка.

Но споры сказывались также на культурной и общественной жизни эмигрантов. Сложилась свои круги общения, члены которых просто не могли посещать мероприятия друг друга, не могли находиться одновременно в одном и том же концертном зале. В некоторых случаях взаимная неприязнь перерастала в форменную перебранку.

Так в Выборге на протяжении ряда лет спорили о принципах работы русского клуба, поскольку некоторые члены были недовольны его превращением в картежный и питейный притон и требовали более содержательной программы. Стычки в Русской колонии (Хельсинки) между старым и молодым поколениями привели к выходу из колонии и к основанию в 1936 г. независимой молодежной организации Звено.

Та активность, с которой эмигранты участвовали в культурной и общественной жизни, в деятельности организаций и клубов, свидетельствовала о том, насколько важными осознавались собственные сообщества, независимо от того, шла ли речь о желании сохранить «русский дух» и традиции или же гарантировать возможности для общения на родном языке в чуждом окружении. Но не все были вовлечены в эти процессы. Представители физического труда, рабочие и

ремесленники оставались вне этих «господских» клубов. К тому же было видно, что интриги были противны тем, кто хотел, находясь в стороне, откеститься от клейма «рюсся».

Большинство населения страны и не предполагало, что в Финляндии 1920–1930-х гг. существовали островки «старой России», небольшие мирки своей культурной и общественной жизни. Атмосфера в Финляндии была для «рюсся» настолько враждебна, что всю деятельность приходилось проводить практически в тайне от широкой общественности, избегая огласки. В Финляндии того времени общественная жизнь русских носила исключительно урбанистический характер и отличалась высоким культурным уровнем, что не удивительно, поскольку это наследие уходило корнями в Петербург, Москву и другие крупные города России. Модели поведения и практической деятельности в Финляндии во многом повторяли схемы крупных эмигрантских центров в Европе, но масштабы и возможности, естественно, были более скромными.

*Беженцы-соплеменники:
пытаемся сохранить чувство общности*

Основные интересы беженцев-соплеменников и их усилия в сфере общественной деятельности, естественно, отличались от соответствующих устремлений русскоязычных эмигрантов. Обычай, потребности и готовность к активной деятельности были различными. Такого высокого уровня культурного развития, которое наблюдалось у русских, не было, интеллигенция была немногочисленна. Рвение ингерманландцев и восточных карелов можно очевидно наилучшим образом сравнить с деятельностью молодежных организаций Финляндии, откуда были заимствованы модели практической работы. Своеобразие заключалось лишь в том, что предстояло поддерживать связи внутри своей диаспоры, сохранять и культивировать свои традиции.

Зачастую совместные мероприятия начинались именно в области спорта. Так в Оулу в середине 1920-х гг. непродолжительное время существовало спортивное общество восточных карелов «Калевальцы», а в Выборге спортивное и гимнастическое общество ингерманландцев «Усилие», которое проводило встречи и осуществляло иную программу. Со временем у каждого клуба и объединения появилась своя спортивная секция.

Соревнования устраивались в своем кругу, между отдельными районами, а во время проведения племенных праздников или специальных

соревнований также в масштабе страны. Во второй половине 1930-х гг. между ингерманландцами и карелами трижды состоялись матчи общегосударственного масштаба по легкой атлетике.

Популярными видами спорта являлись лыжи, легкоатлетическое пятиборье, у восточных карелов традиционные для них городки. В некоторых ингерманландских коллективах увлекались стрельбой. Занятия спортом всегда занимали видное место в ряду других увлечений. Особенно активными были карельские клубы на северном побережье Ботнического залива, что привело даже к некоему разладу, поскольку Центральный союз карельских клубов не одобрял чрезмерного увлечения физической культурой, происходившего, по его мнению, в ущерб «духовным» ценностям.

Но спорт был лишь одним видом времяпрепровождения, наряду с ним ставились и более возвышенные цели. Уже на раннем этапе цель кружковой и общественной работы увязывалась с подъемом общего образовательного уровня беженцев, прежде всего с восполнением недостаточной школьной подготовки. В карельских клубах занялись самообразованием, здесь знакомились с историей Восточной Карелии, делались доклады на различные темы. Карельское просветительское общество подарило 15 клубам библиотеки, у Центрального союза клубов временами имелся разъездной консультант по вопросам образования.

Но работа в области образования была все же крайне неровной. Не хватало квалифицированных руководителей, энтузиазм был готов угаснуть. В Центральном союзе карельских клубов во второй половине 1930-х гг. вынуждены были признать, что учеба в кружковой системе не оправдала ожиданий.

У ингерманландцев первые занятия начались в Выборге, где их клуб в 1927 г. сформировал учебную группу. Здесь за несколько лет собралась библиотека, насчитывавшая около 500 книг. При поддержке Народного просветительского общества учебные группы стали создаваться на Карельском перешейке и в Котка, в первой половине 1930-х гг. их число достигло семи.

Работой среди беженцев руководил духовный наставник пастор Варьоваара, этим достигалось единообразие в обучении. Оно велось по школьной программе, помимо прочего занимались родным языком и письмом, предусматривались экзамены и выдача свидетельств. К лету 1931 г. общее количество учащихся превысило 300 человек.

В первые годы, когда за праздниками, проведением вечеров и иными мероприятиями стояли финские организации, беженцы-соплемен-

ники приходили на готовое. Равным образом репертуар Ингерманландского клуба г. Хельсинки на протяжении многих лет находился в руках руководителей и деятелей, пришедших со стороны. В клубе надеялись на приобщение беженцев к «высокой культуре»; выступали оперные певцы и гастролировавшие актеры, слушали фортепианную музыку.

«Приветственную речь держал Хейкки Ротонен. Стихотворение прочел Теппо Ринне, и песню в сольном исполнении спел Алекси Ермаа. Рассказы прочитала Анни Аланко. После перерыва стихотворение прочитала Хелена Турунен, дуэтом спели Клаара и Анни Карвонен. Сказку рассказал Юхо Кусакофф, а рассказ прочел Хейкки Ротонен. ...В конце исполнили „Песню карелов“. После этого разносили шутивную почту и кружились в кадрили. Девушки спели кадильную песню, которая была родной и веселой...», так описывали вечер карельского кружка в Топпила в январе 1929 г.

Задача организации заключалась в том, чтобы активизировать культурные занятия в среде беженцев, в тех местах, где их насчитывалось много, можно было надеяться на успех. Драматические и декламационные кружки существовали практически всюду, было создано немало хороших коллективов, в 1930-х гг. на общешляндских племенных праздниках хоры восточных карелов, обосновавшихся в северной Приботнии, выступали в сводном составе. Различные вечера и небольшие праздники во многих местах стали основным содержанием общественной жизни беженцев. Там, где их было меньше, собирались на посиделки и для занятий рукоделием.

Свидетельством уровня активности являются данные восточно-карельских клубов за 1925–1935 гг., согласно которым за это десятилетие они провели 6600 мероприятий, из них 1100 пришлось на праздники и вечера, 580 — на учебные занятия. Речей и художественных выступлений насчитали 7100, в том числе театральные постановки шли 400 раз.

Хотя путь не был усыпан розами, тем не менее, в рамках организационно оформленной деятельности числилось значительное количество участников, особенно тех, кто в 1920–1930-хх гг. стал взрослым. У восточных карелов в конце 1930-х гг. имелся 31 кружок с 1200 членами. Наибольшее количество кружков действовало в Северной и Восточной Финляндии, наиболее отдаленные находились в Котка, Тампере и Турку. Самая активная деятельность имела место в прибрежных промышленных и лесозаготовительных районах северной Приботнии.

Количество местных отделений Ингерманландского объединения стабилизировалось во второй половине 1930-х гг. на уровне 16 организаций, которые в лучшие времена насчитывали около 1100 членов. Наибольшее количество отделений находилось на Карельском перешейке, деятельность самых западных приходилась на Хельсинки и Турку.

Однако отношение к подобной деятельности было неоднозначным. И если имелись «активисты», которые из года в год могли выступать в роли застрельщиков или принимать участие в этой работе в каком-то ином качестве, то существовали и такие, кто считал все это детской игрой и ерундой. Находились беженцы, которые, опасаясь ярлыков, сторонились своих соплеменников и их организаций.

Из общего количества восточно-карельских клубов с течением времени более десятка прекратило существование, как правило, в тех местах, где их было мало. Олончан упрекали в равнодушии к работе обществ (исключение составляла расположенная в Приграничной Карелии Питкяранта) до тех пор, пока в Суоярви в конце 1930-х гг. не наступило оживление.

«Без работы клубов беженцы определенно впали бы в спячку, оказались бы разобренными и неосведомленными об устремлениях друг друга, ничего не зная, они остались бы законсервированными во многих отношениях неблагоприятной среде промышленных предприятий», считал секретарь Центрального союза карельских клубов Лаури Кунтиярви осенью 1937 г. И хотя это отдавало самовосхвалением, некоторые лидеры в 1930-х гг. также считали, что клубы и общества являются единственной организационной структурой, которая целенаправленно удерживала «расползавшийся» народ или, во всяком случае, тех, кто этого хотел.

Объединения беженцев-соплеменников, в том случае, когда они имелись, не были столь прочными, как у русскоязычных эмигрантов, да и сундук с сокровищами высокой культуры, который необходимо было хранить, также отсутствовал. Ингерманландцы и восточные карелы спорили о «высоких» целях, но кое-чем был уже тот факт, что людей сумели привлечь к занятиям и организованному времяпрепровождению в кругу своих соплеменников. Начав на пустом месте и преодолев сопротивление, удалось организовать систематическую работу, которая, как верилось, сохранит «ингерманландство» и «карельство», которые перейдут к следующим поколениям и предохранят от потери собственных корней.

*В воздухе ощущалось приближение
большого племенного праздника*

Для общественной жизни российских беженцев в Финляндии 1920–1930-х гг. было характерно бесчисленное количество местных мероприятий и торжеств, проведение которых со временем стало затруднительным из-за инфляции и сокращения числа участников. Уже на ранних этапах существовало намерение устраивать общешляндские праздники для утверждения чувства общности и своеобразности. Беженцы-соплеменники к тому же стремились привлечь внимание к положению Ингерманландии и Восточной Карелии. Позднее, по мере упрочения организационных форм работы, мероприятия общегосударственного масштаба должны были стать ареной для демонстрации достижений в спортивной и культурной жизни.

Праздничная суета восточно-карельских беженцев началась летом 1920 г. в Салми, где были устроены первые Карельские празднества для олончан. Устроителем стал Восточно-карельский комитет; инициатива исходила от финских поборников племенной идеи. Комитет также проводил празднества в последующие годы, главным образом в Пограничной и Северной Карелии, от Лиексы до Валаама. И по количеству посетителей и по содержанию программ карельские праздники 1920-х гг. были гвоздем общешляндских мероприятий, которые устраивали восточные карелы.

Со своей стороны в Северной Финляндии и в провинции Северная Карелия стали проводиться карельские игрища, которые устраивались основанным восточно-карельскими старожилами Комитетом карельских игр. Первые состоялись в Каяни летом 1922 г. Как видно из программы, они вмещали в себя соревнования от городков до гребли, торжественные речи и драматические постановки.

Параллельное существование племенных праздников и карельских игрищ отражало ту ограниченность, которая характеризовала активистов восточно-карельского дела, а также свидетельствовала о расколе, имевшем место между олончанами и беломорскими карелами. И когда Академическое карельское и Карельское просветительское общества стали проводить свои празднества, для них в конце 1920-х гг. попросту не стало хватать людей. Не обошлось без экономических убытков.

После продолжительного кряхтения летом 1930 г. в Оулу сумели все же организовать первые совместные восточно-карельские игры и племенной праздник, который поддерживался многими финскими организациями, сотрудничавшими с карелами. Но споров избежать не

удалось, и в начале 1930-х гг. по-прежнему проводились параллельные торжества, которые в конечном итоге были все же задушены экономическим кризисом.

Со временем стали проводить один совместный общешведский племенной праздник в году, который обычно устраивался Карельским просветительским обществом и Центральным союзом карельских клубов. В последние годы десятилетия единственным организатором остался только Центральный союз. Традиция проведения празднеств все более переходила в руки самих карельских обществ. Общие мероприятия устраивались обычно в Северной и Восточной Финляндии, прежде всего в Каяни, Кеми и Оулу, а также в Сортавала, Ювяскюля и Тампере. В последний раз собрались в 1943 г. в Ювяскюля.

Первые праздники Ингрии состоялись летом 1923 г. в Кивиниеми (Саккола). С этого момента взяла старт непрерывавшаяся традиция проведения ингерманландских празднеств общешведского масштаба, которая завершилась в 1939 г. В первое время мероприятия носили скромный характер, позднее программа стала более разнообразной. Праздники, как правило, проводились на Карельском перешейке, чаще всего в Кивиниеми, Кякисалми, Терийоки или Валкъярви. При их организации не наблюдалось такой неразберихи, какая имела место у восточных карелов, поскольку во главе стоял только Ингерманландский союз с соответствующими обществами беженцев.

На первых общешведских ингерманландских праздниках людей обнадеживали возможностью скорого возвращения в родные края, тем, что ситуация за границей станет развиваться в благоприятном направлении. Лозунг о Великой Финляндии особенно рьяно эксплуатировался в торжественных речах, произносившихся на мероприятиях, которые устраивались восточными карелами. Вера в развал Советского Союза и общественное возбуждение в связи с событиями за восточными рубежами начала 1930-х гг. вновь подстегнули к словесным залпам. Ингерманландские праздники в этом отношении были спокойнее.

С течением времени на праздниках 1930-х гг. все больше внимания стали уделять традициям и воспоминаниям, укреплению связей беженцев с основным населением страны. Воскрешали в памяти судьбоносные страницы прошлого: в рамках восточно-карельских празднеств проводилось торжественное мероприятие по случаю 15-летия борьбы за свободу Олонца, ингерманландцы отмечали 20-летие борьбы за свободу Ингрии.

Газета Академического карельского общества во второй половине 1930-х гг. позволила себе выразить неудовольствие в связи с обилием «народных» номеров в праздничных программах; по поводу Великой Финляндии шум более не поднимался. Так, летом 1935 г. на карельском празднестве в Оулу в программе принимало участие около 250 человек, годом позднее в Тампере свыше 150 человек. Программы отличались разнообразием: они включали вечера и церковные богослужения, хоровое пение и исполнение плачей, встречи по футболу и игры в лапту.

В карельских племенных праздниках 1920-х гг. самое большое участвовало около 3000 беженцев и местных карелов, в ингерманландских празднествах до 2000 человек. Во время экономического кризиса начала 1930-х гг. казалось, что традиция находится под угрозой. Участников было мало, у людей не было средств для того, чтобы отправиться в поездку. Из этого состояния выбрались, но во второй половине десятилетия возросшая усталость общества от племенных праздников сказалась на сокращении числа участников этих мероприятий.

Хотя у русскоязычной диаспоры не было недостатка в культурных и иных мероприятиях, все же в первые годы у нее отсутствовала некая традиция совместных празднеств, которая объединяла бы разрозненные группы своего национального меньшинства. В этих целях Русская колония приступила в 1925 г. к проведению Дней русской культуры. Эти дни стали наиболее ярким проявлением усилий по сохранению своего культурного наследия и традиций. Идея родилась, однако, не в Финляндии, подобные мероприятия проводились эмигрантами и в других странах Европы.

Главные события Русских дней культуры проходили в Хельсинки. Помимо речей и выступлений устраивались концерты, ставились спектакли и оперные постановки. Зачастую темы торжеств были связаны с именами выдающихся деятелей русской культуры: в 1934 г. они были посвящены Николаю Гоголю, в следующем году композитору Николаю Римскому-Корсакову, а весной 1937 г. Александру Пушкину. Его дату отмечали несколько дней, была поставлена опера «Борис Годунов», а также спектакли «Каменный гость» и «Скупой рыцарь».

Дни культуры достигали своей цели, поскольку в них принимали участие важнейшие коллективы и организации, к тому же программа была первоклассного уровня. Тем не менее, критика программ и самой организации «дней» все же имела место, слышалось обычное в таких случаях навязшее на зубах брюзжание, но «опрокинуть карету» это не

могло. Уже в 1926 г., когда еще только шел поиск организационных форм работы, свыше 600 человек участвовало в подготовке подобных мероприятий, успех которых не был ограничен языковыми барьерами. Как утверждает устная традиция, покровителем «Дней» являлся генерал К. Г. Маннергейм.

Во всяком случае, в 1930-х гг. в рамках Дней русской культуры устраивались мероприятия за пределами столицы, в Выборге и в других местах Карельского перешейка. Их вершиной стала опера «Алеко», исполненная в дни пушкинского юбилея в 1937 г. в Выборге. В последний раз дни русской культуры были проведены в 1940 г., запланированные же на будущий год торжества, посвященные Михаилу Лермонтову, не состоялись из-за начавшейся войны.

Активность населения свидетельствовала, что праздники в общешведском масштабе имели большое значение для беженцев-соплеменников. В первые годы таким способом пытались поддержать в них надежды, связанные с покинутой родиной, позднее эти мероприятия давали возможность общения в условиях разобщенности, сохранения традиции и связи с прошлым. Если оценивать эти праздники только сквозь призму представленных на них программ, то празднества приносили разнообразие и новые краски в серую будничную жизнь. Многотысячные массы людей с их шествиями, хорами и спектаклями привлекали к себе внимание как на местном, так и на общешведском уровне, беженцы получали известность благодаря средствам массовой информации, общественность знакомилась с их традициями.

Дни русской культуры, независимо от существования различных группировок, давали русскоязычному меньшинству возможность совместного общения в атмосфере «русского духа». Поскольку планы были грандиозными и презентабельными, «Дни» стали погружением в атмосферу старой России и свидетельством сохранения своего культурного наследия, а также указанием того, каких творческих высот предстояло достичь в будущем.

ИНОРОДЦЫ В ФИНЛЯНДИИ — ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ

Беженцы и общественное мнение: хорошие, плохие и омерзительные

«Рюсся он и есть рюсся, хотя...»

Существуют различные представления о том, как относились к русским в межвоенной Финляндии. Наиболее крайние представлены утверждениями своего времени об извечной «ненависти к рюсся», а с другой стороны — более поздними взглядами, согласно которым исторической ненависти не было, она родилась только в 1917–1918 гг., причем носила не национальный, а идеологический характер, и была направлена против коммунизма.

Можно считать совершенно доказанным тот факт, что политика угнетения Финляндии со стороны России в начале 20 в. охладила отношение «обычных» финнов к центральной власти. Это стало заметно и на Карельском перешейке, где население имело наиболее оживленные контакты с русскими. Бузотерство «пожирателей Финляндии», а также планы присоединения части дачных районов к Петербургской губернии породили беспокойство и враждебность. Прошлая критика метрополии и ненависть к русским ограничивалась лишь частью интеллигенции, что происходило не без воздействия усвоенных ею зарубежных расовых теорий.

Обострившаяся ситуация в годы первой мировой войны, обилие русских войск в Финляндии, что не могло не сказаться на повседневной жизни, усилили недоверие к русским. События 1917 г., революции в России, дебоши русских солдат и опасения, связанные с угрозой независимости Финляндии со стороны большевиков, являлись существенными факторами формирования общественного мнения. Плотину прорвало в связи с представлениями белых о характере войны 1918 г., а также в связи с той судьбой, которая выпала на долю русских в Финляндии.

Всеобщей ненависти к русским, которая объединяла бы весь народ Финляндии, не существовало. Поездки на работу в Россию и переезды

в нее продолжались столь долго, насколько это было возможно. Там, где финны постоянно контактировали с русскими, они видели, что не все они были «пожирателями Финляндии» и от них не разило капустой.

На начальном пути Финляндии к независимости прогерманская ориентация и деятельность активистов в конечном счете свидетельствовали о стремлении отделиться от России. Строительный материал для формирования национальной исключительности искали в полном разрыве с прошлым, а также в национальной ненависти и презрительном отношении к «рюсся». Ощущался также страх — страх дальтоников, для которых в равной мере и большевики, и белые русские являлись угрозой для финляндской независимости. Это проявилось помимо прочего в желании очистить страну от русских в 1918 г. и воспрепятствовать приезду эмигрантов.

В средствах массовой информации — прежде всего в газетах Хельсинки и Выборга — уже осенью 1917 г. появились первые сообщения о беженцах, устремившихся на запад. Но предметом широкого общественного внимания эмигранты стали только с конца 1918 г. Подоплека крылась в заметном увеличении их численности, но к этому примешивалась и иная причина. Активисты и иные прогерманские силы стали после поражения Германии укреплять свои ряды, что предполагало начало антирусской газетной кампании. Вплоть до конца осени 1919 г. проблемы эмигрантов постоянно обсуждались на страницах прессы. Писанина сама себя кормила.

Наиболее непримиримые позиции, шел ли разговор об эмигрантах или вообще о русских, были свойственны активистам и аграриям, которые подчеркивали опасность для Финляндии всяких «рюсся», независимо от их цвета. Помимо этого критика получала подпитку из фактов обыденной, ежедневной жизни. Раздражение вызывали чрезмерная в отдельных местах концентрация русских и неудобства, которые, как полагали, от этого проистекали. Русофобство и недовольство эмигрантами прорывалось наружу на всем поле политического спектра страны, но вместе с тем обнаруживалось понимание их сложного положения и нейтральное к ним отношение.

К концу 1919 г. публикации о эмигрантах пошли на убыль. Угроза со стороны русских белогвардейцев, потерпевших поражения на всех фронтах, кажется, отступила, к тому же поток новых эмигрантов временами практически сходил на нет.

И хотя самый большой шум был уже позади, вопрос об эмигрантах продолжал обсуждаться на страницах газет и позднее; на протяжении

двух–трех лет публикации появлялись без какой-либо регулярности. Отчасти речь шла о простых новостях, недостатка в которых не испытывалось. В первой половине 1920 г. стала слышна критика властей, которых обвиняли за дряблость на границе и благоволение к «рюсся» в Выборгской губернии. С ужесточением политики началась высылка русских из приграничных районов и Выборга, которая продолжалась на протяжении двух лет.

Весной 1921 г. предметом обсуждения стал переход участников кронштадтского мятежа через ледяные поля Финского залива. Более всего привлекал внимание тот факт, что эти люди поднялись против большевиков. Это вызвало симпатию и расположение: беженцы были жертвами большевизма, которым цивилизованное государство должно оказать помощь. Но на Карельском перешейке сразу же возникло недовольство наплывом огромной массы людей и тем, что пришельцы вызвали трудности со снабжением.

Позднее пресса сформировала сомнительный образ кронштадтцев. Рассказывалось о случаях бегства из лагерей и с рабочих мест, о безуспешных усилиях наладить их труд. На правом фланге политической сцены опасались того, что кронштадтцы станут разносчиками большевизма, а какой-то сумасброд в читательской колонке опасался за чистоту финской расы, поскольку женщины на сеновалах могли вступить с ними в близкие отношения. С левого фланга слышались обвинения беженцев в их принадлежности к белогвардейцам, а также в том, что работодатели используют их в качестве бросовой рабочей силы, которая срезает заработки финского рабочего люда.

В общественной атмосфере начала 1920-х гг. было заметно систематическое возбуждение и нагнетание антирусских настроений. В насаждении «ненависти к рюсся» важную роль играли шюцкоровские газеты, издание активистов «Суунта», а также Академического карельского общества — «Суомен Хеймо». Эту ненависть представляли финнам как нечто традиционное и извечное, которое было следствием многовекового угнетения. Русские являлись со всех точек зрения отвратительным и презираемым народом, который представляет угрозу Финляндии. Этим объясняли необходимость обороны страны и пытались поднять воинский дух.

В идеологии Академического карельского общества мифическая «ненависть к рюсся» переплеталась с патриотизмом и идеей племенного единства. Советскую систему оценивали под углом зрения планируемой Великой Финляндии и той политики угнетения, которая

проводилась по отношению к проживавшим за кордоном родственным народам. Одновременно с культивированием ненависти к русским пробуждали интерес к соплеменникам и распространяли информацию об ингерманландцах, восточных карелах и беженцах.

«Ненависть к руссъя» воспитывалась к России и абсолютно ко всем русским, а не только к эмигрантам. Но конкретным образом «дух времени» проявлял себя именно в отношении к последним. Когда количество публикаций о самих русских беженцах во второй половине 1920-х гг. пошло на убыль, на острие новостей оказались, главным образом, темы, которые они могли истолковать в негативном для себя духе.

Раздражение вызывали по сути дела те же сюжеты, что и в неспокойном 1919 году. Сведения о том, что эмигранты активно занимаются политиканством, поддерживали страхи об угрозе со стороны «пожирателей Финляндии». Независимо от того, шел ли разговор о культурной деятельности русскоязычной диаспоры, скаутском движении или о церковных спорах по поводу календаря, все эти темы излагались только с этих позиций. На левом фланге политической сцены деятельность «махровых руссъя» считалась угрозой общему миру и Советскому Союзу, развитию его отношений с Финляндией. Левые видели, что эмигрантам разрешали действовать в Финляндии как составляющей части всех консервативных сил страны, придерживавшихся антисоветских позиций.

Когда в Выборге на городской улице можно было вдруг услышать громкий разговор русских, некоторые начинали гадать, не означает ли это, что «руссъя» вновь поднимают голову и какие требования теперь они собираются выставить. В колонке читательских писем неизменно присутствовал расизм — «руссъя» по существу и людьми то не были.

Отношение к эмигрантам на страницах прессы, впрочем, как и в обыденной жизни, было все же не однозначным. О русских беженцах в 1920-х гг. наиболее последовательно и в самом негативном духе писали выборгские газеты. И, тем не менее, в газете прогрессивной партии «Карьялан аамулеhti», которая также выходила в Выборге, постоянно осуждали самые грубые выпады как «непристойность» и «свинство».

В громивших эмигрантов газетах удивлялись тому, что «ненависть к руссъя» усваивается далеко не всеми финнами, что к русским обнаруживалось расположение. Газета аграрного союза «Илкка» в 1924 г. писала: «...русская угроза и в настоящий момент весьма серьезна, и рас-

тет день ото дня. Тогда как финское национальное самосознание, напротив, ослабевает».

Замкнувшиеся в своих землячествах эмигранты выпали из поля общественного внимания во второй половине 1920-х гг.; какие-то экстраординарные события, вызывавшие интерес общественности, отсутствовали. На конец 1927 г. и начало следующего года приходится последняя крупная шумиха, которая вновь вернула тему на страницы газет. Занавес молчания сорвала политическая активность монархистов, в частности, посылка бомбистов из Финляндии в Советский Союз. Воскресли старые образы: деятельность «черных рюсся» воспринималась не только как угроза для Финляндии, но она стала средством выкручивания рук во внутренней политике страны. Крайние левые обвиняли социал-демократов и «реакционные силы» в братании с белыми русскими на фронте антисоветской борьбы, социал-демократы утверждали, что, прежде всего, коалиционная партия гладила по головке эмигрантов правого толка.

Шумные внутривнутриполитические события в Финляндии и смутное время в Советском Союзе в начале 1930-х гг. вновь подняли «ненависть к рюсся» на прежнюю высоту. В глазах правых радикалов образ Советского Союза ассоциировался с ненавистью к коммунизму, увязывался с планами о Великой Финляндии и с обеспечением безопасности страны. Позиция исподволь подогревалась возрастающей угрозой, исходившей от военной мощи восточного соседа.

Но теперь ненависть, возбуждаемая к русским, влилась в более широкий поток. У вызвавшего сильные потрясения лапуаского движения и его последователя Патриотического народного движения было столько забот с борьбой против «марксистов-центристов», «паткулей» (центристы в рядах Патриотического народного движения. — *Пер.*), «хурри» (презрительное наименование шведоязычного населения Похьянмаа. — *Пер.*), евреев и свободных каменщиков, что немногочисленная русская община в этом потоке была практически незаметна.

Со второй половины 1920-х гг. финская общественность забыла русских эмигрантов. Но в те моменты, когда о них вспоминали, оценки были, как правило, отрицательными. По сравнению с интересом, который вызывали к себе беженцы-соплеменники, эмигранты пользовались меньшим вниманием. Дольше всего внимание к ним проявляли Выборгские газеты, поскольку в губернии проживало немало русских.

Предвзятое отношение средств массовой информации ко всему российскому сказывалось также и на представлениях о «доморощенных

русских», хотя отдельно о них говорилось и писалось немного. С точки зрения эмигрантов существенным был тот факт, что «ненависть к рюсся» насаждалась в армии, отрядах шюцкора, в студенческом мире подраставшей интеллигенции. Враждебность пользовалась «официальным» благоволением, дух времени характеризовался недружелюбием, и оно проявлялось в отношении к русскому меньшинству со стороны той огромной части населения Финляндии, которая даже никогда не сталкивалась с «рюсся».

Братья-соплеменники или забулдыги-дебоширы

С весны 1919 г. пресса получила возможность писать не только об эмигрантах, но и о беженцах-соплеменниках. Интерес в общефинляндском масштабе был сосредоточен в основном на военных действиях, разворачивавшихся за кордоном, а о беженцах писали, главным образом, восточно-финляндские газеты.

Публичное отношение к беженцам-соплеменникам было, безусловно, положительным. Они принадлежали к финскому роду, вступили на путь освободительной борьбы против красного угнетения, им во имя человечности следовало оказать поддержку. Но, как и в случае с эмигрантами, здесь также проявились расхождения, и произошло изменение позиций. Обнаружившиеся связи с белыми русскими привели к тому, что отношение активистов к ингерманландцам стало враждебным. В 1920 г. «обрусение» ингерманландцев стало, к примеру, темой обсуждения на страницах газеты Карьяла.

«Страдающим от голода безработным нашей страны остается только наблюдать, как государственные ресурсы расходуются на нужды жертв наших лесобаронов», писала весной 1921 г. газета «Кансан Тюё». Начала просматриваться та платформа, которая стала определять отношение левых к беженцам-соплеменникам. Они представляли угрозу интересам собственного трудового народа; все, что получали беженцы, не доходило до ртов голодных финнов.

События в Восточной Карелии и их последствия вновь выдвинули проблемы беженцев на острие общественного интереса. Повторилась старая и уже известная ситуация: недовольство населения и приведшие к этому события рассматривались, главным образом, сквозь маленькую замочную скважину политических интересов.

В конце 1921 г., когда положение за кордоном стало взрывоопасным и в Финляндии приступили к организации добровольной помощи, в газете активистов Суунта и в прессе Аграрного союза вместо

серьезного уяснения существа дела стали печататься бойкие и хлесткие материалы. С прибытием восточных карелов центристы и правые считали их, подобно всем беженцам-соплеменникам, жертвами режима, которым следовало оказать помощь. Какими бы ни были закулисные расчеты, практическая помощь свидетельствовала о благосклонном расположении к беженцам.

Но среди левых вторжение добровольческих сил в Восточную Карелию вызвало серьезную критику. Основанная весной 1920 г. Социалистическая рабочая партия Финляндии публиковала в своих газетах протесты и организовывала собрания, а социал-демократы подняли в парламенте вопрос о нейтралитете Финляндии. С наплывом беженцев левые представили их на страницах своих газет как бремя, порожденное авантюристической восточной политикой. Хотя социал-демократы согласились признать необходимость оказания им помощи, тем не менее, проистекавшие из этого трудности они хотели переложить на плечи главного виновника — правых, а не народа. Эту позицию, равно как и страхи о возможном использовании беженцев для понижения оплаты труда, левые депутаты обнародовали весной 1922 г. в парламенте. Для всех левых была характерна общая позиция, согласно которой власть должна приступить к переговорам о создании условий для возвращения беженцев в родные места; они не должны оставаться на постоянной основе в Финляндии.

Какое-то время газеты левых сил демонстрировали жалость и расположение к беженцам-соплеменникам. Говорилось о трудных условиях их проживания, о махинациях работодателей. Высказывались предположения, что часть беженцев, убегая от войны, оказалась в Финляндии вопреки своему желанию и что им следовало бы научиться понимать общие интересы трудового народа.

Но и небольшое сочувствие быстро улетучилось, когда навалились всевозможные невзгоды повседневной жизни. «Белогвардейские беженцы на шее налогоплательщиков Финляндии», так озаглавил свой материал информационный бюллетень рабочих организаций летом 1925 г. В нем выкристаллизовалась позиция крайне левых сил по вопросу о беженцах. Пресса левого крыла социал-демократов и коммунистов зачастую относилась всех беженцев к «рюсся», «черносотенцам» и белым интриганам. Их считали политическими противниками, которые выступили с оружием в руках против советской власти.

С этой негативной характеристикой неразрывно было связано представление о них как о «нахлебниках государства», штрейкбрехерах,

любимчиках работодателей и мальчиках на побегушках, которые обременяли и ослабляли положение финских трудящихся. «...Рабочим следует держаться в стороне от всего такого, что даже в малейшей степени указывало бы на помощь карельским беженцам, до тех пор, пока они в согласии с принципами капитализма сидят в ее (буржуазии) саях», суммировала газета «Кансан Тьюё». Помимо прочего, левых раздражало даже обучение беженцев. Использованные для этого средства отымались от своего народа, к тому же подозревали, что правые готовили молодежь из числа беженцев для велико-финляндских авантюр.

Не были редкостью случаи, когда беженцев-соплеменников представляли как сомнительных и пользующихся дурной славой людей. Штрейкбрехеров называли забуддыгами, рассказывали о том, как подвыпившие «братья по крови» хулиганят, играют в карты, дерутся и занимаются поножовщиной.

И хотя к концу 1920-х гг. интерес рабочих газет к ингерманландцам и восточным карелам ослаб, забастовки и производственные конфликты приносили о них новую информацию. Отношение к беженцами с годами не стало более терпимым.

Если оценивать появлявшиеся в Финляндии публикации об ингерманландцах и восточных карелах, то они скорее были благосклонного, нежели негативного свойства. Наряду с писаниной спонтанного характера просматривалась информационная работа, проводившаяся сторонниками племенной идеи.

Но на общепеинляндском уровне пресса все же потеряла интерес к беженцам-соплеменникам. Племенные организации в конце 1920-х гг. сетовали на то, что ингерманландские и восточно-карельские дела почти полностью выпали из сферы общественного внимания.

Да и та информация и пропаганда, которые имели место, не находили своего читателя. Лидеры ингерманландцев удивлялись тому, что до сих пор они сталкиваются с неосведомленностью, с представлениями об ингерманландцах как «отдельном народе», который настроен в пользу «рюсся». Среди восточных карелов были слышны сетования на то, что даже со стороны активистов «племенной» работы и людей образованных можно было встретить непонимание. При непосредственном столкновении с беженцами оказалось, что они не соответствовали тому образу, который был сформирован идеологией племенного романтизма. Были слышны всевозможные заявления о «недоразвитости», русском влиянии и советы о том, что следует стать «настоящими финнами».

После нескольких лет забвения судьбы Ингерманландии и Восточной Карелии в начале 1930-х гг. вновь стали предметом общественного внимания. Это отразилось и на беженцах-соплеменниках: о них возросла информация, уменьшились подозрения относительно их обрусевшей природы.

Но вместе с тем эти изменения не затронули левого фланга политической сцены. Крайние левые более не имели возможностей отреагировать в прессе, поскольку их газеты были закрыты. Со стороны социал-демократов, которые поначалу с недоверием отнеслись к сообщениям о высылках из Ингерманландии, стали слышны голоса о том, что правые использовали проблему только для решения собственных интересов.

Загнанная в подполье Коммунистическая партия Финляндии защищала коллективизацию, поскольку она означала развитие «отсталой» Ингерманландии, а страшные истории, с ней связанные, были ни чем иным, как происками буржуазии для подготовки войны. В информационных бюллетенях партии и в листовках местных организаций беженцы-соплеменники изображались провокаторами, пособниками фашистов. В Центральной сыскной полиции отмечали, что в окрестностях Кеми, например, где проживало много восточных карелов, многие коммунисты ликовали по поводу начавшихся в Советском Союзе перемен и надеялись, что они скажутся и на Финляндии: из-за кордона могла поступить «давно ожидавшаяся помощь».

Общественное внимание к событиям за границей оказалось непродолжительным, широкий интерес как пришел, так и ушел. К концу 1930-х гг. беженцы-соплеменники вновь оказались за порогом газетных новостей. По большей части лишь «Аян Суунта» и «Суомен Хеймо» смогли время от времени поддерживать их на плаву. В целом же «старый» вопрос о беженцах ушел в прошлое, на сцене стали появляться новые беженцы из стран Центральной Европы.

Обильная пресса и различные факторы, влиявшие на общественное мнение, создали в Финляндии представление о «хороших» и «плохих» беженцах. Хорошими в основном были ингерманландцы и восточные карелы, плохими — русские. Эти оценки, правда, родились не на пустом месте. Водораздел отражал сложившееся к ним отношение со стороны многих граждан и официальных лиц.

Но реальная жизнь не вмещалась в эти узкие рамки. При возбуждении как «ненависти к русским», так и национального духа, которые сами по себе были оборотными сторонами одной и той же медали, вынуж-

дены были признать, что формирование общественного мнения не достигало стопроцентного результата. Он зависел от самих людей, у которых не было собственного опыта общения с беженцами или которые находились на коротком поводке некоей политической идеи.

После десятилетий молчания публичная политика, имеющая отношение к инородцам, и их образ, создаваемый средствами массовой информации, вновь приобрели актуальный характер в конце 1980-х гг. С того времени, когда в последний раз широко говорилось и писалось о беженцах, средства массовой информации стали более многообразными, и их эффективность выросла. По сравнению с прежними временами публичный портрет беженцев и возвращенцев в 1990-х гг. стал более многогранным и более взвешенным, характерное для 1920–1930-х гг. целенаправленное формирование общественного мнения, постоянное набивание оскомины по поводу той или иной группы инородцев отсутствовало.

Но нашлось и нечто общее. В колонках читательских писем вновь встречались старые опасения об угрозе обществу и сетования о нахлебниках; правонарушения инородцев и всяческие злоупотребления были излюбленной темой новостей. Прямолинейные аналогии и обобщения, деление на «хороших» и «плохих» были неотъемлемым элементом создаваемого общественного портрета. Круг замкнулся. И если подменить термин «рюсся» на сомали или русского, беженца-соплеменника на ингерманландца-возвращенца, то становилось довольно трудно определить: в Финляндии 1920-х гг. или конца XX столетия опубликована данная газетная статья.

Финны, беженцы и серые будни

Центры «русской» Финляндии

При характеристике ежедневного общения коренного населения страны с российскими беженцами вряд ли стоит следовать каким-то прямолинейным и общим схемам. Контакты тысяч людей представляли собой многоцветную мозаику. Отношение менялось и зависело от места и времени, различные группы населения относились к беженцам по-разному, в зависимости от их изначальных представлений, оно складывалось на основании практического опыта и идейных воззрений.

С самого начала стало заметно, что на отношение к эмигрантам влиял предыдущий опыт общения с русскими и мнение, сложившееся

о них в прежние времена. В 1919 г., когда возник план расселить русских по разным регионам Финляндии, их отказались принять в губерниях Куопио, Оулу и Вааса, ссылаясь на практические трудности, враждебное и предвзятое отношение местного населения. Эти районы были цитаделью Аграрного союза, известного своей русофобской политикой, да и у местного населения не было большого опыта общения с русскими.

Жизнь показала, что русским, действительно, было трудно укорениться в тех районах Финляндии, где к ним не привыкли. В полной мере с этим столкнулись кронштадтские беженцы, которые поначалу были расселены в разных регионах страны. Оставшиеся в Финляндии кронштадтцы со временем перебрались в юго-восточные районы и Приграничную Карелию, а вернувшиеся на родину говорили о том, что причина возвращения зачастую заключалась в свинском отношении со стороны финнов.

Эмигранты сосредотачивались в основном там, где русские проживали еще во времена автономии: Хельсинки, Выборг и некоторые другие места Карельского перешейка, отчасти Приграничная Карелия. Там привыкли к «рюсся» — плохим и хорошим.

Но и в этих районах потребовались годы, прежде чем начало обрисовываться место русскоязычных беженцев в тогдашнем обществе. Помимо действий официальных лиц — ограничений и регламентаций — переходный период сказался на поведении людей и иным образом. В 1919 г. именно депутаты от Выборга наиболее резко выступили в парламенте страны против эмигрантов, позднее на них обрушилась выборгская пресса. В повседневной жизни жители Карельского перешейка чурались лиц, подозреваемых в том, что они являются «пожирателями Финляндии» или большевиками, поэтому многие из них вынуждены были покинуть страну, не получив вида на жительство. Воспоминания современников того времени свидетельствуют, как сильно влиял на подрастающее поколение барабанный грохот «ненависти к рюсся». Рассказывалось о драках, о приставаниях к русским, о дискриминации.

В Хельсинки, где замазывались русскоязычные таблички с названиями улиц и стены православной часовни, в начале 1920-х гг. эмигранты смогли сполна ощутить на себе проявления «ненависти к рюсся». На их мероприятиях появлялись дебоширы, ярые шюцкоровцы с жаром требовали очистить страну от русских. Как в столице, так и в Выборге русские в начале 1920-х гг. легко становились на улицах

жертвами хулиганских выходок. Воспоминания русских жителей Хельсинки межвоенного времени говорят о том, что в общественных местах было неразумно говорить по-русски. Условием получения рабочего места часто становилась необходимость сменить свою фамилию на финскую.

И все же в столичном регионе для эмигрантов находились лазейки для существования, работы и возможности для активной культурной деятельности. Контакты с местным населением были ограниченными, при этом отношение со стороны шведоязычного меньшинства было зачастую более благосклонным, чем со стороны финнов.

В Выборге, впрочем, как и в столице, эмигранты имели возможность опереться на «старое» русское сообщество, которое сформировало свою систему рабочих мест, торговли и школьного дела. Находились финны, а также представители иных национальностей, владевшие шведским или немецким языками, которые поддерживали различные контакты и связи с этим миром и беженцев не сторонились.

Совместное проживание эмигрантов и финнов наиболее естественным образом протекало в тех местностях восточной части Карельского перешейка, где русские с давнего времени обитали на своих землях и дачах. Современники вспоминали, что коренное сельское население относилось к эмигрантам по-деловому. В сообщениях органов наблюдения также отмечалось, что люди проживают, как правило, в согласии. К тем русским, которые выучили финский язык и выказали желание жить в этой стране по ее нормам, относились как к ровне. Русские, получившие гражданские права, входили даже в состав пограничных отрядов шюцкора. Но глаза, тем не менее, не закрывали. Не одобряли ярых монархистов, а также тех, кого считали настроенными враждебно к Финляндии и финнам. Часть эмигрантов осталась в изоляции как по своей воле, так и в силу бойкота со стороны местного населения.

Для эмигрантов и, прежде всего, русских наиболее трудный период пребывания в Финляндии, в результате отголосков событий 1918 г., продолжался до начала 1920-х гг. Но и в эти годы, наполненные заклипаниями о «ненависти к русским», отношение к России и русским было самым разным.

Вот несколько примеров. В 1921 г. в университетских кругах был создан комитет по оказанию помощи, который собрал и послал несколько вагонов продовольствия для голодающих ученых Петрограда. Левые партии хлопотали по оказанию помощи голодающим районам

Советской России. Многие фирмы, не афишируя, искали пути к рынкам за восточной границей.

В финляндской армии на протяжении ряда лет тлел конфликт между военными, получившими образование в России, и остальной частью офицерского корпуса. «Офицеров-рюсся» обвиняли в русофильстве, отсутствии патриотизма и способностей. Ситуация взорвалась в 1924 г. в виде «бунта егерей», в результате которого многие обучавшиеся в России офицеры вынуждены были уйти в отставку или были переведены на второстепенные должности.

Во взаимоотношениях между эмигрантами и основным населением время делало свое дело, спадало напряжение и шло привыкание друг к другу. Но в начале 1930-х гг. вновь наступил период, когда «ненависть к рюсся» стали ковать огромным молотом. В это же время начались избиения коммунистов, от них стали избавляться, перебрасывая через границу; избивали «хурри», носивших значки Дня шведской культуры, шведоязычные надписи вымарывались.

И хотя в средствах массовой информации крайние правые не уделяли много внимания эмигрантам, раздувание антирусских настроений не могло не затронуть их повседневную жизнь. Говорившим по-русски лицам угрожали и морально, и физически, во время проведения русского вечера в Кякисалми в помещение бросили дымовую шашку, фанатики грозили очистить весь город от «рюсся». Поддерживавший Патриотическое народное движение начальник отдела Сысской полиции бушевал в Выборге: «...в интересах государства необходимо изгнать русских из страны...». Эти случаи остались все же проявлениями крайних взглядов, попыток организовать русские погромы не наблюдалось.

Подавляющей части населения Финляндии в 1920–1930-х гг. не пришлось иметь личных отношений с эмигрантами, поскольку районы их проживания были строго ограничены. Проблема эмигрантов на местном уровне стала заметной в военные годы, когда эвакуированные с оставленных территорий русские оказались в новых местах. Среди населения Центральной Финляндии, где появились переселенцы, вызвал удивление и озлобление тот факт, что среди них обнаружили «закоренелые рюсся», совершенно не владевшие финским языком. Можно лишь представить, что отношение к русским в стране, которая вела войну против Советского Союза, было действительно несладким.

Согласно воспоминаниям отчуждение русских и ругательство «рюсся» в какой-то мере сохранилось и после войны, хотя и в мень-

шей степени. В отношениях Финляндии и Советского Союза наступал новый период, на волне левых политических настроений все русское стало даже модным. Молодое поколение русских было теперь трудно отличить от остального населения, если только по имени, да и то не всегда.

Жизненный опыт эмигрантов в Финляндии не представляется чем-то уникальным. Во всех отделившихся от Российской империи национальных окраинах обнаружилось стремление приостановить их поток, держаться подальше как от них, так и от более или менее направляемой русофобии. В этом сказывались тяжелые воспоминания о времени прежнего русского правления и борьбе за сохранение своей независимости, что игнорировалось эмигрантскими группировками, тянувшимися к прежней России.

К российским эмигрантам относились более благосклонно там, где привыкли к беженцам и переселенцам, а также в тех странах, население которых было многонациональным или славянским по происхождению. Из европейских государств в этом смысле наиболее гостеприимными были Франция, Балканские страны и Чехословакия.

Изменение внутри- и внешнеполитической обстановки наряду с причинами экономического характера привело во многих странах к брожению, которое изменило отношение к эмигрантам не только властей, но и «простого» народа. Так в Прибалтийских странах скатывание к диктатуре и возбуждение национального духа усложнило положение русских, раздувало враждебные настроения, это же имело место и в Болгарии.

С приходом к власти национал-социалистов в Германии атмосфера стала столь удушающей, что многие эмигранты предпочли отсюда уехать. Даже во Франции в начале 1930-х гг. поднялась волна антирусских настроений, одним из рикошетов которой было убийство в 1932 г. президента Поля Думера. Фашистские организации, главным образом, культивировали ненависть ко всем иностранцам.

Русофобство и, по крайней мере, глубокое недоверие сказывались на судьбах эмигрантов в Финляндии в большей степени, чем в остальных странах, это правда. Гулко раздававшаяся «ненависть к русью» не проходила бесследно, но там, где люди имели ежедневные контакты, на формирование отношений оказывали влияние многочисленные иные факторы, привыкание и практический опыт. Следует отметить, что как только ситуация входила в нормальное русло, в Финляндии отказывались от организованных и режиссируемых проявлений

ненависти, от ужесточения политики со стороны официальной власти, что усложняло жизнь эмигрантов во многих странах центральной Европы в 1930-х гг.

*Наибольшее сочувствие финского народа —
к беженцам-соплеменникам*

На отношении коренного народа страны к беженцам-соплеменникам отчасти сказывалась сила привычки и влияние взаимного общения на более раннем этапе. Наиболее непринужденные отношения складывались в приграничных районах, в непосредственной близости от их родных мест.

Из всех российских беженцев наименее тернистым путем в этом смысле шли ингерманландцы. По обычаю, поговору они немногим отличались от коренного населения. В прессе неоднократно отмечалось, что именно на Карельском перешейке оно относилось к ингерманландцам благосклонно. В образе жизни, обычаях и диалектах было много общего, тем более, что подавляющая часть беженцев пришла из приграничных районов.

Согласно данным наблюдения, в сельских районах Карельского перешейка ингерманландцев в 1930-х гг. не отделяли от остального населения. Их в целом считали трудолюбивыми и старательными, спекуляция на дешевой рабочей силе, характерная для начальных лет, в связи с уменьшением числа ингерманландцев отошла в прошлое.

Предубеждений по отношению к восточным карелам, в сравнении с ингерманландцами, было значительно больше; сложившийся в народе образ «коробейника-рюсся» популярности не прибавлял. Говор восточно-карельских беженцев, одежда людей старшего поколения, длинные бороды у мужчин и русские имена вызывали подозрения в русофильстве. В приграничных районах, где восточных карелов уже знали, в первое время господствовали сомнения относительно их желаний и способности заниматься трудом, а также в их честности.

Хотя случались стычки, по мнению местного населения, беженцы из Восточной Карелии в приграничных общинах Финляндии все же обосновались наиболее естественным образом. Коренных жителей Приграничной Карелии и олончан к тому же объединял общий язык. Отправившиеся весной 1921 г. на родину олончане через прессу поблагодарили население Салми за сочувствие и за привычные условия проживания. Также и во время, и после событий 1922 г. в Беломорской Карелии было видно, что, несмотря на трудности и стеснен-

ные условия, к беженцам в приграничных районах относились с пониманием.

Об этом свидетельствовал и тот факт, что, несмотря на плохие заработки и сложности с трудоустройством, часть беженцев-соплеменников упорно держалась тех мест, которые напоминали родные края. Там даже семейные браки между беженцами и местными приобрели распространенный характер ранее, чем в других районах страны.

На отношении коренного населения к беженцам-соплеменникам сказывалось тесное переплетение собственно общественного положения последних (рассматривали ли их как угрозу экономическим интересам или они были желанной рабочей силой) с политическими настроениями в стране. В целом внутривнутриполитические противоречия в Финляндии остро отзывались на положении беженцев.

Левые, исходя из своих идейных позиций, практически повсеместно относились к беженцам-соплеменникам, которых считали белыми, резко отрицательно. Особый размах противоречия приобретали на крупных предприятиях, в центрах лесопиления и в портах, где беженцев-соплеменников от остальных рабочих отделяли не только политические взгляды, но и их позиция «на стороне работодателей», что сказывалось на оплате труда и других социальных выплатах.

Тогда как часть финнов считала оказание помощи беженцам-соплеменникам своей обязанностью и делом чести, другие, прежде всего крайние левые, оценивали выделяемые для них марки только с той точки зрения, что эти деньги отбирают от нуждающихся финнов. Но отрицательное отношение к оказываемой помощи проявлялось также независимо и от политических воззрений, главным образом по причине зависти. Кое-где проблема оставалась предметом зубоскальства вплоть до конца 1930-х гг. Перевод всей службы по оказанию помощи беженцам в ведение местных органов, занимавшихся призрением бедных, приводил к отвратительным случаям, когда беженцев клеймили «чужаками», «не нашими».

Проявления публичных негативных по отношению к беженцам-соплеменникам настроений постепенно сократились к концу 1930-х гг. И хотя в промышленных центрах кое-какое привыкание друг к другу уже было достигнуто, тем не менее, неприязнь левых по-прежнему тлела под спудом. Постоянным свидетельством этого являлся тот факт, что в тех общинах, где социал-демократы в органах местного управления имели большинство, беженцам даже в конце 1930-х гг. было трудно получить благоприятное заключение для оформления финского

гражданства. Интересно отметить, что таким же образом поступали в «общинах аграрного союза», где отказывали тем беженцам-соплеменникам, которые поддерживали Патриотическое Народное движение.

В сравнении с русскими эмигрантами отношение к ингерманландцам и восточным карелам в целом все же было более благосклонным. Тень русофобии на них практически не распространилась, резкое неприятие было характерно только для левоориентированных рабочих.

Можно с уверенностью сказать, что усилия в русле племенной идеи и сами ее последователи делали жизненный путь ингерманландских и восточно-карельских беженцев в Финляндии менее тернистым. Нашлись работодатели и чиновники, будничная работа которых была освещена этим идейным пламенем. Но в повседневной жизни природу отношений определяли все же практические обстоятельства, то, каким образом можно было совместить взаимные интересы всех сторон.

Коренное население было расположено к беженцам-соплеменникам по-разному, хорошо и плохо, не больше того, но и не меньше. «Некоторые люди относились, без сомнения, гадко... Не было ничего пригодного. Над всем издевались, вплоть до богослужения и обычаев... Конечно, были и такие, которые жалели, и такие, которые признавали карелов все же людьми. И были те, кто относился с пониманием».

Если проанализировать отношение финнов к иностранцам в 1990-е гг., можно заметить много общего с ситуацией 1920–1930-х гг. Применительно к русским оно по-прежнему было отрицательным, приезжих, отличавшихся и по внешнему виду и по своей культуре, откровенно чурались.

Приехавших с территорий бывшего Советского Союза «ингерманландцев» подавляющая часть финнов была готова принять. Но когда в их среде заметили много обрусевших лиц, общественное мнение в конце 1990-х гг. изменилось в менее благоприятную сторону. Особенно непросто было наладить контакты с коренным населением молодому поколению.

Финны, в зависимости от их общественного статуса, придерживались разных взглядов на то, как следует относиться к переселенцам. Это зависело от их идейно-политической ориентации, возраста, уровня образования и общественного положения. Из политических группировок наиболее благосклонно к ним относились зеленые и сторонники Шведской народной партии, на противоположном фланге находились центристы. Негативные настроения возросли в 1990-х гг. среди рабочих и земледельцев, имевших низкое образование.

С ростом этих настроений стало заметно неприятие всего, что было связано с отклонением от «нормы». Но весь финский народ, тем не менее, нельзя обвинять в предвзятом отношении к иностранцам.

Одна из главных причин обострения ситуации в первой половине 1990-х гг. была связана с опасениями финнов по поводу того, что инородцы могут представлять угрозу их общественно-экономическому положению. Именно по экономическим соображениям к приезжим и иностранным претендентам на рабочие места относились отрицательно.

Взгляды и аргументы по сути дела во многом повторяли ситуацию исхода 1920–1930-х гг. И хотя уровень благосостояния Финляндии, экономическое положение и само население страны с того времени изменились, ничто не изменилось в краеугольной мотивировке, определявшей отношение к приезжим: соперничество «своих» и «чужих» за кусок хлеба и положение в обществе.

На рубеже двух миров

Оторванные от своих корней

Одним, хотя и относительным, показателем успешного или неудачного вживания беженцев в новое общество, считается их желание вернуться на родину. Если отъезд носил вынужденный характер, можно предположить, что с нормализацией положения в их стране люди захотят вернуться. С другой стороны, переезд может представляться столь сомнительным или беженцы будут связывать с новым будущим столь большие надежды, что не возникнет и самого желания на возвращение.

Обычная реакция, сопровождающая переезд, связана с идеализацией былого: раньше все было просто прекрасно. В первый период, когда мигрант находится между прошлым и настоящим, энергию для поддержания жизненных сил дает надежда на возвращение, все остальное — преходяще. Вообще беженцы находятся в противоречивом состоянии, поскольку, с одной стороны, надо приспособливаться к новым условиям, с другой — быть готовым к отъезду.

Как уже было сказано, в первые годы жизнь и деятельность российских эмигрантов была ориентирована на будущую Россию. Отсутствовало всякое намерение закрепиться и облегчить вживание в новые условия. Слишком много было потеряно, как в материальном, так и

духовном плане, чтобы можно было отказаться от старого. Советская власть на протяжении ряда лет стояла на таких непрочных ногах, что ожидание ее крушения не было простым бредом.

Среди эмигрантов, проживавших в Финляндии и в других отделившихся от России и только что обретших независимость государствах, поначалу ходили разговоры о том, что эти страны могут вновь оказаться под скипетром российской державы. В эмигрантских кругах можно было слышать пренебрежительные заявления о засевших в финских безмозглых головах принципах национального самосознания и о ребячестве самой идеи независимости.

Если финны частенько использовали малопривлекательный термин «рюссия», то и у русских имелись аналогичные суждения о финнах. Общепризнанны трудолюбие и честность финнов, но при этом их можно было считать медлительными, угрюмыми, тупыми и даже глупыми. Обнажившаяся в годы угнетения «ненависть к рюссия» и события 1918 г. продемонстрировали образ кровожадного, одетого в сермягу «чухонца». И поскольку в первые годы положение эмигрантов было далеко негарантированным, неудивительно, что многие из них не имели желаний осесть в Финляндии, учить странный язык и свыкнуться с мыслью о жизни в стесненных условиях эмиграции.

В отличие от многих иных эмигрантов беженцы-соплеменники не потеряли большой собственности или престижных должностей, однако за кордоном остался родной дом, привычное окружение, людские контакты и житейский уклад, отличавшийся от условий жизни в финском обществе. Тоска по дому снедала огромное число беженцев на протяжении многих лет.

Связи с родными местами, с оставшимися там или возвратившимися родственниками в 1920-х гг. все же не прерывались. Известия переправлялись тайными тропами, их получали путем почтовой переписки. Нельзя сказать, что в середине десятилетия легальные поездки в Финляндию из Ингерманландии или Восточной Карелии были невозможны. В организациях по обустройству беженцев во второй половине 1920-х гг. отмечали, что часть беженцев-соплеменников, особенно преклонного возраста, не стремилась и не хотела пускать корни в Финляндии, поскольку верила в возвращение домой.

На ситуацию не могли повлиять даже те сомнения, которые существовали в обществе относительно будущего. Руководители и активисты племенной работы пытались приглушить тоску по дому, но в то

же время раздували надежды на скорое падение советской власти и возвращение домой.

Однако к началу 1930-х гг. в настроениях беженцев-соплеменников произошел явный перелом. Тоска по дому по-прежнему точила, но редко кто уже верил в возвращение. Время брало свое. Из воспоминания: «Приходилось свыкнуться и примириться с мыслью о том, что Карелия теперь и в будущем будет всего лишь прекрасным воспоминанием, и оставшаяся жизнь проходит здесь и сейчас, и будущее только здесь».

Еще во второй половине 1920-х гг., по прошествии десяти лет эмиграции, в Хельсинки и на Карельском перешейке жили сотни русских беженцев, у которых, как казалось, не было абсолютно никаких контактов с Финляндией. Все у них было «временным», «преходящим», настоящая жизнь могла наступить только в России. Часть людей связывала все свое существование только со старой Россией. Когда глядели вперед, видели только прошлое.

Великий князь Александр Михайлович писал об эмигрантах в первой половине 1930-х гг., что тринадцать лет заметно изменили менталитет тех двух миллионов фантазеров, которые полагали, что все трудности уже остались позади, когда, оторвавшись от красных, удалось добраться до убежища. Они, по его словам, все еще говорят о «возвращении», утверждают, что подготовлен поезд для бегства Сталина, но, с другой стороны, уже распаковали свои чемоданы и спустились на землю.

Уже тогда стало заметно, что выросшее в эмиграции поколение посматривало в сторону России без особой экзальтации. Связи со страной проживания, в отличие от России, становились более многообразными. Этот же процесс был характерен и для Финляндии. Эмигранты стали активнее добиваться гражданских прав, значение собственно русских организаций для молодежи начало сходить на нет, точек соприкосновения с коренным населением и финским обществом в целом по сравнению с 1920-ми гг. становилось все больше.

Но в мире насчитывались тысячи эмигрантов, особенно престарелого возраста, которые поддерживали свои последние годы в эмиграции воспоминаниями о прошлом. Свидетельством неослабевавшей жгучей тоски по родине был и тот факт, что даже после окончания второй мировой войны из Франции в Советский Союз отправилось около 6000 эмигрантов. С другой стороны, наиболее стойкие лидеры эмиграции, особенно в США, даже в годы холодной войны жили надеждой о «новой России».

Наряду с утратой таких категорий нематериального свойства, как обычаи, традиции, язык и своя социальная среда, за тоской по родине и потерей собственных корней на общую ситуацию оказывали сильное влияние и другие немаловажные факторы. Эмиграция для большинства людей означала изменение образа жизни, перемену специальности и новый общественно-экономический статус. Каждый что-то потерял, один больше, другой меньше.

При изучении вопроса о том, в какой мере эмигрантам удалось встать на ноги, важным показателем считается их трудоустроенность и то общественно-экономическое положение, которого они достигли в среде коренного населения. И хотя эти показатели являются лишь частью общего процесса интеграции, постоянная работа, обеспеченный достаток и жилище считаются важнейшими материальными факторами, необходимыми для вступления в новую жизнь.

Экономические неурядицы, бедность или, во всяком случае, плохая обеспеченность, сложности с трудоустройством и все проистекавшие от этого трудности, составляли некоторое время одну из наиболее существенных проблем в жизни российских беженцев. На достижение гарантированного для жизни достатка уходили годы, состояние неопределенности и непостоянства являлось типичным. Представители высшего и среднего класса из числа эмигрантов пролетаризировались, эмигранты, как правило, вынуждены были менять профессию.

И в то же время эмигранты проявили большую изобретательность в поисках средств к существованию и в умении приспособиться к новым условиям. Илмари Пимия в своих воспоминаниях рассказывает, что у него в 1923 г. в выборгской таможне был помощником молодой князь Николай Демидов. На улицах Терийоки один из «благородных» эмигрантов предлагал купить у него дрова, которые он вез на своих саночках, а фрейлина великой княгини жила в каморке, вряд ли превышавшей размеры газетного киоска. Один из бывших генералов жил за счет продуктов, получаемых на небольшом огороде, а весь доход некогда владевшего большими угодьями графа составляли продаваемые им куриные яйца. Бывший «высокопревосходительство», который был в центре петербургского света и завсегдатаем приемов, жил в лагуне и общался только со своей кошкой.

Для большинства беженцев-соплеменников пребывание в эмиграции означало изменение общественного положения и смену профессии, хотя этот процесс был менее запутанным и падение не было столь глубоким, как у многих русских. Самостоятельность была потеряна;

поначалу отсутствовала даже маломальская недвижимость, даже хибарка, картофельный или иной участок земли; работали на хозяина. Именно материальная сторона жизни представляла собою тот фактор, который наиболее долгое время сохранял у беженцев-соплеменников чувство неприкаянности и ощущение неравноправия с остальным населением.

Состояние межвременья между старым и новым ощущалось многими российскими беженцами на протяжении многих лет, у старшего поколения даже до конца жизни. Прошлое и все, что было с ним связано, жило в воспоминаниях, но и материальное потеряло свою истинную сущность. Тоска по родине с ее надеждами на будущее подавляла желание приспособиться к новым условиям, но в то же время она давала силы для преодоления испытаний первых лет эмиграции. Подойдя к 1930-м гг., уже стало очевидно, что переход к новому, у кого легче, у кого болезненнее, в целом состоялся.

Эмиграция — это опыт, который оказывает влияние на человека на протяжении всей его жизни и даже воздействует на более отдаленные поколения. Это справедливо и по отношению к большинству российских беженцев в Финляндии. Известная оторванность от своих корней, терявшиеся на границе следы прошлого продолжали сказываться на многих людях, родившихся уже в эмиграции, несмотря на то, что и по уровню материальной жизни, и по обеспеченности гражданскими правами они напоминали любого обычного финна.

*«Общепризнан страх перед шпионами,
близкий к мании преследования»*

Несмотря на те или иные различия в конкретных судьбах, все беженцы жили на родине в состоянии страха. Переживания в связи с долго планировавшимся или внезапным бегством можно сопоставить только с горьким опытом дороги на Голгофу.

Все это не могло не сказаться отрицательным образом не только на моральном, но и физическом состоянии людей, что затрудняло вживание в новую обстановку. В самых крайних случаях могло пошатнуться душевное равновесие, всю жизнь подтачивал страх о мести со стороны прежней родины или мучила мысль о шпионаже. Но эти обстоятельства все же считались побочными по сравнению с другими факторами, влиявшими на жизнь беженцев.

Некоторые российские беженцы лично не пострадали в событиях, происходивших на их родине, например, те, кто остался в окраинных

государствах в момент возникновения там революций. В редких случаях удавалось вырваться из когтей расстрельных команд или бежать от грохота и выстрелов войны.

Не для всех беженцев Советский Союз являлся звериным логовом и преисподней ада. Об этом свидетельствовало возвращение из Финляндии к своим родным местам нескольких тысяч людей. Но для большей части российских эмигрантов отношение к советской системе и к большевикам долгое время было связано с духовной травмой, ненавистью и страхом. В Финляндии, в непосредственной близости от границы с Советским Союзом, эти ощущения лишь обострялись.

Лидеры эмиграции и лица, принимавшие участие в политической деятельности, на которых особо была направлена разведывательная активность и пропаганда Советского Союза, в этом смысле были наиболее пугливыми и осторожными. На жизнь русского сообщества в 1920-х гг. наложили свой отпечаток крайнее подозрение, боязнь большевиков и страхи предательства.

Кого угодно можно было заподозрить в том, что он сидит на красных хлебах, иногда было достаточно той причины, что кто-то из родственников находится на службе в Советском Союзе или у кого-то, как показалось, слишком много денег. Как считалось, «...большевики не выбирают средства и не отбирают людей для того, чтобы достичь своих целей. Для них подойдет каждый, особенно для провокаций». Даже в 1930-х гг. некоторые боялись похищения и переброски людей в Советский Союз, основанием чего были частые исчезновения руководителей эмиграции в странах Центральной Европы.

Страх перед ЧК испытывали не только политики и русские. В Центральной сыскной полиции в середине 1920-х гг. отмечалось, что русских, беженцев-соплеменников, а также в свое время проживавших в России граждан Финляндии охватывала боязнь шпиономании, близкая к мании преследования. Здесь возможно преувеличение, но у многих совершенно «обычных» людей страхи, связанные с закордонным прошлым, не проходили долгие годы.

Беспокойство у беженцев-соплеменников вызывали к тому же столкновения с финскими коммунистами. «Пуники» (прозвище красных финнов. — *Пер.*) представляли неприемлемую идеологию, и их недвусмысленные угрозы в адрес «военной добычи», в случае победы революции в Финляндии, можно было слышать нередко. Ненависть к коммунистам и страх коммунизма получили дополнительный импульс в связи с чистками 1930-х гг. в Советском Союзе. Слухи о шпионах, а

также подозрительные встречи за кордоном порождали постоянную настороженность и взаимное недоверие.

В первые годы многие эмигранты ощущали свою незащищенность, страх и даже ненависть по отношению к властям Финляндии. Оснований для этого было предостаточно. Беспокойство подогревала к тому же мельница слухов, распространяя, к примеру, сведения о высылке сотен эмигрантов на восток, их изгнании из Выборга, а также передаче всех русских, проживавших в пограничных районах Карельского перешейка, Советскому Союзу. Последний, действительно, предлагал передать ему территорию т. н. «выступа Куоккала», но безрезультатно.

Беспокойство и горечь не обошли стороной также и беженцев-соплеменников. Ощущение незащищенности порождала надменность общинных властей. Даже в газетах появлялись резкие материалы о том, как в контролируемых «социалистами-коммунистами» общинах беженцев притесняют «самыми различными способами». Когда в 1936 г. в Финляндии начал формироваться будущий правительственный блок социал-демократов и аграриев, в Восточной Финляндии некоторые из восточных карелов стали распространять слухи, по которым с приходом социал-демократов в правительство или занятия ими президентского кресла беженцы немедленно будут переданы Советскому Союзу.

Несколько приутихшие были страхи вновь охватили беженцев с возрастанием угрозы второй мировой войны. Накануне и в ходе Зимней войны было отмечено беспокойство среди русских эмигрантов, опасавшихся поражения Финляндии. Но были и такие, кто думал иначе и надеялся на массированное вторжение Красной армии в Финляндию.

Будущее, мечь со стороны Советского Союза все более тревожили многих беженцев по мере того, как ослабевал германский натиск, и положение Финляндии в ходе войны-продолжения становилось все более неустойчивым. Летом 1944 г., во время большого наступления, в русских кругах стали поговаривать об оккупации Финляндии и многие начали паковать свои чемоданы, чтобы уехать в Швецию. Осенью 1944 г., после заключения перемирия, на запад через Ботнический залив устремился людской поток, в котором были и эмигранты, и беженцы-соплеменники.

Стало очевидным, что страхи о «длинной руке» Советского Союза были небезосновательными. Он сразу же через Союзническую контрольную комиссию стал собирать сведения об эмигрантах и их органи-

зациях. Они в большом количестве были предоставлены государственной полицией уже к началу 1945 г., но из комиссии по-прежнему продолжали поступать просьбы о выяснении тех или иных вопросов, а также о передаче поименных списков.

Самые худшие ожидания, кажется, стали сбываться в апреле 1945 г., когда по требованию Контрольной комиссии было задержано и передано Советскому Союзу 20 человек, известных как «узников Лейно» (Ю. Лейно — министр внутренних дел в послевоенном правительстве Финляндии. — *Пер.*). В эмигрантских кругах сразу же распространился слух об аресте 200 русских.

Передаваемые Советскому Союзу лица были, по его утверждению, террористами и военными преступниками. Нахождение некоторых из них в этой группе, тем не менее, не вызывало удивления, поскольку они принимали участие в разведывательных операциях на восточном направлении или готовили подрывные акции в 1930-х гг., подбирая и посылая для этого людей в Советский Союз. Но аргументация о передаче некоторых «узников Лейно» основывалась только на том, что они принадлежали к некоей эмигрантской организации, работали в годы войны пропагандистами или допрашивали пленных. Утверждения о том, что передача людей носила случайный и непреднамеренный характер, следует уже забыть.

Выдача людей была не только финляндским явлением. За руководителями эмигрантов во второй половине 1940-х гг. охотились во всех восточноевропейских странах, оказавшихся в сфере влияния Советского Союза. Называвшихся военными преступниками эмигрантов выдавали также западные союзники, в том числе и Соединенные Штаты.

Среди беженцев в Финляндии во второй половине 1940 гг. царил тяжкая атмосфера. Государственная полиция, которая стала «красной» по своей политической ориентации, энергично копалась в прошлом людей. Это породило у многих прежние страхи, связанные с ЧК.

У ингерманландцев и восточных карелов были свои проблемы. Страх по поводу возможной принудительной передаче Советскому Союзу сохранялся на протяжении многих лет, слухи об этом распространялись как эпидемия. На это, прежде всего, оказывал влияние отъезд в Советский Союз перемещенных в Финляндию ингерманландцев и других советских граждан, насильственная выдача военнопленных и соплеменников, сражавшихся в рядах финской армии. Даже в 1948 г., когда Финляндия вела переговоры с Советским Союзом о заключении договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи,

возникла паника. Опасались, что договор предполагал насильственную передачу беженцев и советских граждан на восток.

Начиная с осени 1944 г. свыше тысячи беженцев-соплеменников бежало в Швецию. Последний крупный исход в Швецию, произошедший под непосредственным влиянием договора и насчитывавший десятки людей, имел место в 1948 г. Но кое-кто уходил на запад еще и в 1950-е гг. Народ отправлялся из разных мест, но удобное сообщение предопределило исход восточных карелов, прежде всего, с Ботнического побережья, к этому их подталкивало и давление со стороны местных коммунистов. В окрестностях Кеми и Оулу диаспора беженцев заметно поредела.

Тени прошлого, для кого-то более, для кого-то менее мрачные, оказывали влияние на жизнь и настроения российских беженцев еще долгие годы. В душе многих беженцев сохранялись болевые точки, которые пытались заглушить молчанием, забвением и стремлением, в частности в Финляндии, дистанцироваться от всех проявлений восточной политики.

Дальняя дорога, долгий путь

«Вокруг них жизнь, к которой они, по существу, никак не причастны. Они живут в Париже как в чердачной конуре роскошной гостиницы. Разучившись говорить по-русски, они не овладели французским языком. Они плачут, когда смотрят в маленьком русском театре «Дети Ванюшина». Они мурлыкают песенки Вертинского. Они ходят на вечера различных «землячеств». Они не могут расстаться даже со старым календарем и встречают Новый год 13 января. В одной русской квартире я видел самовар, воду для которого нагревали на газовой плитке».

И хотя эта зарисовка Ильи Эренбурга начала 30-х годов не лишена иронии и некоей отстраненности, в ней присутствуют бьющие точно в глаз наблюдения о способности эмигрантов приспособиться к новым условиям жизни. Как уже стало ясно, российские беженцы представляли собою разные слои населения. Это чувство групповой общности, казалось, отличалось особой прочностью. Нитями, скреплявшими сообщество эмигрантов (если таковые имелись), являлись прошлое России, переживания, связанные с пребыванием в эмиграции, русский язык и православная религия.

Культурный идентитет, определение которого представляет известные сложности, был для беженцев, пожалуй, ощущением преемствен-

ности, осознанием себя частью общей картины мира, которая была воспринята многонациональной империей с ее разнообразными культурами, начиная с далекого прошлого. Определение этнического идентитета эмигрантов также весьма сложно. Помимо великороссов русскими могли считать себя и другие, например, проживавшие в России немцы, французы или финляндские шведы. С другой стороны, представители национальных меньшинств отождествляли себя в эмиграции, как правило, не с русскими, а с собственным народом.

Эмиграция помимо прочего означала для людей встречу с новой культурой, они оказались втянутыми в процесс аккультурации. Для коренного населения пришельцы были чужаками, меньшинством, которому были свойственны особые черты. Культурный и этнический идентитет беженцев оказался на демаркационной линии и на пороге изменений.

Геттотизация эмигрантов, замкнутые диаспоры и усилия по сохранению «старой России» за ее пределами, свидетельствуя о желании поддержать свою культуру и идентитет, создали для этого определенные возможности. В первые годы в общем-то не наблюдалось большого желания налаживать связи с населением тех стран, где оказались эмигранты, и это привело к их обособлению от местного общества. Поначалу это привнесло ощущение защищенности, но последствием могли стать бесконечная изоляция и неспособность приспособиться к новому положению.

Многие эмигранты первой волны и некоторые из родившихся за границей жили, пользуясь сравнением И. Эренбурга, как бы в чердачном помещении отеля, довольно далеко отстоя от коренного населения. Сложности с трудоустройством и получением средств к существованию лишь способствовали изоляционистским тенденциям и стремлению опереться на поддержку собственной диаспоры. Своеобразные примеры привязанности к прошлому, воспоминаниям давали многочисленные политиканы, которые в эмигрантском сообществе делали «большую политику», хотя работали простыми рабочими, таксистами и швейцарами.

Трагических примеров отчуждения, даже полного падения, не только в рамках своей диаспоры, но и того общества, где проживали эмигранты, предостаточно. Потерявшие веру в жизнь, оказавшиеся на ее развалинах старики переживали это, без сомнения, чаще других. Так, уже в первые годы трудности эмигрантской жизни в Германии привели к тому, что на городских окраинах скопилось огромное количество

беженцев. В Париже, среди обретавших под мостами и прикладывавшихся к бутылке людей, были и русские.

Описание Ниной Берберовой богослужения в парижской эмигрантской церкви дает живое представление о том, как и по какой причине различные люди оказывались на дне жизни. Среди толпы в церкви можно было видеть обрюзгших, с покрасневшими глазами нищих, с шапкой в протянутой руке. Кто-то из них был инвалидом корниловского похода, другой — образованным человеком, раненным во время мировой войны в Галиции и жившим теперь на подаяния Армии Спасения. Другой бедняга говорил, что он безработный, и осыпал ругательствами «великолепный» французский закон о занятости. Кто-то подчеркивал свое дворянское происхождение и выпрашивал горький в изгнании кусок хлеба.

При оценке того, насколько успешно вживаются беженцы в новую обстановку, за идеал нередко принимается усвоение ими двух культур, интеграция. В этом случае речь идет о сохранении культурного наследия своей страны и овладении культурой страны проживания, например, языком и обычаями, во всяком случае, в той мере, чтобы участие в повседневной и общественной жизни проходило без каких-либо трудностей.

Остаток жизни тех, кто оказался эмигрантом в преклонном или пожилом возрасте, прошел под знаком изоляции, хотя среди них имелись энергичные и владевшие языками люди, способные приспособиться к новым условиям. Особую категорию составляли лица, являвшиеся сливками российского общества, и интеллигенция, для которых языком общения могли быть французский и английский, и которые неоднократно бывали за границей.

Родившиеся и выросшие в эмиграции лица представляли собой то поколение, которое уже было интегрировано и практически потеряло бросавшиеся в глаза черты инородца. Для тех, кто в 1920–1930-х гг. цеплялся за старую Россию, отступление молодежи от своего идентитета представлялось настоящей катастрофой. Но развитие было, однако, далеко не прямолинейным. Там, где имелись сильные эмигрантские диаспоры, в конце 1930-х гг. можно было встретить детей и молодых людей, которые словно были «выдернуты» из старой России.

Ассимиляция, отказ от собственного культурного наследия и овладение культурой основного населения для части эмигрантов было решением многих проблем. Презрение и озлобление, которые ощуща-

лись со стороны окружающих, а с другой стороны, стремление освободиться от клейма чужака, особенно сильно подталкивали к этому молодое поколение. В восточно-европейских странах, где благодаря небольшим различиям в языке и культуре интеграция беженцев носила массовый характер, они по этим же самым причинам легко растворились, слились с коренным населением уже в 1920–1930-е гг.

Несмотря на последовавшие крутые перемены, бегство в Финляндию, тем не менее, означало для некоторых эмигрантов некую связь с прошлым. У многих в Финляндии имелись осязаемые точки опоры — земля, дачи, родственники. И хотя контакты российских отдыхающих с финнами в свое время носили чисто внешний характер, страна для них все же была в какой-то мере знакомой.

Те же, у которых такие связи отсутствовали, могли пристроиться в сферах, которые издавна находились в руках русских, а также опереться на православную церковь. Языковой и культурный шок смягчали откуда-то появлявшиеся и в какой-то мере владевшие русским языком местные жители или «природные» россияне, выучившие финский язык. Находились и финские работодатели, для которых русский не был откровенным бездельником и «худым» работником.

Свои диаспоры с их разнообразной деятельностью, «маленькие России», несомненно, были важны для эмигрантов в Финляндии 1920–1930-х гг. Враждебность или, по крайней мере, отчуждение и недружелюбие, с которыми часто приходилось встречаться тому, кого считали «рюсся», вынуждали людей не афишировать свое происхождение. Независимо от того, приходилось ли на себе испытывать проявления «ненависти к рюсся» или это было только ожидание таких выпадов, многие полагали, что для их собственного же блага следует придерживаться «своей зоны», районов, где к русским в какой-то мере привыкли, окружения, которое считалось безопасным. Проживая в этих районах, можно было, во всяком случае, в торжественных речах, говорить о том, что Финляндия предоставила убежище и возможность для сохранения собственной культуры.

Официальные лица контрольных органов отмечали в 1930-х гг., что у эмигрантов отчетливо просматривается стремление к отдалению и что намерения к «финнизации» — чтобы под ней тогда не понимали — практически не наблюдается. Хорошим свидетельством этого является тот факт, что среди эвакуированных с Карельского перешейка в период Зимней войны эмигрантов была группа русских, абсолютно не знавшая финского языка, ощущавшая себя в центральной

Финляндии в полной изоляции, будто люди свалились с другой планеты или прибыли из старого Екатеринбурга.

Жизнь на дне также не обошла стороной эмигрантские судьбы в Финляндии. Циркулировало много слухов об опустившихся бывших полковниках и женщинах дворянского происхождения, которые нищими и грязными обитали в обветшалых дачах и постройках Карельского перешейка и которые в силу своего возраста уже не могли приспособиться к новой ситуации.

В 1927 г. чиновник Центра по оказанию помощи беженцам предложил бывшему профессору Петербургского университета оплатить его проживание в ночлежном доме Хельсинки в течение месяца, чтобы ему «не приходилось, как это часто случалось в последнее время, бродить по ночным улицам и склонять свою голову, где придется». В дневное время этот известный ученый и библиофил переводил в библиотеке «Монархию» Данте Алигьери. Временами доходы профессора помимо милостыни составляли гонорары за опубликованные в журнале «Айтта» статьи.

Не все эмигранты желали обособленности. Добывание средств к существованию и посещение школ детьми расширяли контакты с местным населением и финским обществом. Люди учились финскому и шведскому, подраставшее поколение владело двумя, а то и тремя языками.

Растворение эмигрантов среди коренного населения было в 1920–1930-х гг. явлением крайне редким, но свидетельства этого стали все же появляться. Это касалось, прежде всего, разбросанных по разным районам лиц, находившихся вне своей диаспоры, например, кронштадтцев; трудные условия жизни заставляли забывать и отказываться от своей «русскости». Некоторые эмигранты меняли свои фамилии на финские, веру на лютеранскую; для детей русский язык и культурный мир старшего поколения представлялся в весьма смутном свете.

Войны и их последствия означали для русских, проживавших в Финляндии, серьезные перемены. Многие вынуждены были эвакуироваться, старые сообщества по большей части распались и существовавшая ранее деятельность, поддерживавшая некое единство, сошла на нет. Старики сошли в могилы, для молодежи наступало время растворения в среде коренного населения. Дети, которые родились во второй половине 1940-х гг., недостаточно или совершенно не владели русским языком. В этом же направлении развивались события после второй мировой войны и в крупных эмигрантских центрах Европы.

Если вживание понимать как культурную, экономическую, общественную и внутреннюю интеграцию этнической группы, то достижение равноправного положения российских беженцев с коренным населением в Финляндии растянулось на длительное время. В этой группе наиболее тернистым был путь именно русскоязычных эмигрантов.

Оскар Парланд отмечает, что, будучи в 1920-х гг. еще ребенком, он сталкивался с национальной ненавистью и он в своих ощущениях был не одинок: «Думаю, что этот детский опыт наложил неизгладимый отпечаток на мое восприятие жизни». И хотя атмосфера в послевоенное время смягчилась, старшее поколение по-прежнему остерегалось афишировать свое русское происхождение и с предубеждением относилось к институтам коренного населения страны.

Предрассудки и недоброжелательность определенно были в той или иной мере знакомы большинству эмигрантов. Их можно было избежать и ничего не знать о них, но это вело к сужению рамок повседневной жизни. Русских прозвали в Финляндии «тихим меньшинством», и не без основания.

«Здесь, по чужим дорогам...»

Преграда, заключающаяся в различии языков и обычаев, была у беженцев-соплеменников несравненно менее высокой, чем у обрусевших эмигрантов. И все же и ингерманландцы, и восточные карелы попадали «не в те двери». Их положение в той или иной мере отличалось от положения основной массы населения, о чем наиболее ярко свидетельствовали ограничения в правах и юридически закрепленный за ними статус иностранца.

Повседневная жизнь говорила о том, что у многих восточных карелов возникали сложности с определением, кем же они на самом деле являются. Это проявилось в годы борьбы, когда часть примкнула к финнам, часть встала на сторону русских, часть «мечтала о своей Карелии».

У ингерманландцев картина не была столь пестрой, но временами и их лидеры задумывались, к какой стороне они более склоняются: к Финляндии, где находились корни и вера, или к России, на земле которой проживали. В бурях 1919 г. это двойственное положение стало особенно заметным. Определенно, подавляющее число ингерманландских беженцев осознавала свою принадлежность к финскому миру и считала себя финнами, но тот факт, что для основной части коренного

населения Финляндии это не было само собой разумеющимся, вызвал у них замешательство и недоумение.

«Возникает подавленное состояние, когда мы слышим, что принадлежащие к нашему племени карелы при встрече с русья или между собой начинают пользоваться тарабарским русским языком. И еще более неприятно, когда видишь, что карелы даже здесь, в Финляндии, в общении между собой, дома и т. д. следуют русским обычаям. Неудивительно, что финны называют таких карелов русья. Напрасно по этому поводу сердиться и жаловаться».

Появившиеся в 1926 г. на газетных полосах обвинения не стали единичным фактом. В первые годы исхода появились сообщения о том, что часть восточных карелов, главным образом олончане, считала себя скорее русскими, нежели карелами. Старики расценивали «шведские» порядки чужими, среди молодежи опять-таки имелись такие, которые в результате посещения школы, службы в царской армии и трудовой деятельности обрусели. Возможно, что выступавшие с русофобских позиций лидеры перехлестывали через край. Но несомненным является тот факт, что среди проживавших в Приграничной Карелии олончан даже в 1930-е гг. находились люди, которые жили «старой Россией» и были совершенно чужды Финляндии.

И все же в первой половине 1920-х гг. стало заметно, что многие беженцы-соплеменники попытались как можно скорее «стать финнами». Русофобство с его разнообразными и многочисленными проявлениями толкало людей к слиянию с коренным населением. Восточные карелы стали менять свои имена на финские, свои обычаи и диалекты старались забыть, некоторые перешли в лютеранскую веру. Смешанные браки с местным населением также стали мощным ускорителем ассимиляции.

Ингерманландцам же не требовалось предпринимать сложных обходных маневров, достаточно было порвать с прошлым. Во многих семьях не распространялись о своей жизни за кордоном; для подрастающего поколения его истинные корни оставались неизвестными. Лидеры сетовали на слабо развитое национальное самосознание, на то, что люди стыдятся своего «ингерманландства» и «карельства».

Известные положения теорий аккультурации об утере собственной культуры, о разрыве связей с собственным окружением и о трудностях вживания в новые условия, с которыми, в первую очередь, стремясь получить признание со стороны коренного населения, могли столкнуться молодые люди, в полной мере в 1920-х гг. относились и к

части беженцев-соплеменников. Национальных лидеров и духовных наставников беспокоил распад семей и жизнь на колесах, которую многим приходилось вести.

В годы спиртовой контрабанды имелось много свидетельств того, что молодые люди в районах лесоразработок и лесопиления приобщались к попойкам и картежным компаниями, вели жизнь постоянно менявших место работы сезонных рабочих. Сифилис и триппер, которые в отдельные годы поражали десятки восточных карелов, работавших в промышленных заведениях Ботнического побережья, свидетельствовали о том, насколько серьезными были происходившие перемены, в каких жизненных условиях оказались люди.

Но ожидавшегося со страхом краха и растворения в среде местного населения все же не произошло. Старое поколение хранило воспоминания, обычаи и сведения о своих корнях и передавало все это молодежи. К этому и в целом к социальному общению сводились основные усилия землячеств беженцев-соплеменников, при этом обособленных гетто, наподобие эмигрантских, у них не возникло.

Иногда на совершенно пустом месте рождались предположения о том, что эмигранты и по языку, и по своей культуре останутся в Финляндии иностранцами. Про беженцев-соплеменников можно сказать, что они быстро приспособились к финскому обществу.

В сравнении с эмигрантами перед беженцами-соплеменниками находилось значительно меньше преград. Но как неверно делать заключение о полном отчуждении всех русских, так же неправомерно утверждать о том, что все ингерманландцы и восточные карелы чувствовали себя в Финляндии как рыба в воде. Их судьбы также складывались по-разному. В крайних ситуациях они опускались на дно, часть в 1920–1930-х гг. настолько слилась с местным населением, что полностью исчезли какие бы то ни были следы их прошлого.

И все же внушительная группа беженцев-соплеменников, прежде всего здесь родившаяся, со временем интегрировалась в окружающее общество. Во многом (в производственной деятельности, по языку и даже в одежде) беженцы слились с остальным населением, и в то же время сохранили осознание какой-то своей особенности, того, откуда были их родовые корни. Свои обычаи, говор и воспоминания они смогли сохранить в семейном кругу и в окружении своих соотечественников.

Но изменения происходили медленно и непросто. Прошлый и текущий опыт сохранял у беженцев-соплеменников все же такое

ощущение, что они не стояли в одном ряду с коренными жителями Финляндии.

Как и у эмигрантов, события военных лет привнесли изменения в жизнь беженцев-соплеменников. Многие вынуждены были эвакуироваться и оказались в новых местах проживания, систематическая работа сообщества заглохла. На пороге стояло время продолжительного затишья, в конце 1940-х гг. даже страха, время забвения. Наплыв перемещенных карелов и общая мобильность населения привели к тому, что на прошлое беженцев более не обращалось внимания.

После окончания войн у подросткового и выросшего в Финляндии поколения связи с традициями родителей, бабушек и дедушек практически прервались. О них или ничего не знали, или им не придавалось никакого значения. Корни были уже в Финляндии, отсутствовал личный опыт, связанный со статусом беженца. После многих лет и даже десятилетий затишья некоторые молодые люди заинтересовались и осмелились проявить интерес к своим ингерманландским и карельским корням, а также найти им новое значение.

Проблемы вживания беженцев в финское общество после долгого ледникового периода понемногу, начиная с 1970-х гг., вновь встали в ряд актуальных. Поначалу ситуация отличалась от положения в 1920–1930-х гг. тем, что приезжие были совершенно из других стран — Чили и Вьетнама. В 1990-х гг., когда количество инородцев в Финляндии значительно выросло, стали просматриваться явления, которые сильно напоминали повторение прошлого, ситуацию межвоенного времени. У русских переселенцев и прибывавших с территории бывшего Советского Союза финских возвращенцев, хотя они и не являлись беженцами, возникали точно такие же многочисленные проблемы, как и у российских беженцев прошлых лет.

В Финляндии интеграцию понимали как далеко идущий процесс растворения меньшинства в существующей среде. Позднее стали подчеркивать право переселенцев на сохранение своей культуры и языка, они становились как бы равноправными участниками общественной жизни. Но в повседневной практике и в 1990-х гг. достижение равенства предполагало слияние меньшинства с коренным населением. В выработке собственной позиции по отношению к приезжим и, с другой стороны, в спускаемых сверху красивых рекомендациях, отразились как длительная закрытость Финляндии для инородцев, так и забвение, окутавшее прежнюю историю беженцев, проблемы и решения прошлого.

В ЖЕРНОВАХ ЖИЗНЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

Данные Лиги Наций свидетельствуют о том, что Финляндия в начале 1920-х гг. являлась одной из тех расположенных в непосредственной близости от прежней Российской империи стран, в которой беженцы составили внушительное по своим масштабам население. Хотя в количественном отношении они, конечно же, уступали крупным эмигрантским диаспорам Франции и некоторых стран Восточной Европы.

Можно предположить, что в 1917–1939 гг. через восточную границу Финляндии прибыло и хотя бы на некоторое время в ней обосновалось не менее 44000 беженцев. Помимо этого транзитом проехали тысячи людей. В стране на постоянное жительство осела группа беженцев из России — русские, ингерманландцы и восточные карелы. Во второй половине 1930-х гг. только лиц, которые к тому времени не получили гражданских прав, насчитывалось свыше 14000 человек, т.е. столько же, сколько в стране было «новых» беженцев через 60 лет!

Было ясно, что с началом исхода Финляндия была совершенно не готова к приему беженцев. На протяжении многих лет вся политика по отношению к ним характеризовалась известной неуверенностью и лихорадочностью; к тому же сильный хаотичный людской поток продолжался вплоть до 1922 г. В отношении собственно русских отвратительная политика стала обретать свои черты уже достаточно рано, их въезд пытались ограничить, и даже уже осевших в Финляндии иммигрантов в первой половине 1920-х гг. пытались прижать так, чтобы побудить их к отъезду из страны. В то же время отношение к ингерманландцам и восточным карелам было более благосклонным.

Практические меры, затрагивавшие беженцев в 1920–1930-х гг., за исключением первых и последних лет, были все же достаточно необременительными для тех, кто уже обосновался в стране. Положения закона и повседневная жизнь редко пересекались. Беженцев считали иностранцами. Механизм рассмотрения их дел умудрились создать настолько запутанным, что организовать эффективный контроль над

исполнением законодательства о постоянно проживающих в стране инородцах не удавалось. По вопросам о высылке беженцев и приеме новых возникали споры между представителями различных ведомств, и в то же время сохранялась «темная» житейская практика, в которой «обычаи страны» стояли выше закона. Послабления были ликвидированы только в конце 1930-х гг. и в годы войны, когда механизм рассмотрения дел иностранцев в условиях чрезвычайного времени был централизован.

Для приема беженцев и их обустройства на скорую руку стали создавать структуры, которые в первые годы носили временный характер. В 1922 г., когда стало утверждаться мнение о том, что значительная часть приезжих инородцев останется в стране на постоянное жительство, механизм по приему беженцев стал выстраиваться на более постоянной основе. Бедная Финляндия, в которой проблемы даже собственного населения находились в запустении, создала органы по оказанию помощи беженцам, равно как и возможности по обучению беженцев-соплеменников, отчасти в форме их собственных учебных заведений, отчасти путем организации их учебы в других школах. Равным образом были предприняты соответствующие меры для их духовного призраения.

Вопреки ожиданиям в 1930-х гг. пришлось оказывать помощь еще нескольким тысячам беженцев. Потребность в собственных учреждениях для оказания поддержки сохранялась еще долго: некоторые из них были закрыты только в конце 1940-х гг., последние в 1970-х гг. Беженцам в той или иной форме гарантировали более или менее одинаковые возможности с остальным населением.

Весьма значительными в начале 1920-х гг. являлись усилия по организации учебы для беженцев-соплеменников. На уровне начального образования вопрос отчасти решался путем создания своих школ для беженцев, профессиональное и иное обучение зависело от получаемых субсидий. В Финляндии действовало в общей сложности 34 народных школы для беженцев-соплеменников, и в народных училищах, к примеру, в отдельные годы последние составляли более 10% от всех учащихся.

К этой сфере примыкала и поддерживавшаяся организациями беженцев идея о культивировании национального самосознания и о подготовке к тому, чтобы стать ударной силой в определении судеб своего народа. Дистанция между идеалами и повседневностью оказалась, правда, слишком большой. Широкомасштабные проекты покры-

лись плесенью во второй половине 1920-х гг. также по той причине, что выделяемые на обучение субсидии упали до самого низкого уровня. В трудных условиях первых лет старались, прежде всего, обеспечить детям получение начального образования, а также предоставить подросткам возможность продолжить обучение в школе и профессиональных училищах.

Государственная поддержка у русских эмигрантов, в том числе и в школьных делах, не играла такой большой роли, как у беженцев-соплеменников. В первой половине 1920-х гг. эмигрантов без колебаний вычеркнули из списков, по которым выдавалась помощь, хотя в следующем десятилетии они стали получать вспомоществование за счет общинных средств, выделяемых для социального призрения. У русских большое значение имела благотворительность, которая бытовала в рамках своего сообщества. В Финляндии имелось более десятка русских приютов и иных подобных заведений, которые существовали в значительной мере на средства собственной диаспоры. Последний дом престарелых для эмигрантов был закрыт только в 1974 г.

Школы с преподаванием на русском языке имелись, прежде всего, на Карельском перешейке. Некоторые из них представляли собою осколки русскоязычной школьной системы времен автономии, другие были основаны специально для эмигрантов. Удивительно то, что из всех беженцев именно у русских в 1920-х гг. были наилучшие возможности для того, чтобы после окончания основной школы продолжить образование в своих средних школах и лицеях. В первой половине 1920-х гг. действовало свыше 20 различных учебных заведений. Но в трудных условиях число школ с середины десятилетия стало постепенно сокращаться, и молодежь все в большем числе стала посещать шведские и финские школы. Сотни эмигрантов отправились для продолжения образования в другие страны Европы.

Пресса и факторы, влиявшие на формирование общественного мнения, создали в Финляндии образ «хороших» и «плохих» беженцев. Хорошими, как правило, были ингерманландцы и восточные карелы, плохими — русские. И хотя с середины 1920-х гг. об эмигрантах в обществе совершенно ничего не говорили и не писали, подозрения, страхи и ненависть, которые спонтанно или сознательно увязывали с русским народом и с «красными сумерками» за восточным кордоном, сказывались и на отношении к русским эмигрантам. Для эмигрантского опыта было показательным то обстоятельство, что «ненависть к русью» пестовалась на самых разных уровнях, подо-

зрения и озлобленность пользовались известным «официальным» одобрением.

Хотя «ненависть к русью» отражалась на жизни эмигрантов в Финляндии значительно больше, чем во многих других странах, они все же находили и место, и окружение, в котором жили, работали и занимались любимым делом. Они концентрировались там, где большинство русских жило еще в годы автономии, в Хельсинки, Выборге, некоторых районах Карельского перешейка и отчасти в Приграничной Карелии. Помимо злобы и отторжения они встречали также нейтральное и благосклонное к себе отношение; находились люди, которые определяли свою позицию какими-то иными аргументами, а не строили ее на основе пропаганды или тупых предрассудков.

По сравнению с русскими отношение к беженцам-соплеменникам было более благожелательным. Общественное мнение придерживалось чаще положительных, чем отрицательных оценок. В межвоенной Финляндии занятия проблемой племенного родства временами носили весьма оживленный и шумный характер. Но в повседневной жизни обнаружилось, что влияние этой деятельности и соответствующей пропаганды имело довольно узкие пределы, к тому же беженцы со временем, кажется, подзабыли о грандиозных будущих перспективах.

На отношении коренных жителей к беженцам сказывалась сила привычки и влияние контактов более раннего периода. С большим доверием к ним относились в приграничных районах, в непосредственной близости от их родных мест. Из всех российских беженцев наименее тернистым путь был у ингерманландцев, которые не воспринимались как «чужаки». В то же время на беженцев из Восточной Карелии все чаще наклеивался ярлык «русью» и отчуждение становилось сильнее.

Беженцы-соплеменники также встретились и с неприятием, и с озлобленностью, которые имели как политические, так и экономические корни. Особенно рабочие левой ориентации видели в ингерманландцах и восточных карелах «белых» нахлебников, от которых исходит угроза благополучию на трудовом фронте и которые отнимают выделяемые на их содержание марки от малообеспеченных слоев населения. Именно 1920-е гг. стали периодом шумных и даже насильственных выступлений против беженцев на крупных промышленных предприятиях страны.

На вопрос о том, каково же было отношение народа Финляндии к беженцам, дать однозначный ответ невозможно. Контакты тысяч

людей друг с другом представляли собой мозаику, конфигурация которой зависела от множества обстоятельств. Отношение видоизменялось, оно, как видно, менялось в зависимости и от времени, и от региона. Финны относились к беженцам по-разному, хорошо и плохо, к беженцам-соплеменникам в целом более благожелательно, чем к русским.

Опыт вживания в условия эмиграции и отказ от родины был для каждого довольно тяжелым испытанием. Тоска по дому, оставшаяся за границей родня и нажитое долгое время свербил души. Это особенно стало заметно с возвращением тысяч людей в родные края, которое, несмотря на то, что будущее Советского Союза представлялось весьма неопределенным, продолжалось уже в меньших масштабах вплоть до 1928 г.

У бесчисленного количества беженцев жизнь оказалась лишенной корней, они наподобие перышка болтались на ветру между новым и старым. Прошлое жило в воспоминаниях, даже вещественное трансформировалось в нечто нематериальное. Тоска по дому гасила желание приспособливаться к новым условиям, но с другой стороны она дала силы выдержать первые годы эмиграции. Часть людей, прежде всего старшего поколения и лица, некогда занимавшие высшие ступени социальной лестницы, остаток своих дней жили старой Россией. Еще в 1930-х гг. в русской диаспоре находились сотни эмигрантов, для которых все носило «временный» характер, настоящая жизнь могла начаться только в России.

Помимо моральных факторов, связанных с утратой языка, обычаев и социальной среды, падение в пустоту имело и весьма осязаемую подоплеку. Экономические трудности, смена профессиональных занятий и нестабильный доход стали на долгие годы определять существо проблем эмигрантской жизни.

Наиболее глубокое падение испытали представители русского высшего общества, которые обычно вынуждены были заниматься не свойственным им трудом, пролетаризация носила всеобщий характер. Часть пожилых людей, не обладавшая какими-либо профессиональными умениями, в эмиграции оказалась в исключительно тяжелом экономическом положении. Но благодаря своему разнообразному социальному происхождению, русские сумели все же занять на рынке труда самые различные ниши; в поисках средств к существованию они продемонстрировали большую изобретательность и способность приспособливаться к обстоятельствам.

Общей судьбой беженцев-соплеменников в Финляндии стала работа на промышленных предприятиях в качестве разнорабочих, но целая группа восточных карелов продолжала свое привычное дело — торговлю. За свои земельные наделы или участки для маленького домика сумели зацепиться немногие, хотя усилия, направленные на получение земли, продолжались не один год. Заработки беломорских карелов, к примеру, в собственно промышленном производстве могли быть выше, чем до ухода в эмиграцию, но их новое положение — как в результате притеснений со стороны работодателей, так и в глазах финских рабочих — было незавидным. На беженцев-соплеменников иногда также смотрели как на «чужую рабочую силу».

Интеграция в силу языковых и культурных различий была наиболее трудна для русских эмигрантов. В первое время многие из них вообще не желали иметь ничего общего с культурой страны пребывания, но после того, как дальнейшее проживание в Финляндии стало неизбежным, обнаружилось, что «ненависть к руссю» уже плотно обступила их со всех сторон. Опыт говорил, что во взаимоотношениях с коренным населением эмигрантам следует придерживаться малозаметной линии поведения. Русскоязычные жители страны образовали свои сообщества, «маленькие России», которые в 1920–1930-х гг. напоминали Россию царского времени. Цель заключалась в поддержке достижений «русского духа», своей культуры и традиций, чтобы передать все это подрастающему поколению.

Даже во второй половине 1930-х гг. у эмигрантов пожилого возраста отчетливо наблюдалось стремление к обособленности; находились люди, которые вряд ли знали хоть одно финское слово, и которые жили как бы «вне Финляндии», под защитой русских землячеств. Но не все желали и не все стремились к этому отчуждению, и подрастающее поколение владело уже двумя-тремя языками.

И хотя многие того не знали, культурная и общественная жизнь русской диаспоры в 1920–1930-х гг. была еще оживленной и многогранной. Искусство находилось на высоком уровне: театральные постановки, оперетты, концерты, праздники, балы и маскарады. Общественная жизнь русской диаспоры в Финляндии того времени была ограничена сферой городской жизни и отличалась высоким культурным уровнем, поскольку традиции уходили корнями в жизнь крупных мегаполисов прежней России. Эмигранты и другие русскоязычные ее представители оказывали немалое влияние на культурную жизнь Финляндии. Их вклад в развитие балета и музыки был настоль-

ко заметен, что даже породил в русофобских кругах страны недовольство.

Интеграция беженцев-соплеменников в финскую действительность была процессом более трудным, чем обычно предполагалось. Многие из «обычных» беженцев долгое время ощущали себя в задвинутом положении из-за сложностей с трудоустройством и ограничений, расширявшихся на иностранцев, хотя немногочисленная интеллигенция и люди с образованием быстрее других сумели устроить свою жизнь. Развитие шло по нескольким направлениям: часть молодого поколения быстро и сознательно растворилась в основной массе населения, забыло и выбросило из памяти свои родовые корни, многие люди преклонного возраста, напротив, доживали свои последние годы воспоминаниями о прошлом.

Беженцы-соплеменники также сформировали свои сообщества в Восточной и Северной Финляндии, но их изоляция от окружающих не была столь сильной, как у эмигрантов. В районах компактного проживания и вообще у беженцев-соплеменников сложилась в 1930-х гг. своя сеть клубов и объединений, которые должны были объединять разбросанных по разным местам соплеменников, во всяком случае тех, кто желал этого.

Военные и первые послевоенные годы означали еще один поворот в жизни российских беженцев. Многие оказались в эвакуации и в новых местах проживания, систематическая работа в рамках диаспоры закончилась в связи с ликвидацией практически всех организаций. Наступало время долгого молчания и забвения, а в конце 1940-х гг. даже страха. Переселение карелов во внутренние районы страны из районов, отошедших к Советскому Союзу, и миграция населения в целом привели к тому, что на природу беженцев-соплеменников перестали обращать внимание, и многие из них стали ассоциироваться с перемещенным карельским населением.

У поколений, родившихся после окончания войны, связи с зарубежным прошлым и его традициями, как правило, полностью отсутствовали. О них практически ничего не знали, о них не говорили или, по крайней мере, им не придавалось должного значения. Корни были в Финляндии, личный опыт, связанный со статусом беженца, отсутствовал. Но интерес к своему зарубежному прошлому стал возрастать с конца 1980-х гг. в связи с распадом Советского Союза.

С конца 1980-х гг. в Финляндии временами возникала оживленная дискуссия относительно внешней политики и о беженцах. Казалось,

полностью забыли о том, что Финляндия ранее уже боролась с проблемой беженцев. Фактом, во всяком случае, является то, что Финляндия в первые двадцать лет своей независимости приняла беженцев больше, чем когда-либо ранее и даже в будущем.

В отношении финнов к инородцам во второй половине 1990-х гг. просматривается много общего с тем, что характеризовало обстановку 1920–1930-х гг. Отношение к русским было отрицательным; приезжих, отличавшихся и по внешнему виду и по своей культуре, сторонились. Страхи и угрозы, которые связывались с приезжими как в экономическом, так и ином плане, были своеобразным рефреном атмосферы межвоенного времени. Совершенно не претерпела изменений кардинальная позиция по вопросу о соперничестве за кусок хлеба «своих» и «чужих» и связанные с этим настроения. И точно также вопросы, составлявшие предмет озабоченности официальных лиц и вызывавшие критику в 1990-х гг., во многом напоминали те же самые камни преткновения, о которые спотыкались еще в 1920–1930-х годах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1.
Российские беженцы в Европе и на Дальнем Востоке

	1922	1930	1937
Франция	67000–75000	150000–200000	100000–120000
Польша	150000–200000	80000–90000	80000–100000
Германия	230000–250000	90000	45000
Югославия	33500	29500	27000–28000
Болгария	30000–32000	21800	15700
Латвия	16000–17000	15600	12800
Румыния	35000–40000	12000–15000	11000
Остальная Европа	107200–124500	71 000–74000	53600
Дальний Восток	145000	127000	94000
ИТОГО	814000–917000	597000–663000	439000–480000

Источники: Raeff M. *Russia Abroad. A Cultural History of the Russian emigration, 1919–1939.* NY, 1990. P. 202–203; Simpson John Hope, Sir. *The refugee Problem.* London, 1939. P. 559, 561.

Таблица 2.
Численность российских беженцев
на конец указанного года

	Ингерманландцы	Восточные карелы	Русские	Всего
1918	300	70	3000	ок. 3400
1919	8200	1600	5000	14800
1920	8400	3100	7000	18500
1921	6400	3300	15300	25000
1922	5000	8800	15000	28800
1923	4000	8000	13500	25500

1925	2900	6000	12600	21500
1927	3000	5000	10000	18000
1932 S	3400–3258	5300–5117	9300	18000
1934 S H	3206–3206 4546	6127–5327 6791	9000	ок. 18300
1938 S V	2397–2790 2268	5484–5519 5297	6256–5819	14137–13384
1943	1700	4200	4700	10600

H = по данным центральной комиссии племенных организаций

S = по данным церковных книг, которые велись в ходе духовного призрения беженцев

V = по данным официальной статистики

Источники: Lyhyt selostus Valtion varoilla suoritetusta pakolaistusuksesta ajalla 1920–1926. 11 C/I, UHA; tilastotietoja Aunuksen pakolaisten avustuskomitean, Inkerin avustuskomitean, Vienan—Karjalan pakolaisten huoltotoimikunnan ja Itä-Karjalan pakolaisten huoltotoimikunnan toiminnasta vuosilta 1919–1922; Kertomukset VPAK: n toiminnasta vuosina 1925, 1927, 1932, 1934 ja 1938. VPAKA I, Db I, Ca 4–5, KA; Tilastotietoja Suomessa oleskelevista Karjalan ja Inkerin pakolaisista w. 1932–34. IA, II, KA; v:n 1943 tiedot Valpon Muistio 2.4.1943. EK-Valpo, 434, KA; Tilastokatsauksia n:o 1–2/1945, s. 37–38.

Таблица 3.

Число лиц, получавших помощь от государственного центра по оказанию помощи беженцам

	Восточн. карелы	%	Ингерман- ландцы	%	Русские	%	Прочие	%	Всего
1922	11239	48,4	3680	15,9	4020	17,3	4273	18,4	3212
1924	2627	40,4	1 192	18,3	2196	33,8	488	7,5	6503
1926	1541	39,6	835	21,5	1293	33,2	221	5,7	3890
1928	1211	53,9	500	22,2	498	22,1	40	1,8	2249
1931	1751	64,4	499	18,4	446	16,4	22	0,8	2718
1932	1 167	73,8	302	19,1	113	7,1	—	—	1582
Община	239	16,1	153	10,4	1083	73,2	5	0,3	1480
Итого	1406		455		1 196		5		3063
1936	1269	72,8	364	20,9	111	6,3	—	—	1744
Община	331	22,5	168	11,4	970	66,1	—	—	1469

⇒ Приложение ⇒

Итого	1 600		532		1081		—		3213
1938	1 133	74,5	304	20,0	84	5,5	—	—	1521
1939	303	78,1	25	6,4	60	15,5	—	—	388

Прочие: граждане Финляндии, иностранцы и без определенного гражданства.

Источники: число лиц дано на конец каждого года, за исключением 1922 г. (февраль). Kertomukset VPAK:n toiminnasta vuosilta 1923–1939. VPAKA I, Db I, Ca 4–5, KA; tilastot kuntien valtiolta anomista köyhäinhoitokorvauksista vuosilta 1932 ja 1936. 24 Q, UHA; Selostus., 1918–1930. S. I.

Таблица 4.

Среднее ежемесячное количество пациентов, находившихся в государственных учреждениях по уходу за беженцами

	Восточн. карелы	%	Ингерман- ландцы	%	Русские	%	Всего	%*
1923	591	69,9	87	10,3	167	19,8	845	13,0
1925	557	74,7	64	8,6	125	16,7	746	16,7
1927	430	67,2	54	8,4	156	24,4	640	21,1
1928	294	73,7	38	9,5	67	16,8	399	17,7
1931	350	74,3	36	7,6	85	18,1	471	17,3
1933	314	72,0	35	8,0	87	20,0	436	25,2
1936	312	72,7	34	7,9	83	19,4	429	24,6
1939	303	78,1	25	6,4	60	15,5	388	100,0

* % от всех беженцев, получавших государственную помощь.

Источник: Arvo Manner: Valtion pakolaishuoltoa neljä vuosikymmentä. Pääpiirteinen kuvaus. S. 12–13.

Таблица 5.

Российские беженцы на рынках труда в Финляндии в 1928 и 1935 гг.

Год 1928	Русские		Вост. карелы		Ингерманландцы		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Сельское хоз-во	323	4,1	480	11,5	415	17,7	1218	8,4
Промышленность	3247	41,2	2804	65,1	1596	68,2	647	52,6

⇒ Пекка Невалайнен. Изгой ⇐

Ремесло	394	5,0	66	1,5	38	1,6	498	3,4
Транспорт и торговля	1015	12,9	569	13,2	45	1,9	1629	11,2
Свободные профессии	883	11,2	88	2,1	38	1,6	1009	6,9
Прочие	1669	21,2	177	4,1	153	6,6	1999	3,8
Неизвестно	352	4,4	125	2,9	57	2,4	534	3,7
ИТОГО	7883	100,0	4309	100,0	2342	100,0	14534	100,0

Год 1935 Отрасль производства	Русские		Восточные карелы		Ингерман- ландцы		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Сельское хозяйство	283	4,1	407	7,0	229	9,1	919	6,1
Промышлен- ность	457	6,6	200	3,5	93	3,7	750	4,9
Ремесло	456	6,6	105	1,8	95	3,8	656	4,3
Транспорт и торговля	1043	15,1	528	9,2	134	5,4	1705	11,2
Свободные профессии	821	11,9	50	0,9	44	1,8	915	6,1
Рабочие и пр.	2699	39,0	4116	71,4	1676	67,1	8491	55,9
Неизвестно	1153	16,7	361	6,2	228	9,1	1742	11,5
ИТОГО	6912	100,0	5767	100,0	2499	100,0	15178	100,0

Источник: Tilastokatsauksia n:o 1/1930, s. 42–43; Tilastokatsauksia n:o 9/1936, s. 48–49.

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

Национальный архив, Хельсинки

Архив Сыскной полиции — Государственной полиции.

Архив гражданского управления Восточной Карелией.

Архив Управления Восточной Карелией.

Архив уполномоченных по Беломорской Карелии при правительстве Финляндии.

Архив школьного управления

V. Отдел народного просвещения.

XI. Канцелярия по делам беженцев.

Архив министерства юстиции

Архив канцелярии министерства юстиции по регистрации объединений.

Архив министерства внутренних дел.

Архив канцелярии по призрению бедных при министерстве по социальным делам.

Архив Финского Временного Экономического Комитета.

Архив государственной полиции (1945–1948).

Архив государственного центра по оказанию помощи беженцам.

Архив главной канцелярии

Архив распределительного пункта в Мустамяки.

Архив лагеря в Туркинсаари.

Архив распределительного пункта в Выборге.

Архив Нового ингерманландского комитета по оказанию помощи и архив агентства в Рауту.

Архив Комиссии по оказанию помощи беженцам Беломорской Карелии.

Архив Комитета по оказанию помощи олонцам беженцам, а также агентств в Салми и Сортавала.

Частные собрания

Собрание Пааво Ахава.

Архив Кай Доннера.

Собрание Германа Гуммеруса.

Архив Ингерманландии

Собрание Каапре Тюнни.

Собрание Бруно Яландера.

Архив Гражданского союза Карелии.

Собрание Мартти Пихкала.
Собрание Х. И. Прокопе.
Архив фенноманского союза.
Архив Фонда по истории Финляндии 1920–1940-х гг.
Архив вырезок газеты «Суунта».
Собрание профессора И. Х. Веннола.

Микрофильмы

Протоколы хозяйственного отдела сената и государственного совета.

Военный архив, Хельсинки

Архив активистского центра.
Архив комендатуры юго-восточного приграничья.
Архив министерства обороны 1918–1937-х гг.
Центральный отдел.
Министр и адъютанты.
Архив пропагандистского отдела.
Ставки.
Адъютант.
Редакция «Карелия».
Архив штаба погранвойск.
Архив инспекторов погранвойск.
Архив отдела по охране границы при министерстве внутренних дел.
Архив подотдела комендатуры в Раяйоки.
Архив генерального штаба.
Паспортный отдел.
Информационный отдел.
Контрольная комиссия.

Небольшие коллекции

Коллекция Рихтниеми.

Центральный архив внешнеполитического ведомства, Хельсинки

Группы 5 С 1, 8 L, 8 M, 11 С, 11 F, 11 II, 12 G 11, 12 L Россия 15 XII, 20 U, 20 V, 20 Ц, 21 V, 24 D, 24 Q, 24 Y, 36 H, 100 Россия.

Рапорты посольства в Москве.
Рапорты генерального консульства в Петрограде/Ленинграде.

Областной архив Йоенсуу

Архив посольства в Берне / Женеве.
Архив канцелярии губернского правления Куопио.

Архив лица совместного обучения в Нурмес.

Архив генконсульства в Петрограде / Ленинграде.

Архив посольства в Таллинне.
Архив посольства в Стокгольме.

Областной архив Миккели

Архив церковной общины ингерманландских беженцев.

Архив попечителя по церковным делам карельских беженцев.

Архив православной общины Палкеала.

Архив православной общины Терийоки.

Архив православной общины Выборга.

Государственный архив Ленинградской области в гор. Выборге.

Фонды 137, R — 507

Опубликованные ИСТОЧНИКИ

Документы

- Akateeminen Karjala-Seura. Vuosikertomus 1931. 10-vuotiskertomus 1922–32. Helsinki, á/ä.
- Akateeminen Karjala-Seura. Vuosikertomus 1928, 1932, 1933. Helsinki 1929, 1933–1934.
- Inkerin Liitto v. 1922–1923, v. 1924. Helsinki 1923–1924.
- Inkerin Liitto. Toimintakertomukset vuosilta 1928, 1930. Viipuri 1928, 1931.
- Inkerin Liitto vuosina 1922–1932. Helsinki 1932.
- Karjalan heimotyö. Wienan Karjalaisten Liiton ja Karjalan Sivistysseuran toiminta vuosina 1906–1926. 20–vuotiskertomus. Esittänyt Iivo Härkönen. Helsinki 1926.
- Kertomukset Inkerin pakolaisten kirkollisesta toiminnasta vuosina 1927–1937, 1940. Viipuri 1928–1938, Helsinki 1941.
- Kertomukset Karjalan Kansalaisliiton Itä-Karjalan komitean toiminnasta vuosilta 1919, 1920, 1922, 1924, 1929, 1930, 1932. Viipuri 1920–1921, 1923, 1925, 1930–1931, 1933.
- Keynäs, W., Itä-Karjalan asia ja pakolaiskysymys vv. 1922–1925. Karjalan pakolaisten valtuuskunnan selonteko Itä-Karjalan luottamusmiesten ja pakolaisten edustajain neuvottelukokoukselle 2–4 XII 1925. Helsinki 1926.
- Komiteanmietintö 1997: 5. Hallittu maahanmuutto ja tehokas kotoutuminen. Ehdotus hallituksen maahanmuutto- ja pakolaispoliittiseksi ohjelmaksi. Maahanmuutto- ja pakolaispoliittisen toimikunnan mietintö. Helsinki 1997.
- Mylläri, Heikki, Inkeriläisten yhdistys r.y. Turun paikallisosasto. Toimintakertomus 1932–1982. 50. Turku 1983.
- Pakolaisten vastaanotto Suomessa. Sosiaali- ja terveystieteiden tutkimuskeskuksen tutkimusraportti. Helsinki 1993.
- Pohjolan ammatillisen piirijärjestön r.y. vuosikokouksen Pöytäkirja. Kokous pidetty Oulun työväentalolla helmikuun 8–9 p:nä 1930. Oulu 1930.
- Selostus valtion varoilla suoritetusta pakolaisavustustyöstä ajalla 1918–30. Viipuri 1930.
- Suomen asetuskokoelma, vuodet 1919–1924, 1926, 1930–1933, 1938–1939, 1941–1942.
- Suomen ja Venäjän välillä Tartossa pidettyjen rauhanneuvottelujen pöytäkirjat kesäk. 12 p:stä — lokak. 14 p:n 1920. Ulkoasiainministeriön julkaisuja. Helsinki 1923.
- Suomen Tilastollinen Vuosikirja. Kahdeskymmeneskolmas vuosikirja 1925. Helsinki 1925.
- Suomen Tilastollinen Vuosikirja 1956. Helsinki 1957.
- Suomen Virallinen Tilasto. XI Lääkintölaitos. Uudet jaksot 35–40. Lääkintöhallituksen kertomukset vuosilta 1918–1923. Helsinki 1922–1927.

- Tilastokatsauksia nrot 1930, 12/1934, 9/1936, 8/1937, 8/1938, 1/1939, 1-3/1944, 1-2/1945.
- Toimintaohjeet Akateemisen Karjala-Seuran kesäkiertäjille 1923. Helsinki 1923.
- Valtiopäivät 1918 pöytäkirjat. Helsinki 1919.
- Valtiopäivät. Asiakirjat ensimmäinen osa. Helsinki 1920.
- Valtiopäivät 1919. Pöytäkirjat I: Istunnot 1-53 valtiopäivien alusta heinäkuun 26 päivään. Helsinki 1920.
- Valtiopäivät 1921. Asiakirjat. Ensimmäinen osa. Helsinki 1922.
- Valtiopäivät 1921. Pöytäkirjat III. Istunnot 88-127 maaliskuun 3 päivästä 1922 valtiopäivien loppuun. Helsinki 1922.
- Valtiopäivät 1933. Liitteet I-XIV. Helsinki 1933.
- Valtiopäivät 1938. Pöytäkirjat II. Istunnot 48-92 lokakuun 12 päivästä 1938 maaliskuun 21 päivään 1939. Helsinki 1939.
- Valtiopäivät 1941. Asiakirjat. Ensimmäinen ja toinen osa. Helsinki 1941.
- Venäläinen Hyväntekeväisyysyhdistys Suomessa 100 vuotta. Helsinki 1972.
- «Våra landsmän». Finnish officers in Russian service, 1809-1917. A selection of documents compiled by J. E. O. Screen. Meddelanden från Stiftelsens för Åbo Akademi Forskningsinstitut. Åbo 1983.
- Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики 1921-1940 гг. Ред. В. Г. Макуров. Петрозаводск, 1997.
- Советы Карелии 1917-1992. Документы и материалы. Ред. Л. И. Вавулинская. Петрозаводск, 1993.
- Литература и публицистика исследуемого периода*
- Fiilin, M., Karjalan pakolaiset ja heidän sielunhoitonsa Suomessa. Aamun Koitto nro 21-22/1928.
- Härkönen, Iivo, Rajantakaisen Karjalan valistustyön vaiheita. Suomalainen Suomi 6. Porvoo 1923.
- Inkerin vapaustaistelujen 20 vuotismuistojuhlat Valkjärvellä heinäkuun 29-30 p. 1939. Helsinki 1939.
- Kaukoranta, Toivo, Itä-Karjalan vapaudentie. Poliittis-kronologinen yleiskatsaus. Helsinki 1944.
- Pakolaiskysymys. Yleinen heimokokous Helsingissä tammikuun 5 p:nä 1936. Ylipainos «Vapaa Karjala ja Inkeri» lehdestä 10.1.1936. Julkaisut Heimojärjestöjen Keskusvaliokunta. Viipuri 1936.
- Pusa, J., Pohjois-Inkerin Hoitokunta. Teoksessa Kymmenen kohtalokasta vuotta Inkerin kansallisten taistelujen varrelta. Toim. Kaapre Tynni. Helsinki 1929.
- Pälsi, Sakari, Karjalan talviteillä. Helsinki 1922.
- Saukkonen, Jussi, Akateemisen Karjala-Seuran vaiheet 10-vuotiskautena 1922-1932. Suomen Heimot nrot 1-3/1932.
- Sortavalan seminaari 1880-1930. Helsinki 1930.

- Varjoavaara, J., Kirkollinen toiminta Inkerin pakolaisten keskuudessa Suomessa v. v. 1919–1929. Teoksessa Kymmenen kohtalokasta... Helsinki 1929.
- Периодика*
- Aamun Koitto, 1923, 1927–1928, 1936, 1938–1939, 1996–1997.
- Ajan Sana, 1931–1932.
- Ajan Suunta, 1933–1936.
- Helsingin Sanomat, 1921, 1924–1925, 1927, 1931.
- Hufvudstadsbladet, 1922.
- Ilkka, 1924.
- Iltalehti, 1920, 1928.
- Inkeri, 1922–1927.
- Inkerin Sanomat, 1921–1923.
- Itä-Karjala, 1935–1936.
- Kansan Työ, 1921–1924, 1928, 1933.
- Kansan Voima, 1922–1924.
- Karjala, 1918, 1920–1922, 1925.
- Karjalan Aamulehti, 1921–1922.
- Karjalan Heimo, 1973, 1979, 1981, 1984, 1988–1989, 1991–1992, 1994–1997.
- Karjalan Kansan Työ, 1921.
- Karjalan Sanomat, 1994.
- Karjalan Vapaus, 1936.
- Karjala-Inkeri, 1938.
- Kotimaa, 1934–1935.
- Laatokka, 1929.
- Lakeuden Suunta, 1934.
- Maakansa, 1923.
- MoniTorii, 1994–1997.
- Neuvosto-Karjala, 1991.
- Pohjan Voima, 1925–1928.
- Prometheus, 1933–1934.
- Savon Työ, 1925–1926, 1928.
- Socius, 1995, 1997.
- Suomalainen Inkeri, 1939.
- Suomen Kuvalehti, 1922.
- Suomen Heimo, 1922–1930, 1934, 1936–1938.
- Suomen Sosialidemokraatti, 1921–1922, 1925, 1927–1928, 1931, 1934–1935.
- Suunta, 1922–1925.
- Toukomies, 1925–1927, 1929–1934.
- Työväenjärjestöjen Tiedonantaja, 1925–1929.
- Uskon Viesti, 1973, 1975–1976, 1978.
- Uusi Suometar, 1917–1918.
- Uusi Suomi, 1920–1923, 1925, 1927–1928.
- Vapaa Karjala, 1920–1931.
- Vapaa Karjala ja Inkeri, 1931–1937.
- Viena-Aunus, 1935–1939, 1943.
- Вопросы истории, 1994.
- Новые Русские Вести, 1923–1926.
- Русский Листок в Финляндии, 1976, 1979–1982, 1987–1988.

ОСНОВНАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Наталия Башмакофф и Марья Лейнонен. Из истории и быта русских в Финляндии 1917–1939. *Studia Slavia Finlandesia*. Tomus VII. Helsinki 1990.
- Natalia Baschmakoff and Marja Leinonen. *Russian Life in Finland 1917–1939. A Local and Oral History*. *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XVIII. Helsinki 2001.
- Der Grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. Toim. Karl Schlögel. München 1994.
- Kristiina Erhola. Suomen pakolaispolitiikka 1917–1922. Poliittisen historian lisensiaattityö. Helsingin yliopisto 1994. (He опубликовано).
- Katri Forsman. Itä-Karjalan pakolaisten avustustoiminta Pohjois-Suomessa 1922–1930. Suomen ja Skandinavian historian pro gradu-tutkielma. Oulun yliopisto 1995. (He опубликовано).
- Marjo Haimila. «Kiittämättömät vieraat». Venäläiset pakolaiset Suomessa 1918–1921. Teoksessa Kuokkavieraiden pidot. Historian marginaalista marginaalihistoriaan. Toim. Jarmo Peltola ja Pirjo Markkola. Tampere 1996.
- Marjo Haimila. Kun kumous vie kodin. Suomeen paenneet venäläiset 1917–1927. Teoksessa Kansa ja kumous. Modernin Euroopan murroksia 1880–1930. Toim. Kirsi-Marja Tuominen et al. Historiallinen Arkisto 111. Vammala 1998.
- Mervi Haverinen. Itä-Karjalasta Venäjän vallankumousten myllerryksissä saapuneet pakolaiset Kuhmossa maailmansotien välisenä aikana. Suomen historian pro gradu-tutkielma. Joensuun yliopisto 1995. (He опубликовано).
- Robert H. Johnston. «New Mecca, New Babylon». Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston and Montreal 1988.
- Outi Karemaa. Vihollisia, vainoojia, syöpäläisiä. Venäläisviha Suomessa 1917–1923. *Bibliotheca Historica* 30. Helsinki 1998.
- В. В. Костиков. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. Москва. 1994.
- Eugene M. Kulischer. Europe on the Move. War and Population Changes, 1917–1947. New York 1948.
- Jussi Lahti. Inkerin pakolaisten sielunhoito Suomessa vuosina 1919–

1929. Yleisen kirkkohistorian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopisto 1991. (Painamaton).
- Marja Leinonen. Helsingin Venäläinen Kauppiasyhdistys r.y. 1918–1988. Historiikki. Helsinki 1991.
- Marja Leinonen. Suomen venäläisten historiaa. Issledovanija po russkomu jazyku i literature V. Skrifter utgivna av Institutionen för Filologi II vid Tammerfors universitet. Toim. Marja Leinonen. Tampere 1987.
- Michael R. Marrus. The Unwanted. European Refugees in the Twentieth Century. New York 1985.
- Toivo Nygård. Itä-Karjalan pakolaiset 1917–1922. Studia Historica Jyväskylän 19. Tampere 1980.
- Temira Pachmuss. A Moving River of Tears. Russia's Experience in Finland. American University Studies. Series XII. Slavic Languages and Literature. New York 1991.
- Johanna Pankakoski. Venäläisten emigranttien poliittinen liikehdintä Suomessa vuosina 1918–1927. Suomen historian pro gradu-tutkielma. Jyväskylän yliopisto 1991. (He опубликовано).
- Katja Pentikäinen. Pakolaisten uskonto. Ortodoksia 41. Pieksämäki 1992.
- Политическая история русской эмиграции 1920–1940. Документы и материалы. Под. Ред. А. Ф. Киселева. Москва. 1999.
- Malcom J. Proudfoot. European Refugees: 1939–1952. A Study in Forced Population Movement. Evanston 1956.
- Н. А. Пушкарева. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история, № 1, 1996.
- Marc Raeff. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York 1990.
- Sir John Hope Simpson. The Refugee Problem. Report of a Survey under the Auspices of the Royal Institute of International Affairs. London 1939.
- Jukka Sola. Kymminlinnan pakolaisleiri 1922–1939. Suomen historian pro gradu-tutkielma. Jyväskylän yliopisto 1979. (He опубликовано).
- Julitta Suomela. Rajantakainen Venäjä. Venäläisten emigranttien aatteelliset ja poliittiset mielipiteet Euroopan venäläisissä sanomalehdissä 1918–1940. Bibliotheca Historica 67. Pieksämäki 2001.
- Jorma Suonio. Pakolaiskansakoulut 1919–1940. Suomalaisuutta ja heimoheikettä Inkerin ja Itä-Karjalan lapsille. Suomen historian pro gradu-tutkielma. Helsingin yliopisto 1988. (He опубликовано).
- Taimi Torvinen. Pakolaiset Suomessa Hitlerin valtakaudella. Keuruu 1984.
- Hans-Erich Volkmann. Die Russische Emigration in Deutschland 1919–1929. Würzburg 1966.
- Robert C. Williams: Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. Ithaca 1972.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Национальный архив Финляндии

Архив Сыскной полиции Валпо: 14, 38, 39, 41, 45, 62.

Ингерманландский архив: 4, 17, 20, 30, 36, 37, 49, 55, 59.

Собрание Евы Ляря: 11, 15, 22, 26, 34, 43, 44, 46, 50, 58.

Собрание Бруно Яландера: 42.

Собрание Германа Гуммеруса: 40.

Собрание «Карельского общества студенток»: 48.

Музейное ведомство: 1, 5, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 19, 28, 29, 32, 33, 47, 51, 52, 54,
56, 57, 60, 64.

Общество финской литературы: 23, 25, 27, 31, 63, 65.

Музей провинции Северной Карелии: 3, 6, 16, 35, 61.

Фотоархив издательства «Отава»: 2.

Военный архив: 18.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аалтонен Бруно 109
Акимов Петр 283, 285
Аланко Анни 299
Алданов М. 291
Александр, епископ 212
Александр Михайлович 37, 45, 220, 324
Алкио Сантери 65, 68, 70
Амфитеатров Александр 292
Андреев Леонид 292
Антони Арно 95
Антоний, митрополит 198
Апостоли Элизабет 283
- Баланчин Жорж (Георгий Баланчивадзе) 281
Бальмонт К. Д. 291
Бегичев Никита 283
Бекман Владимир 39
Белый Андрей 281
Беляев (Беляефф) 227
Бем Эйно 244
Берберова Нина 253, 332
Бобриков Николай 288
Бойсман Владимир 232
Боман-Коломийзова Екатерина 286
Брандер Ууно 172
Бреннер Александр 284
Бромс Харри 89
Булгаков М. А. 285
Булич Вера 292, 294, 296
- Бунаков Николай 30
Бунин И. А. 291
- Ваала (ур. Иванов) Владимир 285
Вавулин 15
Валлениус К. М. 237
Варьоваара Юхана 206, 208, 217, 279
Ватьялайнен Лииса 293
Веннола Ю. Х. 52, 68
Вертинский Александр 330
Витте Маргарет 283
Волков (Волкофф) 15, 84
Воутилайнен В. И. 288
Врангель Н. Е. 19
Врангель П. Н. 14, 219, 230
Вреде Матильда 202
Вырубова Анна 292
- Гарднер Вадим 292
Ге (ур. Грэнфельдт) Георг 283
Герард Николай 39
Герман, архиепископ 212
Гиппиус З. Н. 291
Гитлер Адольф 91
Гинкен-Богаетски Сергей 243
Годзински Фрэнсис, де 284
Годзински Г. Ф. (Жорж, де) 284
Гоголь Н. В. 285, 303
Гопкинс Ф. Д. 120
Гранберг Владимир 232
Гревениц Борис фон 247, 248

- Григорьев Артемий 223, 232
 Грипенберг Микаэль 80
 Гвер Герберт 118, 119, 121
 Гуммерус Герман 227, 228
 Гунаропулос Анатолий и Георг 284
 Гюллинг Эдвард 27
- Данте Алигьери 334
 Демидов Николай 325
 Джонс Сидни 285
 Добровольский Северин 223, 234, 241
 Доннер Кай 67
 Думер Поль 318
 Дюк Пауль 231
 Дягилев Сергей 281
- Евлогий, митрополит 198, 199, 203
 Евреинов Андрей 223
- Иеванен Микаэль (ур. Исаефф Михаил) 209, 211, 213–214,
 Ингман Лаури 66
 Иоселиани Шалва 241, 242
 Ихо Аапо 289, 293
- Кайла Элмо 236, 267
 Калста Арви 229
 Карес Юрьё 89
 Карсавина Тамара 295
 Карпентир Теодор 232
 Карташев А. В. 246
 Карвонен Микко *см.* Онттони Микхали
 Карвонен Анни и Клаара 299
 Кастрен Каарло 67, 228
 Кастрен Рейно 252
 Кейнас Васили 293
 Кивимяки Т. М. 127
- Кирилл Владимирович 38, 39, 219, 220, 222, 223, 232
 Киселефф 15
 Кокко И. П. 121
 Комаров Константин 283
 Комарова Антонина 283
 Конкка Юхани 293, 294
 Коновалец Евгений 241
 Коскелайнен Юрьё 268
 Костиайнен Ауво 34
 Котонен Отто 251, 252, 263, 290
 Кусевицкий Сергей 282
 Краснотовский Алексей 283
 Крестьянофф Владимир 286
 Куликов Сергей 283
 Кунтиярви Лаури (Лассе) 258, 300
 Куортти Аатами 293
 Куприн А. И. 291, 292, 295
 Кусакофф Юхо 299
 Кутепов Александр 232, 233, 241
 Кууссаари Эро 238
- Латту Иисакки 285
 Лейно Юрьё 329
 Ленин В. И. 16, 45, 46
 Лермонтов М. Ю. 304
 Левицкий Борис 283
 Лиетти Митро 294
 Лифарь Сергей 282
 Лоймо (Логиневский) Ниило 211
 Лоренц Иван 56
 Луопаярви Микко 65
- Маннер Арво 83, 125
 Маннергейм К. Г. Э. 22, 61, 304
 Мантере Оскари 172
 Марттина Пауль 238
 Менотти Татьяна 295
 Мережковский Д. С. 291

- Метияйнен Ааппо 260
 Миллер Е. К. 241
 Митро Алексей 262
 Мошег Игнатий 292
 Мусовский Симеон 210, 211, 214
 Мустонен Ююсо 268, 280, 293

 Набоков В. Д. 291
 Нансен Фритъоф 51, 79, 80
 Ниemi А. Р. 257
 Нифонтова Л. 283
 Николай Николаевич 219, 220, 222, 223, 226, 232, 233
 Николай II 39, 219
 Нурдстрём Рагнар 227, 237
 Ньюгорта Тойво 261

 Окулов Сергей 209
 Онттони Миихкали 293, 294

 Павлова Анна 281
 Пайшефф Мэри 283
 Парикка Эйно 290
 Парланд Оскар 335
 Пеллинен Х. 243
 Пённиё Матти 237
 Петухофф Алексей 210
 Пимия Илмари 325
 Пихкала Мартти 151, 152, 153, 155
 Полуветко Кондрат 224
 Прокопе Ялмар 227, 238
 Прокофьев С. С. 281
 Пугина Анна 202
 Пухакка Ю. В. 90
 Пушкарев, капитан 107
 Пушкин А. С. 303
 Путилыны Иван и Микаэль 284
 Пялси Сакари 46, 47,
 Рахманинов С. В. 282

 Рантакари К. Н. 63, 64, 67
 Раутсуо Кустаа (нач. Розенстрём Густав) 231
 Раямаа Янне 258
 Рейли Сидни 241
 Реландер Лаури 72, 76, 78, 146, 248
 Репина Вера 285
 Репин И. Е. 285
 Репин Юрий 285
 Риекки Эско 88, 90, 106, 108, 110
 Римский-Корсаков Н. А. 303
 Ринне Теппо 299
 Риппас Татьяна, фон 283
 Ритавуори Хейкки 50, 75
 Родзянко П. В. 24

 Сарин Лаури 67, 69, 70, 71
 Сарио Валде 125, 263
 Савин Иван (нач. Саволайнен Юхани) 292
 Савинков Борис 230, 231, 240, 241
 Саволайнен И. А. 260
 Светловский Григорий 202
 Свинхувуд П. Э. 238
 Серафим, архиепископ 200, 201, 210
 Сергеефф 15, 163
 Сергеефф Фрида 283
 Сетяля Э. Н. 56
 Симелиус (позднее Симоёки) Элиас 236
 Синебрюхофф 15
 Синиваара Ялмари (ур. Сикорский Юрий) 106, 108
 Сирпо (ур. Вульфсон) Борис 283
 Скобельцын, генерал 19, 20
 Смал-Стокки Роман 227, 228
 Смирнов Дмитрий 286
 Снельман Валтер 123
 Сонни Пауль 204, 205

- Сталин И. В. 324
 Стендаль Каарло 108
 Стенруут Отто 64
 Стравинский Игорь 282
 Столберг К. И. 68
 Сухомлинов В. А. 39

 Табунов 193
 Таккинен Ялмари 236
 Талвела Пааво 228, 252
 Тиан Валерий 286
 Тиитанен Антти 268, 289, 292
 Тирранен Юкка (Юхо) 107, 125, 249
 Толь Анатолий 233
 Толстохнов Владимир 211
 Толстой А. Н. 281
 Торикка Урхо *см.* Конкка Юхани
 Трепов Александр 39, 246
 Троцкий Лев 224
 Тулио Теуво (ур. Тугай Теодор) 285
 Турунен Хелена 299
 Тюнни Аале 293
 Тюнни Каапре 189, 226, 227, 235, 259, 277, 278, 279, 293

 Фазер Карл 15, 164, 286
 Фенкульт Александр 247
 Филин Микаэл (Михаил) 209, 210, 215
 Форстадиус Альфред 205
 Фролофф Вера 283

 Хаанпяя Пентти 129
 Хагельберг Иоханнес 121
 Хакцель Антти 56, 57, 62, 70, 90
 Хёгстрём, генерал 232
 Хейнрикс Эрик 71, 72, 74, 75

 Хеланен Вилхо 267
 Хелениус Илмари 77
 Хелминен Хеймо 124, 125
 Ходью Ниило 211
 Холмстрём Осси 106
 Холсти Рудольф 74
 Хоманен Леонидас 210, 211, 213
 Хяркёнен Ииво 172, 173, 174, 183, 262, 276, 290

 Цейдлер Герман 248
 Цветаева М. И. 281

 Чехов А. П. 293

 Шаляпин Федор 241, 282, 284, 295
 Шилкин Микаэль 286
 Шолохов Михаил 293
 Шрёдер Ило 76
 Шугин Николай 202
 Шульц А. Ф. 286
 Швиндт Виктор 80

 Эренбург Илья 13, 330, 331
 Элфенгрен Юрьё (Георг) 231, 240, 241
 Энкель Карл 63, 64
 Энгельберг Рафаэль 172, 173, 187
 Эрямаа Алекси 299

 Юденич Н. Н. 25, 119, 233, 247
 Юриноя Вилхо 293

 Яландер Бруно 62, 65, 70, 77
 Янссон Аксель 232
 Яров Сергей 282
 Ярнстрём Фредрик 90

Пекка Невалайнен

ИЗГОИ

Российские беженцы
в Финляндии (1917–1939)

*Корректор Р. Н. Ишбулатова · Цифровая фоторетушь И. Г. Карпеевой ·
Художественное оформление С. А. Булачевой · Верстка Е. П. Диатур*

Журнал «Нева». 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 3.
<http://www.nevajournal.spb.ru>

Подписано в печать 01.03.2003. Формат бумаги 60x90 в 16°. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Уорнок». Печ. л. 23. Тираж 1000 экз.
Зак. № 4065.